

ВАМ МЕНЯ НЕ ИСПУГАТЬ

*Мы с друзьями
совершили нечто ужасное*

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Annotation

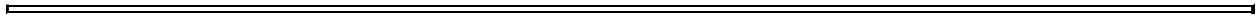
В сонном городке Брайтон-Фоллс появляется серийный убийца по прозвищу Нептун. Прежде чем расправиться с жертвой, он держит ее взаперти пять дней, а затем выставляет тело на всеобщее обозрение у полицейского участка. Очередная похищенная – бывшая фотомодель Вера Дюфрен. У Реджины, дочери Веры, и ее друзей Тары и Чарли – пять дней, чтобы не допустить трагедии. Проходит более двадцати лет. Реджина получает известие, что ее мать обнаружена живой в приюте для бездомных. Но как только Реджина возвращается за ней в Брайтон-Фоллс, Нептун вновь дает о себе знать. Он похищает Тару. Реджина бросается на поиски подруги и вскоре получает недвусмысленное предупреждение – она будет следующей.

- [Дженнифер Макмахон](#)
 -
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэкэтт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
 - [Последняя жертва Нептуна](#)
 - [Часть I](#)
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэкэтт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
 - [16 октября 2010 года. Рокленд, штат Вермонт](#)
 - [1976 год. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [16 октября 2010 года. Рокленд, штат Вермонт](#)
 - [26 мая 1985 года. Брайтон-Фоллс, Коннектикут](#)
 - [16 октября 2010 года. Уорчестер, штат Массачусетс](#)
 - [27 мая 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэкэтт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
 - [16 ноября 2010 года. Уорчестер, штат Коннектикут](#)
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэкэтт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
 - [1 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, Коннектикут](#)
 - [16 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэкэтт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)

- [7 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [6 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [8 и 12 июня. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [16 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [15 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [17 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [18 и 19 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [17 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [Отрывок из книги Марты С. Пэккетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
- [19 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [17 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [20 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [Часть II](#)
 - [День первый](#)
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэккетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
 - [Среда, 20 октября 2010 года. Рокленд, штат Вермонт](#)
 - [20 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [20 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [20 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [День второй](#)
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэккетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
 - [21 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [21 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [21 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [21 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [21 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [21 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [21 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [День третий](#)
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэккетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
 - [22 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [22 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)

- [22 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [22 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [День четвертый](#)
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
 - [23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [23 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [23 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [Часть III](#)
 - [Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»](#)
 - [23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [24 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [24 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [24 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
 - [Потом](#)
 - [1 ноября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

Дженнифер Макмахон

Вам меня не испугать

Jennifer McMahon

The One I Left Behind

Copyright © Jennifer McMahon, 2012

This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

© Савельев К., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Сначала появились руки – правые кисти, ровно отрезанные у запястья. Они появились на гранитном крыльце полицейского участка в пустых красно-белых пакетах из-под молока с фотографиями пропавших детей на обратной стороне. Пакеты были закрыты сверху, завернуты в толстый воощеный пергамент и аккуратно перевязаны тонкой бечевкой, словно коробка пирожных.

Судмедэксперт посоветовал полицейским обратиться к хирургу или к мяснику, знакомому с устройством костей и сухожилий. Казалось, он восхищался мастерством убийцы, как будто видел нечто прекрасное в четких обрубках, настолько совершенных, что было трудно представить их прикрепленными к чему-либо еще, наделенных собственным бытием.

После удаления рук убийца держал женщин живыми ровно пять дней. Он относился к ним бережно, прижигал и бинтовал обрубки, делал инъекции морфина от боли и ухаживал за ними, как за редкими орхидеями.

Наутро через пять суток он душил их, а потом выставял их тела напоказ в общественных местах: на лужайках, в городском парке, на газоне перед библиотекой. Все женщины были обнаженными, если не считать повязок – ослепительно-белых, любовно завернутых, словно маленькие коконы, – на местах отрезанных кистей.

Последняя жертва Нептуна

Когда она приходит в себя, первым делом проверяет свои руки. Она не знает, как долго пробыла без сознания. Несколько часов? Несколько дней? Она лежит на спине с завязанными глазами; вытянутые над головой руки прикреплены к металлической трубе. Кисти у запястий обмотаны клейкой лентой, но обе руки по-прежнему на месте.

Спасибо тебе, спасибо, дорогой Иисус и сладчайшая Дева Мария, ее руки все еще целы. Она шевелит пальцами и вспоминает песенку, которую напевала мать:

Где ты, где ты, Большой Пальчик?

Вот он я, вот он я.

Как ты поживаешь, мальчик?

Все чудесно у меня.

Убегай, убегай...

Ее лодыжки тоже плотно обмотаны клейкой лентой, и в ступни впиваются сотни иголок и булавок.

Она слышит дыхание Нептуна, которое звучит в хриловатом ритме почти механически: вдох, выдох. Чук-чук, пуфф-пуфф. *Думаю, я смогу, думаю, что смогу.*

Нептун снимает повязку, и свет режет глаза. Она видит лишь темный силуэт, склонившийся над ней, но не лицо Нептуна, а все лица: матери, отца, Люка из булочной, где продавали горячие пончики, своего приятеля из средней школы, который никогда не трогал ее, но любил мастурбировать, пока она смотрела. Она видит потемневшее стеклянное лицо Иисуса, видит глаза безногой женщины, которая просила милостыню перед заведением Денни во время утренней толкотни за завтраком. Все эти лица вращаются как хоровод масок на лице Нептуна, и ей приходится закрыть глаза, потому что если она будет смотреть слишком долго, то закружится голова и ее стошнит.

Нептун улыбается, глядя на нее сверху вниз; его зубы блестят, как полумесяц в ясную ночь.

Она пытается отвернуться, но после недавней схватки у нее ноет шея, и она может повернуть голову лишь на долю дюйма, прежде чем режущая боль заставляет ее остановиться. Судя по всему, они находятся на каком-то

складе. Холодный бетонный пол. Изогнутые металлические стены, увешанные электропроводкой. Повсюду валяются коробки. Какие-то старые механизмы. Пахнет как на сельской ярмарке: гнилыми фруктами, жиром, сеном и жженым сахаром.

– Так не должно было случиться, – говорит Нептун. Он цокает языком и неодобрительно качает головой.

Нептун начинает насвистывать и расхаживает вокруг нее, словно в танце, приподнимаясь на носках, с легкими поворотами влево и вправо. Его туфли из дешевой искусственной кожи совсем исцарапаны, стертые гладкие подошвы едва ли не скользят по полу. Внезапно Нептун застывает на месте и еще раз внимательно смотрит на нее, потом перестает свистеть, отворачивается и уходит. Его шаги эхом отдаются от бетонного пола. Тяжело хлопает деревянная дверь. Засов встает на место, щелкает замок.

Ушел. На какое-то время.

* * *

Инструменты разложены на подносе неподалеку: зажимы, резиновый жгут, скальпель, маленькая пила, пропановая горелка, рулоны бинтов и марли, толстые хирургические тампоны, металлический совок, плотная белая ткань. Нептун оставил эти вещи там, где она могла видеть их. Это часть игры.

Сукин сын. Сукин сын, сукин сын...

«Прекрати, – говорит она себе. – Думай, а не паникуй».

Завтра утром на крыльце полицейского участка появится еще одна рука в картонке из-под молока. Только теперь это будет *ее* рука. Она смотрит на пилу, сглатывает комок в горле и закрывает глаза.

«Думай, черт побери».

Она крутит запястьями, пытаясь избавиться от клейкой ленты, но это ничего не дает.

Она открывает глаза и снова видит инструменты, перевязочный материал и пилу с маленькими серебристыми зубьями.

Кто-то стонет слева от нее. Медленно, словно артритная старуха, она поворачивает голову налево и прикасается щекой к холодному сырому полу.

– Ты! – удивленно, но с облегчением произносит она.

Женщина прикручена изолентой к литой железной трубе на противоположном конце склада.

– Я могу вытащить нас отсюда, – обещает она.

Женщина поднимает голову и открывает заплывшие глаза. Она начинает смеяться; разбитая губа трескается и заливает кровью ее подбородок.

– Мы обе мертвы, Дюфрен, – говорит она. Ее голос слабый и надтреснутый – огонь, который она так и не смогла разжечь.

Часть I

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Шел 1985 год, и звуки песни Мадонны «Like a Virgin» лились из каждого кассетного магнитофона. Дети выстраивались в очередь, чтобы посмотреть на Майкла Дж. Фокса в фильме «Назад в будущее». А в сонном маленьком пригороде Брайтон-Фоллс, в штате Коннектикут, Нептун убивал женщин.

Брайтон-Фоллс, расположенный к северо-западу от Хартфорда и немного южнее аэропорта, первоначально был фермерской общиной, которая быстро превратилась в пригород. Люди, работавшие в Хартфорде, где страхование недвижимости стоило дорого, перевозили свои семьи в такие места, как Брайтон-Фоллс – в уютные спальные районы с хорошими школами, свежим воздухом и без преступности.

Самые главные магазины находились на Мэйн-стрит: булочная Люка, аптека Райта, семейный рынок Ферраро, хозяйственный магазин Парсона и «Бар и гриль» Дюшесса. За этими заведениями, на узких поперечных улицах, можно было найти полицейский участок (совмещенный с пожарной станцией) из серого гранита, кукольный магазин, «Дом орехов» Джоанны, две книжные лавки (одна специализировалась на подержанных любовных романах), три церкви, ателье Тэлбота, магазин автозапчастей и принадлежностей, кафе-мороженое Карвела, химчистку Бэрстона и магазин для домашних питомцев «На конце поводка».

Большая часть Брайтон-Фоллс имела идиллический вид, но когда вы пересекали реку и оставляли позади водопад и старые мельницы, переделанные в жилые дома, по мере движения на север к аэропорту, мимо накрытых от солнца табачных полей и покосившихся амбаров, дорога расширялась с двух полос до четырех. Здесь были торговые центры, огороженные заводы, пустые участки, рестораны фастфуда, мотели, где вы могли заплатить за час или за неделю, кинотеатры с порнофильмами, бары и салоны, где торговали подержанными автомобилями. Это были места, которые работники страховых компаний считали ничьей землей, районы, куда они избегали заглядывать во время еженедельных разъездов на служебных автомобилях. Здесь шум и хаос большого аэропорта были особенно явственными и угрожающе распространялись в сторону

пригородов.

Помимо редких арестов за пьяное буйство в одном из баров по дороге в аэропорт самым крупным преступлением, с которым полиции приходилось сталкиваться за последние годы, был случай, когда сын мэра перебрал спиртного после выпускного вечера, проехал на красный свет и устроил городскую гонку с полицейскими, закончившуюся после того как он утопил свой «Мерседес» в плавательном бассейне загородного клуба. Последнее убийство произошло в 1946 году, и оно было совершенно очевидным: мужчина застрелил брата, застав его в постели со своей женой.

В убийствах Нептуна не было никакой ясности.

Его жертвы, на первый взгляд, не имели между собой ничего общего: бухгалтерша с двумя детьми; официантка, работавшая по скользящему графику в кафе-закусочной «Серебряная ложка»; студентка факультета режиссуры из Уэслианского университета в Огайо; бывшая модель, превратившаяся в пьянчужку. Полиция пребывала в замешательстве.

В конце концов, у всех – у полиции, родных жертв и жителей Брайтон-Фоллс – осталось больше вопросов, чем ответов. Почему Нептун отрезал правые руки у своих жертв? Почему он держал их живыми еще пять дней после того, как оставлял их руки в картонках из-под молока на крыльце полицейского участка? И чем отличалась от остальных его последняя жертва, бывшая гламурная дама Вера Дюфрен? Почему ее тело так и не нашли?

И, возможно, главный вопрос: был ли он перекаати-полем, сделавшим недолгую остановку на своем кровавом пути, или остался в городе и жил среди них? Что заставило его остановиться? И каждый вечер, когда жители Брайтон-Фоллс запирали двери на ночь, они задавали себе один и тот же вопрос: будет ли он убивать снова?

16 октября 2010 года. Рокленд, штат Вермонт

Представь, что твой дом горит. У тебя есть ровно минута, чтобы забрать с собой все, что можно спасти. Что ты выберешь?

Тара перевернула маленькие пластиковые часы, заполненные розовым песком. Ее ногти были выкрашены темно-синим, местами облупившимся лаком. Ее лицо было бледным, а губы неестественно красными, когда она улыбнулась и выдохнула одно слово: «Давай».

Реджи промчалась по передней, притормозив у края узкой дубовой лестницы, и прыжками понеслась вверх, держа одну руку на изогнутых змеевидных перилах, а другую – на прохладной стене из серого камня.

– У тебя в легких полно дыма! – крикнула снизу Тара. – И глаза слезятся!

Реджи набрала в грудь воздух, рывком распахнула дверь в свою комнату и обвела взглядом забитые книжные полки, стол с разбросанными эскизами и аккуратную кровать, накрытую стеганым лоскутным одеялом, которое сшила бабушка. Реджи сразу же направилась к стенному шкафу, двигаясь словно в замедленной съемке, пробираясь через невидимый дым и закрыв глаза от едкой копоти. Она нащупала раздвижную дверь и открыла ее: металлические колесики загремели в пазах. Реджи подалась вперед и нащупала одежду, висевшую на плечиках. Она потянулась к верхней полке.

– Поспеши, – прошептала Тара, которая теперь стояла прямо за ней и обдавала ее шее теплым, влажным дыханием. – Времени почти не осталось.

* * *

Реджи открыла глаза и глотнула свежего, холодного октябрьского воздуха. Она была дома, в Вермонте, а не в особняке «Желание Моники». И ей было тридцать девять лет, а не тринадцать.

– Проклятье, – сказала она, и слово вырвалось изо рта облачком белого пара. Она снова оставила окна открытыми.

Завернувшись в стеганое одеяло, как в пелерину, она встала с постели, подошла к окнам и закрыла их. Деревья, еще на прошлой неделе окрашенные в яркие оранжевые, желтые и красные цвета, начали терять

свою красоту. За последние три дня холодный ветер унес много листьев. Далеко над озером клин канадских гусей направлялся на юг.

– Вы не знаете, чего лишаетесь, – сказала им Реджи и со вздохом добавила: – Трусихи несчастные.

Она прищурилась и посмотрела на озеро, представляя, каким оно будет через три месяца – замерзшим и заснеженным, превратившимся в плоскую белую пустыню. Оно мало отличалось от пруда Рикера, где мать учила ее кататься на коньках. Реджи ясно помнила это: ее мать в зеленом бархатном пальто с шарфом из золотистого шифона описывала изящные круги, а Реджи виляла и падала на потрескивающий лед. «Ты уверена, что он надежный?» – спрашивала она каждый раз, когда слышала этот звук. Мать смеялась в ответ. «Трусиха, – поддразнивала она, выкатываясь прямо на середину, где лед был тоньше всего, и протягивая руки Реджи. – Давай сюда и покажи, из какого теста ты сделана».

Реджи тряхнула головой и отделалась от воспоминания, как и от тяжелого стеганого одеяла. Она быстро натянула джинсы, надела свитер и отправилась вниз на кухню, шлепая босиком по прохладным доскам.

Она расположила свой дом таким образом, чтобы видеть озеро практически с любого наблюдательного пункта. Когда она спустилась по лестнице, оказалась перед большими окнами на южной стороне, выходившими на двор, окрестный луг и край озера Эрроу. От ее дома до берега было немногим больше полумили, но, когда она спускалась вниз, ей казалось, что она может шагнуть в воздух и проплыть через гостиную, через окна, двор и поле до самого озера. Иногда она ловила себя на том, что пытается сделать это: слишком наклоняется вперед и слишком далеко выставляет ногу, так, что едва не пропускает следующую ступеньку. Это были моменты, отмечавшие ее архитектурные успехи, – не призы, хвалебные речи и высокая оценка коллег, а путь вниз по собственной лестнице, который хотя бы на секунду заставлял ее поверить, что она может превратиться в пух одуванчика и проплыть по воздуху до самого озера.

Хорошее архитектурное сооружение должно четко вписываться в ландшафт. Оно не должно выглядеть так, словно возникло из ниоткуда по случайной прихоти; оно должно вырастать органично, формируемое ветром и дождем, словно высеченное из скалы. Комнаты перетекают не только из одной в другую, но и в окружающий мир.

Журнал «Четыре стены» совсем недавно назвал Реджи одним из лучших экологических архитекторов на северо-востоке США и называл дом в стиле Снайдера/Валленштейна, построенный по ее проекту в Стоу,

«головокружительным соединением архитектуры с природой, где ручей протекает через гостиную, а 120-летний дуб прорастает через все три этажа. Дюфрен создала экологическое жилье, где линии интерьера органично сливаются с очертаниями внешнего мира».

Слияние и объединение – в этом была сила Реджи. Внешнее и внутреннее, старое и новое, прикладное и декоративное... Ее дар заключался в сочетании непохожих идей и объектов и в создании того, что было ни тем, ни другим, но в чем-то большем суммы его частей.

Все еще сонная и испытывающая сильную потребность в кофеине, Реджи сполоснула маленькую кофеварку-эспрессо из нержавеющей стали, наполнила ее водой и кофе, поставила на газовую плиту и зажгла огонь. Ее кухня была мечтой повара (хотя, честно говоря, Реджи мало готовила и обходилась, главным образом, сырыми овощами, сыром, крекерами и эспрессо), вплоть до огромной итальянской кофемашины, которой Реджи пользовалась, только когда приглашала гостей. Она предпочитала маленькую кофеварку, которая была у нее еще в колледже. Она была простой в использовании и неприхотливо-изящной: воплощение хорошего дизайна.

Вода закипела. Кофе пошел пузырьками, наполнив комнату сочным, земным ароматом.

Реджи посмотрела на часы: 7.15. Она отправится в офис и устроит мозговой штурм для нового проекта, потом сделает пробежку вокруг озера, примет душ и еще немного поработает над эскизами. Подняв взгляд, она увидела, как цифра на часах изменилась на 7.16.

«Представь, что твой дом горит. У тебя есть ровно минута, чтобы забрать с собой все, что можно спасти. Что ты выберешь?»

Реджи обвела взглядом свой дом и почувствовала, как всколыхнулась старая паника. Потом Реджи сделала глубокий вдох и вслух ответила своей старинной подруге:

– Ничего, Тара. Я не выберу ничего.

Ее дыхание успокоилось, мышцы расслабились. Тара больше не имела над ней такой власти.

Реджи было уже не тринадцать лет. Она понимала, что одни предметы можно заменить другими. Потеря дома будет тяжким ударом, но дом можно отстроить заново. У нее было очень мало мебели. Ее стенной шкаф был полон лишь наполовину. Лен, с которым они уже некоторое время были близки, иногда поддразнивал ее:

– Для успешного взрослого человека ненормально, когда он может уместить все свои пожитки в пикапе.

Он говорил это, глубоко засунув руки в карманы поношенных кархартовских^[1] брюк, с мальчишеской ухмылкой на лице, выявлявшей ямочку на правой щеке. Лен жил один в старом и обветшавшем сельском доме, комнаты которого были заполнены книгами, мебелью и всевозможными украшениями, плохо сочетавшимися друг с другом.

– Это моя цыганская кровь, – говорила она и подходила ближе, чтобы чмокнуть его в щеку.

– Как же, цыганская, – ворчал он. – Ты живешь как преступница в бегах.

* * *

Реджи вернулась наверх с чашкой тройного эспresso в руке, сунула ноги в туфли-сабо и открыла дверь на мост, ведущий к домику на дереве, где находился ее офис. Она вдыхала запахи древесного дыма, сырых листьев и яблок, гниющих на земле в заброшенном саду к востоку от ее участка. Был идеальный день для середины октября. Пятнадцатифутовый подвесной мост слегка раскачивался под ее весом, и сначала она шла медленно, глядя то на двор и подъездную дорожку внизу, то на озеро Эрроу в отдалении. Она называла этот мостик «мостом Чарли», хотя Чарли даже не знал о его существовании. Она никому не сообщала тайное название моста и не рассказывала стоявшую за ним историю. Что она могла рассказать? *«Я назвала его в честь парня, который однажды заявил мне, что такой мост построить невозможно».*

Зазвонил телефон в ее офисе. Она пробежала последнюю пару ярдов, едва не пролив по пути эспresso.

Она открыла дверь, которую никогда не запирала, – попасть туда можно было, только перейдя по подвесному мосту из ее дома или забравшись на девятиметровую высоту по стволу дуба, на котором стоял деревянный домик. Офис был круглым, двенадцати футов в поперечнике, с древесным стволом в центре и окнами со всех сторон. Лен назвал его «диспетчерской вышкой».

Здесь стояли компьютерный стол и деревянный чертежный столик. Имелась также небольшая доска с заметками по последнему проекту, напоминанием позвонить клиенту и прищипленной астрологической картой, которую составил для Реджи Лен. Она не верила в «уютный беспорядок» и не держалась за вещи, не имевшие для нее важности, поэтому на книжной полке стояли лишь те книги, к которым она

обращалась снова и снова, которые повлияли на нее. «Поэтика пространства», «Язык фактуры», «Непреходящие основы строительства», «Дизайн вместе с природой», «Заметки о синтезе форм», а также небольшая коллекция справочников о природе. Здесь и там среди книг попадались другие замечательные источники вдохновения для Реджи: птичьи гнезда, раковины, шишки, камни причудливой формы, круглое, бумажно-тонкое осиное гнездо, семенные коробочки молочая, желуди и древесные грибы.

Реджи пошла к телефону на столе, споткнулась и плеснула на руку горячий кофе.

Вот проклятье! Зачем она так торопится? Чей голос она ожидает услышать в трубке? Чарли? Маловероятно. В последний раз они поговорили после случайной встречи в бакалейном магазине незадолго до того, как оба окончили разные школы. Возможно, Тара хочет еще раз подшутить над ней и сказать, что у нее осталось шестьдесят секунд, чтобы собрать все, что ей дорого?

Нет. На самом деле она думала, что это снова Он.

Она годами получала эти звонки: сначала дома, потом в колледже, потом в каждой квартире и доме, где она когда-либо жила. Он никогда не говорил ни слова. Но она слышала его дыхание и почти ощущала прикосновение зловонной влаги к своему здоровому уху. Каждый вдох и выдох глумился над ней и словно говорил: *«Я знаю, как тебя найти»*. И она каким-то образом была уверена, она просто знала, что это Нептун. Однажды он раскроет рот и заговорит с ней. Она представляла, как это будет: его голос, шелестящий в телефоне, как вода, льющийся в ее ухо, протекающий *через нее*. Возможно, он скажет ей то, что она всегда хотела узнать: что он сотворил с ее матерью и почему она была единственной жертвой, чье тело так и не нашли. Другие тела были выставлены напоказ, но все, что осталось от Веры, – это ее правая рука.

Что отличало ее от остальных?

– Алло? – пробормотала Реджи.

«Скажи что-нибудь, – пожелала она. – Не молчи на этот раз».

– Реджина? Это Лорен.

– Ох. Доброе утро, – сказала Реджи, скрипнув зубами. Она поставила маленькую керамическую чашку и потрясла обожженной рукой, раздраженная тем, что поторопилась из-за Лорен. Какого черта ее тетушка звонит так рано? Обычно она звонила по воскресеньям в пять вечера. И Реджи часто не оказывалось на месте – или, по крайней мере, она делала вид, будто ее нет, – пряталась в углу, как ребенок, с бокалом «пино нуар»

в руке, словно красный глазок автоответчика мог видеть ее, и слушала бестелесный голос своей тети.

– Мне только что позвонила сотрудница социальной службы. – Это было типично для Лорен: переходить прямо к делу без ненужных преамбул насчет погоды и глупых фраз вроде «У нас все хорошо, а как у тебя?». Последовала долгая пауза, Реджи ждала продолжения. Но так и не дождалась.

– Позволь догадаться, – сказала Реджи. – Она слышала о том, какая мы несчастная разделенная семья, и предложила свои услуги?

Она почти видела, как Лорен закатывает глаза, а потом с неодобрительным видом смотрит поверх очков на кончик своего носа. Лорен стояла на кухне с выцветшими обоями, и ее волосы были так туго стянуты в узел на затылке, что разгладились морщины на лбу. Конечно же, она носила старый рыбацкий жилет дедушки Андре, весь в пятнах и насквозь провонявший мокрой форелью.

Реджи взяла чашку кофе и сделала глоток.

– Нет, Реджина. Похоже, они нашли твою мать. Живую.

Реджи выплюнула кофе и уронила чашку на пол, глядя, как она падает в замедленном движении и черный кофе расплескивается по экологически чистым доскам.

Это невозможно. Всем известно, что ее мать мертва. По ней отслужили поминальную службу двадцать пять лет назад. Реджи до сих пор помнила орду репортеров снаружи, священника, от которого несло спиртным, и дрожащий голос Лорен, когда она читала стихотворение Эмили Дикинсон «Я не могу остановиться ради смерти».

– Что? – наконец прошептала Реджи.

– Они вполне уверены, что это она, – спокойно и деловито ответила Лорен. – Судя по всему, последние два года она с перерывами жила в приюте для бездомных.

– Но как... как они узнали?

– Она сама им сказала. У нее нет правой руки. Наконец, полицейские сняли ее отпечатки: все совпадает.

Сердце Реджи сделало медленный, холодный кульбит по направлению к желудку. Она закрыла глаза и снова ясно увидела то время: мать катается по льду на пруду Рикера, выписывая идеальные восьмерки. Потом она протягивает руку Реджи, и они начинают кататься вместе посреди пруда. Они смеются с раскрасневшимися щеками, их дыхание вырывается наружу маленькими облачками, а лед шуршит и постанывает у них под ногами, как живое существо.

– Есть кое-что еще, – продолжала Лорен своим деловитым, жестким тоном. – Твоя мать находится в больнице. У нее хронический кашель, и она в конце концов согласилась пройти рентгеноскопию. Подозревали пневмонию или туберкулез, но нашли крупную опухоль. Это рак. Возможно, у нее осталось немного времени.

Теперь Реджи потеряла дар речи, пытаясь переварить одну безумную новость вслед за другой. Все это казалось жестокой шуткой. «Твоя мать жива. Но она умирает».

Реджи опустилась на пол, прямо в разлитый кофе.

– Я хочу, чтобы ты поехала в Массачусетс и забрала ее, Реджина. Я хочу, чтобы ты отвезла ее в «Желание Моники».

– Я?

– Теперь я больше не вожу машину. Катаракта.

– Но я... – промямлила Реджи.

– Мне нужно, чтобы ты это сделала, – перебила Лорен. Затем, словно ощутив неуверенность племянницы, она добавила: – Ты нужна своей матери.

Реджи откинула волосы и нащупала пальцами свои шрамы.

– Хорошо, – сказала она.

Домой. Она возвращается домой.

1976 год. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Самое раннее воспоминание о матери начиналось с того, как мать удержала яйцо в вертикальном положении, и заканчивалось тем, как Реджи потеряла свое левое ухо.

Ей было пять лет, когда мать отвезла ее в бар на Эйрпорт-роуд. Реджи крутилась на красном виниловом табурете, довольная тем, что изобрела собственный трюк, пока Вера готовила свой фокус для посетителя, который обещал поставить ей выпивку, если все получится. Реджи отталкивалась и кружилась, каждый раз слегка задевая ноги матери, и старалась не встречаться взглядом с мужчиной, сидевшим слева от нее, с которым мать заключила пари. Это был смуглый тип с выпученными глазами и прилизанными намасленными волосами, в тонком кожаном пиджаке, который не застегивался на животе. Его горбатый нос был заметно искривлен, как будто его неоднократно ломали. Реджи про себя назвала его Боксером.

Боксер называл Реджи «чемпионкой» и подмигивал девочке лягушачьим глазом, пока Вера аккуратно посыпала солью барную стойку.

Секрет фокуса заключался в том, что яйцо должно было к чему-то прилипнуть, чтобы стоять вертикально.

* * *

Мать Реджи, Вера Дюфрен, которая ловко проделывала фокус с яйцом, была поразительно похожа на Джейн Мэнсфилд^[2] – с пышным бюстом и густой копной платиновых волос, ниспадавшей на изящные плечи. Она была выбрана королевой выпускного бала и после окончания школы в 1969 году отправилась в Нью-Йорк с надеждой на карьеру актрисы. Для оплаты счетов, пока она исполняла второстепенные роли в небольших театрах за пределами Бродвея, она начала подрабатывать моделью. Почти сразу же стала лицом кольдкрема «Афродита», и ее фото можно было увидеть в журналах и универмагах по всей стране. «Относись к себе, как к богине», – гласил рекламный лозунг. Внезапная рекламная слава принесла Вере новую актерскую работу, включая первую главную роль после звездных деньков в школьном театральном клубе Брайтон-Фоллс.

Но вскоре после того, как ее карьера наконец-то пошла в гору, ранней

весной 1971 года Вера неожиданно вернулась в Брайтон-Фоллс и поселилась в странном и огромном доме своего детства под названием «Желание Моники» со своей сестрой Лорен (которая была на шесть лет старше ее) и их отцом Андре Дюфреном. Пока Вера находилась в Нью-Йорке, у Андре обнаружилась болезнь Альцгеймера, и его состояние неуклонно ухудшалось. В первый же вечер после возвращения Вера за обеденным столом сделала ошеломительное заявление.

– Я беременна. Ребенок должен родиться в конце июля.

Отец и сестра потрясенно уставились на нее, утратив дар речи.

– Можно передать булочки? – попросила Вера.

– Кто отец? – требовательно спросил Андре, отодвинув нетронутую тарелку с едой.

– Никто, – ответила Вера.

Андре слабо кивнул.

– Паршивое имя для первого ребенка: Никто-младший.

Андре построил «Желание Моники» для своей жены, которая всегда хотела жить в замке. Строительство растянулось на десять лет, поскольку большую часть работы он выполнял сам, не будучи плотником или каменщиком. Андре чинил обувь. Днем он был сапожником, вечером и ночью – строителем замка. Сама Моника умерла от осложнений после рождения Веры, еще до того как дом был готов.

Еще подростком Вера часто говорила, что «Желание Моники» похоже на кличку скаковой лошади, а не на название дома.

– В общем, рискованное предприятие, – говорила она. – И мизерные шансы на успех.

Хотя дом был каменным, он имел мало общего с замком. Там не было крепостного рва, башен и бастионов. Его планировка была запутанной и беспорядочной; он возвышался на два с половиной этажа и имел коньковую крышу, крытую черепицей. Камень без изоляции очень плохо удерживал тепло, и большую часть года в доме было темно и холодно. В последние месяцы своей беременности Вера дрожала от холода точно так же, как в годы своего детства.

Лорен устроила детскую комнату в задней части «Желания Моники» и как могла постаралась подготовить Веру к предстоящему материнству. Она жарила ей печенку, заставляла пить витамины и выбросила бесчисленное количество сигаретных пачек. В то же время Лорен постоянно ухаживала за Андре, который уже не мог без посторонней помощи подниматься и спускаться по лестнице и проводил большую часть времени в хозяйской спальне, расположенной напротив комнаты Веры, где

он часами смотрел мыльные оперы по маленькому черно-белому телевизору. Днем Вера часто сидела у него, прикуривала ему сигареты и бегала запирать дверь, когда слышала в коридоре шаги Лорен. Она кричала сестре: «Лазарет закрыт до официального времени посещения! Возвращайтесь в пять вечера и не забудьте поднос с обедом!» Лорен кипела от возмущения, когда чуяла запах сигаретного дыма, а ее сестра и отец хихикали, как дети, спрятавшись за резной деревянной дверью.

Обо всем этом Реджи узнала от своей матери гораздо позже.

Она также узнала о том, как Лорен, противостоявшая упорному мнению Андре о том, что «бедное незаконнорожденное дитя» не получит никаких шансов в жизни, сказала Вере, что ее ребенку выпадет большая удача, потому что его будут воспитывать мать и тетя, как это принято у диких слонов. Тогда довольная Вера стала называть отца Реджи Слоном. С годами это прозвище превратилось в Бивень, и это было все, что Реджи знала о своем отце.

В раннем детстве Реджи представляла своего отца с телом мужчины и слоновьей головой. Когда ей исполнилось восемь лет, она увидела картинку индуистского бога Ганеши, вырвала ее из книги и хранила в обувной коробке под своей кроватью вместе с другими ценностями: черепом птицы, индийским пенни, двумя десятками карточек со сценами из «Звездных войн», коробками спичек из разных баров, где часто бывала ее мать, и журнальной вырезкой с рекламным объявлением, где Вера Дюфрен в правой руке с безупречным маникюром держала баночку кольдкрема «Афродита». Вера носила белое платье с открытыми плечами,ставлявшее напоказ сияющую, идеально гладкую кожу. Она лукаво улыбалась, словно делилась со зрителями важным секретом.

Иногда Реджи вынимала обе картинки и клала их рядом: Ганеша и богиня кольдкрема. Неправдоподобная пара.

* * *

Реджи смотрела, как ее мать посыпает солью стойку бара, словно совершает некое священнодействие. Бармен принес ей из кухни яйцо, и она осторожно поставила его на один конец своими длинными, изящными пальцами. Яйцо не падало.

– Voila! – объявила Вера.

Боксер разразился аплодисментами, неуклюже хлопая толстыми ладонями, отчего у Реджи зазвенело в ушах. Голенастая девочка с улыбкой

крутанулась на табурете, понимая, что ее мать совершила чудо. Она даже понимала, что богиня кольдкрема «Афродита» прикоснулась к чему-то большему, чем она сама; к чему-то, что дало ей силу поставить яйцо на кончик, словно крошечную планету причудливой формы, и аккуратно направить ее на орбиту, в то время как Боксер, Реджи и все остальное в неряшливом баре, вплоть до тяжелых стеклянных пепельниц, неспешно и неотвратно вращались вокруг нее.

– Вам кто-нибудь говорил, что вы точная копия Марлона Брандо? – обратилась Вера к Боксеру.

– Нет, – со смехом ответил он, показав потемневшие зубы.

– Вы с ним на одно лицо, особенно когда он играл Терри Мэллоя в фильме «На набережной». Смотрели этот фильм?

– Нет, золотко, не смотрел.

– Брандо – настоящий бог, – заявила Вера. Она закурила сигарету и стала смотреть, как дым поднимается вверх.

Двое потрепанных мужчин играли в пул^[3] на столе с расшатанной ножкой, под которую положили телефонный справочник. Шары с треском сталкивались друг с другом, полосатые сражались с одноцветными за место в лузах. Вместо того чтобы объявлять каждый удар, мужчины молчали, мелили кии и тщательно целились.

Вера выпила очередную порцию и проверила свой макияж в зеркале пудреницы. Боксер купил Реджи чизбургер и пообещал дать ей доллар, если она съест все до конца. Реджи проиграла пари, а в итоге у нее ужасно разболелся живот. Потом все трое оказались в автомобиле Боксера – большом старом «круизере» с потрескавшимися кожаными сиденьями, от которых пахло ментолом и маслом для волос.

Апартаменты Боксера находились в кирпичном здании неподалеку; нужно было подняться на четыре пролета по узкой деревянной лестнице. В задней комнате он держал пса, который лаял так громко и часто, что тряслись стены. Боксер смешал напитки в пластиковом блендере, который быстро перегрелся, отчего в маленькой кухне завоняло жженой резиной. Эти коктейли, зеленые от мятного ликера, назывались «кузнечиками», и он дал Реджи небольшую порцию в баночке из-под джема, рассудив, что пятилетний ребенок уже достаточно взрослый для этого.

– Это похоже на «шэмрок», молочный коктейль с кислицей, который готовят на день святого Патрика, – объяснил Боксер.

Он добавил что-то еще, когда передавал баночку Реджи, но она не расслышала из-за громкого лая. Боксер в очередной раз гротескно подмигнул ей. Реджи улыбнулась, хотя заметила, что ее баночка была

грязной и покрытой чем-то вроде маслянистой пленки. Девочка решила, что там, наверное, полно микробов, о которых всегда предупреждала тетя Лорен. Отпив глоток, Реджи с радостью обнаружила, что это похоже на ее представление о коктейле «шэмрок»: холодная зеленая жидкость, приятная на вкус. Впрочем, она никогда не пробовала готовых детских коктейлей, – тетя Лорен не доверяла фастфуду. Боксер легко и почти нежно взъерошил Реджи волосы, потому что теперь они вроде как стали собутыльниками. Потом он показал ей, что дверь из кухни выходит на небольшое бетонное крыльцо с двумя провисшими садовыми стульями, транзисторным радиоприемником и большим, давно засохшим деревом в горшке. Горшок служил пепельницей и мусорным бачком для крышечек от бутылок и сигаретной фольги. Крыльцо было обнесено невысокой стенкой из шлакобетона, из-за которой Реджи могла выглянуть, если бы поднялась на цыпочки.

– Ты пока поиграй тут, хорошо? – сказала мать.

Иногда она произносила фразы, которые звучали как вопросы, но Реджи научилась понимать, что они не требуют иного ответа, кроме кивка.

– Тебе нравится музыка? – спросил Боксер. Он уже возился с потрескивающим радиоприемником, настраивая его на первую попавшуюся станцию. Это была оживленная музыка с обилием духовых инструментов и пением на испанском языке. Реджи не возражала.

Они ушли, оставив дверь кухни слегка приоткрытой. Реджи отпила жгучего мятного напитка и подержала во рту колотый лед, пока не заныли молочные зубы. Диктор заговорил по-испански, и Реджи представила его слова как яркие разноцветные шарики, быстро мелькавшие в воздухе. Она вспоминала треск бильярдных шаров, яйцо на стойке бара, горбатый нос Боксера. И вскоре допила свою порцию напитка, названного в честь насекомого, которое, как она знала, было вовсе не зеленым, а коричневым.

У нее кружилась голова, как будто она слишком долго вращалась на круглом табурете, и Реджи подумала, что лучше бы сесть, когда ее взгляд упал на блестящую искорку в углу крыльца.

Она увидела, что там, среди мусора у основания мертвого дерева в горшке, лежит маленькое кольцо с красным камнем. Это было не пластиковое колечко, как в автоматах, торговавших шариками жевательной резинки, а настоящая вещь: ограненный самоцвет, мигающий, как глаз на тонкой золотой оправе.

Реджи потянулась к нему, представляя восторг матери, когда дочь наденет свой сюрприз ей на палец. Реджи испытывала одновременно тошноту и радость в тот момент, когда на нее набросился пес.

Он двигался так быстро, что Реджи не успела понять, какой он породы, да и собака ли это вообще. Это мог быть медведь, россомаха или тасманийский волк. Она увидела лишь разинутую пасть с ощеренными зубами и капающей слюной, когда чудовище опрокинуло ее на спину и пригвоздило к полу, со всей силой упершись ей в грудь двумя огромными лапами.

Бетон был холодным и шершавым. Крошечные трещинки усеивали его, как линии разломов, словно крыльцо испытало тысячу мелких землетрясений, вызванных тем, что этот пес регулярно опрокидывал на пол маленьких девочек. Время растянулось и замедлилось (впоследствии она назвала это «пластилиновым» временем), и Реджи могла воспринимать все до мельчайших подробностей. Она смирилась с тем, что пес убьет ее, но не знала, на что будет похожа смерть, а лишь воспринимала ее преддверие как узкое окно времени, где все находится в замедленном движении, а чувства обострены до предела, впитывая каждое ощущение, поскольку это, вне всякого сомнения, был ее последний шанс ощущать жизнь на земле, вплоть до шершавого потрескавшегося бетона.

Она инстинктивно отвернулась, когда зубы приблизились к ней. Ощущение было такое, словно пес прогрыз дыру в голове где-то сбоку: палящая боль и вязкий жар. В лицо ей дохнуло горячим воздухом с привкусом гнилого мяса.

Реджи закрыла глаза – только на секундочку – и вознесла молитву Богу, как это полагается, когда попадаешь в отчаянное положение. Тетя Лорен научила ее этому. Но, чтобы Бог мог прийти на помощь, как объяснила Лорен, нужна твердая вера, а Реджи до сих пор не очень-то задумывалась о Боге. Тем не менее она постаралась и представила белобородого старика, спускающегося на облаке. Бог, которого она вообразила, получился очень похожим на фотографию ее дедушки, висевшую в верхнем коридоре. Суровый мужчина во фланелевой рубашке, парусиновых брюках и болотных сапогах.

Когда Реджи открыла глаза, она узрела своего спасителя не в виде худощавого старца в золотых одеждах, похожего на дедушку, а в виде своей матери, вцепившейся в густую черную шерсть на загривке пса с криком: «УБЛЮДО-О-ОК!» На Вере остались лишь шелковые трусы и корсажный бюстгальтер, поэтому для Реджи она была похожа на белокурую и полногрудую Суперженщину. Пес отвернулся от Реджи и впился желтыми зубами в бледную руку Веры. Та испустила утробный крик и стукнула его левой рукой по носу. Его челюсти разжались от неожиданности, и она с ужасным чавкающим звуком вырвала разорванную правую руку, а потом

снова взялась за загривок. На этот раз она подняла пса – все семьдесят фунтов лающего, огрызающегося веса, – раскрутила его, словно в танце, и резко отпустила. Пес перелетел через низкую шлакобетонную стенку балкона и завершил свою жизнь одним коротким взвизгом четырьмя этажами ниже.

16 октября 2010 года. Рокленд, штат Вермонт

– Я как раз думал о тебе, – сказал Лен, когда ответил на ее звонок. Его голос был низким и серьезным. Он имел свойство придавать оттенок секретности всему, что говорил ей.

– Уверена, в неприличном смысле, – предположила она.

– Как всегда, – отозвался он, и звук его голоса откликнулся вспышкой тепла в ее солнечном сплетении, постепенно опускаясь ниже.

Где-то позади она различала приглушенный шелест разговоров, звяканье бокалов и тарелок.

– Послушай, я заканчиваю завтрак в «Играх разума» и, думаю, могу заскочить к тебе. Может, заманю тебя на прогулку и пикник с ланчем в «Совиной голове».

Она на секунду представила себя и Лена в лесу; у него за плечами рюкзак с охлажденным шардоне, сыром бри и французской булкой. Они возьмут свои альбомы для эскизов, и, может быть, акварельные краски. Найдут уединенное место, где можно расстелить покрывало для пикника.

– Думаю, нам нужно поговорить о том, что случилось в прошлую пятницу, – сказал Лен, рассеяв романтические видения Реджи.

– А? – невольно спросила она.

– Я ощутил какую-то перемену. Может быть, мне почудилось, но ты как будто отдаляешься от меня. С тех пор мы почти не разговаривали.

– Нет, – заверила она. – Ничего не изменилось. Просто я жутко занята новым проектом. Извини, если я как-то странно себя вела, Лен. Скоро мы поговорим об этом, но сегодня я не могу. Вообще-то поэтому я и позвонила: хотела сказать тебе, что уезжаю из города.

Лен немного помолчал, и Реджи услышала смех одного из завсегдатаев ресторана.

– Бизнес или удовольствие? – наконец спросил Лен, четко произнося каждое слово. Она представила его нахмуренный лоб, и ей захотелось поскорее провести пальцами по этому лбу и разгладить морщины.

Реджи закусила губу. Ей нестерпимо хотелось сказать правду, но с чего начинать?

«Помнишь мою мать, которая якобы стала последней жертвой серийного убийцы в 1985 году? Ты не поверишь, но, оказывается, она жива, и сейчас я еду в больницу, чтобы забрать ее и привезти домой».

– Только бизнес и никакого веселья. Сейчас я на пути в Уорчестер, тот,

что в Массачусетсе. Собираюсь посмотреть там одну площадку в качестве услуги кое-кому.

– Бедняжка. – Его голос снова превратился в приглушенное мурлыканье. – Когда вернешься?

– Еще не знаю. Наверное, дня через два. Зависит от того, как пойдут дела. Я позвоню тебе, когда вернусь домой.

– Значит, тогда и устроим пикник, – сказал Лен. – И все обсудим.

– Точно.

Реджи повесила трубку, чувствуя себя мерзкой лгуньей, но понимая, что еще не готова рассказать ему о звонке тетушки. Она пообещала себе, что позвонит Лену и скажет ему правду, как только получит нормальное представление о ситуации. Когда она оценит положение и составит план, все ему расскажет...

* * *

Сборы были недолгими. Реджи привыкла к поездкам и усовершенствовала свое мастерство упаковки до такой степени, что теперь до двух недель могла обходиться портфелем и большой сумкой через плечо. Правило дорожного гардероба сводилось к тому, что все предметы паковались вместе и легко могли быть выстираны в умывальной раковине отеля.

Перейдя по подвесному мосту в свой офис, она запихнула Macbook Pro в кожаную заплечную сумку, потом добавила альбом для эскизов, ручки, очки и карточки для записей. Пока она собиралась, ее взгляд упал на астрологическую карту, припиленную к доске объявлений. Лен подарил ей эту вещь два месяца назад.

– Думай об этом как о карте небосвода в то время и в том самом месте, где ты появилась на свет, – объяснил Лен. – Центральная линия изображает горизонт.

Реджи кивнула и изучила карту – компьютерную распечатку, которую Лен сделал с помощью какой-то астрологической программы, – состоявшую из трех колец, напомнивших ей рисунок Земли в разрезе, с изображением коры, мантии и ядра. По внешнему кольцу шли символы двенадцати знаков зодиака, а среднее кольцо было разделено на двенадцать сегментов, которые, как объяснил Лен, были домами. Конечно, Реджи это понравилось. В каждом доме имелись загадочные иероглифы и числа.

– Это планеты и их позиции в каждом знаке, – пояснил Лен. – Знаки, в

которых находятся твои планеты, – это твоя внутренняя реальность, но дома – это фильтры, через которые ты пропускаешь свою реальность во внешний мир.

– Понятно, – сказала Реджи. Ее скептицизм увеличивался с каждой секундой, и она решила снова рассмотреть рисунок как карту.

Центральный участок был заполнен цветными линиями, которые образовывали нечто вроде спирографического рисунка.

– Что это? – спросила она и указала пальцем.

– Твои аспекты. Они показывают, каким образом планеты в твоей натальной карте соотносятся друг с другом. Вот, смотри. – Он указал на верхнюю линию. – Здесь у тебя Солнце в квадранте с Луной. Солнце обозначает твою интеллектуальную сущность, Луна обозначает твою эмоциональную сущность, а квадрант является динамическим, напряженным аспектом. В общем и целом эти два аспекта твоей личности находятся в постоянном конфликте друг с другом. Неудивительно, что тебе так неудобно выражать свои чувства.

Она закатила глаза.

– А здесь у тебя восходящий Стрелец. – Лен указал на забавный маленький символ со стрелкой, расположенный прямо над горизонтальной линией. Это делает тебя такой откровенной. Ты не дурачишь людей, а говоришь все как есть, даже если это не то, что они хотят услышать.

Хотя Реджи не могла поверить, что положение планет в момент рождения человека может как-то повлиять на развитие его жизни, ей пришлось признать, что композиция карты – концентрические круги, перекрещенные линии и таинственные символы – выглядела убедительно. Потом она заметила маленький синий трезубец прямо над линией горизонта, рядом со знаком Стрельца.

– А это что такое? – спросила она, стараясь говорить небрежно, хотя ее вытянутый палец дрожал.

– Хмм, это? А, это Нептун. У тебя есть Нептун в двенадцатом доме, – сказал Лен. Ее сердце внезапно застучало в груди, а во рту пересохло. – Это признак твоей острой интуиции. Ты находишься в контакте с силами подсознания. Нептун в двенадцатом доме – классическая позиция для великих художников... и для истерзанных душ.

Сейчас, стоя в одиночестве в своем офисе, Реджи потянулась к маленькому синему треугольнику и накрыла его указательным пальцем. Потом она повернулась к открытой сумке и бросила туда мобильный телефон с зарядным устройством, огляделась по сторонам и взяла черновые эскизы своего последнего проекта – небольшого передвижного дома,

который она назвала «Наутилус». Он воплощал абсолютную свободу: возможность иметь дом, который будет следовать за вами повсюду, куда заведет жизнь.

– Есть одна вещь, которую мне трудно представить, – сказал Лен, когда впервые увидел эскизы с округлыми, похожими на раковину формами. – Как ты собираешься приделать к этому колеса? Я хочу сказать, разве он должен быть мобильным? Судя по дизайну, он будет лучше смотреться на постоянном месте.

– Жизнь – это движение, – сказала Реджи.

– Движение?

– Наши предки были охотниками и собирателями, – продолжала Реджи. – Они двигались туда, где была пища. Они уходили от плохой погоды и от опасности. Они странствовали. Этот древний инстинкт до сих пор живет глубоко внутри нас.

– Но разве дом не является олицетворением стабильности? – спросил Лен. – Разве наш инстинкт порой не подсказывает нам осесть на одном месте и пустить корни?

– Мы не деревья, – отмахнулась Реджи, но тут же прижалась к нему губами и поцеловала, пожалуй, слишком сильно. Его щетина оцарапала ей лицо, во рту остался кислый привкус.

Черт побери, ей нужно сосредоточиться. Собрать багаж, уехать в Уорчестер и не позволять Лену снова и снова прокрадываться в ее мысли.

Упаковав все необходимое, Реджи собиралась уйти, но потом вернулась и открыла верхний ящик стола. В дальнем правом углу ящика она нащупала старую серебряную цепочку и потянула ее к себе. На конце цепочки болтались маленькие песочные часы Тары. Реджи перевернула их и посмотрела, как сыплется розовый песок.

«У тебя есть одна минута»...

Она расстегнула застежку и надела ожерелье под рубашку, спрятав маленькие холодные часы у себя на груди.

* * *

Реджи ввела адрес больницы в GPS-навигатор и отправилась в путь по грунтовым дорогам, мимо снегоходных троп и охотничьих лагерей, пока не выехала на асфальт. Повернув налево, на шоссе № 6, она проехала мимо роклендской городской ратуши, церкви Христа Спасителя и кафе «Игры разума», где на стоянке оставалось еще много автомобилей клиентов,

приехавших на завтрак. Реджи увидела старый пикап Лена и подумала, не стоит ли остановиться, но ей не хотелось задерживаться. Она снова представила, как рассказывает ему истинную причину своей поездки в Уорчестер, представила его напряженное, озабоченное лицо и предположила, что он, наверное, захочет сопровождать ее. Но это дело ей нужно было выполнить самостоятельно.

Она почти никому не рассказывала о своей матери и Нептуне. Ни друзьям, ни коллегам, ни случайным знакомым. Лен был единственным, кто знал. Лен и все остальные в Брайтон-Фоллс. Большей частью именно поэтому она никогда не возвращалась домой.

Она жалела о том, что вообще рассказала Лену. Он сводил ее с ума своей популярной психологией, своей привычкой все анализировать.

– Ты ведь понимаешь, что ты тоже жертва Нептуна, – сказал он, когда они лежали в постели в прошлую пятницу. Они открыли две бутылки домашнего вина из одуванчиков и оба немного перебрали. Он медленно описывал кончиками пальцев круги на ее животе.

– Как это? – спросила Реджи. Она уже поняла, что вторая бутылка вина была плохой идеей. В подвыпившем состоянии Лен всегда становился очень эмоциональным и любил пофилософствовать.

– Посмотри на свою жизнь, Редж. У тебя есть все, но в некотором смысле все это бесплодно. – Его язык слегка заплетался.

– Бесплодно? – повторила Реджи. Она села в постели и убрала его руку со своего живота.

– Ты возвела стены вокруг себя. Ты не разговариваешь с людьми.

– Я разговариваю с массой людей, – выпалила Реджи и натянула простыню на обнаженную грудь. – Я езжу по всему миру и беседую с ними.

– Я имел в виду *настоящие* разговоры, Редж. Ты когда-нибудь позволяла себе по-настоящему сблизиться с кем-то? Иметь отношения, которые кажутся прочными и долговременными? То есть посмотри на нас. Каждый раз, когда кажется, что мы готовы перейти на следующий уровень, ты начинаешь беситься и отталкивать меня.

Теперь Реджи оцетинилась не на шутку.

– Тебя тоже не назовешь образцом ответственности. Насколько я помню, именно ты хотел иметь отношения без каких-либо обязательств. И, должна сказать, тебя вполне устраивает приходить и уходить, когда душе угодно, словно бродячему коту.

Такие отношения устраивали их обоих. Они познакомились четыре года назад в художественной галерее, где Лен выставил несколько картин.

Он рисовал абстрактные геометрические формы и линии, напоминавшие витражные окна. Реджи привлекала чистота и уравновешенность его работ... а растрепанный художник показался ей откровенно сексуальным. Она купила две его картины и предложила встретиться.

Он сразу же дал понять, что не интересуется близкими отношениями. Два года назад он пережил скандальный развод и теперь говорил, что не готов к душевной близости.

– Кто говорит о душевной близости? – спросила Реджи. – Я говорю о чашке кофе, может быть, о паре бокалов вина.

– Не более того? – осведомился Лен, приподняв брови.

– Если тебя пугает, что после третьего свидания я заявлюсь к тебе домой со всеми вещами, то можешь не волноваться. Меня вполне устраивает собственное жилье. Но иногда приятно иметь маленькую компанию. Сообщника, с которым можно коротать холодные вечера.

Он улыбнулся.

– Никаких обязательств?

– Если не хочешь никаких обязательств, я твоя девушка, – пообещала она.

С тех пор они то встречались, то разлучались, ходили в кино, присоединялись друг к другу на вечеринках и даже проводили вместе выходные. Они радовались обществу друг друга, но если это затягивалось больше чем на два-три дня, Реджи начинала немного паниковать и чувствовать себя пойманной. Чем больше она сближалась с Леном, тем сильнее ощущала это и почти неосознанно начинала делать разные мелочи, чтобы разозлить и оттолкнуть его. Лен был прав. Просто не в ее характере так сближаться с людьми. Это был предохранительный механизм, разработанный ею много лет назад, с которым она чувствовала себя совершенно комфортно. А теперь Лен заставлял ее сомневаться в разумности такого поведения.

– Лично я счастлив, – сказал Лен. – Я веду жизнь, которая меня устраивает. Но настоящая разница между мной и тобой, Редж, заключается в том, что я не боюсь пускать в себя людей. Я не боюсь кого-то любить.

– Выходит, я не способна любить?

– Я этого не говорил. Я сказал, что ты боишься.

– Это смелое предположение. Что навело тебя на такую мысль?

– Ты считаешь, что любой человек может бросить тебя. Что мы живем в мире, где того, кого ты любишь, в любой момент могут отнять у тебя.

– Ерунда! – бросила Реджи, еще больше раздраженная от того, что на каком-то уровне понимала правоту Лена, несмотря на его нетрезвое

состояние.

– Я лишь говорю, что это печально, вот и все. Очень грустно, что из-за одного психопата ты собираешься провести всю свою жизнь, опасаясь сблизиться с кем-то.

– Ты знаешь, что это нечестно! – прошипела Реджи.

– Ты когда-нибудь задумывалась о том, к чему все идет? – спросил он.

– Что именно?

– Все это, – ответил он и широким жестом обвел руками их обоих вместе с кроватью. – Мы с тобой. Господи, Реджи, мне сорок пять лет. Собираемся ли мы делать то же самое через двадцать лет – шастать в постель друг к другу и обратно, без привязанности, без обязательств?

Реджи прищурилась.

– О чем ты говоришь?

– О том, что, наверное, пора иметь нечто большее, а не оставаться друзьями по перепихону.

Реджи досадливо поморщилась от такого обозначения их отношений.

– Например?

– Я думал, что мы могли бы жить вместе.

Реджи расхохоталась и тут же закашлялась от смеха. Пожалуй, это была самая абсурдная вещь, которую она до сих пор слышала от Лена, и ему удалось застигнуть ее врасплох.

У Лена был сокрушенный вид.

– Ты же не всерьез, правда? – спросила Реджи. – Что, ты хочешь, чтобы я каждый вечер приносила тебе шлепанцы и трубку, а потом доставала из плиты кастрюлю?

Она подумала о своем доме, об идеальном маленьком доме, который постепенно наполняется вещами Лена: грязной обувью, скомканными эскизами, бычками от самокруток с марихуаной, которые он постоянно курил.

Лен покачал головой, потянулся за почти опустевшей бутылкой вина и сделал глоток.

– Я должен был ожидать такой реакции. – Он откинулся на свою подушку и закрыл глаза. – Все это было в твоей натальной карте: страх перед привязанностью, творческие успехи, кошмары, интуиция... Тебе нужно контролировать любую ситуацию, отвечать за все... – Его голос звучал все тише, он засыпал на ходу. – Так невероятно, будь оно все проклято...

Реджи зажмурилась и увидела маленький синий трезубец, притаившийся в ее двенадцатом доме. Она перевернулась лицом к

подушке, слушая тихий храп Лена рядом с ней. Тогда она была уверена, что почувствовала это: кусочек Нептуна, засевший внутри нее, как рыболовный крючок, и пульсирующий тупой болью, напоминая о том, что она не вправе жить с кем-то.

* * *

Реджи миновала антикварный магазин, гостиницу «Кленовый лист» и стеклодувную студию «Заяц на Луне». Двадцать минут спустя она сигналила поворотником перед выездом на 89-е Южное шоссе, ведущее к Бостону. Несмотря на свои поездки, по правде говоря, ей никогда не нравилось покидать Вермонт. Как только она пересекла границу штата, кожу на загривке начало покалывать. Огромные плакаты, четырехполосные автостреды и небоскребы создавали у нее временный синдром дефицита внимания, отчего она теряла сосредоточенность и не могла принимать решения. Она ненавидела безликость сетевых ресторанов и супермаркетов, а тем более «коттеджные поселки» с крупногабаритными, одинаково безобразными домами, которые вырастали за одну ночь, словно жуткие грибы.

Она включила радио и стала слушать серьезные голоса, обсуждающие глобальную экономику. Нет, это не годится для дороги. Она принялась переключать станции, пока не нашла группу «Кингсмен»^[4], исполнявшую песню «Луи-Луи»:

Славная малышка ждет меня,
К ней через море поплыву я...

* * *

Она снова сидела в стареньком автомобиле «шевроле-вега», и музыка гудела в хрипящих динамиках, а ее мать пальцами отбивала ритм на рулевом колесе и беззвучно напевала. Окошки были опущены, и ветер раздувал их волосы, создавая ощущение полета.

– Куда мы едем, мама?

Ее мать заговорщицки улыбнулась.

– Туда, куда несет нас ветер, милая.

Они снова остались одни, но вместе, вдвоем против остального мира. Жизнь казалась одним большим приключением, и все было возможно. Они могли оказаться на собачьих бегах, где Вера позволит Реджи поставить деньги на борзую по своему выбору, отправиться в Бушелл-Парк в Хартфорде и покататься на карусели или поехать к океану, чтобы полакомиться жареными моллюсками.

– Мир – это наша устрица, – говорила Вера, вытирая с подбородка соус тартар. – Или, по крайней мере, рулет с мидиями!

Старая «шевроле-вега» уже давно проржавела и отправилась на металлолом.

Реджи задавалась вопросом, смогут ли они с матерью узнать друг друга.

Она пыталась представить обрубок на месте правой руки своей матери, той руки, которая когда-то отбивала ритм каждой песни по радио, той самой руки, которая удерживала ее на коньках на замерзшем пруду Рикера.

Реджи откинула волосы назад и нащупала пальцами маленькие полумесяцы шрамов за искусственным ухом.

«Возможно, – подумала она, – мы узнаем друг друга по тому, чего не хватает у каждой из нас».

26 мая 1985 года. Брайтон-Фоллс, Коннектикут

– Ухо осталось на память, – сказал Чарли, когда впервые увидел его. – Теперь, может быть, сделаешь что-нибудь с этими космами?

Он потянул Реджи за длинные спутанные волосы, посылая колющие искры по затылку и вниз по позвоночнику, превращая ее в светящийся провод под током.

Они сидели в деревянном домике во дворе у Реджи и рассматривали планы по его реконструкции, нарисованные ею. Солнце пробивалось через брезент неоконченной крыши, озаряя все вокруг призрачным голубоватым сиянием.

– Тебе нужна основательная стрижка, Редж, – сказала Тара. Она лежала на спине на спальном мешке, но перевернулась набок и достала из потрепанной сумки на затяжном шнурке пачку сигарет, которую стянула у своей мамы. – Сходи к Даун в «Экспресс-парикмахерскую». Она стрижет меня.

Волосы Тары были длинными сзади и ершистыми спереди, выкрашенными в черный цвет со светлыми кончиками. Четыре сережки сидели в ее левом ухе и еще две – в правом. Ее глаза были подведены темным карандашом, но другого макияжа не было. С бледным, худым лицом и подведенными глазами она смахивала на ожившего мертвеца, поэтому другие восьмиклассники называли ее «вампиром».

– Все верно, – говорила она школьным модницам в выбеленных джинсах, носившим жизнерадостный макияж розовых и голубых тонов. – Будете шутки со мной шутить, я прилечу к вам ночью через окно и выпью досуха.

Одноклассники старались держаться подальше от Тары, впрочем, как и от Реджи – чудной одноухой девчонки без отца, которая жила в жутковатом каменном доме. Чарли, нервный и тщедушный паренек, которого все считали геєм, тоже был чужаком. Реджи знала его всю свою жизнь – они жили в двух кварталах друг от друга и вместе ходили в подготовительную школу – и знала, что Чарли нравятся девочки. Стоило хотя бы заметить, как он смотрел на Тару: его карие глаза как будто стекленели и были полны томного желания.

Тара закурила сигарету, выдохнула дым через ноздри и стала возиться со своей зажигалкой. Она принадлежала к тем людям, которым постоянно нужно было иметь что-то в руках. Когда она не курила, не тасовала карты

или не писала стихи, то играла с маленькой подвеской в виде песочных часов у нее на шее, смотрела, как сыплется розовый песок, потом переворачивала часы и снова смотрела.

Тара носила облегающую черную блузку с V-образным вырезом и длинными рукавами, порванную в нескольких местах, скрепленных английскими булавками. Она рвала почти всю свою одежду, а потом сшивала ее грубыми стежками или скрепляла английскими булавками и даже скрепками. Сейчас она делала вид, что не замечает Чарли, который практически капал слюной, глядя на ее грудь. Она носила лифчик второго размера, в то время как Реджи была такой плоской, что до сих пор надевала нулевой лифчик, если вообще заботилась делать это. Реджи с сомнением посмотрела на свою мешковатую серую футболку, купленную Лорен на какой-то распродаже.

– Можно мне затынуться? – спросил Чарли, что было глупостью, поскольку он вообще не курил. Еще месяц назад он изводил Тару, показывая ей фотографии с черными легкими курильщиков. Его мать была заядлой курильщицей и умерла от рака, когда Чарли исполнилось десять лет. Реджи помнила, как приходила к нему домой, когда его мать была жива, и от нее воняло как из пепельницы. Впрочем, она была приятной женщиной. Она научила Реджи делать «кошачью колыбельку» и готовить разноцветный мармелад. Она была просто кудесницей в этом деле. Однажды, в День президента^[5], она принесла для учеников второго класса мармеладный торт в форме горы Рашмор. Прошло три года после ее смерти, но Реджи по-прежнему сильно тосковала по миссис Бэrr. А если она тосковала, то каково было Чарли?

Тара подтолкнула к нему пачку.

– Можешь взять целую.

Тара никогда не встречалась с матерью Чарли. Она переехала в Брайтон-Фоллс в прошлом году, после развода родителей. Ее отец остался в Айдахо со своей новой подружкой, которая, по словам Тары, была вдвое моложе ее матери. Девушка была беременна, и это означало, что у Тары появятся сводный брат или сестра, но ее совсем не радовала такая перспектива.

– Вряд ли я вообще увижу ребенка, – говорила Тара. – То есть с чего бы это? Мой папаша смотрит на это, как на второй шанс получить идеальную жену и ребенка. Он едва ли захочет, чтобы я околачивалась поблизости и напоминала ему, какой паршивой была его жизнь.

Она говорила, что ей наплевать, но потом Реджи видела, как она до крови ковыряет кожу вокруг ногтей.

Тара и ее мать снимали крошечную квартиру с двумя спальнями в многоквартирном доме «Грайст-Миллс», где жили в основном инвалиды и получатели социальных пособий. Это был большой и некрасивый трехэтажный дом в форме буквы L, где во дворе было полно битого стекла и окурков, а двое стариков постоянно сидели на скамейке, словно пара горгулий. Тара клялась, что один из них показывал ей свой пенис. Лорен не нравилось, когда Реджи ходила в «Грайст-Миллс», поэтому в редких случаях, когда это происходило, она лгала своей тете.

Первые несколько дней в школе Тара во время ланча сидела в углу одна. Это Чарли пришла в голову мысль пригласить ее за их стол.

– Она выглядит уродски, – пожаловалась Реджи.

– А мы что, нет? – ответил Чарли и пошел поговорить с Тарой, не дожидаясь согласия подруги.

Мать Тары выросла в Брайтон-Фоллс, и ее родственники до сих пор жили здесь. Во всяком случае, так говорила Тара, но Реджи никогда не видела ее тетюшек, дядюшек или кузенов и даже не слышала о них. Когда она пристала к Таре с вопросами, та сменила тему. Ее мать работала официанткой в заведении Дэнни на Эйрпорт-роуд. Когда она не работала, то уходила в свою комнату и спала или смотрела телевизор с чашкой кофе, сдобренного бренди. Иногда Реджи, Чарли и Тара ездили на велосипедах в кафе Дэнни, и ее мама давала им бесплатные десерты. Ее глаза всегда были припухшими, с темными кругами внизу, а от кожи исходил сладковатый коньячный запах, словно бренди сочилось через поры.

Тара мало говорила о своем отце, и было непохоже, что он когда-либо звонил ей или писал письма. Однажды Реджи услышала, как мать Тары набросилась на дочь, когда она попросила денег на новые туфли: «О господи, Тара! Почему ты не позвонишь своему неверному отцу и не предложишь ему оказать гребаную отцовскую поддержку, которую он задолжал? Может быть, тогда мы позволим себе раскошелиться на новые туфли. Я уверена, что у его нового малыша уже есть сотня пар обуви».

В конце концов, Тара украла из магазина туфли, которые ей приглянулись. Ее мать постоянно работала или спала, так что не замечала многих загадочных пополнений в гардеробе дочери. Тара могла прийти из торгового центра в одежде, на которой болтались ценники, и мать даже глазом не ведала, а только устремлялась к выходу, пихая свой рабочий передник в хозяйственную сумку и бормоча неопределенные пожелания не засиживаться допоздна. Иногда это казалось игрой, как будто Тара нарочно дразнила свою мать и даже хотела, чтобы ее застигли с поличным.

Чарли достал сигарету, щелкнул зажигалкой и начал курить, не затягиваясь. Он набирал в рот немного дыма и тут же выпускал наружу. Его глаза покраснели, из носа потекло. Он носил футболку с принтом «Роллинг Стоунз», которую ненавидел его отец. На принте была фотография обложки альбома «Sticky Fingers» с крупным планом мужского паха. Отец Чарли говорил, что это непристойно и выглядит как наряд гомосексуалиста. Он выбросил футболку в бак для мусора, но Чарли выудил и спрятал ее, а потом надевал сверху другую футболку каждый раз, когда выходил из дома.

Отец Чарли, Стив Бэrr по прозвищу Стю, был дородным полицейским, который выказывал свое разочарование в Чарли, постоянно пытаясь втиснуть его в свое представление об идеальном сыне. Он купил ему силовой тренажер, настойчиво водил на футбол, перестал оплачивать уроки игры на гитаре и заставил сделать армейскую стрижку ежиком, отчего голова Чарли казалась странно деформированной.

Тара выпрямилась и блеснула глазами, посмотрев на Чарли.

– Сигарета, которую ты куришь, отравлена нервно-паралитическим газом. Тебе осталось жить ровно одну минуту. – Она достала подвеску с маленькими песочными часами, перевернула ее и посмотрела на тонкую струйку розового песка. – Тебя может спасти только одно.

– Что? – нервно спросил Чарли. Ответ мог быть каким угодно.

– Ты должен поцеловать Реджи. У нее на губах противоядие.

Реджи в тихой панике покосилась на подругу: неужели Тара догадывалась о ее чувствах к Чарли?

Чарли задумчиво посмотрел на свою сигарету. Он облизнул губы, возможно, пытаясь представить вкус яда. Реджи затаила дыхание в надежде на поцелуй, но в то же время молилась, чтобы этого не произошло. Если он поцелует ее, то, наверное, узнает о ее чувствах. Было так, как будто все ее секреты могли просочиться через губы прямо в его душу. Возможно ли это? Реджи не знала. Ей не приходилось целовать никого, кроме матери и тети.

– Время уходит, – напомнила Тара, глядя на сыплющийся песок. – Что выбираешь – жизнь или смерть?

Чарли тихо, подавленно вздохнул, наклонился и поцеловал Реджи. Его губы были теплыми и пахли дымом, но лишь на мгновение прижались к ее губам. Такой поцелуй мог бы подарить старший брат по настоянию матери, но тем не менее в животе Реджи возникла теплая волна. Сердце билось так сильно, что другие непременно должны были услышать это. Она

почувствовала, как покраснело ее здоровое ухо, когда осознание нахлынуло с новой силой: она влюблена в Чарли Бэрра, несмотря на его нелепую стрижку и все остальное.

Тара улыбнулась и отпустила песочные часы. Она прищурилась и посмотрела на брезентовый потолок.

– Так мы собираемся делать настоящую крышу или как? – спросила она. – Из-за этого голубого света мы все похожи на смурфиков^[6]. Очень сексуально!

Реджи рассмеялась, – пожалуй, слишком громко и нервно, – довольная переменной темы.

– Определенно, крыша следующая на очереди. Думаю, потом мы займемся мостом.

Деревянный домик был реликтом, оставшимся с детства Реджи: его построил ее дядя Джордж, когда ей было семь лет. Превращение домика в постоянное место для встреч было идеей Тары, и Реджи сразу же приступила к работе, начертив план крыши, стен с окнами и двери, выходившей на подвесной мост, который пересекал двор и вел к маленькому балкону перед ее спальней.

Реджи перерыла библиотеку в поисках книг по строительству и дизайну. Она делала заметки о расстоянии между гвоздями, интервалах между стропилами и о том, как правильно сделать оконный брус. Раньше она не думала о том, как устроены здания, но вскоре оказалась зачарована своей работой; здесь было что-то, выводившее ее любовь к рисованию на совершенно новый уровень. Ее инстинктивно привлекала аккуратность планов и рабочих чертежей, а особенно мысль о том, что можно составить проект на бумаге, а потом воплотить его в действительности с помощью досок и гвоздей. Это казалось почти волшебным.

До сих пор они успели собрать каркас стен и обить их фанерой. Простая скошенная крыша была наполовину крыта фанерой, а другая половина была затянута синим брезентом. Они принесли в домик спальные мешки, колоду карт и коробку из-под фруктов, которая служила столом. В углу лежала стопка настольных игр: «Монополия», «Угадайка», «Жизнь» и старая планшетка для спиритических сеансов, принадлежавшая Вере. Вокруг валялись пустые банки из-под кока-колы, молоток, пила, коробки гвоздей. Чарли припрятал здесь старенькую акустическую гитару. Когда они собирались по вечерам, зажигали церковные свечи в стеклянных банках, и Чарли тихо наигрывал блюзовые мелодии, погружавшие Реджи в глубокую задумчивость; музыка уносила ее в далекое место в воображаемом будущем, где Чарли был знаменитым артистом, говорившим

на сцене переполненного театра: «Эта песня посвящена Реджи».

Реджи покосилась на гитару, тщательно избегая смотреть на Чарли. Она почесывала свое новое ухо.

– Дай посмотреть. – Тара потянулась к уху Реджи, держа сигарету в уголке рта. – Оно снимается? – Она легко потянула. Когда Реджи кивнула, Тара потянула сильнее, пока ухо не оказалось у нее в руке.

– Клево! – воскликнула она, щурясь от сигаретного дыма, лезущего в глаза. – Прямо как у мистера Картофельная Голова!^[7]

* * *

Через несколько месяцев после нападения собаки (о котором в семье Реджи с тех пор говорили только как о «несчастном случае») тетя Лорен отвезла племянницу к врачу в Нью-Хейвене: он изучил ее здоровое ухо и изготовил соответствующий протез. Он был похож на настоящее ухо, но не вполне. Оттенок немного отличался, а клей, державший его на месте, ужасно чесался, поэтому ухо большей частью находилось в ящике Реджи, спрятанное под бельем. В конце концов ее мать и тетя отступились и заставляли ее носить ухо только в особых случаях.

– Твое ухо! – кричали они, когда направлялись к выходу, опаздывая на рождественскую мессу или на выставку школьных рисунков. Реджи бежала наверх, рылась в ящике и прикрепляла ухо, но в автомобиле тайком снимала его и прятала кусок резины в кармане парадного пальто, лишь время от времени щупая его, словно кроличью лапку.

Ее мать тоже была изувечена псом, которого она с тех пор называла Цербером. Пес прокусил мясистую часть ее правой ладони между большим и указательным пальцами, повредив нервы и сухожилия, которые врачи не смогли полностью восстановить. В результате, кроме полукруглого шрама, обезобразившего ее прекрасную руку, Вера еще не могла сгибать указательный палец. Она застенчиво прятала поврежденную руку, держа ее на коленях или сбоку. Когда она появлялась в обществе, носила эластичные, мягкие, как масло, длинные белые перчатки. Средний и указательный пальцы левой руки пожелтели от сигарет «Винстон», которые она постоянно курила.

В воображении Реджи пес и в самом деле превратился в трехглавое чудовище со змеиным хвостом, которое, по словам матери, было стражем подземного царства. Когда она вспоминала то нападение месяцы и годы спустя, то видела свою мать в белоснежном белье, раскручивавшую в

воздухе огромного трехглавого пса, а в ее здоровом ухе звенел крик: «УБЛЮДО-О-ОК!»

Лишь через несколько лет Реджи узнала подлинное значение слова «ублюдок» и поняла, что пес в тот день был не единственным ублюдком. Реджи была ребенком без отца, ублюдком по определению, о чем ей жестоко напомнила в четвертом классе группа пятиклассниц во главе с Дасты Троно.

– Скажи это, – прошипела Дасты, придавив Реджи коленом в песочнице, пока ее подруги смотрели и хихикали. Дасты вцепилась в прядь волос, больно потянула и закрутила.

– Я ублюдок, – проскулила Реджи. Слезы катились по ее лицу, облепленному песком.

– Теперь ешь песок, ублюдок, – велела Дасты и вдавила ее лицо в песочницу.

* * *

Осенью, перед переходом в среднюю школу, тетя и мать Реджи убедили ее получить новое ухо. Это будет новый старт, говорили они. Новое, улучшенное ухо было изготовлено из латекса и крепилось двумя титановыми винтами, которые хирург имплантировал в ее височную кость. Назначение уха было чисто эстетическим; укус причинил большой вред, а образовавшиеся рубцы делали Реджи почти глухой на левое ухо. Хирург предложил реконструировать ухо из хрящевой ткани, взятой из грудной клетки с приживленной кожей. Он показал Реджи фотографию пациентки, которая прошла такую процедуру, и ее ухо выглядело как настоящее.

– Польза в том, что мы создадим новое ухо с помощью кожи и хрящевой ткани из твоего собственного тела, – объяснил хирург. – Оно будет выглядеть и ощущаться как настоящее. Для этого понадобятся две операции с интервалом в полгода.

Расстроенная и немного испуганная такой перспективой, Реджи сказала, что какое-то время предпочитает пользоваться съёмным латексным ухом. По крайней мере, оно было гораздо лучше предыдущего, обесцвеченного и пахнувшего резиной. Теперь она выглядела почти как обычная девочка.

* * *

Реджи смотрела, как Тара вертит в руках ее новое ухо.

– Просто жуть берет, как оно похоже на настоящее, – сказала она. – Черт, оно даже на ощупь как настоящее!

Она приложила ухо к щеке и закрыла глаза. Реджи немного поежилась от этого странно интимного жеста.

Чарли погасил свою наполовину выкуренную сигарету.

– Из латекса делают разные игрушки для секса, и некоторые выглядят очень похоже, – сообщил он.

Тара рассмеялась.

– Так ты у нас эксперт по сексуальным игрушкам?

Чарли покраснел.

– Я просто сказал. – Он потянулся за своей гитарой и извлек несколько аккордов. Его пальцы были длинными и гибкими, ногти – квадратными и коротко обрезанными. Он всегда выглядел увереннее, если держал в руках гитару. Лишь в таких случаях он полностью расслаблялся и опускал плечи, а его тело словно обнимало инструмент и сливалось с ним. Иногда Реджи приходила одна в деревянный домик и держала его гитару. Она ложилась с ней на спальный мешок, обнимала полый корпус и гладила стальные струны, но не осмеливалась перебирать их.

Тара вернула ухо Реджи, которая поставила его на место.

– Думаю, у нас в гараже есть материал для крыши, – сказала Реджи. – Там лежат два листа фанеры и коробка черепицы. Нам понадобятся трос для моста и прочные болты с проушинами. Еще хомуты, в которых нужно будет закрепить петли на концах троса.

Чарли перегнулся над гитарой, посмотрел на сделанный Реджи чертеж деревянного домика и нахмурился.

– Не думаю, что это будет держаться, – сказал он, указывая на подвесной мост, ведущий от деревянного домика к маленькому балкону перед окном ее спальни.

– Конечно, будет, – возразила Реджи. – Просто нам понадобятся болты с проушинами и немного металлического троса. Мы прикрепим деревянные планки между двумя нижними тросами, а верхние будут перилами.

– Ничего не выйдет, – Чарли покачал головой и отодвинул чертеж.

– Люди всегда строили подвесные мосты, – настаивала Реджи.

– Может быть, – сказал Чарли. – Но чтобы мы смогли построить такой длинный мост... нет, это невозможно.

– В нем будет лишь двенадцать футов. А если мы...

– Это невозможно, – пренебрежительно отозвался он и вернулся к

своей гитаре, наблюдая за тем, как пальцы танцуют по струнам и заставляют гитару петь.

* * *

– Что делать, если тебе нравится какой-то человек, а ты ему не нравишься? – спросила Реджи свою маму. Они ждали своей очереди в «Экспресс-парикмахерской». Вера листала последний выпуск журнала «Variety», который достала из своей сумочки. Она носила большую кожаную сумочку, больше похожую на кожаную сумку, и набивала ее разными вещами. Чтобы достать ключи или помаду, ей приходилось извлекать наружу пачки рецептов, записки, вырванные из маленьких блокнотов, картонные пакетики со спичками, высохшие ручки, щипцы для загибания ресниц, ножницы в виде серебряной птички, купоны, баночки с кремом, пустые сигаретные пачки, оторванные пуговицы и чайные пакетики (Вера не пила чай, но клала влажные пакетики на глаза как средство от морщин).

– Откуда ты знаешь, что не нравишься ему? – спросила Вера, державшая журнал рукой в белой перчатке, так что Реджи могла видеть только глаза матери. На ее ресницах было столько туши, что Реджи гадала, как ей вообще удастся держать глаза открытыми.

Был вечер воскресенья, и очередь по записи заканчивалась на Реджи. Другие парикмахерши сметали волосы в маленькие кучки, промывали расчески в дезинфицирующем растворе и подсчитывали чаевые. Даун заканчивала хлопотать над пожилой дамой с персиковыми волосами.

Вера носила алое платье и такие же туфли на высоком каблуке. Для Реджи это была особенность ее матери: она всегда одевалась так, будто собиралась на вечеринку. Она тщательно наносила макияж перед визитом в булочную и говорила: «Никогда не знаешь, кого можешь встретить. Мир построен на связях, Реджина. Не только на твоих знаниях, но и на том, что знают *они*. Это огромная сеть, где все взаимосвязано, и все дергают друг друга за ниточки».

Реджи знала, что после стрижки мать отвезет ее домой, а потом отправится на репетицию. Она участвовала в постановке пьесы в Нью-Хейвене – в какой-то мрачной фантазии, с помощью которой местный драматург надеялся создать себе имя. Режиссером был человек, которого Вера называла Кроликом, – непостоянный ухажер матери, который обладал артистическим темпераментом и, по словам Веры, был ублюдком и в то же

время гением. Реджи ни разу не встречалась с ним, но слышала бесчисленные истории о скандалах, которые он закатывал на репетициях, и о его связях.

– Он знает всех и вся, – говорила Вера с гордой улыбкой на губах. – У него даже есть кузен в Голливуде, который работал с Мартином Скорсезе.

Мать произносила имена знаменитых людей приглушенным, заговорщицким тоном, словно они были волшебными существами, о которых не пристало говорить вслух.

Вера продолжала смотреть на Реджи над верхним обрезом журнала, ожидая ответа. Девочка закусил губу.

– Потому что ему нравится кто-то другой, – наконец выдавила она.

Вера понимающе кивнула.

– А он нравится этому «другому»?

Реджи немного подумала.

– По-моему, нет. В любом случае, не так сильно.

Вера улыбнулась.

– Тогда дай ему знать о своих чувствах. Я сама так сделала, чтобы подобраться к Кролику. Он заглядывался на ту блондиночку, пока я не убедила его. – Она довольно улыбнулась.

– Но я не могу так сделать!

Это было глупо. Она не обладала красотой и обаянием своей матери. Вера могла очаровать любого мужчину. Реджи была долговязой и неуклюжей девчонкой с плоской мальчишеской грудью. Только на прошлой неделе, когда она была с матерью на рынке Ферраро, парень у входа не мог отвести глаз от Веры.

– Можно помочь вам отнести покупки в машину? – спросил он. – Или это сделает ваш сын?

Вера не стала поправлять его.

– Спасибо, мы сами справимся, – только и сказала она.

Реджи поморщилась, когда вспомнила этот случай.

– Есть другие способы, Реджина. Но помни, ты не можешь изменить человека. Ты можешь лишь помочь ему открыть глаза.

Женщина с персиковыми волосами направилась к выходу. Даун позвала Реджи, и та поспешила к своему креслу, а Вера вернулась к изучению журнала.

– Как будем стричься сегодня? – спросила Даун и подошла ближе, застегнув пластиковую накидку. От нее пахло сигаретами и ментоловой жвачкой.

Реджи посмотрела в зеркало. Ее волосы были длинными и

спутанными, торчавшими во все стороны.

– Я готова сменить стиль, – ответила Реджи.

Даун кивнула.

– Я знаю, какая стрижка тебе нужна. – Она вымыла и расчесала волосы Реджи, затем принялась за работу: ножницы деловито щелкали, волосы падали на пол большими прядями, смешиваясь с крашеными персиковыми кудряшками.

Реджи долго после нападения пса носила длинные волосы, когда они были белокурыми и кудрявыми. «Волосы херувима», – говорила Лорен. Это был цвет волос ее матери – единственная черта, которую они разделяли друг с другом. Реджи росла, кудряшки превращались в волны, а цвет постепенно темнел – как будто доказательство ее родства с Верой год за годом отступало на второй план. Сейчас, когда Реджи сидела в парикмахерском кресле, они были каштановыми. Она посмотрела на мать, которая переключилась на журнал «*People*» и брезгливо хмурилась, глядя на певцов и кинозвезд, словно спрашивая себя: «Да кем они себя считают?». Ее платиновые волосы мягко сияли в отраженном свете.

– Держи голову прямо, милая, – попросила Даун.

Реджи повернулась к своему отражению и испытала странное ощущение, как будто видит в зеркале другую девочку. Ее лицо без растрепанных прядей, падавших на лоб, казалось более удлиненным. Лицо было узким, веснушчатым, с темно-голубыми глазами и заостренными эльфийскими чертами, отчего она казалась моложе своих тринадцати лет. Она смотрела, как аккуратно парикмахерша работает ножницами вокруг ее искусственного уха, ничем не выдавая, что оно отличается от другого.

**16 октября 2010 года. Уорчестер, штат
Массачусетс**

Следуя инструкциям Лорен, после приезда в большой, беспорядочно спланированный медицинский центр Реджи первым делом спросила, где можно найти работницу социальной службы Кэролайн Уилер. Здание оказалось путаным лабиринтом из воцеленных полов, лифтов, плающих механизмов и незатейливых репродукций на стенах. Эхо от каблучков ее ковбойских сапог разносилось по коридорам. Врачи были на обходе. В крыле «Б» объявили экстренную ситуацию. За справочными столами сидели пожилые волонтеры в зеленых халатах с бейджиками «Чем я могу помочь вам?».

Реджи однажды получила премию за проект центра социального здравоохранения, когда защищала диплом в архитектурном колледже Род-Айленда. Центр был круглым, что символизировало единство и целостность и напоминало пациентам об их связи с землей и природой. Изогнутые стены напоминали протянутые руки, готовые обнять и защитить. На каком-то глубинном уровне это навевало мысли о нашем первоначальном доме – материнской утробе. Проект Реджи включал стену с живыми растениями и большой фонтан в центре, который можно было видеть и слышать из каждой палаты. Больница в Уорчестере была антитезой этого давнего проекта. Глядя на флюоресцентные лампы, длинные коридоры, острые углы и крошечные окна, выходившие на автостоянку, Реджи не могла представить, как кто-то может выздороветь в таком месте. Она чувствовала себя потерянной и никчемной; ее лоб был влажным от пота, хотя кондиционеры гнали по коридорам прохладный воздух.

Кэролайн отвела Реджи в маленький кабинет, заполненный черными архивными шкафами из нержавеющей стали и джунглями переросших хлорофитумов. Папки и бумаги возвышались неопрятными, опасно покачивающимися стопками на массивном сером столе. На стене висела вышитая крестиком надпись в рамке: «Благословенная неразбериха», лишь приглядевшись, Реджи поняла, что это вырезка из журнала, а не ткань с вышивкой.

Кэролайн носила черную водолазку с завернутым воротником и вельветовый блейзер со вставками на локтях. На ней были ужасные очки в оправе «авиатор», и от нее пахло чесноком. Реджи проголодалась,

пока ехала до больницы, и теперь ее желудок болезненно всколыхнулся. Кэролайн указала на мягкий стул с подозрительными темными пятнами, на который не хотелось садиться. Оглядевшись по сторонам и убедившись в том, что больше сесть некуда, Реджи осторожно опустилась на краешек стула и пристроила у ног свою кожаную сумку.

– Как вы понимаете, мы постарались сделать все как можно тише и деликатнее, – сказала Кэролайн, подавшись вперед на своем стуле, так что ее живот вдавился в край захламленного стола. – Насколько мне известно, журналисты еще ничего не слышали, но я не гарантирую, что это надолго. Мы постарались ограничить визиты сыщиков, спецагентов и так далее, так как это изнуряет ее. И по правде говоря, я думаю, что ей больше нечего им сказать.

– Она сказала, где была все эти годы? Или что-нибудь о Нептуне? – Реджи закашлялась, когда произносила это имя. Ей вспомнились телефонные звонки и звук его дыхания в ее здоровом ухе.

– Ни слова. Вообще никакой связной картины. Известных фактов очень мало. Мы знаем, что последние два года она то жила в приюте для бездомных, то уходила оттуда. Она пользовалась фальшивым именем: Ивонна Кейнард. Сотрудники приюта настаивали на психиатрическом обследовании, но она отказалась. У нее уже некоторое время наблюдался сильный кашель. На прошлой неделе, когда она потеряла сознание в приюте, ее забрала «Скорая помощь». Кажется, ей понравился врач – тот самый, которому она назвала свое настоящее имя.

Реджи не удержалась от смеха.

– Дайте угадаю... высокий, красивый брюнет?

Кэролайн как будто смутилась.

– Доктор Рашана. Да, полагаю, это он. – Ее желтоватые щеки покрылись румянцем. – Она сказала ему, что была девушкой с рекламы кольдкрема «Афродита».

– Уверена, так она и сказала, – сказала Реджи. Это была стандартная реплика ее матери: «Вы знаете, что я была девушкой с рекламы кольдкрема «Афродита»?» Реджи могла представить лицо бедного врача: бездомная женщина, возможно, вдвое старше его, говорит, что когда-то она была королевой красоты. Черт побери, вероятно, он даже не слышал про кольдкрем «Афродита». Компания отошла от дел в начале 1980-х годов.

– Это была ее заявка на славу, – объяснила Реджи.

– Полагаю, теперь у нее появилась новая заявка, – сказала Кэролайн.

Реджи кивнула. В животе словно зашевелился клубок змей.

Последняя жертва Нептуна. Единственная, кому удалось выжить.

До нее лишь теперь начало доходить, какая волна поднимется в прессе, когда станет известно, что Вера жива. Реджи помнила, какими безжалостными они были, когда рука ее матери появилась на крыльце полицейского участка. Они разбили лагерь перед «Желанием Моники», повсюду следовали за Лорен и Реджи, задавали отвратительные вопросы. Некая гадина по имени Марта Пэккетт написала книгу «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс», где изобразила Веру проституткой, и не нужно было читать между строк, чтобы понять, что, по мнению автора, Вера получила по заслугам.

Марта месяцами выслеживала их семью, поджидала Реджи возле школы и говорила что-нибудь вроде: «Должно быть, это тяжело, Реджина. Если тебе нужно с кем-то поговорить, просто чтобы развеяться, я буду рядом». Ну, да. Последним человеком, с которым Реджи хотела бы поговорить, была Марта Пэккетт и ее проклятый кассетный магнитофон.

Кэролайн кашлянула.

– Согласно моим записям, ваша мать пропала в 1985 году.

Реджи кивнула. У нее началась головная боль.

– С тех пор ей пришлось пройти через многое, Реджина. – Кэролайн моргнула за стеклами безобразных очков и наградила Реджи сочувственным взглядом дипломированного психотерапевта.

Внезапно вспомнив причины, по которым она ненавидела психотерапевтов, Реджи постаралась не закатывать глаза. Неужели эта женщина считает ее идиоткой?

– Можно говорить «Реджи», да, я хорошо понимаю, что ей пришлось вынести. Теперь мы можем пойти к ней?

Кабинет казался тесным и лишенным воздуха. Раскидистые хлорофитумы как будто вырастали у нее на глазах.

– Я просто хотела, чтобы вы были готовы. Она не та женщина, которую вы помните.

Поганое откровение. Когда Реджи последний раз видела мать, та была на двадцать пять лет моложе и имела две руки.

– Мне это известно.

– Она может не узнать вас.

– Когда мы последний раз виделись, мне было тринадцать лет. Я и не ожидаю, что она узнает меня. – Реджи подвинулась на стуле и подняла руку, чтобы потрогать рубец вокруг левого искусственного уха, но вовремя остановилась. Она не хотела новых сочувственных взглядов от этой женщины.

– Не знаю, как много рассказала ваша тетя, но ваша мать сильно

возбуждена и находится в сумеречном состоянии сознания. У нее есть признаки параноидного синдрома и галлюцинаций. Это состояние может иметь несколько причин: глубинные психиатрические проблемы, долгое злоупотребление алкоголем и ее нынешняя болезнь.

А как насчет того, что она находилась в плену у проклятого серийного убийцы? Разве это не сделает кого угодно немного безумным? Реджи закусил губу, чтобы удержаться от этих вопросов. Она представила, как Кэройлайн Уилер делает пометку, что чрезмерная возбудимость – это их семейная черта. Вместо этого Реджи понимающе кивнула. Ей хотелось покончить с пустопорожними разговорами и встретиться со своей матерью, в каком бы состоянии та ни находилась.

– Мы держим ее на некоторых препаратах, позволяющих ей быть более... спокойной, и я уверена, что доктор Рашана готов все с вами обсудить. Мне известно, что он разговаривал по телефону с вашей тетей и договорился о симптоматической терапии на дому. Как мы объяснили, ваша мать нуждается в круглосуточном уходе.

Глубинные психиатрические проблемы. Симптоматическая терапия.

Слова прыгали в голове Реджи, как шарики для игры в пинбол, отскакивая от звоночков и гудков, от которых у нее разболелась голова и заныла челюсть.

– Ничего нельзя поделать? – спросила Реджи, негодуя на жалобные детские нотки в своем голосе. Она откашлялась и продолжала своим лучшим профессиональным тоном, четко выговаривая каждое слово: – Я имею в виду лечение ракового заболевания.

– Это большой вопрос для доктора Рашаны. Но, насколько я понимаю, болезнь зашла слишком далеко, и остается лишь, по возможности, обеспечивать ей комфорт... и безопасность.

«Поздновато для этого», – подумала Реджи, но снова закусил губу, на этот раз так сильно, что ощутила вкус крови.

27 мая 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Просыпайся, непоседа.

– Мама?

– Может быть. А может быть, кто-то еще. Может, это старина Дьявол пришел за тобой.

Реджи чуяла запах джина, сигарет и духов «Табу». Мать заползла под одеяло и свернулась вокруг тела спящей дочери, словно змея в поисках тепла. Вера крепко прижала Реджи к себе, выдавив воздух из ее легких.

– Очень смешно. – Реджи открыла глаза.

– Не поворачивайся, а то заметишь мои рога. Чувствуешь, как они тычут в тебя? – Она ткнула острым ногтем в спину Реджи.

– Ой! Прекрати!

Вера хрипло рассмеялась.

– Ты знаешь, что хмуришься во сне? – проворковала она и прижалась губами к щеке Реджи. Волосы матери свесились вниз и защекотали шею девочки. – Давай, просыпайся, а то я пуцу в ход свое раздвоенное копыто.

– Сколько времени? – простонала Реджи и покосилась на красные цифры электронных часов: 02.15. Иногда репетиции затягивались допоздна, а потом Вера отправлялась выпить с актерами и работниками сцены. Зачастую она ночевала на диване или в мансарде у Кролика.

Реджи потрогала шрамы и металлические выпуклости сбоку от них. Она сняла ухо и положила его в ящик прикроватного столика, потому что не могла спать с ним. Два титановых штырька напоминали ей контакты батарейки, как будто она была роботом, которого нужно подключать к сети и подзаряжать.

– У меня есть секрет, – сказала Вера, ласково поглаживая дочь по лбу. – Хочешь узнать?

Голос Веры был бодрым и оживленным, как после утренней прогулки.

– М-мм, – промычала Реджи, которой с трудом удавалось держать глаза открытыми. Может быть, зарядка кончилась? – Усталый робот, – пробормотала она.

– Я кое с кем познакомилась. С особенным человеком. Думаю, он может стать *тем самым* человеком. – Вера произнесла эти слова взволнованным шепотом, как произносила имена знаменитостей.

– Здорово, мам, – сказала Реджи и снова закрыла глаза. Она начала

проваливаться в сон и слышала лишь немногие слова, произнесенные матерью: «Важно... два дома... самый чистый автомобиль, который ты только видела...»

– А как же Кролик? – спросила Реджи, стараясь не заснуть окончательно и улавливать, о чем говорит мать. Голос Веры звучал так радостно и взволнованно, что Реджи хотелось разделить ее радость.

– Он больше не при делах, – ответила Вера.

Реджи сомневалась в этом. Кролик всегда оставался «при делах», даже если временно отступал на второй план. Вера встречалась со многими другими мужчинами, но Реджи почти ничего не знала о них. Был Сол, профессиональный фотограф, который со временем мог стать ее обратным билетом в мир рекламы и фотомоделей. Был мужчина по имени Джимми, работавший в ресторане, и еще молодой красавец в автофургоне «фольксваген», который останавливался на подъездной дорожке и дважды сигналил, оповещая о своем прибытии. Реджи не знала его настоящего имени, но называла его «мистер Голливуд», поскольку Вера говорила, что он играл эпизодические роли в нескольких блокбастерах. Она обещала Реджи, что как-нибудь возьмет напрокат видеокассеты и они вместе посмотрят эти фильмы.

– Это новый человек, – сказала Вера.

– М-мм. – Реджи снова клонило в сон.

– Он все изменит, – продолжала мать. – Я чувствую это.

Реджи снились механизмы. Шестерни, колеса и батареи. Они лязгали, бухали и пахли смазкой и электрическими разрядами.

Когда она проснулась, было больше десяти утра.

– Вот черт, – пробормотала она, когда поняла, что уже опоздала на встречу с Чарли и Тарой в центре города.

Мать ушла. Единственным, что осталось, был след от ее губной помады на подушке.

Реджи села, прикрепила искусственное ухо и открыла шкаф. Одежда, купленная для нее матерью, была сдвинута на одну сторону: платья и юбки, модные джинсы, обтягивающие брюки из нейлона, блузки со слишком низким вырезом. Реджи никогда не хватало смелости сказать матери «нет», когда они отправлялись за покупками, и Вера отбирала один наряд за другим со словами: «Вот это будет очень мило».

Может быть, и так, но для другой девочки, а не для Реджи.

Она оставила всю эту одежду без внимания и обратилась к старым, проверенным вещам: джинсам «Левис» и футболке, которую купила для нее Лорен.

Реджи быстро оделась, проверила перед зеркалом свою новую прическу и ухо и направилась на кухню. Лорен была там и тонким слоем намазывала масло на ломтик пшеничного тоста. Каждое утро ее завтрак был одинаковым: разбавленный чай и почти сухой тост.

– Мама встала? – спросила Реджи.

Лорен покачала головой и поджала губы.

– Я слышала, как она пришла вчера ночью, – сказала она.

Реджи открыла холодильник, взяла апельсиновый сок и налила себе в стакан.

– Тебе пора научиться запереть дверь на ночь, – продолжала Лорен.

– А? – Реджи закрыла дверцу холодильника и повернулась к тете. Сколько Реджи себя помнила, волосы Лорен были седыми, и она носила их зачесанными в тугий узел на затылке. У нее были заостренные, птичьи черты лица, дымчато-голубые глаза и тонкие губы, которые всегда выглядели облезшими или обкусанными. Она работала в секретариате начальной школы Брайтон-Фоллс – печатала докладные записки, составляла и вела списки прогульщиков. Летом она работала лишь по два дня в неделю. Сегодня она была одета в обычный домашний наряд: мешковатые штаны, рубашку, поношенный и покрытый пятнами рыбацкий жилет и шляпу, которая принадлежала ее отцу и была слишком велика ей, отчего Лорен казалось странно юной для сорокалетней женщины.

– Это неправильно, – сказала Лорен со своим фирменным кислым выражением лица. – Нехорошо будить тебя, когда она в таком состоянии.

– У нее была поздняя репетиция, – сказала Реджи. – Потом они, должно быть, немного выпили в баре. Ты же знаешь, что говорит мама: все это часть театральной жизни.

Лорен поморщилась.

– Запирай дверь на ночь, Реджина.

Реджи допила сок, кивнула и поспешно вышла из кухни.

* * *

Она вывела свой десятискоростной велосипед из гаража и поехала по дорожке. Парад в честь Дня поминовения, должно быть, уже начался; это было самое яркое событие года в Брайтон-Фоллс, отмечающее наступление лета. Бедный Чарли был занят, раскладывая шарики мороженого в парке на мероприятии «Лайонс-Клуб». Его дядя Бо, который владел местным дилерским центром «Форд», приставил его к этой работе вместе со своим

сыном Сидом. Отец Чарли на параде будет сидеть за рулем «краун виктории» – нового автомобиля полицейского департамента.

По пути Реджи представляла себе реакцию Чарли на ее новую стрижку. Ему понадобятся две попытки: сначала он с трудом узнает ее, а потом не сможет отвести глаз. Мать сказала, что прическа шикарная, и добавила: «Впервые в жизни ты не прячешься за своими волосами».

Реджи повернула налево на Стони-Филд-драйв, потом направо, к загородному клубу. Тонкие шины велосипеда прогибались, когда она пересекала железнодорожные пути. Ветерок шевелил короткие волосы, солнце нагревало новое ухо из латекса.

Она миновала городской автосервис «Миллерс-Фарм» и проехала под эстакадой железнодорожного моста, которую каждый год разрисовывали выпускники средней школы. «Выпуск 1985 года: рок-н-ролл навсегда!» – гласили оплывшие буквы, нанесенные красной краской.

Мэйн-стрит по обе стороны была полна зрителей в шезлонгах и на садовых стульях. Реджи слышала звуки марширующего оркестра средней школы, игравшего «Звезды и полосы». Ей было жарко, и капельки пота стекали между лопатками. Малыши махали крошечными американскими флагами. Какой-то парень на углу продавал воздушные шарики, пластиковые мечи и пневматические пистолеты, которые бухали как пробки из-под шампанского, когда мальчишки перестреливались друг с другом через улицу.

Реджи зигзагами пробиралась через толпу, направляясь вслед за парадом к югу от Мэйн-стрит, в сторону парка. Она ощущала возбуждение множества людей и принадлежность к чему-то большему, чем она сама. Это был ее город. Она знала многих жителей. Людей, для которых делал обувь ее дед. Людей, с которыми ее мама и тетя ходили в школу. Реджи высоко держала голову, втайне надеясь, что кто-то в толпе узнает ее и скажет, какая у нее чудесная стрижка и какой взрослой она теперь выглядит.

Реджи подъехала к парку и соскочила с велосипеда. На краю лужайки сидел у стола одноногий старик в кресле-коляске и собирал пожертвования для ветеранов-инвалидов, раздавая красные искусственные маки. Реджи улыбнулась, полезла в карман за четвертаком и обернула проволоочный стебель мака вокруг руля своего велосипеда.

«Лайонс-Клуб» поставил в парке шатры с длинными столами. Там жарили сосиски на гриле и резали арбузы. Реджи заметила в дальнем конце Чарли, набравшего совочком мороженое. Он облачился в клубный фартук и выглядел совершенно несчастным. Его двоюродный брат Сид стоял

рядом с ним, и Реджи подумала, что ей не приходилось видеть двух более разных родственников. Чарли был маленьким и жилистым, с очень короткой стрижкой и огромными карими глазами, которые напоминали зрачки лемура. Сид же был высоким мускулистым парнем с нечесаными светлыми волосами и расслабленным выражением благодушного недоумения на лице.

Сид оканчивал среднюю школу Брайтон-Фоллс, ездил на «мустанге» и торговал травкой, хотя говорили, что он прокуливает большую часть своей выручки. После школы и по выходным он работал смотрителем в загородном клубе. Он носил армейские нестроевые шорты и белую рубашку-поло с вензелем загородного клуба Брайтон-Фоллс. Его постоянно красные глаза скрывались под темными очками «Рэй-Бэн».

Тара стояла поблизости и неторопливо облизывала мороженое в вафельном рожке.

– Боже мой! – воскликнул Чарли, когда увидел Реджи. Он отступил на шаг с потрясенным и даже немного испуганным видом. – Что случилось с твоими волосами?

Реджи как будто двинули дубинкой в живот.

– Ты говорил, мне нужно постричься, – с запинкой отозвалась она.

– Я сказал «постричься», а не срезать все подчистую!

Сид лишь улыбнулся с добродушным и немного глуповатым видом.

– Превосходно, – одобрила Тара, облизывая вафельный рожок. – Она похожа на лесную фею!

– Она похожа на парня, – пробормотал Чарли и отвернулся.

– Кончай, – вмешался Сид. – Стиль «унисекс» – последний писк моды. Только посмотри на Энни Леннокс^[8].

В животе у Реджи завязался плотный узел. Ее лицо и ухо горели, в уголках глаз собирались слезы. Тара пристально посмотрела на подругу и сжала ее руку.

– Не слушай этих недоумков, – сказала Тара. – Ты великолепна.

Реджи смотрела себе под ноги.

– Рад видеть тебя, Реджина. – Дядюшка Бо вышел из-за спин Чарли и Сида. Он только что надел фартук «Лайонс Клуб» и выглядел слегка пьяным.

– Где ты был, па? – спросил Сид. – Все искали тебя и сильно переживали. У нас тут была целая драма с пропавшими булочками для хот-догов.

– У нас заканчивались лед и содовая вода. Рынок Ферраро был закрыт, и мне пришлось добираться до Камберленд-Фарм, чтобы раздобыть еще

немного.

Бо был крупным мужчиной с лицом, похожим на окорок, – мясистым, блестящим и розовым. Он открыл пакет со льдом и аккуратно срезал верхушку перочинным ножом, выгрузив содержимое в кулер. – Как поживает твоя матушка, Редж?

– Вроде отлично, – ответила Реджи и невольно поежилась. Она вспомнила, как мать заползла к ней под одеяло поздней ночью, притворяясь дьяволом, от которого несло джином. Бо как-то улыбнулся уголком рта, отчего Реджи стало не по себе. Ее мать и Бо вместе учились в средней школе и даже какое-то время ходили на свидания. Теперь Бо был женат, имел сына, который приторговывал коноплей, и жил в большом старом доме у подножия горы, продавая «форд-эскорты» и «F-150».

– Передай ей привет, ладно? – Бо подмигнул. Его взгляд пробежал по Реджи сверху вниз, словно в поисках присутствия Веры. Ничего не обнаружив, Бо тихо фыркнул.

– Конечно, – заверила Реджи и подумала: «Хрен тебе, гадина».

Тара наклонилась и прошептала ей на ухо:

– Кто этот извращенец? Он то и дело поглядывает на мои титьки. И могу сказать, что он врет насчет льда. Небось трахал какую-то девчонку-скаута.

Бо посмотрел на них, и Реджи на секунду показалось, что он все слышал. Тара одарила его ответным взглядом, откусила большой кусок мороженого от своего рожка, потом, не отводя взгляда, медленно и с довольным видом облизнула губы. Вот больная! Ну точно, больная.

– Пожалуй, нужно решить загадку с пропавшими булочками, – отрывисто произнес Бо, оторвав взгляд от Тары. Он выглядел вспотевшим и рассеянным, когда направился к грилю.

* * *

– Чарли просто осел, – сказала Тара немного позже, когда они пришли домой к Реджи. Они сидели в гостиной, смотрели канал MTV и ели кукурузные чипсы из пакетика. – Ты не должна слушать то, что он болтает. Эта прическа как будто создана для тебя.

– М-мм, – пробурчала Реджи.

– Через десять минут будут новости, и мы переключимся на другой канал, – предупредила из кухни Лорен.

– Вот тоска-а-а, – застонала Тара. Ее мать работала двойную смену, и

Реджи знала, что Тара не захочет идти домой. Она ненавидела одиночество. Когда ее мать брала много работы, Тара проводила большую часть времени в «Желании Моники».

– Могу я кое-что спросить? – обратилась к ней Реджи.

– Валяй, – сказала Тара и сунула в рот очередной оранжевый ломтик.

– Он тебе нравится?

– Чарли?

– Да.

Тара задумчиво пожевала.

– Он нормальный и все такое, но это не мой тип.

Реджи оставалось только гадать, какие парни нравятся Таре. Возможно, кто-то вроде ребят из театрального клуба, которые слушали группу Сиге и носили прически с торчащими шипами волос. Но Реджи ни разу не видела, чтобы Тара говорила с кем-то из них. Единственными школьниками, с которыми она проводила время, были Реджи и Чарли.

– Такой, как Чарли, шансов у меня не имеет, – продолжала Тара. – У меня есть особые секреты, которые я не выдам ему и за миллион лет.

Реджи кивнула. Тара посмотрела ей в глаза.

– Но может быть, тебе я скажу. Когда-нибудь.

Лорен решительно вошла в гостиную.

– Пора переключаться на третий канал. Давайте послушаем, что нам сегодня скажет Эндрю Хэддон.

Реджи была уверена, что Лорен тайно влюблена в метеоролога «Актуальных новостей» Эндрю Хэддона. Он был похож на долговязое пугало, и ни одна рубашка не сидела на нем как следует. Во время прогноза погоды он неизменно запускал игровой автомат, который якобы подводил итог предсказаниям синоптиков. Вместо яблок и вишенки там были картинки солнца, облаков, снега и дождя. Он с улыбкой крутил колесо, словно делал погоду своими руками, потом опускал взгляд и провозглашал: «Завтра будет солнечный денек! Выходите на улицу и радуйтесь!» или: «Завтра не будет ничего, кроме дождя. Не забудьте захватить зонтики!»

Реджи взяла пульт и переключила канал. Там шла реклама, где мужчина в костюме цыпленка рекламировал дилерский автосалон Бо Бэрра. «Никаких кредитов, никаких проблем! Не будьте пугливыми цыплятами, заходите к нам!»

– Думаешь, это действительно сам старина Бо Бэрр в цыплящем костюме? – спросила Тара и подалась вперед, пристально вглядываясь в экран. Реджи вспомнила, как многозначительно Тара откусила кусочек мороженого, а потом облизала губы, глядя на Бо. Мысль об этом была

тошнотворной.

– Нет, – сказала Реджи. – Наверное, это один из бедных продавцов в его автосалоне. А может быть, это Сид.

– Точно не он, – отозвалась Тара.

– Кто такой Сид? – спросила Лорен.

– Сын Бо Бэрра, – объяснила Реджи. – Он вроде как балуется травкой.

Лорен скорчила кислую мину.

– Бо Бэрр когда-то ухаживал за мамой, верно?

– Не помню такого, – пренебрежительно сказала Лорен.

– Не может быть! – взвизгнула Тара. – Правда?

Реджи кивнула.

– Мама рассказывала мне. Это было, когда они оканчивали среднюю школу. Тогда Бо был звездой футбола.

Лорен промолчала, вертя в руке вылезшую нитку из диванной обивки.

– Кстати, а где мама? – спросила Реджи.

– Не знаю, – ответила Лорен. – Она встала незадолго до полудня и молча ушла.

Реджи знала, что после новостей Лорен пойдет в гараж, возьмет удочку и болотные сапоги, а потом направится вниз по склону заднего двора к маленькой бухте, где останется до тех пор, пока не станет слишком темно, чтобы ловить рыбу на муху. Левая сторона крыльца, где Лорен сидела вечерами, пропиталась терпким запахом рыбы, который сопровождал ее повсюду. Реджи не удивилась бы, в один прекрасный день увидев жабры у нее на шее.

– Осталось две недели до школьных каникул, – обронила Лорен, по-прежнему занимаясь вылезшей ниткой.

– Ага. – Тара потянулась за очередным ломтиком кукурузных чипсов. – До свидания, неполная средняя школа Брайтон-Фоллс! И слава богу!

– Наверное, вам обеим стоит устроиться на работу, – сказала Лорен.

Тара рассмеялась.

– Мы еще слишком маленькие.

– Я с двенадцати лет работала в отцовском магазине, – возразила Лорен.

– Это было еще до принятия закона о детском труде, – парировала Тара. – Средневековье! – добавила она, стряхнув оранжевые крошки со своих черных джинсов, и заговорщицки подмигнула Реджи.

– Не думаю, что молодым людям полезно лодырничать, – заметила Лорен.

– Мы не собираемся лодырничать, – ответила Реджи. – Мы собираемся

достроить домик на дереве. И может быть, я помогу Чарли стричь лужайки.

Чарли стриг траву у соседей с тех пор, как умерла его мать. Он зарабатывал неплохие деньги и всегда искал помощников.

– Говори за себя, Дюфрен, – сказала Тара. – Я собираюсь бездельничать сколько влезет. Валяться на диване, жевать леденцы и загорать.

Реджи невольно засмеялась. Мысль о Таре, принимающей солнечные ванны, была нелепой. Ее даже никогда не видели в рубашке с короткими рукавами.

– А ты не умрешь, если окажешься под солнцем? От внезапного самовозгорания или чего-нибудь в этом роде?

Тара улыбнулась.

– А еще я не вижу своего отражения в зеркале. И не вздумай креститься в моем присутствии!

– Хватит, Тара! – отрезала Лорен.

– Извините, мисс Дюфрен, – нежным голосом пропела Тара.

Главный сюжет шестичасового выпуска новостей заставил их всех затаить дыхание и подвинуться ближе к телевизору, где за столом сидел диктор с безупречной прической и квадратной челюстью.

– Сегодня на крыльце полицейского участка Брайтон-Фоллс была обнаружена женская рука. Неназванный источник в департаменте полиции сообщает, что руку оставили в картонке из-под молока, завернутой в коричневую бумагу.

У Реджи возникло ощущение, что она попала в кинофильм, а реальная жизнь осталась где-то позади.

– Что за дьявольщина? – воскликнула Тара, но Лорен была так потрясена, что не сделала ей замечания за ругань.

Реджи непроизвольно дернула ногой, как в тот раз, когда врач стукнул по ее колену резиновым молоточком. Нервный тик пробежал по всему телу, словно ее дергали за невидимые нити.

Детектив, дававший интервью репортерам, мало что мог сказать. Это был краснолицый здоровяк с густыми усами, в зеленой спортивной куртке из полиэстера.

– Бог ты мой, – ахнула Тара. – Это же отец Чарли!

– Это не он, – отозвалась Реджи и наклонилась ближе к телевизору.

– Реджина, не заслоняй экран, – велела Лорен. – Ты мешаешь мне смотреть.

Реджи вернулась на диван.

– Очень похож, – сказала Тара. – Он... он теперь вроде знаменитости.

– У вас есть версия, кому может принадлежать эта рука? – спросил репортер. – Принадлежала она мертвому человеку или живому?

– Боюсь, на данном этапе я не могу давать комментарии, – сказал усатый детектив. Он попросил всех, кто находился в центральной части города и видел человека с коричневым свертком, позвонить в полицейский участок. Реджи вгляделась в его лицо. Тара была права: это отец Чарли. Он выглядел более грузным, изможденным и более похожим на картофелину, чем в реальной жизни. С другой стороны, в последнее время Реджи почти не встречалась с ним. Чарли редко приглашал ее к себе, а когда это случалось, его отец всегда находился на работе.

– Гос-споди! – Тара открыла рот; ее глаза были огромными, голодными и светились изнутри, как это бывало, когда она заводила одну из своих игр о конце света.

Лорен разгладила руками свой запятнанный рыбацкий жилет, покачала головой и на мгновение закрыла глаза, словно загадывала желание.

Реджи подняла руку и прикоснулась к своему новому уху, отстегнула его, а потом со звучным металлическим щелчком поставила на место.

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Офицер Томас Спэрроу был первым, кто заметил сверток, вернувшись с парада примерно в 11.45. Сверток находился на верхней площадке гранитной лестницы, ведущей к главному входу в полицейский участок Брайтон-Фоллс. Это был сверток из плотной коричневой бумаги, перевязанный бечевкой. Офицер Спэрроу, лишь недавно приступивший к исполнению своих обязанностей, развязал бечевку, не известив начальство и не выставив защитное ограждение вокруг вероятного взрывного устройства.

«Не знаю, о чем я думал», – признался он потом в интервью со мной. Это был румяный двадцатидвухлетний юноша, который получил степень по специальности «уголовная юстиция» в местном двухгодичном колледже и сразу же подал заявление о работе в полиции. Он вырос в Брайтон-Фоллс и всегда хотел стать полисменом. «По-моему, я подумал, что произошла ошибка, понимаете? Кто-то оставил пакет на крыльце, а потом случайно забыл о нем. Он выглядел примерно так же, как пакет из булочной, аккуратно завернутый и перевязанный бечевкой».

Под коричневой бумагой Спэрроу обнаружил красно-белую картонку из-под молока, скрепленную степлером. Двигимый любопытством, он вскрыл коробку и увидел женскую руку с безупречно наманикюренными ногтями кораллового оттенка. Офицер Спэрроу отложил коробку и поспешил в участок, где оповестил о своей находке дежурного сержанта, а потом побежал по коридору в мужской туалет, где его вывернуло наизнанку.

16 ноября 2010 года. Уорчестер, штат Коннектикут

– Реджина? – пробормотала женщина, лежавшая под одеялом. – Это ты?

Ее лицо страшно исхудало, кожа была такой тонкой и белой, что под ней проступали пульсирующие голубые вены. Волосы некогда роскошного платинового оттенка теперь были бесцветными и безжизненными, словно рисовая лапша. Но это, без сомнения, была Вера.

Реджи застыла в дверях. У нее так сдавило в груди, что, казалось, весь воздух вышел из легких, а сердце остановилось.

«Давай же, заходи, проклятая трусиха».

– Это я, мама, – сказала Реджи. Как это странно: гадать о том, кого видит перед собой ее мать. Может быть, какая-то часть ребенка, которым была когда-то Реджи, – девочки, состоявшей из угловатых плечей и коленок, словно нелепая марионетка, выглядывала сейчас из-под темных локонов выющихся волос и женского тела ростом в пять футов и восемь дюймов? В конце концов, возможно, она не так уж сильно изменилась. В кожаном пиджаке, джинсах и сапогах – она по-прежнему одевалась как девчонка-сорванец, которой всегда была.

Путь от двери до кровати показался ей вечностью. Сапоги Реджи скользили по навощенному полу, как по льду. Ей снова было десять лет, и она снова оказалась на пруду Рикера, где мать учила ее кататься на коньках.

Реджи приблизилась к кровати и положила дрожащую руку на плечо Веры. Там осталось очень мало плоти; Реджи ощущала узловатые кости, образующие хрупкий каркас, скреплявший мать воедино. Реджи вспомнился конструктор, с которым она играла в детстве и складывала несколько наборов, чтобы построить башню до самого потолка, – башню, которая крепилась, шаталась и в конце концов обрушивалась на пол. Руки Веры были скрыты под одеялом, и Реджи невольно смотрела туда, пытаясь представить правую руку, отрезанную у запястья. Одеяло было тонким и белым, с голубой надписью «Собственность медицинского центра UMASS». Вера согнула ноги в коленях, сделав из одеяла некое подобие шатра. Подушка под ее головой была влажной и в грязных разводах.

Взгляды матери и дочери встретились. Реджи слегка повернула голову и откинула волосы, обнажив шрамы вокруг искусственного уха. Доказательство. Вера улыбнулась и прошептала что-то неразборчивое. Реджи наклонилась ближе.

– Что ты сказала?

– Здесь тебе нужно быть осторожной. Люди не те, за кого они себя выдают. Вроде нее. – Вера покосилась на Кэролайн Уилер, стоявшую в дверях. – Она знает старину Дьявола.

Дыхание Веры было теплым и кисловатым. У нее не хватало нескольких зубов.

– Хочешь, я отошлю ее?

Вера распахнула глаза.

– Ты можешь это сделать?

Реджи улыбнулась.

– Смотри.

Она встала, подошла к Кэролайн и объяснила, что им с матерью нужно побеседовать наедине. Сотрудница социальной службы заметно нервничала. Она переводила взгляд с Реджи на Веру, потом обратно. Может быть, Реджи казалась ей недостойной доверия или даже опасной? А что если она состоит в сговоре с Нептуном?

– Хорошо, – наконец сказала Кэролайн. – Если я вам понадобится, буду у дежурной медсестры.

Реджи вежливо улыбнулась, но не могла представить ситуацию, в которой ей понадобится Кэролайн Уилер. Реджи заперла бы дверь, если бы это было возможно.

– Так лучше? – спросила она, вернувшись к матери.

Ее мать. Боже... хотя Реджи находилась здесь, прикасалась к ней, ощущала ее дыхание, она до сих пор не могла в это поверить. Живая Вера. Реджи быстро подсчитала в уме и осознала, что ее матери недавно исполнилось шестьдесят лет. С запавшими чертами лица и дряблой кожей, она выглядела на все восемьдесят. Было ли это результатом раковой опухоли или многолетних невзгод? Чего стоило сломить такого человека? Превратить его в сморщенную куклу, лишь отдаленно напоминавшую прежний облик?

Судя по всему, Кэролайн Уилер считала, что разум Веры помутился и она больше не могла рассказать ничего полезного об убийце. Но она должна что-то помнить, верно? И какие бы подробности она ни вспомнила, они вряд ли будут иметь отношение к расспросам в полиции или к сотруднице социальной службы с кусочками брокколи, застрявшими в зубах.

– Я собираюсь отвезти тебя домой, мама.

– Домой?

– В «Желание Моники». Ты этого хочешь?

Мать посмотрела на нее водянистыми серыми глазами.

– Ты там живешь?

Реджи застыла. *Черт побери, нет. Уже больше двадцати лет.*

– Нет, – ответила она. – Но я останусь с тобой столько, сколько ты захочешь.

Реджи ясно видела это: она принесет матери чай и заварной крем, и Вера расскажет ей обо всем, что на самом деле произошло после ее похищения. Реджи получит ответы, которые не смогли получить полицейские. Она раскроет это дело как настоящий частный детектив и сделает так, чтобы этот ублюдок получил то, что ему причитается. Если бы Реджи заведовала системой правосудия, она бы распорядилась пристегнуть Нептуна к столу и дать большой кухонный тесак родственникам тех женщин, которых он убил. Око за око, рука за руку.

– М-мм... – протянула Вера с закрытыми глазами. Потом она снова широко распахнула их. – Здесь с людьми делают всякие вещи, – сказала она, понизив голос и озабоченно поглядывая на дверь. – Их забирают в подвал и вскрывают животы. А потом набивают как чучела.

Реджи смотрела на мать, не зная, что сказать. Она решила ограничиться понимающим кивком. *«Да, мама, я уверена, что они так и делают».*

Вера начала кашлять. Это был сырой, дребезжащий кашель. У нее заслезились глаза и вывалился язык. Она тряслась всем телом. Она то вынимала руки из-под одеяла, то совала их обратно, и Вера увидела обрубок: разрез был сделан чуть ниже костного выступа на запястье. Кожа там была бледной и глянцевитой – призрачная плоть. Если бы Реджи прищурилась, то почти смогла бы увидеть контуры отсутствующей ладони и пальцы, указывающие на нее. Мать наклонилась вперед, кашляя и тужась с такой силой, что казалось, будто у нее треснуло ребро. Рука Реджи потянулась к красной кнопке над изголовьем кровати. Следует ли вызвать медсестру? И вдруг все закончилось. Вера подвинулась в постели и так глубоко засунула в рот левую руку, что начала давиться. Потом она вынула руку и раскрыла ладонь.

– Видишь?

Реджи опустила глаза. Костяшки на пальцах матери распухли, средний и указательный пальцы пожелтели от никотина. А в морщинистой ладони лежало нечто похожее на слизистый комочек белых нитей.

Реджи поежилась и ощутила, как к горлу подступает желчь.

– Давай увезем тебя отсюда, – сказала Реджи.

Она нашла пластиковый пакет с надписью «Личные вещи пациентов»

и торопливо сложила туда все, что смогла найти: больничную зубную щетку и пасту, шампунь и дезодорант, желтую пластиковую расческу и лосьон для тела. В шкафу и на вешалке не нашлось никакой одежды, кроме длинного мужского пальто из черной шерсти. Подкладка местами оторвалась или прохудилась, на левом локте была дырка.

– Это твое, мама? – спросила Реджи и сняла пальто с вешалки.

Вера кивнула.

Пальто оказалось тяжелее, чем думала Реджи, и вскоре она поняла, что подкладка из прорех пошла на маленькие самодельные карманы, нашитые в разных местах. Реджи улыбнулась при виде очередного волшебного фокуса своей матери. Это была прежняя Вера, все такая же изобретательная, даже бездомная и немного спятившая.

Реджи залезла в один кармашек и достала пустой пластиковый пакет, перетянутый десятком разноцветных резинок. Порывшись в других кармашках, она нашла спички, раскрошенную сигарету, сломанный мобильный телефон, два целлофановых пакетика с солеными крекерами, заколки для волос и почти пустой бумажник, если не считать просроченного купона на шампунь Herbal Essense. Ощупав рукава, Реджи нашла последний тайный кармашек в конце правого рукава, заколотый английской булавкой. Реджи отколола булавку и достала потрепанную ювелирную коробочку из красного бархата. Внутри лежали два обручальных кольца: женское и мужское. Реджи не была знатоком, но эти кольца не выглядели как дешевые украшения. Бездомная женщина, которая носит с собой ценные ювелирные изделия? Ерунда какая-то. Если только...

– Это твои, мама? – спросила она и достала из коробочки мужское кольцо. Оно было тяжелым и массивным; без сомнения, настоящее золото. – Ты *вышла замуж*? – Слова застряли на языке, и ей пришлось выдавить их.

Реджи знала, что Вера не выходила замуж за ее отца. Она даже не называла его имени и говорила, что это не имеет значения.

«Слон», – вспомнила Реджи и представила вырезанную в детстве картинку Ганеши, миролюбивого бога со слоновьей головой и призывно раскинутыми четырьмя руками.

Вера что-то прошептала в подушку, но Реджи удалось услышать лишь последнее слово: *Скоро*.

Повернув золотое кольцо, Реджи увидела аккуратно выгравированную надпись на внутренней стороне:

Пока смерть не разлучит нас

20 июня 1985 года

Реджи едва не выронила кольцо, как будто надпись вырвалась наружу и ужалила ее.

20 июня 1985 года.

Тот самый день, когда рука Веры оказалась на крыльце полицейского участка.

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Тридцатишестилетняя Андреа Макферлин была стильной женщиной с искусственной проседью в волосах и безупречным макияжем. Дипломированный бухгалтер, она работала в компании LaRouche&Jaimeson, где коллеги называли ее целеустремленной и добросовестной сотрудницей. Она помнила дни рождения всех, кто работал в офисе, и организовывала тайные подарки от Санта-Клауса на Рождество. В субботу, 25 мая, она отправилась в недельную бизнес-командировку, но так и не прибыла на свой рейс. Члены ее семьи и коллеги решили, что она слишком занята на конференции, поэтому не звонит, и никто не беспокоился из-за отсутствия вестей от нее. Впоследствии ее автомобиль нашли на долговременной автостоянке у аэропорта; ее чемодан по-прежнему лежал внутри.

27 мая рука с коралловым маникюром на ногтях была обнаружена на крыльце полицейского участка. Позднее было установлено, что рука принадлежала Андреа Макферлин, но лишь после того как через пять дней обнаружили ее тело.

«Сначала я не поняла, что она мертва, – сказала двадцатидевятилетняя Ребекка Хартли. Она каждое утро бегала трусцой в парке короля Филиппа и обнаружила тело Андреа Макферлин на рассвете 31 мая. – Я подумала, кто-то решил разыграть людей. Пьяные подростки в игре «Скажи или покажи» или что-то подобное. Потом я подошла ближе и все поняла».

Андреа Макферлин была обнаженной, с перевязанным запястьем, и ее усадили, прислонив спиной к центральной части фонтана.

«Ее глаза были открыты, – сказала Хартли. – Вы знаете, что мертвец может выглядеть тихо и мирно, словно он спит. Но только не она. Я никогда этого не забуду. Она сидела там, в центре фонтана, вода струилась по ее ногам, и когда я заглянула ей в глаза, то увидела чистый ужас».

Главный судмедэксперт штата Коннектикут д-р Олдос Рэмси установил, что Макферлин погибла от удушения за несколько часов до обнаружения тела. Кроме отсутствующей руки и следов от жгута на шее, других травм или признаков сексуального насилия обнаружено не было. Вокруг ее рук и ног нашли следы вязкого материала, как от клейкой ленты.

Ее желудок был наполнен остатками вареного лобстера и топленого масла, съеденными за полтора-два часа до смерти.

1 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, Коннектикут

– Я знаю женщину, которая нашла ее.

Стоявшего за стойкой владельца кегельбана «Эйрпорт-Лэйнс» звали Дикс, и он давно дружил с Верой. Это был худой мужчина с сероватой кожей и округлым носом с отметинами от оспы, напоминавшим шары для боулинга, которые его окружали.

– Она играет по вторникам в «женской лиге», – продолжал Дикс. – Была здесь вчера вечером и все еще дрожала, как осиновый лист. Очаровательная девочка по имени Бекки. Просто крошечная, как куколка. Каждое утро около шести часов она выходит на пробежку в парке короля Филиппа. Думаю, она не скоро туда вернется.

Дикс вручил им поношенные кожаные туфли для боулинга с размерами, обозначенными пришитыми номерками на заднике: шестой размер – для Реджи, восьмой – для матери. Дядя Джордж принес свои туфли и отполированный шар.

– Эта Макферлин была совсем голая, не считая повязки на правой руке, – сказал Дикс. – Скорее всего ее задушили. Ребекка сказала, что видела синяки у нее на шее.

Вера тихо цокнула языком, подняла руку и прикоснулась к своему горлу. Джордж, явно решивший, что таких сведений более чем достаточно для тринадцатилетней девочки, обнял Реджи за плечи и увел ее от стойки к дорожке № 3.

– Погоняем шары сегодня вечером, да, Реджи? – спросил он. Дядя Джордж был низкорослым лысеющим мужчиной с заостренными чертами лица и выступающей верхней челюстью, чем-то похожий на грызуна. Он носил маленькие круглые очки, но, наверное, давно не был у офтальмолога, потому что постоянно щурился. Про себя Реджи называла его Дядюшка Мышь, но с ласковым оттенком.

– Как считаешь? – с преувеличенным энтузиазмом повторил Джордж. – Готов поспорить, у тебя врожденный талант к боулингу.

Реджи пожала плечами. На самом деле она не хотела приходить сюда. Ей хотелось остаться дома и приколачивать черепицу к крыше деревянного домика, украдкой поглядывая на Чарли и вспоминая о том, как он поцеловал ее, пусть даже и не собиравшись это делать по своей воле. Но мать настояла на поездке вместе с дядей Джорджем.

– Я не умею играть в кегли, – сказала Реджи. – И, кроме того, ты

называла Джорджа неудачником.

Реджи любила Джорджа, но мать постоянно дразнила его, насмехалась и подтрунивала над ним за его спиной.

– Тебе пора научиться катать шары, – ответила мать. – В определенных отношениях Джорджа можно считать неудачником, но он джентльмен до мозга костей. После боулинга он отведет нас на ужин в новый стейк-хаус. Я слышала, что там готовят печеную картошку пятью разными способами! Надевай свои туфли, Реджина.

Джордж дружил с Верой со средней школы. «Он всегда был очень мил со мной, – с улыбкой говорила Вера. – Но он не герой моего романа. Увы, но любой мужчина, который проводит столько времени с кучей деревянных уток, в своем роде уже неудачник». Джордж коллекционировал макеты уток, а также изготавливал собственные экземпляры в столярной мастерской, которую оборудовал в подвале. Еще он делал деревянные скамьи и чаши. Он даже изготовил на заказ письменный стол для Реджи и большое зеркало для Веры.

В кегельбане было темно и пахло лаком и антисептиком. На покрытом пятнами ржаво-коричневом ковре валялись окурки. Небольшое фойе с баром и подсвеченной рекламой пива казалось почти уютным по сравнению с гулким, похожим на пещеру залом, где были выложены десять дорожек для боулинга. Мать сразу же направилась к бару и заказала напитки.

Возле бара сидел мужчина в костюмных брюках и рубашке с жестким воротничком, баюкавший в руках бокал пива. Он что-то сказал Вере; та откинула голову и засмеялась. Вскоре она вернулась и принесла джинс с тоником для себя и безалкогольное имбирное пиво для Реджи и Джорджа. Реджи чувствовала себя неудобно в жмущих туфлях и ходила вперевалку, как пингвин, что очень сместило Веру.

– Его поймают, мама? – спросила она.

– Кого?

– Человека, который убил Андреа Макферлин.

Вера кивнула.

– Разумеется. Такое жуткое преступление! Полицейские не успокоятся, пока не отправят его за решетку.

Вера выбрала красный шар для Реджи и серебристый с блестками для себя.

– Ты знаешь, что делать, Реджина? – спросила она.

Реджи пожала плечами. Она не катала шары в кегельбане с вечеринки на день рождения, когда ей исполнилось девять лет.

Вера поставила свой бокал на стол и показала Реджи, как нужно за четыре шага подходить к лицевой линии, отводить руку назад и отпускать шар.

– Пусть шар сам сделает остальную работу, – объяснила она.

Первые несколько шаров, пущенных Реджи, ушли в «молоко», но Джордж и мать все равно аплодировали. Потом Джордж вышел к лицевой линии со своим специальным шаром. Он несколько раз подряд выбил все кегли и выиграл все возможные призы.

– Неплохо, Джордж, совсем неплохо, – сказала Вера. – Пожалуй, изготовление уток – не единственный твой талант.

Он улыбнулся и приподнял очки.

– У каждого человека есть не один талант, Вера, и тебе это известно.

– Знаешь, мне немного обидно, – сказала Вера, отпив большой глоток из своего бокала. – Все эти годы ты мастерил своих диких уток и кольцехвостых...

– Шиloxвостых, – перебил Джордж.

– Что-что?

– Утки принадлежат к шиloxвостым, – застенчиво объяснил он. – Кольцехвостые – это лемуры или млекопитающие вроде енотов.

Реджи уставилась в пол, жалея о том, что Джордж поправил ее мать. А лемуры навели Реджи на мысли о Чарли с его огромными глазами и напомнили о том, как сильно ей не хотелось ехать сюда.

– В самом деле? – проворковала Вера. Она осушила свой бокал и с легкой улыбкой покатила по дну кубики льда. – Но суть в том, что ты так и не подарил мне ни одной зверушки.

Джордж выглядел искренне озадаченным.

– Я понятия не имел, что они тебе нравятся.

– Ну, конечно, нравятся. Право же, Джордж, иногда кажется, что ты совсем не знаешь меня.

Джордж вернулся на дорожку и сделал еще один подход. Шар покатился прямо по центру, но потом отклонился в сторону и сбил только две кегли.

– Проклятье, – пробормотал он.

Между тем Вера заказала в баре еще одну порцию и поговорила с мужчиной в белой рубашке, пока ждала своей очереди. Когда она вернулась, сняла кожаные перчатки и принялась катать шары левой рукой, заверив Реджи, что результат был бы гораздо лучше, если бы она могла пользоваться правой. Джордж присвистнул и сказал:

– Видела бы ты свою маму в те времена! В средней школе она могла

переиграть любого. Она была местной звездой.

Так или иначе, Вера продолжала играть левой рукой, и Реджи могла лишь гадать, насколько лучше в ее возрасте была мать. Вера носила голубое платье и такой же шарф, которым повязала волосы. Реджи она казалась ангелом, спустившимся с небес.

Потом она поймала себя на том, что смотрит на искаленную руку матери. Когда Вера заметила это, протянула руку к дочери, словно некое доказательство.

– У всех великих героев есть изъян, – обратилась она к Реджи. Ее голос стал более расслабленным от выпитого, и, когда она потянулась к новому уху Реджи, ее пальцы скользнули по шрамам за ушной раковиной. – Это одно из свойств, которое делает их героями.

Вера снова направилась к бару.

– Еще немножко выпью и перекурю, – сказала она. Примостившись рядом с мужчиной в белой рубашке, она заказала третий бокал и достала пачку «Винстона».

Реджи вернулась на лицевую линию, а Джордж встал сзади, направляя ее.

– Не держи шар так крепко. Вот так, расслабь руку. Теперь сделай подход и обратный замах. Представь прямую линию между твоим шаром и передней кеглей. Посылай шар так, как будто это стрела, выпущенная в цель.

Реджи выпустила шар, который прокатился посередине и сбил все кегли, кроме двух в дальнем правом углу.

– Отлично! – одобрил Джордж. Реджи оглянулась в надежде, что мать видела это, но возле бара никого не было. У Реджи появилось странное, нервное ощущение в животе, перемешанное с привкусом подслащенного имбирного пива. Она ждала, слушая лязгающие и скрежещающие звуки возвратного механизма. Когда ее шар вернулся, она вложила пальцы в отверстия и заняла исходную позицию.

– Посмотрим, сможешь ли ты получить дополнительный шар, – сказал Джордж. – Представь линию, ведущую прямо к кеглям.

Реджи нацелилась на две оставшиеся кегли, но шар слишком далеко отклонился вправо и ушел в желоб. Обернувшись, она увидела, что мать еще не вернулась. Может быть, она пошла в уборную? Или вышла подышать свежим воздухом?

– Твоя мать занята, – сказал Джордж, когда отыграл свою очередь, и мрачно посмотрел в сторону опустевшего бара. – Пожалуй, я воспользуюсь возможностью посетить мужской туалет. Если твоя мама через минуту не

вернется, не стесняйся и сыграй за нее.

– Но я испорчу ее результат! – проскулила Реджи и сразу же почувствовала себя глупо. Нет надобности ломаться и изображать маленького ребенка.

Джордж издал странный звук – наполовину вздох, наполовину кряхтение – и ушел. Реджи направилась к бару, ощущая странное стеснение в груди. За стойкой сидел пожилой мужчина, протиравший бокалы.

– Могу помочь? – осведомился он.

– Э-э-э... я ищу свою маму.

Бармен пожал плечами.

Реджи направилась к задней двери, открыла ее и прищурилась от лучей раннего вечернего солнца. Матери нигде не было. С автостоянки на Эйрпорт-роуд выезжал светло-коричневый автомобиль. Потом Реджи посмотрела вниз и увидела слева от двери туфли для боулинга восьмого размера.

Кто-то положил руку на плечо Реджи, и она обернулась.

– Как насчет обеда с хорошим стейком? – спросил Джордж и выдавил улыбку на плотно сжатых губах.

– Спасибо, но мне что-то не хочется есть.

– Тогда я отвезу тебя домой. – Голос Джорджа был таким тихим, что Реджи едва слышала его, и она вдруг пожалела, что отказалась от обеда. – По правде говоря, у меня тоже пропал аппетит.

Они вернули туфли и посмотрели, как Дикс обрызгивает их антисептиком и ставит на полку. Джордж расплатился, и они направились к его пикапу. Джордж имел небольшой продуктовый бизнес и снабжал овощами и фруктами рестораны по всей долине. Из всех, кого знала Реджи, он был единственным, кто мог восхищаться свеклой и брюквой.

– Пристегнись, – с улыбкой сказал он Реджи. Потом он вставил кассету в магнитофон, и Джонни Кэш запел «Кольцо огня». Джордж аккуратно вырулил с автостоянки. Он был осторожным водителем, который никогда не превышал скорость и все время посматривал в зеркала заднего вида. В салоне автомобиля всегда царила идеальная чистота, приборная доска сверкала. К опоре зеркала заднего вида был подвешен освежитель воздуха в форме деревца. Задняя часть пикапа была обклеена стикерами, гласившими: «Тише едешь – дальше будешь» и «Как только, так сразу».

– Мне очень жаль, – сказала Реджи.

– Вам не за что извиняться, юная леди.

– Она не должна была так уходить.

Джордж снова стиснул зубы.

– Нет, не должна, – отозвался он с резкостью, неожиданной для Реджи. – Это был наш вечер, только для нас троих. – Он крепко стиснул руль, но вскоре повернулся к ней и улыбнулся как ни в чем не бывало. – Послушай, малышка, твоя мать делает то, что хочет. Я уже давно усвоил, что нет смысла пытаться изменить ее. Живи сам и дай жить другим.

Минуту-другую они ехали в молчании, приближаясь к центру города. Реджи смотрела на аккуратный ряд магазинов: лавка для домашних животных «На другом конце поводка» стояла на том месте, где раньше находилась обувная мастерская ее деда.

– Как дела дома, Редж? – спросил Джордж.

Реджи закусила губу и вспомнила о своей матери, когда та прокралась к ней в постель и рассказала о новом мужчине. Лорен потом предупредила племянницу, что нужно запирать дверь на ночь.

– Вроде нормально, – ответила она, глядя на свои кеды.

– Вот и хорошо, – сказал Джордж и плавно переместился на другую полосу. Судя по голосу, он снова улыбался. – Даже очень хорошо.

* * *

В тот вечер в деревянном домике Реджи, Тара и Чарли склонились над свежим выпуском газеты «Хартфорд Экземинар». Заголовок гласил: **«Полиция рассматривает версии убийства Макферлин».**

– Какие версии? – спросила Реджи, придвинувшись поближе, но Чарли изогнул газетный лист на себя. Тусклого света, сочившегося в открытые окна, едва хватало, чтобы различать слова. Голубой брезент над головами шелестел и хлопал на ветру.

– Они не говорят, – сказал Чарли. – Тут лишь сказано, что это официальное заявление полицейского департамента.

Сигареты Тары валялись на полу, и Чарли потянулся к ним, подцепив пачку длинными пальцами. Реджи не сказала им, что мать бросила их с Джорджем в кегельбане. Она просто сообщила, что они решили отказаться от позднего обеда, и это очень хорошо, потому что так она сможет до наступления темноты уложить несколько черепиц. Но до сих пор они лишь сражались из-за газеты.

Реджи зажгла свечи и расставила их на полу, чтобы лучше видеть. Она выглянула из окна: небо было темным и облачным, надвигалась гроза.

Тара оттолкнула Чарли и просмотрела статью на второй странице: **«Родственники и коллеги потрясены утратой».** Она была написана

журналисткой Мартой С. Пэкетт. Там имелась фотография Андреа Макферлин – коренастой женщины с искусственной проседью в волосах и сильно накрашенным лицом. Она носила белую блузку с плиссированным воротником и розовато-лиловый блейзер.

– Боже мой, – сказала Тара, оторвавшись от газеты. – У нее двое детей: маленькие девочки трех и шести лет.

– А как насчет мужа? – поинтересовался Чарли. Он попыхивал сигаретой и старался не подавиться дымом. – Убийцей почти всегда оказывается муж... или любовник.

Тара пробежала взглядом по строчкам и покачала головой.

– Она вдова. Ее муж погиб в автомобильной катастрофе два года назад.

– Стало быть, его нужно исключить, – сказал Чарли. – Но, может быть, у нее был ухажер.

– О господи! – взвизгнула Тара. – Только послушайте: «Анонимный источник в полицейском управлении Брайтон-Фоллс подтвердил, что в желудке Андреа Макферлин сохранились остатки ее последней трапезы, съеденной лишь за несколько часов до смерти, – лобстера с топленым маслом. В крови также отмечено высокое содержание морфина».

– Лобстер? – повторил Чарли. – Странные дела.

По брезенту забарабанили капли дождя: сначала тихо, потом все громче и сильнее.

– Твой отец вообще говорил об этом? – спросила Реджи. – Я имею в виду, об этом деле.

Чарли покачал головой.

– Он никогда не говорит о работе. Даже теперь, когда об этой истории сообщают во всех новостях. Блин, да я больше узнаю из газет, чем из разговоров с ним.

– Не могу понять, – сказала Реджи. – Эта женщина отправилась в деловую поездку, приехала в аэропорт, но так и не попала на самолет. Так что же, убийца поджидал ее на автостоянке? Эта стоянка принадлежит аэропорту, верно? Если он схватил ее там, то почему никто ничего не видел?

– Может быть, она знала этого человека? Возможно, она и не собиралась в деловую поездку, а хотела провести романтический уик-энд со своим тайным любовником. – Тара широко распахнула глаза; ее обычно бледное лицо разрумянилось. – Смотрите, этот тип накормил ее лобстером! Он позаботился о ней.

– Он отрезал ей чертову руку! – бросил в ответ Чарли.

– Но сделал это аккуратно, – протянула Тара и закрыла глаза. Она

медленно описала левой рукой окружность над запястьем правой руки, пробежав пальцами по косточке на запястье и по сухожилиям на внутренней стороне. – Любовно... – Она открыла глаза, встала, медленно прошлась по кругу и остановилась перед Чарли и Реджи. Казалось, все ее тело вибрировало, и Тара не могла стоять спокойно. Реджи никогда не видела ее в таком возбужденном состоянии. – Это был не какой-то слюнявый психопат с бензопилой в грязном гараже, – продолжала Тара, ломаясь, театральным голосом. – Должно быть, этот парень наложил кровоостанавливающий жгут и воспользовался настоящими хирургическими инструментами, – Тара сокрушенно улыбнулась. – Может, он даже любил ее на свой блевотный манер.

Ее взгляд остановился на стопке настольных игр в углу домика.

– У меня есть идея, – пропела Тара и почти бегом устремилась туда, где начала разбирать игры, и отодвинула в сторону «Наводящие вопросы» и «Монополию».

– Что ты делаешь, Тара? – спросил Чарли.

Она повернулась к ним со спиритической планшеткой в руках.

– Мы попробуем поговорить с ней. Может быть, она скажет нам, кто убийца!

– Ты шутишь? – Чарли выпучился на нее карими глазами.

– Давай, Реджи, – сказала Тара и протянула планшетку. – Сделаем это вместе.

Реджи и Чарли лишь раз пользовались планшеткой, в десятилетнем возрасте; Чарли нервно шутил, пока Реджи снова и снова спрашивала: «Здесь кто-нибудь есть?» В конце концов у них устали руки, а в ногах закололо от долгого сидения, поэтому они убрали игру подальше.

– Ну пожалуйста, – умильно попросила Тара. – Нужны два человека, чтобы эта штука заработала.

Реджи уселась напротив Тары со скрещенными ногами, а планшетка устроилась у них на коленях. Они легко прикоснулись пальцами к пластиковой доске в форме сердца. Реджи посмотрела на доску с изображением солнца в верхнем левом углу и луны в правом углу, с двумя изогнутыми рядами букв и словом «Прощай» внизу.

– Мы призываем дух Андреа Макферлин. Ты слышишь нас? – громко, деловито спросила Тара. Свечи замигали, и по ее лицу пробежали отблески.

– Не стоит связываться со спиритическими досками, – сказал Чарли. – Помните, что случилось с тем пареньком из «Экзорциста».

– Тихо! – шикнула Тара.

– Вы обе долбанутые. Смотрите, как бы крышу не снесло.

– Ты не мог бы заткнуться? – сказала Тара. – Ты мешаешь нашей связи с миром духов.

Чарли презрительно фыркнул, взял газету и стал рассматривать карикатуры. Реджи, не мигая, смотрела на буквы на доске, пока они не начали расплываться.

– Мы хотим поговорить с Андреа Макферлин, – повторила Тара, четко выговаривая слова и пытаясь подражать английской манере речи. Реджи подумала, что она может разыгрывать сцену из фильма, который недавно смотрела.

– Это не междугородний звонок, – ехидно заметил Чарли, не отрываясь от газеты.

Реджи вспомнила фильм «Экзорцист» и подумала о том, можно ли на самом деле стать одержимым, если пользуешься спиритической планшеткой. Что если это и впрямь похоже на открытую дверь в мир духов, откуда можно вызвать любого древнего призрака или демона?

Но такие вещи существовали только в кино. Впрочем, убийцы, которые отрезают женщинам руки, а потом кормят их лобстером, перед тем как задушить, тоже напоминали персонажей из голливудских страшилок.

Внезапно планшетка задвигалась, едва не выскочив из-под пальцев. Реджи приглушенно вскрикнула, хотя не собиралась этого делать.

Она понимала, что это Тара двигает доску, но в то же время ей хотелось поверить, что это происходит само по себе. Дыхание Реджи стало частым и неглубоким, свечи между ними отбрасывали на стены огромные тени, похожие на настоящих призраков.

– Андреа, ты здесь? – почти прошептала Тара.

Пластиковый указатель передвинулся к верхней части доски, маленькое окошко застыло над словом «Да».

– Это Тара двигает его. – Слова Чарли были обращены к Реджи, но он перегнулся над краем газеты и широко раскрыл глаза.

– Заткнись, умник, – сдавленно прошипела Тара. Затем она повысила голос: – Андреа? У тебя есть сообщение для нас?

Ничего не произошло. Реджи так сильно хотелось пошевелиться, что она едва не потянула за край планшетки, но потом осознала, что делает, и остановилась.

– Ты можешь сказать нам, кто убийца? – спросила Тара. Она наклонилась над доской, вглядываясь в буквы. Ее лицо казалось красно-оранжевым, как у дьявола... или как у Пазузу^[9].

Реджи затаила дыхание в ожидании ответа.

У Тары закатились глаза, и она начала дрожать, сначала слабо, словно ее тело состояло из листьев, а ветер продувал ее насквозь.

– Тара, – прошептала Реджи. – С тобой все в порядке?

Тара ответила низким горловым стоном, закрыла глаза и свесила подбородок на грудь. Ее дрожь усилилась.

Может быть, у Тары эпилептический припадок? Или разговоры об одержимости обернулись правдой? Реджи знала, что это не так, что Тара просто устраивает представление, но тем не менее в ней постепенно нарастала паника.

– Чарли, – сказала Реджи. – Что-то не так с...

– Здесь холодно, – сказала Тара. Ее голос был похож на змеиное шипение.

– А? – спросил Чарли и немного отполз назад.

– Там, где он держал меня, было холодно. Цементный пол, металлические трубы.

– О чем ты говоришь, Тара? – высоким, срывающимся голосом произнес Чарли.

– Меня зовут не Тара, – ответила она. Теперь, когда она повысила голос, Реджи уловила в ее речи какой-то новый акцент, но не могла связать его с чем-то определенным.

– Кто ты? – спросила Реджи.

У нее пересохло во рту. Это не могло быть правдой. Просто Тара затеяла одну из своих любимых игр, но зашла слишком далеко. Но, как бывало со всеми ее играми, что оставалось Реджи, кроме как подыгрывать? И разве это не волнующе – делать вид, что это могло произойти на самом деле? Реджи заставила себя поверить и почувствовала, как сильно забилося сердце, пока она ждала ответа, хотя заранее знала, что скажет Тара.

Дождь продолжал стучать по крыше. Отдельные капли залетали через окна и попадали на руку Реджи, покрывшуюся «гусиной кожей».

– Андреа, – с улыбкой ответила Тара. – Меня зовут Андреа Макферлин.

Реджи показалось, что в живот ударила шаровая молния. Разряд электричества прошел через туловище, передался в руки, и кончики пальцев вдруг закололо, словно ток вышел наружу. Реджи отдернула пальцы от спиритической доски.

– Ох, ради бога! – воскликнул Чарли. Он встал и отшвырнул газету. – Это уже ни в какие ворота не лезет, Тара. Ты просто *больная*!

Он распахнул дверь нижнего люка и исчез в дождливой тьме. Разумеется, Чарли разозлился, но Реджи хорошо знала его и понимала, что

другой причиной был страх. Чарли плохо выносил необъяснимые вещи.

Тара оставалась в состоянии транса – если это был транс, – уронив подбородок на грудь. Реджи затаила дыхание, не представляя, что может случиться дальше. Тара не двигалась. Ее дыхание стало странным и сипящим.

– Ты знаешь, кто он? – наконец спросила Реджи. – Нептун?

Холодные капли дождя просачивались из-под брезента и леденили кожу. Реджи задрожала и обхватила себя руками.

– Он никто и каждый из нас, – едва слышным шепотом ответила Тара. Реджи слышала ее тихие вдохи и выдохи. Потом Тара сказала: – Я знаю кое-что еще.

Реджи подалась вперед и почти прижалась лицом к лицу Тары. От нее пахло дымом и пеплом.

– Что? – спросила Реджи.

Тара сползла на пол, ее тело было вялым и безвольным, как у тряпичной куклы. Когда она заговорила, это было похоже на легкий вздох:

– Он уже выбрал следующую девушку.

16 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Чертов «Уолмарт»! – прошипела Реджи. Она вцепилась в рулевое колесо с такой силой, что заныли пальцы. – Разве мы только что не проехали «Уолмарт»?

Она бы ни за что не поверила, что может заблудиться в своем родном городе. Разумеется, после предыдущего визита прошло двадцать пять лет, но, казалось, изменилась сама география местности.

Сначала Лорен приглашала Реджи приехать на День благодарения и на Рождество (она никогда не опускалась до слов: «Было бы так приятно увидеть тебя» и ограничивалась комментарием вроде: «У нас с Джорджем полно еды, и было бы расточительством что-то выбрасывать»), но Реджи всегда находила предлоги, такие как домашняя работа, новые проекты или зарубежные поездки. В конце концов Лорен перестала приглашать ее.

Реджи выключила GPS вскоре после того, как у больницы в Уорчестере усадила мать в автомобиль. Вера с большим подозрением отнеслась к устройству. «Кто это говорит? – спрашивала она. – Откуда он знает, где мы находимся? Кто сейчас следит за нами?»

Реджи наконец выдернула шнур из гнезда, уверенная в том, что сможет добраться до «Желания Моники» по памяти. Все шло замечательно, пока она не выехала на Эйрпорт-роуд и как будто оказалась в королевстве кривых зеркал.

– Это тот же самый «Уолмарт», – поучительным тоном сказала мать.

– Не может быть, – возразила Реджи. – Это означало бы, что мы прокатились по большому кругу.

Ей хотелось плакать. Она сделала глубокий вдох и напонила себе, что несколько месяцев назад ездила строить дома на Гаити во время эпидемии холеры. Ради всего святого, разве она не сможет управиться с Брайтон-Фоллс в штате Коннектикут?

Вера хрипло захихикала. Она прошептала какое-то слово, которое Реджи не вполне расслышала, но похожее на «отсоси».

С напряженными мышцами шеи и начинающейся головной болью Реджи всматривалась в четырехполосное шоссе, которое, как она была уверена, некогда называлось Мэйн-стрит. Если бы мило назад они не проехали вывеску с надписью «Добро пожаловать в Брайтон-Фоллс», она бы усомнилась даже в том, что они находятся в нужном городе, не говоря

уже о нужной улице. Перед Реджи один за другим вырастали торговые центры, покрытые зарослями блестящих надписей: «Старбакс», KFC, «Спортивные товары Дикс», «Чили Пеппер», «Олив Гарден», «Хоум Депо».

– Даже не похоже на прежний город, правда? Такое ощущение, что мы можем находиться где угодно.

Вера кивнула.

– Где угодно, – согласилась она. – Скажи, ты не забыла упаковать мои часы?

– Часы? Я не видела никаких часов.

– Дедовские часы в передней.

Реджи поняла, что она имеет в виду часы из «Желания Моники».

– Скоро ты их увидишь, мама.

– Они отстают, – сказала Вера.

– Ты права. – Реджи вспомнила, как однажды им пришлось перевести стрелки почти на пятнадцать минут вперед.

– Нам только нужно найти Вест-стрит, да? – Она обращалась больше к себе, чем к матери. Реджи каким-то образом оказалась на полосе с поворотом налево и была вынуждена подрезать серебристый минивэн, чтобы не повернуть на автостоянку перед огромным винным магазином. Водитель вскинул руки и нажал на гудок. Реджи помахала ему в надежде на прощение.

Потом ее взгляд упал на одну из вывесок впереди: «Форды Бэрра». Дилерский салон, где хозяйничал Чарли. Салон до сих пор оставался на месте и фактически вырос в три раза. Перед входом горели буквы: «Никаких фокусов, только удовольствие. На Хеллоуин мы пересадим вас в новую телегу».

– Смотри, мама, салон Бо Бэрра! Ты помнишь Бо?

Глаза Веры матово блеснули.

– Малютка Бо потеряла овечек, не знает, бедняжка, где их найти.

– Э-э-э, ты училась с ним в средней школе. Бо Бэрр, помнишь?

Вера не ответила.

Немного дальше по улице был поворот на Ферст-авеню, ведущий к полицейскому участку. С Мэйн-стрит Реджи видела его очертания: внушительное здание из серого гранита с новой пристройкой слева. Эта новая часть здания была застекленной и имела какую-то уродливую линию крыши. Вместо органичного соединения со старой крышей она как будто *сталкивалась* с ней. Реджи переводила взгляд с нелепой пристройки на переднее крыльцо, где убийца оставлял картонки из-под молока с их жутким содержимым.

– Ладно, это Вест-стрит, – сказала Реджи и повернула направо – пожалуй, слишком быстро и резко. Железнодорожные пути, которые когда-то шли параллельно Вест-стрит, обзавелись мощным велосипедным переездом – единственное новшество, которое не раздражало Реджи до истерики.

Появилось гораздо больше домов, чем помнила Реджи. Некогда чистое поле напротив фермы Миллера покрылось многоквартирными домами с одинаковыми рядами черных входных дверей, окон с виниловыми рамами и верандами с грилями «Уэбер» на колесиках. Реджи гадала, как жильцы каждый вечер находят дорогу в собственный дом.

Они наконец-то свернули на Стони-Филд-драйв. У дома на углу имелось фальшивое кладбище на передней лужайке. Зеленая рука тянулась вверх, словно прогрызая путь из могилы.

У Реджи что-то сжалось в груди.

– Мы почти приехали, мама, – сказала она и крепко, до белых костяшек сжала рулевое колесо, проезжая мимо поместья «Эскейп», ранчо и колониальных домов, которые выглядели точно так же, как она помнила. Соседи, чьи газоны выкашивал Чарли и которые покупали у нее лимонад, когда она стояла за прилавком с шариками попкорна и плитками шоколада «Херши» на Хеллоуин. На ветвях деревьев висели пластиковые летучие мыши и призраки из простынь, сработанные новыми поколениями родителей, – возможно, теми самыми ребятами, которых Реджи знала со школы и которые теперь обзавелись собственными маленькими гоблинами.

– Куда? – спросила Вера.

– Домой, – ответила Реджи, и слово застряло у нее в горле, когда она включила поворотник и выехала на гравийную дорожку, миновав старый почтовый ящик из черного металла. Он по-прежнему кренился влево, так и не поправленный с тех пор, когда Реджи задела его во время учебной поездки на автомобиле.

ДЮФРЕЙН.

* * *

Вилла «Желание Моники» показалась Реджи миниатюрнее, чем она помнила, больше похожей на коттедж лесника из сказки, чем на замок, где могла бы жить принцесса.

Когда она росла, дом казался огромным и нескончаемым – слишком большим и темным, чтобы согреться. Каменные стены всасывали звук и

свет и всегда были немного сырыми.

Сейчас, глядя через грязное ветровое стекло, она прикинула, что дом составляет примерно 35 футов в длину и около 20 футов в ширину: большой прямоугольник из тусклого серого камня и бетона. Углы не были вполне прямыми, отчего дом казался скособоченным то на одну, то на другую сторону. Цемент местами выкрошился, и отдельные камни выпали наружу, оставив дыры, похожие на выщербленные зубы. Белая краска облезла со стропил и подоконников и местами свисала как омертвевшая кожа. Крыша находилась в прискорбном состоянии и просела посередине; сланцевые шиферные планки разъехались в стороны и раскрошились.

Дом был заложен с востока на запад: бестолковое расположение для участка на возвышенной местности с прекрасным видом на юг. Если бы Андре изучил ландшафт, использовал его естественные преимущества и поставил дом фасадом на юг, сделал побольше окон и уделил больше внимания посадке деревьев, это было бы гораздо более теплое и светлое место. Плотная каменная кладка могла бы даже стать преимуществом и служить резервуаром для тепла. Но, по сути дела, большую часть года дом оставался в тени, и стены с крышей покрылись пятнами мха. Дом казался серым и влажным, как ядовитый гриб.

– Помнишь, как ты говорила? – обратилась Реджи к своей матери, рассматривая неровные стены. – О том, что «Желание Моники» больше похоже на кличку скаковой лошади, чем на название дома?

Вера усмехнулась и наклонила голову, но казалось, что она внимательно изучает какое-то небесное явление. Реджи понятия не имела, услышала ли она вопрос, а если услышала, то смогла ли понять его смысл.

– Никаких шансов, – пробормотала Реджи, думая о том, что если дом был скаковой лошадью, то теперь он состарился, охромел и был готов к отправке на живодерню.

В следующий момент тяжелая деревянная дверь отворилась, выпустив наружу облако дыма. Из-за черной дымовой завесы вышла женщина в выцветшем домашнем платье и рыбацком жилете. Реджи заморгала. Сначала ей показалось, что она видит привидение, призрачное тело, рожденное среди дыма, пепла и руин. Но потом картинка стала более четкой. Это была Лорен, которая спускалась с крыльца, вскинув правую руку в странном повелительном жесте, как будто приказывала остановиться и не подходить ближе.

Реджи открыла дверь, и Лорен подошла ближе. Ее походка была неестественной и разболтанной, как у марионетки, перемещаемой по сцене.

– Боюсь, у нас пожар, – сказала Лорен. От нее несло рыбой, из глаз текло, спутанные волосы были опалены по краям.

* * *

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

«Серебряная ложка» – классический придорожный ресторан, расположенный примерно в одной миле от аэропорта. Фасад блестит нержавеющей сталью, «купе» отделаны красным и белым винилом. Каждый стол украшен миниатюрным музыкальным автоматом. Названия фирменных блюд написаны на грифельной доске над стойкой: сэндвич с индейкой, рассыпчатый черничный пирог, томатный суп-пюре. Открыто круглосуточно. Это центр сбора для местных подростков – место, куда можно заглянуть после просмотра двойного сеанса в кинотеатре для автомобилистов или разделить с подругой порцию бананового сплита^[10]. Ресторан также популярен у водителей грузовиков и обычно бывает полон в два часа ночи, после закрытия баров, когда люди заходят протрезвиться с помощью кофе и западного омлета^[11].

Сорокадвухлетняя Кэндис Жаке семь лет проработала официанткой в «Серебряной ложке». Во вторник, 6 июня, в 23. 15 она завершила смену, и коллеги видели, как она села в светло-коричневый седан, за рулем которого сидел неизвестный мужчина.

Кэндис была общительной женщиной и всю жизнь провела в городе. У нее было множество друзей, которые заходили в ресторан в то или иное время.

– Она знала почти всех жителей города, – заявил Лоу Нордан, управляющий рестораном.

Неделей раньше у старенького «скайларка» Кэндис сломалась трансмиссия, и она начала копить деньги на новый автомобиль, при каждой возможности работая в дополнительную смену. Друзья и коллеги подвозили ее на работу и обратно.

– Жизнь больно била ее, – сказал Лоу Нордан. – Но она каждый раз поднималась и всегда смотрела на мир позитивно. Люди с радостью помогали ей, так как знали, что она сделает для них то же самое.

Пожилая мать Кэндис, с которой она делила квартиру, ждала дочь, потому что Кэндис всегда привозила ей кусок пирога. В три часа ночи, когда по-прежнему не было никаких признаков Кэндис и персикового пирога, который она взяла с собой, ее мать позвонила в полицию.

– С ней что-то случилось, – сказала хрупкая пожилая женщина, когда сотрудники «Актуальных новостей» брали у нее интервью. – Это не похоже на Кэнди. Я просто знаю, что с ней что-то стряслось. Мать всегда знает.

7 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Моя мама хорошо знает ее, – сказала Реджи, когда встретилась в тот вечер с Тарой и Чарли в «Серебряной ложке». – Она привела меня сюда и познакомила нас.

– Не может быть! – воскликнула Тара. – Какой она была? И откуда твоя мама знала ее?

Поход в ресторан был идеей Тары. Как только она узнала о пропавшей официантке, заявила, что они просто *обязаны* побывать там.

– Только представьте, – мечтательно произнесла Тара. – Потрогать солонки, которые она наполняла, посидеть в той части зала, которую она обслуживала, на том самом месте, где мог сидеть убийца, пока следил за ней...

– Мы даже не знаем, забрал ли он ее, – сказал Чарли.

– Конечно, забрал, – возразила Тара. – Я чувствую это.

– Как удобно, что у тебя внезапно обнаружились экстрасенсорные способности, – язвительно бросил Чарли. – Теперь через тебя говорят мертвецы, передают тебе сообщения...

– Странного в мире больше, чем можно увидеть глазами, умник.

Чарли поддразнивал ее, закатывал глаза и говорил, что поход в ресторан будет извращением, но в конце концов присоединился к ним. Как выяснилось, такая мысль посетила не только их: ресторан был полон, и им пришлось дожидаться столика. Как только они вошли, услышали гул голосов посетителей, обсуждавших исчезновение официантки и возможность ее похищения тем человеком, который убил Андреа Макферлин. Атмосфера казалась странно наэлектризованной. Возможно, существовала опасность, и все хотели оказаться поближе к ней.

Реджи объяснила, что встречалась с Кэндис Жаке только один раз в возрасте семи или восьми лет, когда мать привела ее в «Серебряную ложку» отведать мороженого. Официантка была женщиной с обесцвеченными светлыми волосами и усталым лицом, носила густые синие тени для век и сережки в форме полосатых леденцов-тросточек и такую же наклейку на своем именном значке. Когда они вошли, она доедала чизбургер.

– Привет, Вера, – поздоровалась она после того, как они устроились за стойкой на вращающихся табуретах. – Давно не виделись. Как ты, золотко?

– Хорошо, – ответила Вера.
– Часто встречаешься с Кроликом в последнее время?
– Иногда, – сказала Вера, глядя в сторону.
– Передай ему привет от меня, ладно? – попросила Кэнди. Потом ее взгляд остановился на Реджи. – Кто эта маленькая леди?

– Моя дочь Реджина, – ответила Вера.
– Без шуток? – Кэнди промокнула губы бумажной салфеткой. – Да, я вижу сходство, – добавила она, посмотрев на Реджи. – Особенно глаза. У тебя прекрасные глаза твоей мамы. И только посмотрите на эти ресницы! Ты будешь разбивать сердца, маленькая Реджина, как и твоя мать.

Кэнди протянула руку и откинула со лба Реджи прядь нечесаных волос.

– Как насчет поцелуйчика для Кэнди?

Реджи вопросительно посмотрела на мать, и та сказала:

– Давай, Реджина, клюнь ее в щечку.

Реджи встала, и официантка нагнулась, подставив ей щеку. Девочка легко чмокнула ее; губы едва прикоснулись к теплой, липкой коже официантки: в дыхании Кэнди Реджи ощутила запах чеснока и вареного мяса.

– Прямо как бабочка, – сказала Кэнди. – Словно и не поцелуй вообще. Надеюсь, ты научишься делать это лучше, когда настанет пора целовать мальчиков, – хохотнула она.

Реджи развернулась на табурете и уткнулась лицом в пальто матери, пахнувшее холодным воздухом, духами и сигаретами «Винстон». Вера тоже рассмеялась.

– Готова поспорить, я знаю, что тебе понравится, маленькая леди, – сказала официантка с полосатыми леденцами в ушах. – Как насчет моего волшебного пломбира с сиропом? Я готовлю его только для самых особенных посетителей.

Реджи оторвала лицо от материнского пальто и кивнула. Когда официантка вернулась, она принесла три разных вида пломбира: с сиропом, шоколадной крошкой и толчеными орехами.

– Это настоящий подарок, – многозначительно сказала она. – Его даже нет в меню.

Позже, по дороге домой, Реджи спросила маму, как она познакомилась с Кэнди.

– Она тоже актриса?

– Когда-то была актрисой, – сказала Вера, закуривая сигарету и вращая ручку радиоприемника в поиске одной из своих любимых песен. – Когда-

то.

* * *

– Только подумайте, – сказала Тара, потягивавшая из чашки черный кофе с тех пор, как они расселись за столом. Реджи и Чарли, заказавшие молочный коктейль, сидели напротив нее. Реджи немного подвинулась, чтобы касаться коленом ноги Чарли. Они заказали на всех хрустящий картофель и луковые колечки. – Мы заимели собственного серийного убийцу! Черт побери, он может сидеть здесь, в ресторане, прямо в эту минуту!

– Если бы он был здесь, ты смогла бы указать на него? – спросил Чарли. – Разве ты теперь не ясновидящая? Стала бы ты трястись и говорить чужим голосом, если бы он оказался поблизости?

Реджи знала, что эти колкости на самом деле были его глупым способом заигрывать с Тарой. Но еще Реджи знала, что его трюки не работают, а лишь раздражают Тару.

– Это так не делается, – прошипела Тара. Она выразительно посмотрела на Реджи, словно спрашивая: «Ты можешь представить, какими невежественными бывают некоторые люди?» Реджи улыбнулась в ответ и сочувственно покачала головой.

Реджи разглядывала посетителей: водители грузовиков, ученики средних школ в форменных куртках с монограммами, семьи с детьми, которые пинали друг друга под столом и сражались за пакетики сахара.

Чарли нахмурился и помешал свой молочный коктейль.

– Насколько мы знаем, эта официантка просто уехала со своим ухажером.

– Но она не позвонила матери, – сказала Тара. – И в новостях сказали, что сегодня она должна была работать здесь. Если бы она не пропала, то, наверное, обслуживала бы нас прямо сейчас.

Реджи, решившая не обращать внимания на их препирательства, достала из кармана ручку и принялась чертить каракули на оборотной стороне своего меню. Потом она нарисовала бутылку кетчупа со слабым и искаженным отражением лица Тары с левой стороны.

Чарли покачал головой.

– Если бы она не пропала, нас вообще не было бы здесь, дорогой Шерлок Холмс, – сказал он.

Тара презрительно отвернулась, не потрудившись ответить.

Реджи рисовала и думала о том, как всего лишь час назад, поехав в ресторан на велосипеде, она видела фотографии Кэнди, расклеенные по всему городу, словно фотографии пропавших детей на оборотной стороне молочных картонок. *«Вы видели меня?»*

На фотографиях можно было разглядеть густые тени для век и серьги в виде полосатых леденцов-тросточек, хотя в размытом изображении они больше напоминали рыболовные крючки. Кэнди улыбалась с телеграфных столбов и досок объявлений, стоя в засаленной ресторанной униформе, и Реджи до сих пор чувствовала запах мяса и чеснока в ее дыхании.

«Как насчет поцелуйчика для Кэнди?»

Реджи вспомнила теорию своей матери о том, что все люди соединены невидимыми нитями и образуют громадную сеть. У Реджи была ниточка, ведущая прямо к Кэнди. Однажды она встретилась с ней и поцеловала ее в щеку. Теперь, после исчезновения Кэнди, это почему-то заставляло Реджи сильнее пугаться и нервничать.

Тара посмотрела на рисунок Реджи со своим отражением в бутылке кетчупа.

– Это потрясающе, Реджи! – взвизгнула Тара. – Меня еще никто не рисовал. Можно мне взять это?

Реджи пожала плечами, взглянула на свой рисунок и осознала, что отражение Тары носит сережки в виде полосатых леденцов.

– Не такой уж он и хороший, – сказала Реджи, но Тара сложила листок меню и убрала его в свою сумочку.

– Да ладно тебе, Реджи. – Тара закатила глаза. – В твоём левом мизинце больше таланта, чем у большинства людей во всем теле.

– Эй, друг! – крикнул кто-то через весь ресторан. Сид, кузен Чарли, направлялся к их столику, лавируя между посетителями. Его кудрявые волосы были встрепаны, как будто он только что встал с постели. Он носил джинсы, болтавшиеся на бедрах, «вареную» футболку и ботинки с высокими берцами. Его сопровождали две блондинки, одетые как хиппи, от которых несло сладким запахом пачули. Одна была довольно толстой, и ее живот выпирал над верхом запахивающейся юбки с индийским орнаментом. У другой были жуткие угри.

– Как дела? – спросил Сид. Его бледно-голубые глаза налились кровью и немного остекленели, а улыбка была кривоватой.

– Нормально, – ответил Чарли и провел рукой по коротко стриженным волосам. – А у тебя?

– Не могу пожаловаться, – с глуповатой улыбкой сказал Сид.

– Можно тебя кое о чем спросить? – произнесла Тара, глядя на Сиду.

– Давай.

– Я слышала, ты готов помочь, если кто-то интересуется определенными травами.

Одна из девушек захихикала. Она носила нитку красных стеклянных бус и маленькие круглые очки с розовыми стеклами. Ее волосы были длинными и спутанными, как клубок змей. Слева к ее поясу был прикреплен самодельный мундштук с защепкой для докуривания остатков сигарет с марихуаной, украшенный пурпурным пером.

– Можем это обсудить. Мой братец знает, где меня найти. Будь уверена, тебе понравится!

Сид отошел в сторону, и хиппи-двойняшки потянулись за ним. Чарли посмотрел на Тару и покачал головой.

– Что? – спросила Тара. – Думаю, будет забавно покурить травку. А ты как считаешь?

– Ну да, – сказал Чарли. – Только представь, что будет, если мой отец прознает об этом или найдет у меня в кармане хотя бы один грамм. Я и без того чувствую, что нахожусь в полушаге от исправительного дома, и не хочу давать ему законную причину.

– Это плохо, – вздохнула Тара, продолжавшая наблюдать за Сидом, который стоял в очереди у кассы.

– Сид – полное убожество, – сказал Чарли, когда заметил, что Тара смотрит на его кузена. – У него не осталось мозговых клеток. Отец сказал, что дядя Бо места себе не находит, потому что Сид не попал ни в один колледж, куда подавал документы. Осенью его зачислят в двухгодичный муниципальный колледж, где будут преподавать английский для отстающих и прочее дерьмо.

Тара проводила глазами уходящего Сида и повернулась к Реджи.

– Должно быть, твоя мама что-то недоговаривает, – сказала Тара, помешивая заменитель сахара, высыпаемый в кофе. Она мешала слишком быстро и сильно, так что ложечка звякала о белую керамическую чашку, и кофе перелился через край. – Они с Кэнди все еще подруги? Как они вообще познакомились? Когда она последний раз видела Кэнди?

Иногда манера речи Тары напоминала Реджи катание на аттракционных электромобилях: один сталкивается с другим и отпихивает его с дороги, пока не сталкивается со следующим, более быстрым и энергичным.

Реджи пожала плечами.

– Не знаю. Кроме того, последние несколько дней мамы нет дома, так что я не могу спросить.

– А где она?

– Не знаю, – повторила Реджи, но потом неохотно рассказала Чарли и Таре о том, что случилось в кегельбане, о том, как Вера уехала с мужчиной в белой рубашке и с тех пор не возвращалась домой. – Она репетировала пьесу в Нью-Хэйвене. Наверное, сейчас она там, остановилась у друзей.

– Погоди-ка... – Тара так резко опустила чашку, что кофе плеснул через край. – Тот тип в белой рубашке, который увез твою маму, он был в светло-коричневом автомобиле? – Ее голос сделался высоким и писклявым, словно у резиновой игрушки с пищалкой.

– Да, – сказала Реджи. – Ну и что?

– Привет! Автомобиль, Редж, он точно такой же, как у парня, который увез Кэндис Жаке! Как у парня, который мог убить Андреа Макферлин! Что если твоя мама уехала с серийным убийцей?

– Боже мой! – крикнул Чарли и опрокинул бутылку кетчупа. – Я этого не понимаю, Тара. Как легко ты додумываешься до разных гнусностей!

– Я всего лишь соединяю точки. И я не виновата, если тебе не нравится, какая выходит картинка.

– Но они не соединяются! – отрезал Чарли и потер виски, как будто у него разболелась голова. – Ты предполагаешь всевозможную дрянь и делаешь выводы, которые основаны на пустоте! Надеюсь, ты не обращаешь на это внимания, Редж.

Реджи покачала головой, подтверждая его слова. Она вяло поковырялась в жареной картошке, которую Чарли густо полил кетчупом, и вдруг почувствовала, что ей не хочется есть. Когда Реджи вытерла руки, на бумажной салфетке остались вязкие красные отпечатки.

* * *

– Реджи? – спросил Джордж, когда открыл дверь. Он прищурился за стеклами очков, словно пытался разобраться, на самом ли деле видит Реджи. Наконец он тепло улыбнулся. – Какой приятный сюрприз. Ты всю дорогу ехала на велосипеде? – Он взглянул на ее велосипед, лежавший на траве. – У тебя есть фара или что-нибудь в этом роде?

– Рефлекторы, – сказала Реджи.

– Ну, если ты собираешься кататься в темноте, придется достать тебе нормальное освещение для велосипеда. Заходи в дом.

Реджи последовала за Джорджем в прихожую его небольшого дома в фермерском стиле, а потом на кухню. Она была тесноватой и темной, с

отделкой из искусственного дерева. Столешницы из белой огнеупорной пластмассы были вычищены до блеска. В центре стоял маленький стол с четырьмя стульями, над которым висела лампа Тиффани^[12]. На полке за столом тянулись ряды деревянных уток и призов, завоеванных в кегельбане.

Реджи нравилось, как уточки наблюдают за ней; они делали это каждый раз, когда она обращалась к Джорджу за советом или просила помочь с домашней работой. Ее мать была не лучшей помощницей, и каждый раз, когда Реджи обращалась к Лорен, та советовала ей сходить в библиотеку и поискать самостоятельно. Поэтому Реджи приходила к кухонному столу Джорджа каждый раз, когда получала особенно сложное задание, или перед экзаменом, который она боялась провалить. У него был талант разделять предметы на крошечные элементы, так что даже самые трудные задачи казались осуществимыми.

– Хочешь кока-колы?

Реджи кивнула.

– Я как раз заканчивал внизу один проект, – сказал Джордж и передал ей банку шипучки из холодильника. – Хочешь посмотреть?

Его глаза горели, как обычно бывало, когда он увлеченно работал над одним из своих муляжей.

– Конечно. – Она по крашеной лестнице последовала за Джорджем в подвал. С цепей на потолке свисали флюоресцентные лампы, освещавшие работу Джорджа. Здесь имелись циркулярный станок, сверлильный станок, машинная ножовка и огромный верстак с прикрученными к нему зажимами и тисками разных видов. Перфорированная деревянная панель за верстаком была увешана инструментами, и место для каждого из них было аккуратно обведено желтой краской.

Реджи любила мастерскую Джорджа. Ей нравились опрятность и ровные ряды инструментов. Реджи согревала мысль, что можно следовать определенной схеме и в результате получить деревянную утку или комод с зеркалом. «Для каждой работы есть свой инструмент», – говорил Джордж, когда просил Реджи передать ему разные вещи: гаечный ключ 3/16, головку второго размера для отвертки «Филипс» или набор гвоздей 1/32.

– Это последняя, – сказал Джордж и взял почти законченную резную модель утки. Рядом лежали его долота и стамески. – Самка кряквы. Все предпочитают изготавливать самцов, потому что они такие нарядные со своими зелеными головами, но я решил, что самка тоже будет смотреться хорошо. Она составит компанию самцам, которые есть наверху. – Он подмигнул Реджи.

– Это чудесно, – искренне сказала Реджи. Ей казалось поразительным, что Джордж может взять простой деревянный брусок и извлечь скрытую в нем утку. – А это что? – спросила Реджи, глядя на чертежи, разложенные на верстаке.

– Сюрприз для Лорен. Я решил сделать ей шкаф, в котором она сможет хранить все свои удочки. Только молчок об этом, ладно?

– Ну конечно, – отозвалась Реджи. Она все еще смотрела на чертежи и пыталась понять, какую часть шкафа видит на них.

– Твоя мать знает, что ты здесь? – спросил Джордж.

Реджи покачала головой.

– Наверное, нам нужно позвонить ей?

– Ее нет дома. Я вроде как из-за этого и пришла.

Джордж поставил утку на верстак и вопросительно посмотрел на Реджи.

– Она не возвращалась с тех пор, как уехала из кегельбана вместе с тем парнем.

Джордж машинально пригладил волосы.

– Это нельзя назвать совершенно необычным, не так ли? Я хочу сказать, твоя мать и мужчины... ты же знаешь...

– Нет, – перебила Реджи. – Это не редкость, но меня кое-что беспокоит. Тот тип в белой рубашке, с которым она уехала, сидел в светло-коричневом автомобиле. Я видела, как они отъехали от автостоянки.

– И что?

– А Кэндис Жаке, ту официантку, которая пропала, тоже увез мужчина в светло-коричневом автомобиле.

Джордж ласково улыбнулся.

– И ты приехала сюда на велосипеде в десять вечера, поскольку думаешь, что твою мать могли похитить?

– Ну, типа того. – Реджи посмотрела на банку кока-колы у себя в руке. Это была именно такая ситуация, в которой Реджи могла положиться на Джорджа. Тот случай, когда она нуждалась в нормальном взрослом человеке, который говорит и делает нормальные взрослые вещи.

– Редж, – сказал Джордж и опустил так, что их глаза оказались на одном уровне. – Я, правда, не видел, как твоя мать вышла из кегельбана с этим мужчиной, но я более чем уверен, что она пошла добровольно. Возможно, он напомнил ей киноактера или другую знаменитость. Поверь, с твоей мамой все в порядке. Она в состоянии позаботиться о себе. И она вернется домой, когда будет готова к этому; ты же знаешь, какая она.

Реджи вертела в руке банку с шипучкой.

– Хорошо? – спросил он.

– Хорошо, – согласилась Реджи и почувствовала себя лучше.

– Слушай, а ты не поможешь мне приступить к работе над шкафом для удочек? Я могу позвонить Лорен, чтобы она не беспокоилась. Скажу ей, что мы работаем вместе над одной штукой и что я отвезу тебя домой через час или около того. Как тебе это нравится?

Реджи с энтузиазмом кивнула, и Джордж потянулся за чертежами.

– Сегодня вечером мы можем начерно подогнать доски. У меня есть прекрасный дуб. Вот, посмотри. – Он указал на один из чертежей. – Соединение «ласточкин хвост». Красиво, правда? Есть хитрость, чтобы правильно все вырезать, но дело того стоит, как ты думаешь?

Реджи кивнула и почувствовала, как расслабляется ее тело. Безумие, связанное с коричневыми автомобилями, пропавшей официанткой и рукой в коробке из-под молока, отступило на второй план, и Реджи стала изучать чертеж с увеличенным изображением маленьких трапециевидов, которые составлялись как фрагменты головоломки и плотно, почти идеально скрепляли стены шкафа без использования гвоздей или шурупов.

6 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Из дверного проема за спиной Лорен валил дым.

– Вызывай пожарных, – велела Реджи и вручила тете мобильный телефон. Та поглядела на прибор, как на лазерный пистолет. Ее лицо было изрезано морщинами, а волосы совсем поседели, кроме тех мест, где они были подпалены на концах. Лорен немного горбилась и вытягивала шею, чем напомнила Реджи пожилую черепаху.

Реджи последний раз встречалась с Лорен, когда тетушка с Джорджем приехали на ее выпускной вечер после окончания RISD^[13]. С тех пор Лорен звонила каждую неделю, но никогда не убеждала племянницу, что пора нанести визит домой. Реджи не забывала говорить о том, как она занята и о своих планах зарубежных поездок. Она даже не мечтала о том, чтобы пригласить тетю к себе, а Лорен и не намекала, что хотела бы получить такое приглашение. Из ее еженедельных звонков Реджи знала, что несколько лет назад Лорен уволилась из начальной школы и вышла на пенсию, теперь она уделяла много свободного времени волонтерской работе для Исторического общества Брайтон-Фоллс.

– Просто набери 911 и нажми кнопку «вызов», – сказала Реджи, аккуратно вложив телефон в костлявую руку Лорен. Та начала осторожно нажимать кнопки. Реджи побежала к багажнику, открыла его и вытащила огнетушитель из зажима рядом с коробкой для инструментов.

С тяжелым красным огнетушителем в руках Реджи остановилась у пассажирского окошка.

– Оставайся здесь, мама. Не выходи из машины и не входи в дом, ладно?

Вера нервно улыбнулась.

– Он и здесь нас достал? – спросила она.

– Кто?

– Старина Дьявол.

Реджи застыла, глядя на дверной проем, откуда валил дым, словно дразнивший ее, приглашавший заглянуть внутрь.

– Не думаю, мама. Но я собираюсь проверить.

Лорен сообщала адрес диспетчеру службы экстренной помощи. Она держала телефон перед лицом и в стороне ото рта, словно разговаривала по портативной радиации.

Реджи глубоко вдохнула чистый воздух и направилась к каменному крыльцу, вглядываясь в дым, застилавший дорогу. Она не видела пламени и даже не могла угадать, где находится огонь.

«У тебя есть ровно минута, чтобы забрать с собой все, что можно спасти. Что ты выберешь?»

Может быть, ранний утренний сон пытался предупредить ее, как-то подготовить к этому моменту?

Если она попадет внутрь и убедится, что дом горит и нет способа остановить пожар, что она захочет спасти? Реджи вовсе не была уверена, что в доме остались какие-то вещи, принадлежавшие ей.

Есть лишь один способ выяснить.

Реджи прикоснулась на удачу к песочным часам, висевшим на цепочке у нее на шее, и вытащила из огнетушителя защитную шпильку. Придерживая форсунку левой рукой и положив правую руку на рычаг, Реджи вошла в дверной проем. Где-то в отдалении послышался звук сирены.

«Поспеши, – шепнул ей на ухо голос Тары. – У тебя мало времени».

Несмотря на густую дымовую завесу, Реджи видела, что прихожая осталась точно такой же, какой была, когда она уезжала в колледж. Там были потертый восточный ковер, вешалка для пальто, простая скамья с зеркалом над ней и дедовские часы, которые, похоже, остановились навеки. Слева у стены начиналась лестница, ведущая к верхним спальням. Впереди был коридор, ведущий в гостиную, столовую и на кухню. Источник дыма находился где-то там.

Реджи моргала и кашляла, продвигаясь вперед. Дым разыгрывал трюки с ее восприятием: она врезалась в стену в полной уверенности, что коридор находится прямо перед ней. Повернувшись, она увидела свое отражение в зеркале над скамьей; оно колебалось, то увеличиваясь, то уменьшаясь, а потом совсем пропало. словно она вошла в павильон ужасов на ярмарке.

Может быть, подумала Реджи, на секунду поддавшись иррациональному смятению, это «Желание Моники» мстит ей, наказывает за слишком легкое расставание с домом? Если у домов есть память и душа, то разумно же предположить, что они могут сердиться?

Реджи ощупью двигалась вдоль стены, пока не нашла коридор, где заметила какой-то намек на движение впереди.

Неужели в доме есть кто-то еще? Призрачное тело, плывущее в дыму и указывающее: *«Иди сюда».*

– Кто там? – крикнула она, чувствуя себя глупо при звуках

собственного голоса. Разумеется, там никого не было.

В голове звучал голос матери: *«Он и здесь нас достал? Старина Дьявол»*.

Держа огнетушитель перед собой, Реджи пошла по коридору. Дым ел ей глаза и щипал в горле, но она двигалась вперед, пообещав себе, что вернется, если дела пойдут совсем плохо.

Повернув налево, она вошла на кухню, где ее внимание сразу же привлекли языки пламени.

По сравнению с дымом, огонь был далеко не таким впечатляющим. Горела сковородка на задней горелке плиты, выстреливая пламенем вверх по стене. Реджи нацелила огнетушитель и нажала на рычаг, заливая огонь. Пламя шипело и вздыхало; меньше чем за минуту от него ничего не осталось.

Большая сковородка из литого чугуна была полна белой пены и масла. Среди этой неразберихи Реджи различила очертания трех почерневших форелей. Головы и хвосты остались на месте; именно так Лорен предпочитала готовить их, не оставляя отходов. Реджи потянула цепочку, чтобы включить вытяжной вентилятор на стене около плиты и распахнула окно над раковиной. Теперь сирена звучала громче: на дорожку, ведущую к дому, въезжала пожарная машина с выдвижной лестницей, за которой следовал полицейский автомобиль.

Реджи вслепую прошла по кухне, сталкиваясь со старым круглым столом и стульями, и добралась до гостиной, чтобы открыть окна. Это были раздвижные окна с деревянными рамами, установленные ее дедом, и они всегда открывались очень туго. В одном месте Реджи пришлось постучать кулаком, чтобы рама сдвинулась с места. Вставка не выдержала, и целая стеклянная панель выпала внутрь, расколовшись о руку Реджи и оставив порез над запястьем, прежде чем разбиться вдребезги на дощатом сосновом полу.

– Вот срань! – прошипела Реджи, осматривая порез.

– Эй! – донесся голос от распахнутой парадной двери.

Реджи вышла в прихожую и едва не столкнулась с группой пожарных.

– Огонь потушен, – сообщила Реджи.

– Не возражаете, если я посмотрю? – спросил молодой человек, который выглядел как маленький ребенок, напяливший взрослый плащ, каску и сапоги.

Реджи отвела их на кухню, где они осмотрели обугленные остатки рыбы и почерневшую стену. Удовлетворившись увиденным, маленькая процессия вышла из дома, старший пожарный разговаривал во дворе с

офицером полиции.

– Огонь потушен, шеф, – доложил один из пожарных. – Выброс пламени со сковородки с кипящим маслом на плите. Эта дама справилась с огнетушителем.

– Раскаленное масло может воспламениться, – глубокомысленно обратился к Реджи командир пожарной бригады. Реджи кивнула и заметила, что он смотрит на ее руку. Кровь просочилась через рукав рубашки.

– Со мной все в порядке, – вставила Реджи, прежде чем он успел что-то сказать. – Просто небольшая царапина. Мы будем осторожнее при обращении с плитой. Спасибо, что приехали.

– Это был старина Дьявол? – Вера вышла из автомобиля и теперь стояла за спиной Реджи. Пожарный пристально посмотрел Вере в лицо, а потом его взгляд начал перемещаться от того места, где была ее правая рука, и обратно.

– Боже милосердный, – произнес пожарный. – Вера Дюфрен?

У Реджи пробежали мурашки по спине. Она посмотрела на кружок добровольцев из пожарной бригады: всего семь человек, вместе с полицейским.

– Нет, – сказала Реджи и встала перед матерью. – Боюсь, вы ошиблись.

Вера моментально выплыла из-за ее спины.

– Вы знаете, что я была девушкой кольдкрема «Афродита»? – драматическим тоном осведомилась она. Мужчины уставились на нее. Вера игриво улыбнулась им, показав коричневые зубы.

– Да, я знаю, – сказал командир пожарной бригады. Он снял шляпу. – Меня зовут Пол, Вера, Пол Ларуш. Мы вместе ходили в школу.

Вера продолжала смотреть на него пустым взглядом, с приклеенной улыбкой на губах.

– Боже мой, – сказал Ларуш. – Я вижу это собственными глазами и все равно не могу поверить.

– Минутку, – вмешался молодой офицер полиции и выступил вперед, чтобы поближе взглянуть на Веру. – Вера Дюфрен? Последняя жертва Нептуна?

Реджи снова встала между матерью и остальными.

– Полиция уже допросила мою мать. А теперь извините, я должна проводить ее в дом. Она нездорова.

Реджи мягко подтолкнула мать к дому, но Вера воспротивилась этому. Она то и дело поворачивалась и тянулась к кружку мужчин. Они тихо и взволнованно переговаривались между собой. Реджи уловила лишь

обрывки фраз: «Рука... Единственное тело, которое так и не нашли... Где она была все это время?»

– Это случилось слишком быстро, – произнесла Лорен, стоявшая рядом и заламывавшая руки. Казалось, она обращается ко всем и ни к кому. – Я постоянно жарю рыбу, и у меня никогда не было проблем. Но сегодня... сегодня все покатилося к чертям.

– Пошли, мама, – прошептала Реджи на ухо Вере. – Давай зайдем в дом и посмотрим на часы.

– Тик-так, тик-так, – отозвалась мать.

Молодой полицейский включил свою рацию. Один из добровольцев достал мобильный телефон и позвонил кому-то. Вот так. Можно распрощаться с намерением незаметно вернуться в город.

Реджи провела мать по коридору, пропахшему дымом.

– Добро пожаловать домой, – сказала Реджи, вдыхая едкий воздух с запахом копоти. Дома пахло развалинами.

8 и 12 июня. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

В первый официальный день летних каникул, через два дня после исчезновения официантки, на гранитном крыльце полицейского участка появился пакет. Офицер, назначенный следить за любыми подозрительными действиями перед участком, каким-то образом упустил, когда его подбросили. Приходили и уходили много людей – журналисты, горожане, спорившие насчет талонов за парковку, – одним словом, было начало рабочей смены, поэтому даже полицейские постоянно входили и выходили наружу. Офицер вышел придержать дверь для пожилого джентльмена, а потом прошел внутрь, чтобы направить его к окошку для заявления о пропаже автомобиля. Вернувшись на свой пост, офицер заметил пакет.

Как и первая посылка, это была красно-белая молочная картонка, закрытая сверху, обернутая плотной коричневой бумагой и аккуратно перевязанная тонкой бечевкой.

Внутри находилась правая рука Кэндис Жаке.

Ее принадлежность определили по розовому лаку для ногтей и маленькому золотому кольцу с аметистом, которое она носила.

Мать Кэнди появилась в дневном выпуске «Актуальных новостей», рыдая и умоляя убийцу отпустить ее дочь. «Она – это все, что у меня есть, – произнесла пожилая женщина перед камерой. – Пожалуйста, пожалуйста, сжальтесь над нею».

– Очень патетично, – сказала Тара и закатила глаза. Они с Чарли сидели в гостиной у Реджи. Лорен ушла к ручью, надев огромные болотные сапоги и прихватив сеть с удочкой. Тара достала из потрепанной сумочки с затяжным узлом бутылочку синего лака и красила свои короткие, обкусанные ногти.

– Это ее дочь, – буркнул Чарли. Он вертел в руке пластиковый медиатор для гитары в виде черепашки, который достал из кармана. – Чего ты от нее хочешь?

Он надел свои самые «козырные» джинсы с дыркой на коленке. Реджи видела волосы у него на ноге и гадала, каково будет потрогать их.

– Думаю, им не следовало вот так выставлять ее напоказ. Из-за этого кажется... не знаю, кажется, будто они сами не знают, что делать дальше. Типа все знают, что у полиции нет никаких зацепок, поэтому они вызывают к остаткам человечности, или что там еще есть у этого парня, и заставляют

мать умолять убийцу о пощаде. Это... похоже на отчаяние. – Тара помахала в воздухе левой рукой, чтобы просушить ногти, и повернулась к Чарли. – Так или иначе, этого типа считают психопатом. Как будто он обратится к добру, когда увидит слезы пожилой женщины.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь, будто полицейские сами не знают, что делать дальше? – спросил Чарли. – Мой отец практически живет в полицейском участке! Они раскроют это дело, обязательно раскроют.

Тара фыркнула.

– Убийца насмехается над ними. Оставляет руки на крыльце полицейского участка так, словно... словно гадит на их территории. Они даже не знают, с чего начать.

– А ты знаешь, да? – бросил Чарли. Он сунул медиатор в карман джинсов. – Почему бы тебе не изобразить крутую Нэнси Дрю^[14] со сверхъестественными способностями и не поймать убийцу? А, Тара?

Тара сердито уставилась на него.

– Ты просто злишься на меня из-за того, что я отказалась пойти с тобой на глупые школьные танцульки сегодня вечером. Если я не собираюсь держать тебя за руку в темноте, прикалывать к платью идиотский цветок и танцевать под слащавую песенку, положив голову тебе на плечо, значит, ты можешь вести себя как полный козел? Хороший ты выбрал путь к сердцу девушки, Ромео!

Реджи забила в угол дивана. Она вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха.

Чарли густо покраснел и открыл рот, собираясь что-то сказать, но потом передумал и плотно сжал зубы. Громко топая, он вышел из гостиной и захлопнул за собой дверь.

Реджи не удивило, что Чарли пригласил Тару на танцы, и она была рада ее отказу. Тем не менее Реджи невольно испытывала глухое негодование по отношению к Таре, похожее на приступ тошноты.

– Болван, – пробормотала Тара, глядя на захлопнутую дверь. Тара закончила красить ногти, накрутила крышку на флакон с лаком и убрала его в сумочку. Потом Тара подула на кончики пальцев, изучила свое творение и повернулась к Реджи.

– От твоей мамы до сих пор нет известий?

Реджи покачала головой.

– Мне это не нравится. Твоя мама не должна была так исчезать. Возможно, нам следует поискать ее или обратиться за помощью.

– Она в Нью-Хейвене, – твердо сказала Реджи. – Наверное, общается со своими театральными друзьями и ночует у них.

– Может быть, – буркнула Тара, перевернув маленькие песочные часы на своем ожерелье.

– Это правда? – спросила Реджи. – Чарли действительно пригласил тебя на танцы?

Она понимала, что должна выкинуть это из головы, что новые признания могут лишь усилить ее мучения, но поскольку не могла не думать об этом, то решила, что простой вопрос все равно ничего не изменит.

Тара быстро кивнула.

– Ты можешь в это поверить?

«Да, – подумала Реджи. – Да, могу». Танцы были назначены на сегодняшний вечер, и почти все старшекласники собирались прийти туда. Вчера в школьном зале состоялась дурацкая церемония окончания учебы, когда всех выстроили в шеренгу, а родители хлопали и обмахивались программками, потому что кондиционер не работал и в зале было душно и жарко, как в аду. Мама так и не пришла, но Лорен и Джордж сидели в первом ряду и так ерзали, будто одежда сковывала их движения. Джордж принес Реджи букет жутко уродливых гвоздик, выкрашенных в оранжевый цвет. Мать Тары тоже не пришла. Отец Чарли явился в последнюю минуту, когда церемония уже закончилась, и поздравил сына увесистым шлепком по спине, от которого Чарли едва не упал.

– Ты пойдешь? – спросила Реджи. – Я хочу сказать, не с ним, а вообще?

Тара покачала головой.

– Не собираюсь. Танцы – это для неудачников.

– Да, – согласилась Реджи. – Я тоже не пойду.

Так оно и вышло. Она больше ни разу не посетила среднюю школу Брайтон-Фоллс. Каким-то образом она ожидала более драматического завершения этого периода своей жизни. Она ожидала, что будет испытывать другие чувства, как будто диплом об окончании восьмилетнего обучения на самом деле символизировал нечто важное.

Как глупо.

– Слушай, могу я тебе кое-что рассказать? – спросила Тара.

Реджи кивнула.

– Я ходила к ней домой. – Тара по-совиному округлила глаза.

– К кому?

– К Андреа Макферлин, – взволнованно прошептала она. – К его первой жертве.

– Погоди, что? – Реджи запнулась. – Зачем ходить к ней домой?

Глаза Тары влажно блеснули. Она облизнула губы.

– Не знаю, Редж. Может быть, из-за того, что мы вызывали ее дух в деревянном домике? Понимаешь, я просто не могла не думать о ней. Не могла это прекратить. Поэтому я нашла ее в телефонном справочнике. Она жила в Кемпе, на самой окраине. Маленький желтый дом с детским прудом во дворе. Я приехала туда на велосипеде. Постучала в дверь, но никто не ответил. Тогда я обошла вокруг дома и заглянула в окна.

– О господи, Тара! Если бы кто-то увидел тебя, он мог бы позвонить в полицию.

Она пренебрежительно покачала головой.

– Никто не позвонил. Так или иначе, я заглянула внутрь, и знаешь, что я увидела? Старый большой кукольный домик. Вроде «дома мечты» для Барби, с лифтом и прочими хреновинами. Прямо в центре гостиной. Я подумала о бедных маленьких детях, которые потеряли маму, и о том, какой классный этот кукольный дом, но это больше не имеет значения, потому что они потеряли самое дорогое в жизни и что-то в них навсегда изменилось. А потом... – Тара замолчала, посмотрела на Реджи и сказала: – Ты должна поклясться, что никому не скажешь. Даже Чарли.

Реджи кивнула.

– А потом я оказалась в доме. Чертова задняя дверь была не заперта, так что я вошла без труда. – Тара опасливо поглядывала на Реджи, словно гадая, стоит ли рассказывать дальше.

– Ты вломилась в дом?

– Я же сказала, дверь была открыта, – отрезала Тара. Потом она как будто расслабилась и смахнула со лба прядь волос. – И я не чувствовала себя злоумышленницей, – мечтательно продолжала Тара. – Это было так... как будто все было знакомым. Как будто я не была собой. Как будто я была ею и вернулась домой. – Она застенчиво улыбнулась.

– Тара, – начала Реджи. – Я не думаю...

– Дай мне закончить, Редж, – сказала Тара и подняла руку с накрашенными ногтями. – Я вошла внутрь и присела возле кукольного домика. Вся мебель была расставлена в неправильных местах: кровать на кухне и ванна на крыше. Это выглядело как удар циклона «Барби»: повсюду разбросанная одежда, на полу – голые куклы. – Тара полезла в карман джинсов и что-то достала оттуда, держа это в сжатом кулаке.

– Я нашла это там, – сказала она. Потом, словно фокусник, достающий из воздуха кролика, она драматическим жестом раскрыла ладонь, на которой лежала крохотная кукольная туфелька розового цвета с высоким каблуком.

– Ты взяла это? Туфельку Барби? – спросила Реджи, с недоверием глядя на туфельку. – Но почему?

Тара пожала плечами, явно разочарованная ее реакцией, и убрала туфельку в карман.

– Я просто хотела иметь что-то для нее. Для Андреа. Нечто осязаемое и реальное. Что-то такое, что не будут считать пропавшим или украденным. Ты понимаешь?

Реджи тупо смотрела на подругу. Она не понимала.

– Обещай, что никому не скажешь, Редж. Пожалуйста.

* * *

Несколько следующих дней Чарли избегал общества Тары и занимался своим мелким бизнесом с газонокосилкой. Реджи не могла стерпеть, что они перестали встречаться, и напросилась ему в помощницы. Чарли вручил ей косу для высокой травы и выделил треть от своих заработков. Утром в среду, когда они находились перед домом Чарли и он заправлял свою косилку для первой лужайки, Реджи наконец заговорила о Таре.

– Она тебе действительно нравится, да?

Чарли не ответил. Он долил бензин в бак и завернул крышку.

– Просто я скучаю по нашим посиделкам, – продолжала Реджи. – Летние каникулы будут испорчены, если вы не начнете разговаривать друг с другом.

Она не сказала, чего ей хочется на самом деле; ее беспокоило состояние Тары. Та история с туфелькой Барби казалась... в общем, она казалась не просто странной, но, возможно, и безумной.

– Ты не понимаешь, – сказал Чарли.

– Что? Чего я не понимаю?

– Мне невыносимо находиться рядом с ней.

Реджи закусила губу.

– Кажется, я понимаю...

Чарли пренебрежительно покачал головой, словно и впрямь считал Реджи несмышленной девчонкой. Он встал и выкатил газонокосилку на улицу. Первая лужайка на сегодняшний день принадлежала вдове миссис Ларраби, которая жила за пять домов от Чарли. Реджи заправила садовый триммер и присоединилась к нему. Они трудились под треск работающих моторов; запах бензина и скошенной травы следовал за ними. Реджи обрабатывала траву по периметру дома и возле каменной стены на дальнем

конце двора миссис Ларраби. Чарли ходил взад-вперед и выкашивал ровные ряды на газоне.

Когда Реджи закончила, она села и стала смотреть на Чарли. Утро было жарким, и спина Чарли намокла от пота. Реджи видела, как пот струится по его шее, которая уже хорошо загорела. Реджи представила, как касается его там, какой теплой и влажной будет его кожа, как она проведет пальцами по его подбородку, коснется кадыка и переместится в ложбинку под ним. Реджи хотелось ощутить это мягкое углубление над ключичной костью.

Миссис Ларраби вышла из дома с двумя стаканами холодного лимонада, и Чарли остановил косилку.

– Ты уже слышала? – спросила миссис Ларраби, протянув Реджи тяжелый запотевший стакан. – Сегодня утром нашли официантку из «Серебряной ложки». Бедняжку задушили, как и ту, другую девушку. Она была на лужайке перед городской библиотекой, совсем голая, если не считать повязок. Ее тело уложили рядом со статуей. – Миссис Ларраби поежилась.

Реджи ясно представила гранитный монумент в виде стопки книг и слово «Знание», выгравированное внизу. И там, в ранней утренней тени, лежало тело Кэнди.

«Как насчет поцелуйчика для Кэнди?»

* * *

Когда Реджи вернулась в «Желание Моники», она направилась по коридору на кухню. Из гостиной доносился раздраженный голос Лорен. Она говорит по телефону? Но потом Реджи услышала голос своей матери. Облегчение нахлынуло, как настоящая волна. Реджи осталась на кухне, где ее не видели, и прислушалась.

– Я этого не потерплю, – процедила Лорен. – Только не в этом доме. Если бы отец был...

– Только не начинай о том, что сказал бы отец, – предупредила Вера. – А если хочешь продолжать в том же духе, то позволь напомнить, что ты меньше всех остальных имеешь право судить меня.

– Не знаю, что...

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Можешь обзывать меня как угодно, но ты не святая, Лорен. Не думай, будто мне неизвестно, что происходит в твоём гараже.

Тут Реджи услышала недвусмысленный звук пощечины и тихое мычание.

Шаги направились к ней. Реджи лихорадочно огляделась: сможет ли она где-нибудь спрятаться? Но Лорен уже вошла на кухню.

– Реджина, – дрожащим голосом сказала тетушка. Ее лицо было очень бледным. Она была в шляпе и старом рыбацком жилете. Реджи замерла, ожидая, что произойдет дальше. Лорен секунду посмотрела на нее, потом направилась из кухни в коридор и вышла из дома. Реджи выглянула в окно и увидела, как Лорен пересекает дорожку и входит в гараж.

Что Лорен могла делать в гараже, кроме наживки для ловли форели?

Реджи прошла в гостиную и увидела мать, сидевшую на диване и прижавшую руку к щеке. На матери было блестящее голубое платье, которое Реджи раньше не видела.

– Привет, – сказала Реджи. – Ты в порядке?

– Все нормально, – ответила Вера. – Просто отлично.

Она отвела руку от щеки, на которой осталось ярко-красное пятно. Реджи отвернулась, глядя на свои теннисные туфли с налипшими обрезками травы и машинально почесывая новое ухо.

Реджи всегда была тихим ребенком, даже в присутствии других членов семьи, и причина отчасти заключалась в том, что она никогда не могла найти правильных слов. Обычно слова давались ей с трудом; они были скорее препятствиями, чем линиями связи. Лишь потом, поздно вечером, когда она прокручивала разговоры в голове, к ней приходили правильные слова. Это было как злая шутка, – слишком мало, слишком поздно.

Теперь, когда мать снова поднесла изувеченную руку к покрасневшей щеке, Реджи должна была нарушить молчание, разорвать заклятие тишины. Но когда она открыла рот и слова вывалились наружу, она осознала, что снова сделала все неправильно.

– Кэндис Жаке умерла, – сказала Реджи.

– Что? – спросила мать. Она отняла покрытую шрамами руку от лица и медленно, осторожно положила ее на колени, накрыв левой рукой.

– Сегодня утром ее тело обнаружили перед библиотекой. Ее задушили, как и Андреа Макферлин.

Когда Реджи увидела выражение лица своей матери, осознание пришло с новой силой: это реальная жизнь, и Кэндис Жаке была реальным человеком – женщиной, которая ела бургеры с луком и в конце долгой смены заворачивала кусок пирога для своей матери. Она была не персонажем новостей, а настоящим, живым и дышащим человеком. Реджи внезапно поняла, почему Тара проникла в дом Андреа Макферлин и почему

унесла с собой розовую кукольную туфельку. Это было доказательством. Доказательством того, что эта женщина существовала на самом деле и была не просто цветной фотографией на первой полосе газеты «Хартфорд Экземинер».

– Боже мой, – только и сказала Вера. У нее в глазах стояли слезы. Потом она повернулась, вышла из комнаты и стала подниматься по темной деревянной лестнице их обветшавшего замка.

16 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Мне не нравится пицца, – в третий раз сказала Лорен, мрачно глядя на остатки еды у себя на тарелке.

– Нам нужно что-то есть, верно? – отрезала Реджи, испытывая некоторое облегчение от того, что Лорен сожгла рыбу, которая сейчас могла бы глядеть на них с тарелок слепыми белыми глазками. – И мама ест с удовольствием.

Вера сидела на кровати и доедала второй кусок. Со склада медицинских товаров доставили электрическую больничную кровать, ходунки и прикроватный комод и расставили все в старой спальне Веры. Реджи и Лорен принесли два стула из столовой и теперь ели жирную, липкую пиццу с хороших фарфоровых тарелок, стоявших у них на коленях. Было лишь семь часов вечера, но Реджи чувствовала, что выбилась из сил. Пицца была первой нормальной едой, побывавшей у нее в желудке за весь день, но Реджи начинала сомневаться, что это был наилучший выбор.

Реджи собиралась что-нибудь приготовить, но обнаружила, что холодильник пуст, если не считать обезжиренного молока, маргарина, нескольких вялых морковок, кусочка сыра и макарон, почему-то лежавших в морозильном отделении.

– Завтра я первым делом схожу в магазин, – сказала Реджи.

Постоянная сиделка, которую наняла Лорен, могла приехать в любую минуту. Реджи сомневалась в способности своей тети найти квалифицированного работника.

– Ты нашла ее через медицинскую службу?

Лорен улыбнулась одними губами.

– Я лично знаю ее.

– Но она опытная сиделка? – настаивала Реджи. – Ты спрашивала ее резюме и отзывы?

– Она профессиональная медсестра и работала в хосписе. Что особенно важно, мы можем ей доверять.

Реджи представила одну из неряшливо одетых пожилых женщин, знакомых Лорен по Историческому обществу и, вероятно, ушедших на пенсию пятнадцать лет назад. Имело смысл рассмотреть другие возможности.

Реджи потратила около часа на телефонные разговоры с «Медикэйд»,

местной службой здравоохранения и ухода за престарелыми, и частным агентством по найму сиделок. В итоге она не нашла никого, кто мог бы сразу же взяться за дело. Она слышала всевозможные отговорки вроде того, что Вера не является постоянной жительницей Коннектикута, и хотя бы на первое время Реджи пришлось согласиться на кандидатуру тети. Реджи встретится с сиделкой, наведет справки и при необходимости договорится с кем-то другим.

Раздался звонок в дверь, и Лорен выпрямилась, как подброшенная.

– Она приехала. Я провожу ее в дом.

Реджи осталась в спальне и достала мобильный телефон, чтобы проверить голосовые сообщения. Одно из них было от Лена. Она улыбнулась, слушая его голос: «Привет. Просто хочется узнать, как идут дела в Уорчестере. Я скучаю по тебе. Позвони, когда вернешься в город».

По правде говоря, Реджи тоже скучала по нему. Ей хотелось позвонить ему и рассказать об всем, что случилось сегодня. «Скоро», – пообещала она себе. Когда обстановка немного прояснится. Как только она разберется с сиделкой, сможет на несколько дней вернуться домой, чтобы доделать кое-какую работу и встретиться с Леном.

Реджи убрала телефон в сумку и взяла себе еще один кусок.

– Хорошая пицца, да, мама?

Вера не ответила, но откусила от своего куска.

– Кого я обманиваю? Это дрянь. Но все равно лучше, чем больничная еда или то, чем тебя кормили в приюте. Там хотя бы имелась столовая или тебе приходилось ходить в другое место? В столовую для бездомных или куда-то еще?

Мать улыбнулась.

– Сестра Долорес заботилась о том, чтобы я хорошо кушала. Ветчина по вторникам, рыба по пятницам. Учись, убирай, служи.

Реджи отставила свою тарелку.

– Сестра Долорес, да? Она работала в приюте?

И что, черт возьми, значит «Учись, убирай, служи»? Реджи пришло в голову, что она должна была расспросить сотрудницу социальной службы с кусочками брокколи, застрявшими в зубах, о том месте, откуда забрали ее мать. Карточка Кэролайн Уитлер лежала в сумке; ей можно будет позвонить утром.

– Все в порядке, Реджина? – спросила Лорен, появившаяся в дверях.

– Просто замечательно, – ответила Реджи и нацепила на лицо приятную фальшивую улыбку, готовясь к встрече с грузной пожилой сиделкой, которая шаркала по коридору следом за Лорен. Реджи

представляла женщину в старомодной форме медсестры с белым чепчиком. Наверное, она носит белые ортопедические ботинки и резиновые чулки.

Фигура, которая появилась в дверном проеме за спиной Лорен, не была старой или одетой в какое-то подобие костюма для сиделки. Она носила джинсы, высокие байкерские ботинки и футболку с изображением Джексона Брауна^[15] под спортивной фуфайкой с капюшоном на молнии. У нее были длинные волосы медного оттенка, пирсинг в носу и черный рюкзак за плечами.

Реджи оценивающе посмотрела на сиделку.

– Тара?

– Миссис Дюфрен, – сказала Тара. Она направилась прямо к Вере и легко прикоснулась к ее руке. – Приятно снова видеть вас.

Реджи узнала бы ее где угодно даже без густой черной подводки для глаз, шипастых волос и подвески в виде песочных часов (которую Реджи теперь носила под рубашкой). Тара игнорировала ее, сосредоточившись на Вере. Реджи вопросительно посмотрела на тетю, и Лорен ответила ей широкой, гордой улыбкой.

– Я не миссис Дюфрен, – отозвалась Вера и плотно сжала сухие губы. – И я не миссис Кто-Угодно.

Тара улыбнулась.

– Тогда как насчет Веры? Это будет нормально? А вы можете называть меня Тарой. Я тоже не миссис Кто-Угодно. – Она подмигнула Вере. – Я – старая подруга Реджи, помните?

Вера кивнула, но в ее глазах не было и тени узнавания.

– Тогда я носила жуткую прическу, черные волосы со светлыми кончиками.

Вера улыбнулась.

– Вам известно, что я была девушкой для кольдкрема «Афродита»?

– Да. И я знаю, что... я видела старую рекламу. Наверное, я смогу найти копию, и мы повесим ее в рамке у вас на стене. Вам это понравится, Вера?

Та улыбнулась.

– А теперь мне нужно разобраться со своими вещами и как-то устроиться здесь, пока вы заканчиваете обед. Потом я приду со всеми вашими лекарствами и помогу расстелить постель. Нормальный план?

Мать Реджи коротко кивнула и вернулась к своей пицце.

Тара повернулась к Лорен, придерживая на плече рюкзак.

– Какую комнату вы мне даете?

– Старую отцовскую, – с улыбкой ответила Лорен. – Я подготовила ее

и постелила чистое белье.

Реджи встала между ними.

– Я покажу тебе, – сказала она. Тара впервые посмотрела на нее, и в ее глазах заиграли прежние озорные огоньки.

– Отличная мысль, – одобрила Лорен, убирая фарфоровые тарелки. – Помоги ей устроиться тут.

* * *

У Реджи голова шла кругом.

– Это правда? Ты медсестра? – вопрос прозвучал неуклюже, как у тринадцатилетней девочки. Можно забыть о допросе с пристрастием, который она собиралась устроить кандидатке Лорен.

– Да, последние пятнадцать лет. Несколько лет я проработала в отделении онкологии хартфордской больницы, потом перешла в агентство медицинской помощи на дому и уходу за престарелыми. До сих пор занимаюсь этим, но, как правило, в частном порядке. Я сама по себе, никто не сидит у меня на шее. Хочешь посмотреть мой патент? – Тара положила рюкзак на аккуратно заправленную односпальную кровать и раскрыла его. – Я покажу тебе мой, если ты покажешь свой, – добавила она с лукавой улыбкой. – Если у архитекторов есть патенты.

– Откуда ты знаешь, чем я занимаюсь?

– Проклятье, Реджи! – хохотнула Тара. – Думаешь, если ты уехала и не возвращалась, то совершенно пропала со всех радаров? Что тебя больше не существует?

Она достала стопку аккуратно сложенных футболок и отнесла их к открытому ящику. Тара заметила декоративную татуировку на правом запястье Тары: черную птицу со сломанным крылом. Она обвивала запястье, словно зловещий браслет. Реджи представила, как Тара закатывает рукав толстовки, и подумала о том, сможет ли увидеть следы от шрамов. Тара поймала ее взгляд, и Реджи вспыхнула.

– Нет, – сказала она и отвернулась, но тут же снова посмотрела на Тару, сказав себе, что нелепо испытывать прежний детский трепет, знакомое чувство незащитности и уязвимости перед подругой. – Только...

– Ты не просто обычный архитектор, верно? – Тара изогнула бровь. – Согласно журналу «Четыре стены», ты один из лучших экологических архитекторов на северо-востоке страны. – Ее голос звучал слегка насмешливо.

– Как ты...

– Ты слышала об Интернете? А о Google? Просто поразительно, сколько там можно найти.

– М-м-м, очень забавно, Тара.

Тара кивнула и криво улыбнулась, словно признавая: *«Да, это было забавно, спасибо, что заметила»*.

– Хочешь верь, хочешь нет, но я выписываю журнал «Четыре стены». Мне нравится читать, и я равнодушна к журналам, особенно к глянцевым журналам о дизайне и интерьере. Они помогают мне отвлечься от того, что я живу в лачуге. Они полны надежд и обещаний. Я хочу сказать, ты покупаешь обычный журнал, но это нечто большее: это фантазия об идеальной жизни, когда у тебя есть безупречная кухня с классическим рабочим треугольником и техникой из нержавеющей стали. От этого тошнит, но оно еще и притягивает как наркотик.

Реджи улыбнулась.

– Ты совсем не изменилась.

Тара достала из рюкзака очередную кучку одежды и одарила Реджи озорной улыбкой.

– А кто-то из нас на самом деле изменился?

Реджи нравилось думать, что она изменилась и стала уверенной женщиной, полностью отвечающей за свою жизнь. Но, стоя здесь, она снова чувствовала себя тринадцатилетней девочкой, и Тара по-прежнему определяла ход событий.

– До сих пор не могу представить тебя в роли сиделки, – призналась Реджи.

– Считаешь, что я не могу быть заботливой? – Тара рассмеялась. – Да, это выглядит странно, но мне нравится. Я не вижу себя в какой-то другой роли. Не знаю... Возможно, психотерапевт сказал бы, что я стала медсестрой из-за того, что случилось с Сидом, поскольку что-то внутри меня до сих пор пытается спасти его, исправить все, что произошло.

Она посмотрела на подругу, и та отвела взгляд в сторону. Реджи заперла множество воспоминаний в сундуках своей памяти и не могла открыть их все одновременно.

– Все еще не понимаю, как Лорен додумалась нанять тебя?

– Мы случайно встретились несколько месяцев назад. Я ухаживала за ее больной подругой из Исторического общества. Лорен зашла в гости и застала меня за работой. Тогда мы немного поговорили: в основном о тебе. Сегодня утром, когда ей позвонили из больницы и сообщили о твоей матери, она нашла меня и спросила, смогу ли я помочь. Как я могла

отказаться?

Реджи покачала головой.

– Извини. Наверно, я до сих пор не могу прийти в себя от всего, что случилось в последнее время. Я не ожидала, что ты вообще будешь в городе, а тем более окажешься сиделкой, которую Лорен наймет для ухода за моей мамой.

Тара усмехнулась.

– Забавно складываются дела, да? – Озорные искорки в ее глазах создавали абсурдное впечатление, что Тара с самого начала ожидала такого исхода, а может быть, даже спланировала все это. Реджи отогнала от себя эту мысль; Тара никак не могла предвидеть возвращение Веры. И все же было немного странно, что Тара вовсе не казалась удивленной новым оборотом событий. Она деловито раскладывала свои вещи, словно поселиться в «Желании Моники» было для нее самым обычным делом.

Впервые за долгие годы Реджи вспомнила теорию своей матери о том, что все люди на земле связаны невидимыми нитями и образуют огромную паутину. Возможно, некоторые связи были сильнее других и притягивали людей друг к другу в то время, когда они меньше всего этого ожидали.

– У тебя есть семья? – спросила Реджи. – Муж, дети?

Тара покачала головой.

– Ты шутишь? Как ты думаешь, кто мог бы вытерпеть меня?

Реджи рассмеялась, пожалуй, слишком громко.

– Как насчет Чарли? – спросила она. – Ты слышала что-нибудь о нем?

Тара кивнула.

– Он по-прежнему живет в городе. Торгует недвижимостью. У него есть офис в центре, недалеко от парка. Тебе стоило бы заглянуть к нему и сказать «привет». – Она посмотрела Реджи прямо в глаза, пытаясь угадать ее реакцию на эту новость.

Реджи кивнула с непроницаемым выражением лица и подумала о том, как нелепо было бы появиться в офисе Чарли. Она попробовала представить, как он сейчас выглядит: Чарли-риелтор. Женат ли он? Завел ли он дом, полный маленьких Чарли-младших, с деревянным домиком на заднем дворе? Сидит ли он с ними по вечерам под пологом листвы и рассказывает: «Раньше у меня была подруга, построившая домик на дереве...»?

Тара продолжала распаковывать вещи. Реджи чувствовала, как ее мотает во времени: в одну минуту она была здесь, а в следующую – видела себя тринадцатилетней девочкой. И рядом была Тара: солнце, вокруг которого она вращалась как планета.

– Что это? – спросила Реджи, когда увидела книгу в мягкой обложке, хорошо заметную на дне рюкзака, и после того как Тара достала последнюю одежду. Реджи почувствовала, как поднимаются волоски у нее на шее.

– Что? – отозвалась Тара. Она посмотрела на дно рюкзака и покраснела. – Ах, это, – сказала она и достала потрепанный экземпляр книги «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс» с загнутыми уголками страниц.

– Что ты с ней делаешь? – резко спросила Реджи. Это казалось очередным «испытанием» Тары, одной из ее игр. Книга была специально положена на виду и как будто ждала, когда Реджи заметит ее и отреагирует тем или иным образом.

– Просто читаю. – Тара достала книгу, и Реджи отпрянула в сторону, как от ядовитой змеи.

Бред сивой кобылы. Привезти эту книгу в «Желание Моники» было настоящим извращением.

– Но эта женщина... Вещи, которые она говорила о моей матери...

– Я знаю, – сказала Тара. – Она преступила черту.

– Тогда почему ты вообще завела у себя эту книжку? И о чем ты думала, когда везла ее сюда?

Тара посмотрела на старую книгу и провела пальцами по рисунку на обложке: воздетый серебристый трезубец с капающей кровью.

– Когда твоя тетя позвонила, рассказала о твоей маме и предложила мне работу, я не колебалась. Ты помнишь, какой была моя собственная мать: все время на работе или пьяная, едва замечавшая, жива я или уже умерла. Твои родственники были для меня как вторая семья – настоящая семья, которая имела значение. Они беспокоились о том, обедала ли я, или о том, как много я ругаюсь. Помнишь это? Как Лорен всегда нервничала и обижалась, даже когда я говорила «черт побери»?

Реджи кивнула, не в силах отделаться от ощущения, что ею манипулируют, что Тара занимается тем, что ей удавалось лучше всего. От этого ощущения веяло знакомым уютом, когда тебе говорят именно то, что ты хочешь услышать.

– Так или иначе, после разговора с Лорен я вспомнила о книге. Я купила ее, когда она вышла, и с тех пор не читала. Но я подумала, что теперь мне стоит перечитать ее. Знаю, она писала разные гадкие вещи про твою маму, но эта Марта Пэккетт провела настоящее расследование. Она собрала множество фактов по делу. Там есть полицейские отчеты и интервью. Даты, сроки, информация о жертвах. Там полно путеводных

нитей, Редж. – Глаза Тары светились живым интересом, и она начала покачиваться с пятки на носок. Потом, словно осознав, что Реджи заметила ее растущее волнение, она кашлянула и сбавила обороты. – В общем, я решила освежить память. Знаешь, на тот случай, если твоя мама что-нибудь скажет или вспомнит.

– Стало быть, ты надеешься раскрыть дело, перечитывая книгу и слушая параноидные фантазии моей матери, наваянные морфином?

Тара пожала плечами.

– Только не дай Лорен застукать тебя с этим, – предупредила Реджи и указала на книгу. – Тогда она тут же уволит тебя.

Тара кивнула и огляделась по сторонам. Она подошла к книжному шкафу, наполненному тяжелыми томами классических произведений, и засунула «Руки Нептуна» между «Путешествиями Гулливера» и «Войной и миром».

– Наш секрет, – сказала Тара и закатала рукав фуфайки, обнажив кусочек белой кожи на предплечье. Реджи отвернулась, не желая смотреть на это.

– Мне самой надо распаковать вещи, – буркнула она и повернулась, собираясь уйти.

– Редж, – окликнула Тара. Реджи остановилась и повернулась к ней. – Похоже, у тебя идет кровь.

Реджи посмотрела на свою руку: порез снова раскрылся, и кровь просачивалась сквозь наспех наложенный бактерицидный пластырь.

– Давай поглядим. – Тара потянулась к руке Реджи. От ее прикосновения Реджи встряхнуло, словно она получила небольшой удар током. – Ты помнишь? – тихо спросила Тара, отлепив лейкопластырь, чтобы осмотреть порез.

– Я немного порезалась оконным стеклом, – перебила Реджи, прежде чем Тара успела продолжить. Тара отвернулась, достала из рюкзака набор первой помощи: марлю и пластырь. Она очистила порез антисептической салфеткой и закрыла марлевой подушечкой.

– Прости, Редж, – сказала Тара, отрезая пластырь. – Прости за все.

Реджи кивнула, хотя не была уверена, говорит ли Тара о Вере или о том, что произошло между ними много лет назад.

Следующие слова Тары ответили на ее невысказанный вопрос.

– Знаешь, ведь ты была не виновата. Это я заставила его сделать это. И последующее бегство тоже было моей идеей. – Тара наблюдала за своей работой, аккуратно закрепляя пластырь по краям марлевой подушечки.

Реджи медленно выдохнула.

– Есть такая вещь, которая называется свободой воли, – пробормотала она.

Реджи никому не рассказывала о том, что произошло в тот вечер. Потом Лорен спрашивала ее, почему Тара и Чарли больше не приходят к ним. Реджи отворачивалась и придумывала какую-нибудь историю насчет новых друзей и интересов. Лорен полагала, что это имеет отношение к похищению Веры, что это каким-то образом оказалось непосильной ношей для Тары и Чарли.

Иногда за эти годы Реджи мучительно хотелось рассказать правду. Исповедоваться кому-то.

«Мы с друзьями совершили нечто ужасное».

Тара закончила работу. Она улыбнулась, покачала головой и посмотрела на Реджи.

– Иногда мы отданы на милость других людей. Мы даже не представляем, какую власть они имеют над нами, пока не оказывается слишком поздно.

– Но Чарли...

– Я говорю не о себе и Чарли. Я говорю о нас с тобой.

15 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Ни фиги себе! – произнесла Тара и хлопнула ладонью по последнему выпуску «Хартфорд Экземинар». Они сидели в гараже, и Тара разлеглась на старом, залатанном кожаном диване, пока Реджи осматривала верстак своей тети. В гараже было темно и душно; единственный свет исходил от маленького пыльного окошка и металлической лампы, прикрепленной к стене над верстаком Лорен. Пока Реджи удалось обнаружить лишь кучу барахла, предназначенного для рыбалки: прижимные клещи, хомутики, ножницы и кусачки вместе с бесчисленными крючками, перышками, бусинками и фальшивым мехом.

– Кэндис Жаке тоже ела лобстера! – воскликнула Тара. – Он отрезал ей руку, продержал в живых пять гребаных дней, накормил лобстером, а потом задушил – точно так же, как Андреа Макферлин! И только послушай: у этого сукиного сына теперь есть имя!

«Анонимный источник из департамента полиции Брайтон-Фоллс сообщает, что после исследования содержимого желудка Кэндис Жаке детективы, работающие над делом, окрестили убийцу Нептуном». – Тара с горящими глазами оторвалась от статьи. – Должно быть, источник – это отец Чарли. Как круто! Его папаша дает имя серийному убийце! Господи, это потрясная журналистка. Как там ее зовут... Марта! Кого вообще могут назвать Мартой? В общем, похоже, у нее есть секретные внутренние источники. Она получает материал, о котором ребята из теленовостей даже не догадываются.

Реджи почти физически ощущала дрожь возбуждения, пробежавшую по телу Тары, когда та вернулась к чтению.

– «Согласно официальному заявлению комиссара полиции Верна Сэмсона, они рассматривают потенциальные версии и активно ищут связи между этими двумя женщинами». – Тара скорчила гримасу. – Интересно, как много они уже знают? Может быть, Чарли что-то слышал? Его отец не может хранить в тайне все мелочи до последней.

Чарли и Тара не разговаривали уже неделю после выпускного бала в восьмом классе, и работа над деревянным домиком остановилась.

– Может, тебе следует позвонить Чарли и спросить его? – тихо сказала Реджи.

Тара пожала плечами.

– Так скажи мне, что же мы ищем в логове Лорен? – спросила она, отложив газету и поднявшись с расшатанного дивана.

– Точно не знаю. Пожалуй, все, что не имеет отношения к рыбалке. Моя мама только сказала: «Я знаю, что творится в этом гараже».

– Ох, мне нравится мысль, что у Лорен есть своя мрачная тайна. – Тара огляделась вокруг и сняла с крюка на стене пару болотных сапог. – Может быть, Лорен надевает их, размазывает по себе рыбы потроха и ходит голышом?

– Тьфу!

– Слушай, едва не забыла тебе сказать. – Тара повесила сапоги обратно. – У меня теперь есть сестра.

– А?

Тара стояла спиной к Реджи и водила большим пальцем по ржавому гвоздю, на котором висели сапоги.

– Помнишь, я сказала тебе, что у моего папаши есть молодая подруга и что она забеременела? Так вот, вчера мы получили открытку. Две недели назад эта молодуха родила девочку.

– Ух ты, – сказала Реджи. – Наверное, это круто.

Тара повернулась к ней.

– Моя мамаша в ярости. Вчера вечером она вообще набросилась на меня с кулаками.

– Правда?

– Да, – фыркнула Тара. – Ты можешь в это поверить? Она орала: «Если бы ты не была такой уродиной, то он бы не захотел другого ребенка». Как будто я виновата, что он подцепил эту девку.

Реджи судорожно вздохнула.

– Просто жесть какая-то, – неуклюже пробормотала она.

– Ну да, типа того. Онахватила лишку. Перепьет бренди и забывает обо всем на свете. Кстати, ничего, если я сегодня переночую у тебя?

– Ну да, конечно.

– Вот и здорово. – Тара подошла к ней и опустилась на колени, чтобы осмотреть коробки, стоявшие возле верстака Лорен.

Реджи тоже вернулась к поискам. Она не обнаружила ничего необычного – ни тайного запаса виски, ни букмекерских билетов, ни порнографии. На стене висели удочки Лорен, небольшие сети и блок-шкив. В задней части гаража хранились покрышки, коробки со старыми рождественскими игрушками, кое-какие деревянные обрезки и мусорный бачок с песком, которым они зимой посыпали подъездную дорожку.

– Бог ты мой, это глазные яблоки? – взвизгнула Тара, вытащив из-под

кучи картонную коробку и с отвращением, но и с явным любопытством разглядывая ее содержимое.

Реджи заглянула внутрь и увидела крошечные стеклянные глаза с припаянными проволочками, разделочный нож, скальпель, коробочку с бурой и иголки. Там была еще маленькая бутылка с раствором формальдегида и бумажный мешок с мелкими опилками.

– Это набор Лорен для таксидермии.

– Честно? Она и впрямь делает чучела из мертвых рыб?

– Недавно изготовила парочку. Одна протухла, и ее пришлось выбросить, но вторую она сохранила. – Реджи подошла к чучелу рыбы, висевшему в задней части гаража. Цвета потускнели, чешуя выкрашивалась, и посередине было причудливое утолщение, как у змеи, проглотившей кувалду. Рыба блестела, словно лакированная. Худшей частью был заметный шов на брюхе, сделанный толстой черной нитью.

– Господи, – пробормотала Тара. – Это Франкен-рыба!

– Сначала она повесила чучело в гостиной, но мама регулярно выбрасывала его. В конце концов Лорен поняла намек и повесила его здесь.

– Твоя тетюшка – необычная женщина.

– Это точно, – сказала Реджи, отвернувшись от гротескной форели.

– С другой стороны, все мы со странностями. Мы никому не выдаем наши маленькие секреты. – Тара потянулась к своей сумке и достала сигареты. Она предложила пачку Реджи, но та покачала головой.

Тара опустила на диван и минуту курила в молчании, наблюдая за Реджи и, возможно, даже ожидая, что та поделится с ней собственными секретами.

У Реджи разболелась голова. В гараже было темно и душно, и она не сомневалась, что чувствует в воздухе привкус формальдегида с рыбным запахом, который следовал за Лорен повсюду, где бы она ни находилась.

– Я собираюсь кое-что показать тебе, – сказала Тара. – Это тайна, только между мной и тобой. Подойди ближе.

Реджи прошла по гаражу и села на краю дивана рядом с Тарой. Подруга раздавила сигарету на грязном бетонном полу и запустила руку в свою черную сумку на шнурке. Тара достала маленькую серебряную шкатулку размером с зажигалку «Зиппо» и открыла ее, показав прямоугольный кусочек черной ткани. Тара медленно развернула ее. Внутри лежало бритвенное лезвие. Тара осторожно взяла его и осмотрела с легкой улыбкой на лице.

У Реджи сильно забило сердце.

– Это для кокаина? – спросила она, гадая, была ли Тара тайной

наркоманкой. Реджи знала о том, что делают на вечеринках ребята из средней школы, но ни разу не видела этого в реальной жизни, только по телевизору.

– Нет, глупенькая. Это кое-что получше. Смотри. – Тара завернула легинсы на правой икре и поднесла бритву к коже. Медленно и аккуратно она провела бритвой поперек, распахнув глаза. И едва слышно вздохнула. Реджи увидела, что икра покрыта тонкими шрамами, как гравировка на стекле. Тара плела паутину у себя на ноге.

– Теперь ты попробуй, – предложила Тара и протянула лезвие, еще влажное от собственной крови.

– Что? – выдохнула Реджи. Ее взгляд метнулся к чучелу форели и ряду неряшливых черных стежков.

– Это легко. Только один маленький разрез.

– Я не могу. – Реджи ощутила приближение паники.

– Конечно, можешь.

Реджи мотнула головой.

– Я не такая, как ты.

Тара с улыбкой наклонилась к ней так близко, что, когда она заговорила, Реджи ощутила жужжание ее слов, погружавшихся ей под кожу и проникавших в кости черепа, эхом отдаваясь в одурманенном мозге.

– Да, ты можешь, – сказала Тара. – Ты такая же, как я. Я с самого начала знала это.

Реджи взяла лезвие и закатала штанину своих джинсов. Ее рука дрожала, когда она поднесла бритву к обнаженной коже. Почему она вообще считает такое возможным? Пытается произвести впечатление на Тару? Провести этот тошнотворный ритуал кровной связи, чтобы Тара считала ее равной себе?

Нет, решила Реджи, дело не в Таре. Она сама боится что-то сделать и хочет доказать себе, что все равно может это сделать. И, черт побери, если она смогла выжить после того, как пес откусил ей ухо, это будет проще простого.

– Ты знаешь, что хочешь этого, – продолжала Тара. – Только один порез, и все. Обещаю, тогда ты увидишь, как все остальное куда-то отступит. – Она пристально смотрела на бритву в руке Реджи. – Верь мне.

Реджи быстро сделала разрез, проведя бритвой сверху вниз. Когда лезвие впилось ей в кожу, она испытала яркую вспышку боли, сопровождаемую потрясающим, ни на что не похожим удовольствием.

– Вот так, – сказала Тара. Ее глаза казались неправдоподобно большими. – Не слишком глубоко.

Реджи отвела бритву в сторону и посмотрела, как из пореза сочится кровь, смешиваясь с кровью Тары. Сначала Реджи как будто смотрела фильм о какой-то другой девочке с бритвенным лезвием в руке. Но боль привела ее в чувство, и Реджи ощутила себя связанной со своим телом совершенно новым образом. Она была Реджи Дюфрен, тринадцатилетней девочкой. И впервые, насколько она могла припомнить, она управляла чем-то большим... и опасным.

– Приятное ощущение, да? – спросила Тара.

– М-м-м, – пробормотала Реджи и закрыла глаза, сосредоточившись на боли, сливаясь с ней. Тара была права: на несколько драгоценных секунд все остальное куда-то отступило.

* * *

Чарли стоял на коленях на лужайке перед домом и возился с леской садового триммера.

– Привет, незнакомец, – сказала Тара, почти вплотную приблизившись к нему. Убрав бритву, Тара и Реджи покинули гараж, пребывая в странной эйфории: мир внезапно стал ярче, и все казалось возможным. Идя к дому Чарли, они время от времени переглядывались и обменивались торжествующими улыбками и ощущением общей тайны.

Чарли проворчал нечто похожее на приветствие и едва удостоил Тару взглядом, а потом вернулся к триммеру, который он заряжал мотком ярко-красной нейлоновой лески.

– Жаркий денек, а? – сказала Тара.

Чарли продолжал наматывать леску. Его белая футболка с зелеными травяными пятнами промокла от пота. От него несло бензином.

– У тебя есть кока-кола или что-нибудь такое?

Чарли закончил работу, прикрепил катушку и встал, вытерев руки о засаленные рабочие шорты.

– Пошли в дом, – сказал он. Подруги последовали за ним через лужайку.

– Вот гадство, – проворчал он, когда дернул за ручку и обнаружил, что дверь заперта. – Должно быть, отец запер ее, когда уходил. В последнее время он делает такие вещи на автопилоте.

Чарли ухватился за резную деревянную табличку с номером дома, висевшую справа от двери и повернул ее против часовой стрелки. Потом достал ключ из маленькой потайной ниши за табличкой и отпер дверь.

Небольшой дом в фермерском стиле был тесным и темным, пыльные шторы задернуты. Реджи была уверена, что чувствует запах сигарет, которые курила миссис Бэrr. Казалось, хозяйка вот-вот выйдет из кухни со своим последним мармеладным шедевром в руках.

Тара брала и рассматривала безделушки и фотографии, расставленные на пыльных полках, пока Чарли ходил за кока-колой.

– Значит, твой отец на работе? – крикнула Тара, вытирая руки о джинсы.

– Вообще-то, у него сегодня выходной, но ему позвонили с работы. – Чарли передал девочкам холодные банки кока-колы и тяжело опустился на диван с виниловой обивкой. – Вы уже слышали? Убийца оставил еще одну руку.

– Что? – Тара так разволновалась, что пролила шипучий напиток на рубашку. – Когда?

– Всего лишь два часа назад. – Чарли смотрел, как Тара поднимает сухой нижний край рубашки и промокает влажное пятно над грудью. Он видел ее голый живот и кусочек черного лифчика. Казалось, Чарли затаил дыхание.

– Он набирает обороты, – возбужденно сказала Тара. – Кажется, в последний раз... прошло чуть больше недели между убийством Андреа Макферлин и находкой руки Кэндис Жаке? Сейчас прошло лишь три дня.

Чарли кивнул.

– Знаете, отец сказал мне... Он сказал, что, по его мнению, этот парень только начинает разворачиваться. Теперь у него появился настоящий вкус к этому делу. Это как наркотик. Он не может остановиться.

Реджи невольно поежилась.

– У полиции есть представление, чья это рука?

– Не знаю, – ответил Чарли и отпил большой глоток колы.

Тара полезла в карман джинсов и что-то нащупала, – может быть, кукольную туфельку.

– Твой отец говорил что-нибудь еще о расследовании? Есть ли подозреваемые? Есть ли связь между убитыми женщинами? Они вообще уверены, что убийца – это мужчина? – Тара выпаливала вопросы один за другим. – Может быть, это женщина, или супружеская пара, или какой-то сатанинский культ?

Она наклонилась к Чарли, ожидая ответа, но тот покачал головой.

– Отец мне ничего не рассказывал. Только про привычку к убийству как к наркотику, когда уходил сегодня на работу. Сказать по правде, я немного беспокоюсь за него. – Чарли поставил банку и стал дергать

выбившуюся нитку на шортах. – Он почти ничего не ест и мало спит. Когда он дома, запирается в своем кабинете. Наверное, я должен быть благодарен, что он отстал от меня, но как-то странно, что он стал вроде «Невидимого папаши»^[16]. Иногда я просыпаюсь посреди ночи, а его нет: уехал на работу в два часа ночи. Он стал похож на поганого зомби.

Реджи посмотрела на полки, где стояли школьные фотографии Чарли и моментальные снимки семейных отпусков. У Чарли были глаза матери и ее нос. Она была художавой женщиной с большими карими глазами, светлыми волосами и белозубой улыбкой. Еще там были фотографии Стю Бэра в полицейской форме и более ранние, когда он служил в армии. Он был медиком во Вьетнаме. По предположению Реджи, тогда он весил на пятьдесят фунтов меньше, чем сейчас. Среди других фотографий был моментальный снимок Стю с группой других людей в мундирах, стоявших перед полевым госпиталем: они держали оловянные кружки и поднимали их в воздух, словно провозглашая тост. Лица под касками выглядели усталыми и изможденными, и все они носили тяжелые бронежилеты, обвешанные всевозможным снаряжением. За что они поднимали тост? Реджи оставалось лишь гадать. За то, чтобы поскорее убраться из Вьетнама? Они пили за свою будущую жизнь, подумала Реджи, разглядывая другие фотографии, – жена, сын, маленький зеленый дом, новый чин в полиции.

– Так у него здесь рабочий кабинет? Можно заглянуть туда? – спросила Тара, стараясь изобразить беспечный тон.

Чарли покачал головой.

– Никаких шансов. Отец убьет меня. Кроме того, он держит дверь запертой.

– Seriously?

– У него там оружие и патроны. И конфиденциальные документы из полиции. Он обязан держать все это под замком.

Тара скорчила кислую мину.

– Мы могли бы попытаться вскрыть замок. Если механизм простой, я смогу это сделать заколкой для волос. – Она начала рыться в сумочке. – Уверена, она у меня где-то есть.

Реджи подумала о том, как Тара проникла в дом Андреа Макферлин. Была ли задняя дверь действительно открыта, или Тара взломала замок? Порез на ноге отозвался саднящей болью; Реджи потеряла его через джинсы и посмотрела на Тару, вспоминая пересекающиеся линии шрамов у нее на икре.

– Ты поэтому пришла? – Чарли ослабился. – Хотела порыться в вещах

моего отца?

Тара закрыла сумочку и покачала головой.

– Нет. Мы пришли, потому что скучали по тебе, так что не разыгрывай параноика.

– Тогда забудь о кабинете, – сказал Чарли. – Он повесил на дверь здоровенный замок.

– Но может быть... – начала Тара.

– И думать забудь, – перебил Чарли, и в его глазах блеснул гнев. – Я даже не дам тебе попробовать.

– Ну и отлично, – сказала Тара. – Как пожелаешь.

Они немного помолчали. Тара постукивала неровными ногтями с синим маникюром по своей банке кока-колы и пританцовывала на месте, словно не могла стоять спокойно.

– Я знаю, что надо сделать, – внезапно сказала Тара и на мгновение успокоилась. – Давайте поиграем. Закрой глаза, Чарли.

Он несколько секунд смотрел на нее, потом закрыл глаза.

– Хороший мальчик, – похвалила она. – Держи их крепко закрытыми!

Тара легко соскочила с дивана, подошла к стулу, где сидела Реджи, выразительно приложила палец к губам, а потом оседлала ноги Реджи и наклонилась вперед. На мгновение Реджи показалось, что Тара собирается поцеловать ее. Вместо этого Тара заговорщицки улыбнулась и аккуратно, почти нежно обхватила подругу за шею. Реджи вопросительно взглянула на Тару, и та прошептала одними губами: *«Все в порядке. Верь мне»*.

– Открой глаза, Чарли, – велела Тара.

– Тара, что ты...

– Я – Нептун, – отозвалась она и усилила хватку на шее Реджи. Улыбка пропала, и теперь глаза Тары казались темными и жестокими. Ее руки были холодными и пахли сигаретами. – И я даю тебе одну минуту для спасения моей последней жертвы. Скажи мне, почему я делаю то, что делаю?

– Это глупо, Тара, – сказал Чарли.

– Отвечай на вопрос! – приказала она и снова усилила хватку. Реджи попробовала сглотнуть, но не смогла. Она замерла и даже пыталась не дышать.

– Потому что это как наркотик, – нетерпеливо сказал Чарли.

– И? – Тара нажала немного сильнее. Реджи поперхнулась и потянулась к ее рукам. Она обхватила ее запястья и принялась тянуть и выкручивать, но Тара держала крепко.

– Перестань, Тара! – Чарли вскочил с дивана. – Ты делаешь ей больно!

– Стой спокойно и играй по правилам, или она умрет. Я не Тара, я

Нептун, – прошипела Тара глубоким, скрежещущим голосом. Когда она заговорила снова, то сорвалась на крик: – *Почему я делаю то, что делаю?*

У Реджи кружилась голова. Она впилась ногтями в запястья Тары и попыталась что-то сказать, но слова не выходили наружу. Реджи попала в тоннель, и там, на другом конце, на нее сверху вниз смотрела Тара... только это была не Тара. Она была Нептуном. Человеком с тенью вместо лица и клешнями лобстера вместо рук. Реджи тянула и щипала не кожу на человеческих запястьях, а чудовищный экзоскелет.

– Тара! – Чарли обхватил Тару за талию, оторвал от Реджи и швырнул на пол. Реджи задыхалась, втягивая воздух. Ее руки инстинктивно взметнулись к ноющей шее и помятой гортани.

– Ты, гребаная идиотка! – крикнул Чарли, пригвоздив к полу запястья Тары и усевшись ей на ноги, так что она не могла двинуться с места.

Тара улыбнулась.

– Теперь ты чувствуешь это, верно? – спросила она. – Это власть, чистая власть. Девушка лежит под тобой, и ее жизнь в твоих руках. У тебя от этого громадный стояк, и есть только одно избавление. Ты должен убить ее. А когда ты сделаешь это, вся вселенная будет у твоих ног. Ты станешь Богом.

17 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи проснулась в холодном поту, с сильно бьющимся сердцем. Ей приснилось, что она лежит связанная в темной пещере и кто-то надевает ей на палец кольцо. А потом отрубает ей руку.

«Пока смерть не разлучит нас».

– Вот дерьмо, – пробормотала Реджи, сидя на своей детской кровати, под тем же лоскутным одеялом, которым она пользовалась раньше, сшитым ее бабушкой из неровных полосок ткани красного и белого цвета. Реджи не знала свою бабушку, которая умерла при рождении Веры. Реджи слышала эту историю в раннем детстве и воображала, как ее мать вылетает из бабушкиного живота, словно жизненная сила Веры каким-то образом убила Монику.

Реджи смотрела на узор и вспоминала, как мать, спотыкаясь, вошла в комнату, легла рядом и свернулась калачиком вокруг нее, бормоча под одеялом пропитанные джином секреты. Под бабушкиным одеялом.

Лоскутное одело, когда-то ярко-красное и белое, выцвело до пятнисто-розового и желтоватого. Реджи видела маленькие стежки, сделанные рукой, сшивавшей отдельные кусочки и образующей причудливые извилистые формы.

Реджи посмотрела на потолок с осыпающейся штукатуркой и пятнами от сырости. Должно быть, уже какое-то время протекает крыша. Некоторые пятна состояли из многочисленных неровных колец, напоминавших топографическую карту. Реджи изучила воображаемый ландшафт, представляя горы и долины и гадая, каково было бы жить там.

Дверь ее спальни скрипнула. Реджи присмотрелась и увидела, как медленно закрывается створка. Кто-то был за дверью, в коридоре.

– Эй, Лорен! Мама?

Послышался шаркающий звук: шаги удалялись по коридору. Зазвонил мобильный телефон. Реджи перекатилась набок, нащупала его на прикроватном столике и увидела светящиеся цифры: 7.32. Проклятье. Она редко просыпалась после шести утра. Телефон вибрировал в ее руке, на экране высветилось имя Лена.

– Привет, – сонно сказала она, одним глазом приглядывая за дверью.

– Я тебя разбудил, да?

– Нет. Ты знаешь меня, королеву ранних пташек.

– Как дела в Уорчестере? – спросил он почти насмешливым тоном, словно подозревал, что она находится в другом месте.

– Не так, как я ожидала, – ответила Реджи, упрекнув себя в паранойе. Лен просто придурился. Он никак не мог узнать, что она лжет ему. Тем не менее в ней тяжело шевельнулось чувство вины, и, как ни приятно было разговаривать с Леном, Реджи не терпелось прекратить разговор, пока он не почувствовал это.

– Это хорошо или плохо? – спросил Лен.

– Трудно сказать.

– М-м-м... – протянул он и ненадолго замолчал. Она услышала, как мяукнула одна из его кошек и как он делает глоток утреннего кофе из чашки. Извернувшись, Реджи поднесла телефон к другому уху.

– Я позвоню тебе, когда вернусь в город, – сказала она. – Тогда и устроим пикник.

– Неплохой план, – согласился Лен.

– Тогда до скорого...

– Редж?

– Да?

– Так, ничего, – вздохнул он. – Поговорим, когда вернешься.

Реджи встала с кровати и потянулась. Комната осталась такой же, как во время ее отъезда, то есть довольно мрачной. Над постелью висела литография гравюры Эшера: трехмерные руки, рисующие друг друга. Некоторые ее эскизы до сих пор висели на доске объявлений, включая угольный автопортрет: размытые черты, глаза, как два темных провала, – призрачная девочка-енот, безмолвно вопрошающая свою будущую версию, зачем она вернулась сюда.

Реджи отвернулась от рисунка, открыла дверцу шкафа и обнаружила несколько предметов одежды, которые оставила здесь перед отъездом в колледж. На верхней полке, как она и ожидала, лежала «коробка памяти».

Через месяц после того, как нашли руку ее матери, Реджи направили к психологу, который специализировался на моральных травмах. Это был молодой человек с одутловатым лицом и печальными глазами, любивший свитера с узором из разноцветных ромбов. Одним из упражнений, которое он назначил, было завести «коробку памяти»: специальную шкатулку с памятными вещами, оставшимися от Веры. Реджи воспользовалась старой деревянной коробкой из-под сигар, оставшейся от ее деда. Следуя инструкциям бледного юноши, Реджи наполнила ее вещами, которые всегда будут напоминать ей о матери. Потом она спрятала коробку в глубине шкафа и оставила ее здесь, когда устремилась к началу новой

жизни. Это было совсем не то, что предполагал психолог, но Реджи так было легче.

Она сняла коробку с полки и сдула слой пыли на крышке. На этикетке красовалась полногрудая полуобнаженная женщина, опиравшаяся на большой глобус. Дрожащими пальцами Реджи откинула крышку на петлях и увидела мешанину записок, картонных спичечных коробок и сложенную страницу, вырванную из старого журнала: ее мать, девушка с рекламы кольдкрема «Афродита». *«Относись к себе как к богине».*

Реджи захлопнула крышку и убрала коробку на полку.

В комнате вдруг стало душно. Реджи подошла к окну и попыталась поднять его, но рама застряла. Реджи уже была готова постучать кулаком по основанию рамы, потом посмотрела на повязку, оставшуюся после вчерашней схватки с окном, и передумала.

Она натянула джинсы, подхватила свою курьерскую сумку и вышла в коридор, остановившись посмотреть на мать, которая крепко спала. Рот Веры раскрылся, губы и подбородок были покрыты вязкой белой слюной. Дверь Тары была закрыта, и, когда Реджи подошла и прислушалась, с другой стороны не донеслось ни звука.

Реджи спустилось по лестнице, тщательно переступая через скрипучие ступени; ее тело работало на автопилоте, припоминая мелкие подробности, о которых она не вспоминала долгие годы. Кухня была прибрана, но в ней пахло дымом. Реджи поставила сумку у стола, осмотрела обгоревшую гипсокартонную стенку и решила, что ремонт будет простым. Еще нужно снять мерку, чтобы заменить оконное стекло в столовой. Она выберет материалы, когда отправится в город.

После недолгих поисков в аккуратно расставленных кухонных тумбочках Лорен Реджи наконец нашла старую кофемашину, коробочку с фильтрами и полбанки молотого кофе. Бог знает, сколько эта банка простояла на полке, но все же лучше, чем ничего. Пока кофемашина фыркала и тряслась, Реджи достала блокнот и сделала кое-какие записи. Она составила список продуктов и оставила себе напоминание зайти в магазин стройматериалов за оконным стеклом, штукатуркой, изоляцией и шпаклевкой, а также позвонить сотруднице социальной службы и узнать название и телефон приюта, где жила Вера. Она написала «Сестра Долорес» и обвела имя жирным кружком. Потом приписала: *«Учись, убирай и служи».*

Раздался тихий стук, и Реджи замерла на месте, глядя на потолок и гадая, кто мог проснуться. Потом стук повторился, на этот раз громче. Он исходил от парадной двери. Реджи пригладила волосы, глянула по пути в

окно и увидела юношу в дешевом костюме, с торчащими ушами. Коммивояжер? Может быть, «Свидетель Иеговы»? Любопытство одержало верх, и она приоткрыла дверь.

– Чем могу помочь?

Он показал значок, и Реджи с трудом удалось скрыть свое удивление.

– Детектив Эдвард Леви, полиция Брайтон-Фоллс. Я надеялся, что смогу поговорить с мисс Дюфрен.

Его уши определенно были краснее, чем лицо.

– С которой из них? – спросила Реджи.

Он явно смутился.

– В настоящий момент в доме находятся три мисс Дюфрен. – Она улыбнулась, когда говорила это, чтобы смягчить свои слова и не показаться слишком нахальной.

– Разумеется. – Он приподнялся на носках, чтобы казаться выше. – Вера. Я хотел бы поговорить с Верой Дюфрен.

– Боюсь, она спит.

– А вы...? – Он достал записную книжку.

– Ее дочь, Реджи Дюфрен. – Реджи посмотрела, как он записывает ее имя. Он так плотно сжимал ручку, что побелели пальцы. Потом он пошарил в нагрудном кармане и протянул визитную карточку.

– Вы сможете позвонить позже, когда она проснется?

– Детектив Леви, – сказала Реджи, глядя на карточку с выдавленной печатью полицейского департамента Брайтон-Фоллс. – Я не уверена, что вы отдадите себе отчет о состоянии моей матери. Она очень больна, как физически... так и в ином отношении. Полиция Уорчестера и сотрудники ФБР уже допрашивали ее в больнице.

– Понимаю, – кивнул он. – Но никто из нашего департамента не встречался с ней, а преступления имели место в Брайтон-Фоллс. Это чистая формальность.

Реджи снова улыбнулась, удивляясь про себя, почему они послали такого молодого, неуклюжего детектива. Потом ее посетила отрезвляющая мысль: возможно, это лучшее, что может предложить Брайтон-Фоллс.

– Ну конечно. Вы сами убедитесь. Скоро я позвоню вам и назначу время для встречи.

– Большое спасибо, – сказал он, попятился и едва не потерял равновесие на ступенях крыльца.

– Я слышала, кто-то приходил? – спросила Лорен, которая спустилась на кухню после того, как Реджи устроилась за столом.

– Цвет полиции Брайтон-Фоллс желает поговорить с мамой, – сказала Реджи и протянула карточку Лорен, которая мрачно уставилась на нее и щелкнула языком.

– Он был здесь вчера, еще до твоего приезда. Похоже, на него повесили дело Нептуна.

Реджи рассмеялась.

– Приятно узнать, что они приставили к расследованию своего лучшего сотрудника. Бог ты мой, паренек выглядит так, словно недавно окончил среднюю школу.

Лорен покачала головой.

– Я знаю его родителей. Он с отличием окончил Йельский университет. Мог бы устроиться на работу где угодно, но предпочел вернуться домой и поступить в департамент полиции Брайтон-Фоллс. Теперь он там самая яркая звезда и быстро делает карьеру. Его мать очень гордится сыном.

– Не сомневаюсь. – Реджи не удержалась от саркастических ноток в голосе.

Лорен зашаркала к плите и поставила чайник. Реджи вернулась к своему списку.

– Думаю, у тебя здесь нет беспроводного доступа?

– Какого доступа?

– Э-э-э, доступа в Интернет. Подожди... у тебя нет даже компьютера?

Лорен покачала головой. Реджи показалось, что в выражении ее лица отразилось некоторое самодовольство.

– Я осмотрелась и пришла к выводу, что дом нуждается в кое-каком ремонте. – Реджи встала, подошла к стойке и налила себе чашку кофе. На вкус он был как тина, но Реджи заставила себя сделать глоток. – Тебе нужен работник для починки крыши. Черепица пришла в негодность и местами протекает. Скорее всего доски внизу уже прогнили, а может быть, и стропила тоже. Один сильный снегопад – и у тебя будут неприятности.

«Желание Моники» находилось не в лучшей форме, но все еще в пригодном для ремонта состоянии. Бог свидетель, Реджи видела и похуже. В прошлом году она установила модифицированную систему солнечного теплоснабжения в сборном бараке из гофрированного железа, который пожилые супруги из общины хиппи превратили в жилой дом в окрестностях Беннингтона. В «Бостон Глоб» вышла статья об этом достижении. Это был настоящий барак, возведенный в 1948 году как

вспомогательное армейское строение для нужд Министерства обороны. Когда Реджи впервые увидела его, дело казалось безнадежным. Но потом она составила планы, вычистила здание, повернула его, добавила теплоизоляцию, возвела каменные внутренние стены, положила полы для повышения удельной теплоемкости и проделала окна с южной стороны. В результате получилось светлое, жизнерадостное жилье, которое супруги обогревали всю зиму с помощью одной поленницы дров. В интервью для «Глоб» они сказали: «Дюфрен – настоящая волшебница. Она делает невозможное возможным».

Лорен поджала губы и достала из коробки чайный пакетик.

– Послушай, – сказала Реджи. – Если дело в деньгах...

Лорен нахмурилась.

– Это хороший, прочный дом. Отец строил надолго.

– Любые дома время от времени нуждаются в ремонте, Лорен.

Зазвонил телефон, и Лорен метнулась к старому черному дисковому аппарату, висевшему на стене кухни. Реджи не могла поверить, что телефон до сих пор работает; вероятно, он был достаточно древним, чтобы считаться антикварной вещью.

– Алло? Да, это я. – Лорен немного послушала, потом скривилась, словно учуяла какую-то мерзость. – Нет! Без комментариев. Нет, и больше не звоните.

Она со стуком повесила трубку.

– Все в порядке? – спросила Реджи.

– Это репортер из «Хартфорд Экземинер», – нетвердым голосом ответила Лорен. – Кажется, они знают, что твоя мать жива.

– Вот дерьмо! – выдохнула Реджи. Она ожидала этого, но не так быстро. С другой стороны, она не ожидала приемной комиссии в лице пожарных.

– Ни к чему сквернословить, – сказала Лорен.

– Хорошо. – Реджи отпила еще глоток жуткого кофе. – Я собираюсь в город за едой и кое-какими материалами. Оставайся здесь и запри дверь. Никому не открывай, даже мальчику-детективу.

Телефон снова зазвонил.

– И не отвечай на звонки, – добавила Реджи. Она подхватила свою сумку и ключи и поспешно вышла из кухни.

Реджи вернулась в «Желание Моники» примерно через три часа после нервной и утомительной поездки в «Супер-Стоп» (и почему, гадала она, все обязательно должно иметь приставку «супер»?), «Старбакс» и «Хоум Депо». Реджи открыла багажник и взяла несколько пакетов с продуктами, когда услышала треск шин на гравийной дорожке за спиной. Реджи обернулась и увидела светловолосую женщину, сидевшую за рулем белого седана. Реджи замерла с пакетами в руках, когда женщина вышла из автомобиля с дружелюбной улыбкой на лице.

– Реджина Дюфрен? Боже мой, это действительно вы?

Реджи покосилась на женщину с тронутыми сединой светлыми волосами. Она носила стильный деловой костюм и туфли-лодочки. Ее лицо было густо покрыто морщинами, замаскированными светлым тональным кремом. В ней угадывалось что-то знакомое. Может быть, подруга Лорен или дальняя родственница?

Реджи положила пакеты обратно и обошла автомобиль, чтобы изучить женщину лицом к лицу.

– Прошу прощения. Вы...

– Марта Пэкетт, – ответила женщина с улыбкой, превратившей ее лицо в пугающую гримасу. Она протянула руку. – Приятно снова видеть вас, Реджина.

Реджи попятилась.

– Как ваша мать? Она что-нибудь рассказала о своем заточении?

– Не знаю, о чем вы говорите, – ответила Реджи, обозлившись на себя за то, что ее голос дрогнул. – Это частная собственность. Вам лучше уехать отсюда.

Книга «Руки Нептуна» была единственным крупным успехом Марты Пэкетт. Она писала и другие книги, но они провалились. Реджи читала уничижительные критические обзоры и невольно испытывала странное удовлетворение.

Продолжая улыбаться, Марта Пэкетт запустила руку в кожаную сумочку и достала фотографию.

– Я знаю, что она жива и находится здесь.

Это была фотография Реджи, сделанная вчера, когда она уводила свою мать от группы пожарных. Проклятье! Должно быть, ее сделал тот молодой пожарный с мобильным телефоном. Вероятно, теперь фотография гуляет по всему Интернету.

– Вы не можете держать ее под замком, – сказала Марта. – Есть вопросы, которые требуют ответа. Теперь мне известно, что два года назад вашу мать нашли в приюте для бездомных в Уорчестере. Мне также

известно, что с ее диагнозом у нас остается мало времени. Поэтому нам нужно сосредоточиться на...

– Где вы это узнали? – прошипела Реджи и угрожающе шагнула к Марте.

– Если бы я смогла поговорить с Верой и задать ей несколько вопросов, то уверена...

– Вы и близко не подойдете к моей матери! А теперь убирайтесь к черту с нашего участка, пока я не вызвала полицию.

Марта кивнула и повернулась к открытой дверце своего автомобиля. Потом она оглянулась на Реджи.

– Знаете, он до сих пор жив. Думаю, мы должны приложить все силы, чтобы он понес наказание, ради всех его жертв. Ради Веры.

– И при этом неплохо бы заработать на продаже новых книг, не так ли?

Марта уселась за руль, захлопнула дверцу и опустила окошко.

– На вашем месте я бы потратилась на систему безопасности. Или, по меньшей мере, на прочные запоры.

Реджи глубоко вздохнула.

– Почему вы все еще здесь?

Она достала мобильный телефон.

– Думаете, Нептун просто так отпустил ее, Реджина? Думаете, что он – кем бы он ни был – будет сидеть без дела и позволит рассказать миру все, что ей известно?

18 и 19 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– У меня для тебя кое-что есть, Редж, – объявил Джордж, когда она вошла на кухню. – Оно лежит на столе.

Джордж посыпал сыром лазанью, которую только что подготовил для запекания. Лорен стояла перед раковиной и споласкивала латук для салата. Вера сидела за столом, скрестив ноги, и потягивала джин с тоником. Примерно раз в неделю Джордж приезжал к ним на обед, а иногда готовил сам. Меню Лорен состояло из регулярного чередования жареной рыбы, мороженных стейков и картофельного гратена из коробки. Вера не готовила ничего, кроме кофе и коктейлей. Реджи даже сомневалась, что Вера знает, как включить духовку. Когда готовил Джордж, он обычно выбирал что-нибудь итальянское: фрикадельки, маникотти^[17], запеченные «ракушки» из теста, фаршированные сыром и зеленью. Он мог приготовить соус из любых подручных материалов и утверждать, что это тайный сицилийский рецепт его бабушки.

Кухню заполнили потрясающие ароматы: запахи чеснока, резаных помидоров и свежего базилика смешивались друг с другом, отчего рот Реджи наполнился слюной. Она подошла к столу и увидела бумажный пакет со своим именем, написанным от руки. Раскрыв пакет, она обнаружила переднюю и заднюю фары для велосипеда вместе с комплектом батареек.

– Спасибо, дядя Джордж, – сказала она, и Джордж довольно кивнул в ответ. Она принесла фары Вере. Мать одобрительно улыбнулась и закурила сигарету.

– С Джорджем мир становится гораздо безопаснее, правда? – произнесла Вера и выпустила колечко дыма в его направлении. Джордж стоял спиной к ним, но Реджи заметила, как напряглось его тело.

– Я принес кое-какие инструменты, Редж. После обеда мы с тобой можем поставить фары на место, – сказал Джордж, открыв дверцу духовки и поставив внутрь тяжелое блюдо из жаропрочного стекла. – Для тебя у меня тоже кое-что есть, Вера, – добавил он, вытирая руки о кухонное полотенце.

– Я слышала про Рождество в июле, Джордж, но разве еще не июнь? – с лукавой улыбкой спросила Вера. Она подняла бокал, постучала кубиками льда внутри и протянула Джорджу. – Будь лапочкой и сделай мне еще одну

порцию, хорошо? Или это противоречит джентльменскому кодексу поведения?

Джордж посмотрел на Веру с непонятным для Реджи выражением. С беспокойством? Или даже с жалостью?

Лорен заканчивала нарезать помидоры, но остановилась и наградила Веру ледяным взглядом.

– Тебе не кажется, что уже достаточно?

– Ничего, я сама сделаю, – сказала Вера. Она с усилием выпрямилась и шаткой походкой направилась к стойке, где смешала себе очередной коктейль, в котором было много джина и мало тоника.

– Отличные фары, дядя Джордж, – сказала Реджи, постаравшись, чтобы ее голос звучал как можно бодрее и оживленнее. Она вставила батарейки и включила красную заднюю фару, замигавшую, как маячок «Скорой помощи».

– Готова к подарку? – спросил Джордж, когда Вера снова устроилась за столом с бокалом в руках. Он пересек кухню и снял со спинки стула свой пиджак. Из правого кармана Джордж достал маленький предмет, завернутый в папиросную бумагу.

– Это для тебя, – сказал Джордж и вручил подарок Вере.

Она отложила сигарету и взяла сверток. Джордж с напряженным и немного нервным видом наблюдал, как Вера развернула папиросную бумагу и открыла маленькую, мастерски вырезанную деревянную птицу.

– Это не похоже на тех уток, которых я видела, – обратилась к нему Вера, поворачивая птичку в руке. Реджи наклонилась, чтобы получше рассмотреть длинную, грациозно изогнутую шею и перья на крыльях, вырезанные до мельчайших деталей.

– Да, – согласился он и с улыбкой поправил очки. – Это гадкий утенок. Всю свою жизнь он сравнивает себя с другими, считает себя отверженным, а потом вырастает и понимает, что на самом деле он – прекрасный лебедь.

Он посмотрел на Веру, не сводившую глаз с резной птицы. Реджи затаила дыхание, ожидая, что мать выдаст какую-нибудь насмешливую реплику вроде: «Кого это ты называешь гадким утенком, Джордж?» Но Вера молчала, опустив голову и рассматривая лебедя. Когда мать наконец подняла голову, Реджи увидела, что в ее глазах нет гнева или озорства, – только печаль.

Лорен неодобрительно щелкнула языком и вернулась к помидорам.

– Черт! – вскрикнула она, выронив нож и схватившись за палец. Кровь закапала на разделочную доску, смешиваясь с томатным соком.

Джордж вскочил и подошел к Лорен.

– Дай посмотреть, – мягко сказал он.

– Ничего страшного, – буркнула она.

Он осторожно развел ее пальцы над порезом.

– Действительно, неглубокий. – Джордж оторвал от рулона бумажное полотенце и сложил его в несколько раз. Промокнув порез, Джордж добавил: – Давай очистим его, наложим мазь и перевяжем. Последнее, что тебе нужно, это занести инфекцию.

Они вместе направились по коридору в ванную; Джордж придерживал рукой бумажное полотенце, прижатое к порезу.

Реджи и ее мать сидели в молчании, слушая тиканье часов и шум воды, доносившийся из ванной. Джордж что-то сказал, и Лорен рассмеялась. Вера перевернула лебедя и провела пальцами по перьям на брюшке. Минуту спустя она встала, покачнулась и оперлась на стол, чтобы сохранить равновесие.

– Ты в порядке, мам?

Вера с вымученной улыбкой повернулась к Реджи.

– Я скоро вернусь. – Голос матери звучал странно и нетвердо. Она вышла из кухни в коридор. Реджи услышала, как открылась и закрылась входная дверь. Вскоре послышался звук отъезжавшего автомобиля.

Реджи наклонилась и потушила сигарету Веры, которая догорела до фильтра и испускала едкий химический запах. Лебедь угнездился на краю стола, как будто задумался о полете.

– Где твоя мать? – спросила Лорен, вернувшись на кухню с бактерицидным пластырем на пальце.

– Она сказала, что вернется, – ответила Реджи и закусил губу.

– Последнее, что она должна была делать в таком состоянии, – это садиться за руль, – заявила Лорен, поправляя свой рыбацкий жилет. Она подошла к кухонному окну и выглянула на дорожку, пробежав взглядом по тому месту, где стоял автомобиль Веры. – Меня подмывает позвонить в полицию.

Джордж подошел сзади и положил руку на спину Лорен. Она откинулась назад, но потом, словно передумав, развернулась и уперлась руками в стол.

– Кто не прочь поиграть в рамми^[18]? – спросил Джордж, отвернувшись от нее и выдвинув ящик, где хранились карты.

Реджи, Джордж и Лорен сидели за столом на кухне и играли в карты, ожидая, пока приготовится лазанья. Вера так и не вернулась. Они поели в неловком молчании, прислушиваясь к звукам снаружи, а деревянный лебедь одиноко сидел в центре стола.

Когда Реджи поднялась в свою комнату, она подошла к столу, нашла перочинный ножик и медленно, осторожно поднесла лезвие к своему предплечью. Боль была яркой и прекрасной; она унесла прочь темноту.

* * *

Руки Нептуна, схватившие ее за горло, сжались еще крепче. Она находилась в каком-то глубоком и холодном месте – в подземной пещере или на дне колодца. Она была связана по рукам и ногам и не могла пошевелиться.

Она услышала голос Тары: *«Вся вселенная будет у твоих ног»*.

Реджи открыла глаза и посмотрела на радиоприемник с таймером, стоявший возле ее двуспальной кровати.

Красные пальцы, которые тянутся к ней...

Нет, сказала она себе, это лишь красные цифры: 02.20.

Сердце громко стучало в груди, кожа была влажной от пота. Свежий порез на руке жгло как огнем.

Она ощутила на затылке горячее дыхание матери с запахом джина. Вера свернулась вокруг Реджи под широкой простыней с картинками из игры «Космические захватчики», положив искалеченную руку на грудь дочери и прижимая ее к себе так крепко, что она едва могла дышать. Вера прижала губы к здоровому уху Реджи и прошептала:

– Проснись!

– Что такое?

– У меня есть новости.

– О господи, мама! Разве это не может подождать до утра? – Она начала уставать от этих ночных визитов и полупьяных признаний после закрытия баров. И еще она злилась на мать, которая просто ушла из дома перед обедом и оставила подарок Джорджа как никчемную безделушку.

Возможно, Лорен права, и пришло время запирать на ночь дверь.

– Это важно, – шепнула Вера и еще крепче прижала дочь к себе.

Реджи ощутила слабый укол страха, зародившийся как трепет в ее грудной клетке. Шепот матери стал совсем тихим, а ее дыхание было пронизано смолистым ароматом джина, напомнившим Реджи о рождественской ели.

– Я выхожу замуж.

У Реджи возникло ощущение, будто ее двинули кулаком под ложечку.

– Ты слышишь, Реджина? Разве это не чудесно?

– Здорово. Просто отлично, – *Лгунья*. – Это новый парень? Тот, с которым ты познакомилась в кегельбане?

Вера рассмеялась.

– Нет, глупенькая. Это не он.

– Кто же тогда?

– Это сюрприз, но ты скоро увидишь. Я хочу, чтобы ты познакомилась с ним.

– Сейчас? – спросила Реджи. Она попыталась извернуться, чтобы посмотреть матери в лицо, но Вера держала ее крепко. Сила матери часто изумляла Реджи. Но с другой стороны, эта женщина раскрутила огромного пса и швырнула его с балкона, чтобы спасти ее. Реджи выпростала руку из-под простыни и прикоснулась к шрамам на руке матери, вспоминая, как это было.

– Нет, глупышка. Завтра. Встретимся в кегельбане, в семь вечера. Ты придешь, Реджина? Пожалуйста, скажи, что придешь.

Ее голос стал умоляющим, но в нем звучала надежда. Слова жужжали в затылке Реджи, как беспокойные пчелы.

– Ладно, я буду там.

– Хорошая девочка, – сказала Вера и поцеловала Реджи в щеку. – Да, и окажи мне услугу, ладно? Ничего не говори Лорен. Я хочу сама ей рассказать. Но сначала я хочу, чтобы ты встретилась с ним.

– Как скажешь, – пробормотала Реджи.

– Хорошая девочка, – повторила Вера и поцеловала ее в ухо. – Мы будем жить в настоящем доме. Может быть, заведем кошек. Разобьем клумбы. Будем вести нормальную, спокойную жизнь. Тебе ведь это понравится, верно, милая? – Тон матери был таким задумчивым и мечтательным, словно она цитировала реплики из какой-то своей роли.

* * *

– Я хочу, чтобы ты убралась из этого дома! – Лорен стояла в дверях комнаты Реджи, и свет из коридора исходил повсюду вокруг нее. Ее лицо оставалось в тени, но силуэт как будто сиял. Реджи посмотрела на часы: было немногим больше трех ночи. Они все-таки заснули.

Вера выскользнула из-под простыни и встала. Она не сказала ни слова.

– Подожди, мама! – Реджи начала вставать. – Тетя Лорен, о чем вы говорите? Сейчас поздняя ночь...

– Ш-ш-ш, детка, не беспокойся, – сказала Вера. – Все будет в порядке.

Тебе нужно лечь в постель.

– Но... – начала Реджи.

– Все под контролем, – пообещала Вера. – Теперь немного поспи.

Вера вышла из комнаты и тихо закрыла за собой дверь. Реджи слышала, как они спорят в коридоре. Она выбралась из постели, босиком прошлепала по полу и прижала к двери здоровое ухо.

– Как ты посмела унижать меня перед дочерью? – спросила мама.

– Я дала понять, что не потерплю этого, – сказала Лорен. – Здесь не ночлежка, куда можно приходить и уходить, когда захочешь. Как ты полагаешь, что думает Реджина, когда видит тебя в таком состоянии? Мать-алкоголичка!

– Ты не имеешь права, – прошипела Вера.

Пол заскрипел под звук удаляющихся шагов. Потом в разговор вмешался третий голос, тихий и ласковый:

– Давайте все успокоимся. – Голос был, похоже, Джорджа, но что он мог делать здесь посреди ночи?

Лорен сказала что-то, чего Реджи не смогла разобрать, потом добавила:

– Мое решение окончательное. Я хочу, чтобы ты ушла. Сейчас же.

Послышался новый шепот, потом звук шагов. Вскоре все стихло, но Реджи продолжала стоять на коленях, прижав здоровое ухо к двери, пока ее не сморил сон.

17 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи ворвалась в дом, пылая от гнева после столкновения во дворе с Мартой Пэкетт.

– Кому ты рассказывала о маме? – рывкнула Реджи на свою тетю, когда поставила на стол пластиковые пакеты с покупками. Один из них упал, и наружу выкатился пластиковый тубус с тряпочками для протирки с лимонным ароматом.

– Никому. – Лорен отвернулась от раковины, где промывала кофемашину.

– Ты звонила мне и Таре. Кому еще?

– Никому. – Лорен выпрямилась и оперлась о кухонную стойку.

– Больше никому?

– Мне не нравится твой тон, Реджина. – Лорен потянулась к полотенцу и вытерла мыльные руки.

– Сюда только что приезжала Марта Пэкетт. У нее была мамина фотография, сделанная одним из этих проклятых добровольцев-пожарников.

– Я позвоню их начальнику, – сказала Лорен. – Это нарушение устава, и, разумеется, его накажут.

– Фотография – это меньшая из наших проблем. Марта знает, что мама находилась в приюте для бездомных в Уорчестере. И знает ее диагноз.

Рот Лорен приоткрылся, придавая ей сходство с пойманной форелью, которую она так любила.

– Но как?

– Полагаю, *кто-то* сказал ей. – Реджи выжидающе посмотрела на тетю.

Глаза Лорен широко распахнулись.

– Думаешь, это была я? – Она поднесла руку к груди и оставила ее там, теребя один из карманов старого рыбацкого жилета.

– Не напрямую. Но мне нужно знать, кому еще было известно о приюте.

– Я уже сказала тебе. – Лорен стиснула зубы. – Тебе и Таре. Я не идиотка, Реджина. Думаешь, я не понимаю, что стоит на кону? Я никому больше не сказала ни слова, и меня возмущает намек на болтливую старушку, которая не умеет держать язык за зубами. Тебе следовало бы

знать, что у меня только лучшие намерения во всем, что касается твоей матери.

– Правда? – спросила Реджи. – Какая перемена, да? Ты думаешь, я забыла о том, что ты сделала? Ты выгнала ее из собственного дома, Лорен! – Реджи прикусила язык, прежде чем закончила свою мысль вслух: «Прямо в руки к убийце».

Лорен как будто застыла. Она отвернулась от Реджи и пустила в раковину струю горячей воды. Поднялся пар, и Лорен наклонилась туда, цепляясь руками за стойку, словно ее не держали ноги. Ее словно окутал туман.

* * *

– Ангелы ходят среди нас, – сказала Вера. – Они маскируются под людей. Иногда они носят парики, иногда деловые костюмы. Никогда не знаешь, когда встретишься с ангелом. Так говорит сестра Долорес.

– Сестра Долорес говорит умные вещи, – сказала Тара. Она налила в пластиковую ванну теплую воду и обтирала Веру губкой. Вера была наполовину обнаженной; ее ноги закрывала простыня, на плечах лежало полотенце. Груды свисали пустыми мешками на торчащую грудную клетку. Каждая косточка словно просвечивала сквозь бумажно-тонкую кожу.

Реджи торопливо распахнула дверь и теперь замерла в дверном проеме. Она отвернулась от матери и уставилась в пол, чувствуя себя незваной гостьей.

Тара подняла голову, явно не смущаясь ее вторжением.

– Я как раз мою твою маму. Мы будем готовы через минуту. – Она уронила губку в пластиковую ванну и стала аккуратно промокать Веру полотенцем.

– Нам нужно поговорить, – пробормотала Реджи и напомнила себе, зачем она пришла сюда, прежде чем попятиться в коридор.

– Дай мне закончить, и я буду в твоём распоряжении. – Тара аккуратно обтерла Веру, приподнимая ее руки и ноги, искусно пользуясь простынями и полотенцами, чтобы прикрывать сухие части тела, и обращаясь с обрубком правой руки так, как будто он не отличался от всего остального. В ее манере не было даже тени ужаса или отвращения. Она напевала себе под нос, пока работала, и ободряла пациентку короткими фразами: «Осталось еще немного, Вера», «Вы не замерзли, дорогая? Я уже почти закончила».

Вера улыбнулась Таре.

– Думаю, вы одна из них, – тихо сказала она.

– Из кого? – спросила Тара, припудривая ее туловище детской присыпкой.

– Из ангелов.

– Вот и хорошо, поскольку я думаю, что вы тоже одна из них, – с улыбкой сказала Тара и ловко облачила Веру в пижамную рубашку.

Вера закрыла глаза и откинулась на подушку с абсолютно безмятежным видом. Тара подхватила банные принадлежности и понесла их мимо Реджи, по коридору и в ванную. Тара вымыла руки, тщательно намыливая каждый палец, пока Реджи стояла в дверях ванной. Рукава Тары были закатаны, и Реджи смотрела на ее руки, вспоминая шрамы и думая, что видит их слабые очертания. Тара перехватила ее взгляд, и Реджи смущенно отвернулась. Потом их глаза встретились в зеркале медицинского шкафчика.

– Ты случайно не говорила с Мартой Пэкетт?

– С кем?

– С женщиной, которая написала «Руки Нептуна».

Тара озадаченно посмотрела на нее.

– Нет. Понятия не имею, почему она должна была обратиться ко мне. Мне было известно об убийствах не больше, чем тебе. Она была слишком занята разговорами с медиками и полицейскими. К чему ей было возиться с тринадцатилетней девчонкой?

– Я говорю не о прошлом, а о настоящем. Ты разговаривала с Мартой вчера или сегодня?

Тара закрыла кран и отряхнула руки.

– Что за чертовщина, Реджи?

– Совсем недавно она была здесь. Она знает, что моя мать жива и находится в этом доме. Она побывала в приюте для бездомных в Уорчестере. Ей даже известно о болезни матери.

Тара начала вытирать руки.

– И ты думаешь, я рассказала ей?

– Кто-то сделал это. Единственные, кто знал, – это я, ты и Лорен.

Тара стиснула полотенце так, словно хотела задушить его. Реджи вспомнила, как однажды Тара душила ее, прикинувшись Нептуном. Еще несколько дней Реджи проходила с желтыми следами синяков на шее.

Тара заговорила ломким голосом, который сначала срывался на хрип, но потом превратился в рычание.

– Да, ты, я и Лорен... и все, с кем она встречалась в уорчестерской

больнице – врачи, медсестры, секретари и водители. Господи, даже уборщицы! Потом были всевозможные копы, которые приходили к ней с расспросами: думаешь, у Марты Пэкетт не сохранилось связей в полиции? А как насчет сотрудников приюта или других бездомных? Любая сволочь могла рассказать ей что угодно!

Реджи попятилась.

– Ну конечно, ты права. Я как-то не подумала об этом. Мне...

– Нет. Ты не потрудились подумать, а сразу же набросилась на человека, которому меньше всего доверяешь, так? – Глаза Тары сверкали.

– Это неправда. – Реджи шагнула к Таре и протянула руку, желая прикоснуться к ней, найти способ показать, что подруга ошибалась. Реджи снова ощущала себя ребенком, отданным на милость Тары с ее изменчивыми настроениями и отчаянно стремящимся все исправить.

Тара покачала головой и отступила.

– Знаешь, как бы мне ни хотелось быть здесь и ухаживать за твоей мамой, я не уверена, что подхожу на эту роль.

– Нет. Только ты и подходишь. Она назвала тебя ангелом!

Тара комкала полотенце в руках. Реджи умоляюще взглянула на нее.

– Пожалуйста, скажи, что ты останешься.

На несколько ударов сердца воцарилась тишина, словно обе затаили дыхание.

– Забавно, как оборачивается жизнь, правда? – спросила Тара. – За двадцать пять лет ты даже не попыталась найти меня, а теперь просишь остаться. Ты вообще думала обо мне, Реджи? Хотя бы один раз за все эти годы?

– Тара!

– Думала или нет? – перебила Тара с таким же горящим взором, который врезался в память много лет назад, когда она говорила о Нептуне.

Реджи запустила руку под рубашку, вытащила ожерелье с песочными часами и показала Таре.

– Само собой. – Розовый песок посыпался в нижний конус. – Хочешь получить обратно?

Реджи начала снимать ожерелье, но Тара покачала головой.

– Нет, оно должно быть у тебя. Но когда я увидела его, сразу перенеслась в прошлое. Как будто время свернулось в кольцо, понимаешь?

Реджи кивнула.

– В последнее время это происходит регулярно.

– Ты правда хочешь, чтобы я осталась? – спросила Тара и закусила губу.

– Да.

– Хорошо. Но давай обойдемся без выкрутасов, ладно? Мы с тобой застряли здесь на какое-то время. Ситуация с твоей мамой может осложниться непредсказуемым образом. Если ты не можешь мне доверять, я должна узнать об этом сейчас.

– Я доверяю тебе, – сказала Реджи и вспомнила, как много лет назад она сидела рядом с Тарой в сыром, провонявшем рыбой гараже Лорен, как Тара вручила ей бритвенное лезвие и сказала: «Верь мне».

Тара кивнула.

– Спасибо, что согласилась остаться, – добавила Реджи. – Прости, что так набросилась на тебя; это свинство с моей стороны.

Реджи начала засовывать ожерелье под рубашку, потом достала обратно, перевернула часы и вспомнила слова, начинавшие старую игру:

«У тебя есть одна минута...»

Вместо этого она поступила как взрослый человек: повернулась и вышла из комнаты.

* * *

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Тело третьей жертвы, Энн Стикни, было обнаружено на рассвете девятнадцатого июня на лужайке в центре города, под кроной потомка Чартерного дуба^[19]. Энн лежала на боку, свернувшись в клубок, словно недавно заснула. Как и предыдущие жертвы Нептуна, она была обнаженной и чисто вымытой; на обрубок правой руки наложена чистая повязка. На этот раз убийца оставил свою метку – вырезал у нее на животе трезубец, очевидно, выказав одобрение к прозвищу, которым его наградили в полиции.

Двадцатилетняя девушка была студенткой факультета режиссуры Уэслианского университета в Миддлтауне, что в 45 минутах езды от Брайтон-Фоллс. Ее соседка по комнате полагала, что она на неделю уехала домой в Нью-Джерси, и не сообщила о ее исчезновении.

После находки тела Стикни в Брайтон-Фоллс началось вавилонское столпотворение.

Женщин просили быть начеку и не садиться в свои автомобили без сопровождения. В магазинах стали продавать деревянные колотушки, а женщины из группы самообороны раздавали ярко-оранжевые свистки. Горожане формировали дружины для патрулирования окрестностей. Магазин скобяных товаров Парсона сколотил небольшое состояние на продаже засовов и усиленных замков. Оружейная лавка Бада на Эйрпорт-роуд за одну неделю продала вдвое больше пистолетов, чем обычно за год.

Шеф полиции Вернон Сэмсон объявил, что поскольку теперь речь идет о поимке серийного убийцы, к расследованию подключается ФБР. «Мы надеемся, что их опыт будет способствовать быстрому разрешению ситуации и аресту серийного убийцы, известного как Нептун». Сэмсон также учредил специальную оперативную группу для расследования факта утечки в прессу большого количества конфиденциальной информации.

«Хартфорд Экземинар» начал публиковать письма в редакцию от горожан, полагавших, что полиция плохо ведет расследование. Люди призывали к отставке Сэмсона. Одна популярная теория гласила, что Нептун даже может состоять на службе в полиции. Это объясняло, каким образом он незаметно оставлял посылки на крыльце полицейского участка,

как происходила утечка информации о ходе расследования и даже, возможно, как он заманивал своих жертв.

В конце концов, кто не будет доверять офицеру полиции?

19 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи проснулась в десять часов утра, окоченевшая и продрогшая, на полу своей спальни. Она помнила тень Лорен, заполнившую дверной проем, когда та кричала: «Я хочу, чтобы ты убралась из этого дома!» Пытаясь отделаться от этого воспоминания, Реджи спустилась на кухню, где обнаружила Лорен с тарелкой клеклых кукурузных хлопьев.

Реджи хотелось накричать на тетю и спросить: «Как ты могла выгнать ее? Кто дал тебе право?» Но она осталась бессловесной, наполовину опасаясь, что Лорен может выгнать и ее заодно с матерью. В отличие от Веры, Реджи было некуда идти.

Перед Лорен была разложена утренняя газета, тетя с карандашом в руке изучала кроссворд. Из включенного радиоприемника доносился тихий шорох голосов. Реджи расслышала слова «дело», «Нептун», «Чартерный дуб».

– Они нашли ее? – спросила Реджи, наливая себе стакан апельсинового сока.

– Кого? – Лорен прикусила зубами ластик карандаша, размышляя над кроссвордом.

– Следующую жертву Нептуна. Сегодня пятое утро.

– Да, – ответила Лорен, не отрываясь от газеты.

– Кто она? Где ее нашли?

– Точно не знаю, – ответила Лорен. – Я не обратила внимания. – Она заполнила одну строчку кроссворда: «благодарность».

Реджи со стуком опустила стакан на стол.

– Как ты могла не обратить внимания? Этот тип убивает женщин в нашем городе! Одна из них была маминой подругой. Ты хотя бы знала об этом?

– Нет, не знала, – сказала Лорен, наконец оторвавшись от кроссворда.

– Это была официантка. Мама однажды познакомила нас. Она была очень хорошей женщиной.

Лорен кивнула и поджала губы.

– Не сомневаюсь, что так и было.

Реджи уставилась на нее, закипая от гнева.

– То, что ты сделала, было неправильно, – сказала она. – Ты посреди ночи выгнала мою маму из дома.

Лорен встала и отправила свой испорченный завтрак в мусорный бачок. Она не поворачивалась к Реджи, давая понять, что не собирается обсуждать эту тему.

Реджи увидела в центре стола деревянного лебедя, где он и пробыл всю ночь.

– Вчера ночью в доме был кто-то еще? – спросила Реджи. – Когда вы с мамой ругались, мне показалось, что я слышала другой голос.

Лорен покачала головой.

– Нет. Разумеется, нет.

Реджи взяла резного лебедя, сунула его в карман шорт и зашагала к выходу.

– Реджина, – окликнула Лорен. – Если сегодня отправишься в город, обязательно найди компанию. Пусть Чарли будет вместе с тобой.

Реджи не ответила ей и пошла дальше.

* * *

Шина спустила перед тем, как Эйрпорт-роуд расширилась с двух полос до четырех. Рабочие на табачных полях разошлись по домам, и рядом не было никого, кроме проезжающих автомобилей. У Реджи с собой не было никаких инструментов и даже ремонтного комплекта с заплатками и клеем. Джордж учил ее чинить велосипедные шины и купил необходимые инструменты, но она каждый раз забывала взять их, когда отправлялась кататься.

Передняя фара, которую они поставили вчера вечером, была на месте, прямо по центру руля. Джордж отчитал Реджи за неправильный выбор гаечного ключа, который оказался маловат.

– Так ты можешь сорвать резьбу на гайке, – сказал он. – Нужно уделять время выбору нужного инструмента.

Тогда Реджи изучила маленький набор ключей, пока не нашла идеально подходящий, а потом укрепила зажим, удерживавший фару. Теперь Реджи хотелось, чтобы Джордж вместе со своими инструментами оказался рядом.

– Проклятье, – пробормотала она, осматривая спущенную шину. Реджи спрятала велосипед с рваной шиной в кустах за водосточной канавой и пошла дальше пешком.

Автомобили один за другим проезжали мимо.

«Что если тип в светло-коричневом автомобиле остановится и

предложит подбросить меня?», – подумала Реджи. Пожалуй, можно будет найти предлог, чтобы не садиться. Но это все равно было пустой фантазией, поскольку никто не сбрасывал скорость и тем более не останавливался.

Реджи посмотрела на часы: у нее оставалось пятнадцать минут, чтобы добраться до места. Она побежала.

Когда она только набрала темп и воображала себя наполовину бегущей, наполовину летящей, произошло второе несчастье за вечер.

Она бежала изо всех сил, двигаясь на автопилоте, когда увидела огромный плакат с лицом Кэндис Жаке – сережки, как багры, выпяченные красные губы. Плакат был прикреплен к стене амбара для сушки табака.

«ВЫ МЕНЯ ВИДЕЛИ?» – гласила надпись метровой высоты.

Реджи каким-то образом не уследила за своими ногами и внезапно потеряла равновесие, жестко приземлившись на правую ягодицу. Лодыжка подвернулась, и Реджи совершила кувырок в стиле героини комиксов, размахивая руками. *Трах!*

Ее развернуло таким образом, что когда она открыла глаза, то первым делом увидела огромное лицо Кэндис, смотревшее на нее сверху вниз.

– Вот га-адство! – простонала Реджи и откатилась в сторону.

Лодыжку разрывало от боли. Нога сразу же опухла, и, проковыляв полмили до того места, где двухполосная дорога расширялась до четырех полос, Реджи заподозрила перелом. Она могла передвигаться подпрыгивающей, наполовину шаркающей походкой; лицо превратилось в гримасу боли, и приглушенные проклятия срывались с губ каждый раз, когда приходилось переносить вес на правую ногу. Потом начался дождь. Не радостная капель в духе «Поющих под дождем», а настоящий ливень, хлещущий как из ведра.

* * *

Наконец, промокшая до мозга костей, с тошнотным ощущением в животе и плывущей от боли головой, она увидела красно-бело-синюю вывеску кегельбана «Эйрпорт Лейнс». Время шло к половине восьмого. Реджи попрыгала и зашаркала в направлении сияющей вывески, повторяя «блин, блин, блин» каждый раз, когда ее правая нога упиралась в асфальт. Мимо проносились автомобили. Некоторые притормаживали, но никто не остановился, не опустил окошко и не спросил, нужна ли помощь.

Реджи достигла края автостоянки и увидела свою мать.

Вера стояла и курила под полосатым красно-белым навесом, надежно защищенная от дождя. Ее светлые волосы были идеально уложены, зеленое платье колыхалось на ветру. Реджи подняла руки, чтобы помахать ей, но Вера смотрела в другую сторону, мимо вывески, по направлению к аэропорту, где только что взлетел очередной самолет.

– Мама! – закричала Реджи. Она представляла, как ее мать повернется, увидит, в каком она состоянии, и побежит к ней. В конце концов, она спасла Реджи от смертельной опасности. На этот раз Реджи не нуждалась в героических поступках вроде борьбы с разъяренным псом – ей нужно было лишь опереться на материнское плечо, получить обещание отвезти ее домой и по дороге забрать велосипед со сдутой шиной.

Вера все еще стояла, отвернувшись от нее, но теперь Реджи видела, что она смотрит на автомобиль, который с включенными фарами и работающими щетками стеклоочистителя только что въехал на стоянку перед зданием. Водитель замедлил ход. Вера помахала ему и потушила сигарету.

– Мама! – завопила Реджи и заковыляла по автостоянке так быстро, как только могла.

Может быть, из-за дождя, взлетающего самолета, шума работающего двигателя или всего этого вместе, но мать не услышала ее.

Автомобиль остановился рядом с навесом, и Реджи заметила, что левая задняя фара разбита. Водитель нагнулся над пассажирским сиденьем и распахнул дверь. Реджи лишь успела заметить, что он носил бейсбольную кепку. Вера скользнула внутрь, так и не посмотрев в сторону дочери.

– Мама! – еще раз выкрикнула Реджи, сложив руки вокруг рта наподобие рупора. – Не надо!

Слишком поздно.

Светло-коричневый седан уже набирал скорость.

17 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

После заключения перемирия с Тарой Реджи спустилась на кухню, где все еще пахло дымом. Лорен сидела за столом, шмыгая носом. Джордж стоял рядом с ней, держал ее за руку и гладил по спине. Когда вошла Реджи, он поднял голову. Он выглядел почти так же, как она его помнила – с заостренными, неуловимо мышинными чертами лица, но вокруг глаз собрались крошечные морщинки, в волосах проглядывала седина, а залысины увеличились в размере. Он носил круглые очки в серебристой металлической оправе и был одет в брюки цвета хаки и тщательно отглаженную голубую рубашку, застегнутую на все пуговицы.

– Реджи, – произнес Джордж и выпрямился, как показалось Реджи, чтобы обнять ее. Он был меньше ростом, чем она помнила, а возможно, стал сутулиться и горбить плечи, как человек, испытавший бесчисленное количество поражений.

Вместо того чтобы обнять Реджи, Джордж прошел мимо нее.

– Давай выйдем на воздух, – сказал он и направился в коридор. Лорен осталась сидеть, опустив голову и промокая глаза скомканной салфеткой. – Что ты сказала Лорен? – спросил Джордж, когда они вышли во двор, в густую тень дома, сразу же окружившую их.

Они стояли лицом к старому деревянному домику Реджи. Крыша все еще находилась в неплохом состоянии, но окна так и не были закончены. Веревоочная лестница болталась, деревянные планки местами прогнили насквозь, но, тем не менее, Реджи почти ожидала увидеть в дверном проеме лицо Чарли, который пригласит ее внутрь и спросит, куда она запропастилась.

– Думаешь, она это заслужила, да? – продолжал Джордж. Его голос был тихим и сдержанным, но было ясно, что он в ярости. – Думаешь, есть хотя бы один день, когда она не думает, что могло бы случиться, если бы той ночью все обернулось по-другому?

– Послушай, Джордж, я... – начала Реджи.

– Несправедливо винить ее в том, что случилось с твоей матерью.

– Я не виню ее!

– Нет, винишь, и так было всегда. Разве не поэтому ты уехала из дома так спешно, как только могла? Ты не хотела даже смотреть на нее. Я помню, каково ей приходилось последние четыре года. Ты практически

перестала разговаривать с ней. Ты разбила ей сердце, Реджи.

Реджи покачала головой. Это было безумием. Лорен вычеркнула Реджи из своего сердца с того самого дня, когда она появилась на свет, просто потому, что она была дочерью Веры.

Джордж неспешным шагом пересек дорожку и вошел в старый деревянный гараж. Реджи последовала за ним. Верстак с рыболовными приспособлениями Лорен по-прежнему стоял на месте, заваленный кусачками, крючками, мотками лески, катушками ниток и пучками перьев. Внизу стояла пыльная коробка с принадлежностями для таксидермии: маленькими глазами на проволочках, опилками, ножами и химикалиями. У верстака стоял дубовый шкаф для удочек, который Джордж смастерил для Лорен. Джордж любовно погладил дверцу, потом открыл шкаф, где находились четыре удочки, рыболовная сеть и поношенный рыбацкий жилет на вешалке. Шкаф напоминал Реджи длинный ящик, куда фокусник укладывает женщину, чтобы распилить ее пополам. А может быть, он взмахивает рукой, закрывает дверь и заставляет женщину исчезнуть.

– Потерять Веру было тяжело, – сказал Джордж и закрыл шкаф. – Это надломило нас. Но потом мы потеряли и тебя.

Это было уже слишком.

– Прошу прощения, но ты не заставишь меня чувствовать себя виноватой, – сказала Реджи и выпрямилась. – Я была лишь ребенком и старалась, как могла. Лорен всю жизнь относилась ко мне как к мусору, потому что я была дочерью своей матери. Она ненавидела Веру, Джордж! Разве ты не помнишь?

Джордж кивнул.

– Да, у них были разногласия, но...

– Разногласия? – перебила Реджи. – Лорен кошмарно относилась к ней. Она предупреждала меня, чтобы я держалась подальше от собственной матери и запирала по ночам дверь.

– Она делала это лишь для того, чтобы защитить тебя! – отрезал Джордж.

– Я не нуждалась в защите, – прошипела Реджи, уже не сдерживая гнев. – Только не от своей матери.

Она отвернулась от него и увидела чучело форели на подставке, глядевшее на нее со стены, пыльное и деформированное, с грубыми черными стежками на брюхе. Франкен-рыба.

Джордж немного помолчал.

– Иногда я задаюсь вопросом: помнишь ли ты, как все было на самом деле? – наконец сказал он.

У Реджи застучало в висках.

– Если бы ты помнила, то, наверное, больше бы ценила жертвы, которые принесла твоя тетя, – продолжал Джордж.

– Ой, да ладно! – Реджи отвернулась от форели и со злостью посмотрела на Джорджа. – Какие еще жертвы?

– Ты хотя бы представляешь, чего стоило отправить тебя в школу Брукера на четыре года? А потом еще и в колледж. Ты занимаешь свое нынешнее положение благодаря Лорен. Она чрезвычайно много сделала для тебя.

– Это она тебе рассказала? – спросила Реджи. – Да, она оплатила учебу в школе, но, откровенно говоря, я думаю, что она отправила меня туда, поскольку стыдилась моей матери, опозорившей фамилию Дюфрен. А за колледж она не заплатила ни цента, Джордж. Я вкалывала как проклятая ради грантов и стипендий, делала кучу исследований в этой сраной школе и все равно была по уши в долгах, когда получила диплом. И все эти долги я выплатила сама! – Реджи почувствовала, что ее гнев становится неконтролируемым, но испытала странный душевный подъем. Она шагнула вперед и ткнула пальцем в направлении Джорджа. – Я делала все возможное, чтобы как можно дальше оказаться от этого места, где я чувствовала себя чужой, и все провоняло горечью утраты. Так что не смей стоять здесь и обвинять меня. Я обязана своим положением только себе, и никому больше.

Реджи отвернулась, тяжело дыша. Через маленькое окошко она посмотрела на «Желание Моники». С этого угла дом казался искривленным. Послеполуденное солнце высветило разбитую черепицу на крыше, каменные стены как будто кренились то влево, то вправо.

Джордж что-то пробормотал, но к нему было обращено ее фальшивое ухо, и Реджи не расслышала его слов, кроме одного: «Неблагодарная».

– Я все сказала, – бросила она и вышла из гаража.

Реджи зашагала через лужайку к дому, сначала медленно, потом все решительнее. Она побежала трусцой еще раньше, чем осознала это. Сейчас она была уверена в одном: не нужно было возвращаться сюда. У Джорджа и Лорен явно имелась своя версия истории, согласно которой Реджи была скверной и неблагодарной тварью, ответственной за все душевные страдания их маленькой семейной ячейки. К черту их всех!

– Реджина! – позвал Джордж у нее за спиной, но Реджи не обернулась.

Она вошла в дом и миновала кухню, где тетя заваривала чай. Реджи торопливо поднялась наверх, в свою комнату, плотно закрыла дверь и секунду постояла, прислонившись головой к косяку. Реджи слышала, как в

дом вошел Джордж. Послышался скрип стульев на кухонном полу; до нее донеслись приглушенные голоса. Она повернулась и прижалась здоровым ухом к двери, пытаясь подслушать их разговор.

– Сделал, что мог, – сказал Джордж. Лорен снова заплакала.

– Да пошли вы! – процедила Реджи.

Она услышала голос Веры в соседней комнате:

– Дорогая, ты когда-нибудь бывала в Аргентине?

– Нет, не приходилось, – ответила Тара.

Реджи посмотрела на водяные разводы на потолке – пятна, которые выглядели как искривленные круги на мишени. Каменная стена с северной стороны комнаты была похожа на тюремную – такая же темная, толстая и непробиваемая. Ее камни, словно сотни тусклых глаз, следили за тем, как Реджи росла, и знали все ее секреты.

С сильно бьющимся сердцем, под надзором стенных камней, она быстро собрала свои вещи: вытащила из комода аккуратные стопки одежды и запихала их в чемодан на колесиках. Она закрыла чемодан, закинула на плечо курьерскую сумку, спустилась по лестнице, прошла через гостиную, по коридору и к парадной двери. Ей снова было семнадцать лет, и она тайком уходила на рассвете и садилась в такси, которое отвезет ее до автостанции Грейхаунд, где она сядет на автобус до Провиденс, не попрощавшись ни с кем из друзей и родственников. Вот так просто.

Реджи уселась за руль и включила зажигание. В верхнем окне, в комнате Веры, появилось лицо Тары, отодвинувшей занавеску. Тара прижала ладонь к стеклу; ее лицо казалось бледным и призрачным.

Реджи врубила задний ход и развернулась так, что гравий полетел из-под покрышек. Она включила GPS и нажала кнопку с надписью «ДОМОЙ».

20 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Часы на радиоприемнике Реджи показывали 8.58. Где-то звонил телефон. Реджи натянула подушку на голову и ждала, когда Лорен ответит на звонок. Режущая боль в лодыжке уменьшилась до пульсирующего нытья. Пакет с мороженым горошком, который Лорен велела приложить перед сном, валялся в ногах влажной кучкой.

После того как Реджи позвонила домой из таксофона перед кегельбаном, Лорен приехала забрать ее, вернула велосипед и отвезла племянницу в пункт неотложной помощи. Реджи отделалась растяжением, но ей предписали полный покой до окончательного выздоровления. Она рассказала тете о том, как ее мать села в светло-коричневый автомобиль с водителем, чье лицо она не смогла разглядеть. Лорен заявила, что цвет машины ничего не значит, что у Реджи слишком буйное воображение, и что в Брайтон-Фоллс расплодилось слишком много абсурдных и истерических теорий, похожих на ее предположение. После этого Реджи замолчала.

В ее снах мать снова и снова садилась в автомобиль с разбитой задней фарой. Иногда водитель был дьяволом. Иногда на его месте оказывалась Лорен. В последний раз Реджи увидела за рулем саму себя и большой нож с зазубренным лезвием, лежавший между ней и Верой.

Звонки прекратились, потом начались снова. Реджи села, вся влажная от холодного пота, постаралась стряхнуть остатки сна и потянулась к телефону, стоявшему на тумбочке у кровати.

– Алло? – сонно сказала она.

– Редж! – взвизгнула Тара. – Ты в порядке? Ты уже слышала?

– Что слышала?

– Ох, блин! Слушай, включи новости, ладно? Я скоро приду. – Тара повесила трубку, прежде чем Реджи успела что-то сказать.

Реджи легла в постель и включила приемник. Она наполовину дремала под общенациональные новости, – что-то про президента Рейгана, – но резко выпрямилась, когда услышала главный местный сюжет.

У полицейского участка появилась четвертая рука в молочной картонке. По словам представителя полиции, эта рука имела характерную отметину: рваные шрамы, оставшиеся после давней травмы.

«Сильно изуродованная», – так он выразился.

Реджи моментально поняла, что рука не только была покрыта

шрамами, но имела негнувшийся указательный палец, вот уже восемь лет указывающий в направлении какого-то безымянного и далекого места.

Часть II

День первый

Отрывок из книги Марты С. Пэккетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Вера Дюфрен, последняя жертва Нептуна, была поблекшей королевой красоты с платиновыми волосами, которая носила лайковые перчатки, одну за другой курила сигареты «Винстон» и убеждала мужчин покупать ей выпивку рассказами о том, как она была девушкой с рекламы кольдокрема «Афродита». Если просмотреть старые журналы, то можно найти образец такой рекламы с ее изображением. Рекламный слоган гласил: «Относись к себе как к богине», а под ним стояла девятнадцатилетняя Вера в облегающем белом платье и с пухлыми губами, накрашенными глянцевой красной помадой.

Афродита, богиня любви и похоти, была подходящим божеством для Веры. Ее лицо всегда было идеально ухоженным, а одежда, пожалуй, слишком элегантной для баров на Эйрпорт-роуд, завсегдатаем которых теперь была тридцатитрехлетняя Вера. Она выделялась на общем фоне, как кинозвезда, и когда новый посетитель заходил в «Серебряные крылья», бар Рейбена или «Взлетную полосу», его неизбежно влекло к Вере, словно мотылька к огню.

Нептун, без сомнения, сразу же положил на нее глаз. Мы точно не знаем и можем лишь предположить, что он некоторое время наблюдал за ней, выжидал и строил планы. Был ли он одним из регулярных посетителей, которого Вера хорошо знала и могла ему доверять? Или одним из новоприбывших – красивым мужчиной, который вошел в бар, увидел ее и понял, что она должна принадлежать ему?

Среда, 20 октября 2010 года. Рокленд, штат Вермонт

Логарифмическая спираль. Вихри тропических циклонов, ястреб, кружащий над добычей, спиральные галактики, раковина наутилуса. Реджи рисовала спирали на бумаге и в своей голове, начиная с центра и закручивая витки. Она нарисовала спираль тонким маркером, вырезала ее и приклеила к кончику карандаша. При вращении рисунок производил гипнотическое впечатление, если Реджи смотрела в центр. Она изучала

узор и пыталась вписать в него идеальный, крошечный передвижной дом. Что на самом деле человеку нужно для жизни? Защита от стихий. Тепло. Еда.

Добавьте к этому способность передвигаться с места на место: за считанные минуты собраться и отправиться в путь.

Следуй за своими снами.

Следуй за своим сердцем.

Беги.

Беги так быстро и далеко, как только можешь.

«Иногда я задаюсь вопросом, помнишь ли ты, как все было на самом деле».

Дерьмо собачье.

После возвращения в Вермонт Реджи с головой погрузилась в работу, изо всех сил стараясь забыть о своей матери и о «Желании Моника». Дом и рабочий кабинет на дереве всегда были для Реджи надежной гаванью – единственным местом, где она полностью владела ситуацией, и ничто не могло коснуться ее. А теперь Реджи вернулась сюда, как побитая собака, поджавшая хвост.

Трусиха несчастная.

После своего воскресного бегства она уже сто раз бралась за телефон, чтобы объяснить свой поступок и привести разумные доводы, но так и не собралась с силами для звонка. Реджи ненавидела ощущение бессилия. Она привыкла владеть собой и понимать, что нужно делать в любой ситуации. Но она убежала, как ребенок, и теперь не могла отделаться от ребяческого ощущения неуверенности и неопределенности. Оно пропитывало все вокруг и лишало ее способности сосредоточиться.

Какая дочь может бросить свою умирающую мать подобным образом?

– Им будет лучше без меня, – сказала Реджи вслух, думая о своей матери, которая лежала голой в постели и называла Тару ангелом, пока та посыпала пудрой ее сморщенную кожу.

Если они нуждались в Реджи, если они каким-то образом сожалели о ее отсутствии, то знали, где ее найти. Она ожидала, что Джордж позвонит ей, извинится за свою резкость и попросит вернуться. Или что Тара скажет: «Я думала, мы с тобой договорились, что обойдемся без выкрутасов».

Но телефон не звонил.

Реджи смотрела в центр спирали, стараясь успокоить мысли. *«Сосредоточься, черт побери. Твоя работа всегда была единственным местом, где ты могла заблудиться в себе, местом, которое снова и снова спасало тебя».*

Но ничего не получалось.

Реджи подняла голову и посмотрела на астрологическую карту Лена, припиленную к доске для объявлений над ее рабочим столом. И увидела маленький голубой трезубец Нептуна в двенадцатом доме.

«Это признак твоей острой интуиции, – сказал Лен. – А также причина твоих терзаний».

У Реджи пробежали мурашки по коже. Она посмотрела на стол, и ее взгляд упал на кофейную чашку с мелкими инструментами. Реджи прикоснулась к рукоятке канцелярского ножа, потом отвела руку в сторону.

Не в силах избавиться от беспокойства, Реджи покинула рабочий кабинет, переделась и отправилась на пробежку: обычную пятикилометровую петлю вокруг озера. Но даже это не принесло облегчения. Реджи не могла найти правильный ритм для бега. Она перебарывала себя и тратила слишком много сил на склонах холмов; мышцы протестовали и дрожали от напряжения, так что в конце концов ей пришлось перейти на легкую трусцу. «Проклятье!» – прошептала Реджи сквозь зубы. Чувствуя себя разбитой и расстроенной, она направилась к дому и испытала мгновенное облегчение, когда увидела на подъездной дорожке автомобиль Лена.

– Ты дома, – констатировал он и смерил ее суровым взглядом серых глаз.

На Лене были забрызганные краской кархартовские брюки и рабочая рубашка из плотной хлопчатобумажной ткани. Его черные волосы с седыми прядями имели вид «только-что-из-постели», который так нравился Реджи. Она подошла ближе. От него пахло скипидаром и марихуаной.

– Извини, что не позвонила. Просто я слишком сильно выложились, когда пыталась разобраться в этом проекте. Заходи, – добавила Реджи и открыла дверь.

Лен последовал за ней на кухню. Реджи налила себе стакан воды и залпом выпила его.

– Как оно было в Уорчестере? – спросил Лен.

– Тяжело, – ответила Реджи и рукавом утерла пот со лба. – Как выяснилось, я не особенно много смогла сделать, так что пришлось вернуться.

Она поставила стакан и пошла к Лену, думая о том, что секс может оказаться именно тем, что ей сейчас нужно, чтобы избавиться от гнетущего настроения, которое сковывало ее.

– Это плохо. – Голос Лена звучал непривычно жестко. – Когда ты вернулась?

– В воскресенье вечером, – призналась она. – Мне правда жаль, что я не позвонила. Мне нужно было после поездки привести в порядок голову, и я хотела немного продвинуться вперед с идеей спирального дома. Ты знаешь, как я не люблю, когда проект вдруг зависает в воздухе.

Она наклонилась вперед и прикоснулась к его груди, потом провела пальцами вверх по шее до того места, где начиналась жесткая щетина.

– Реджи, – тихо сказал он. – Я знаю, где ты была. Я знаю, что произошло.

– Что? – Реджи отдернула руку.

– У нас здесь тоже есть выпуски новостей. Ты правда думала, что я ничего не узнаю? Господи, да я видел твою фотографию с матерью. Это было во всех газетах: последняя жертва Нептуна спустя много лет обнаружена живой. Почему ты мне не сказала? – Его голос казался слегка придушенным, как это бывало, когда он старался обуздать свои чувства.

– Вот дерьмо. – Реджи вздохнула. – Я... Я в самом деле не знаю.

– Ну да, – презрительно бросил Лен.

– Возможно, ты прав, – сказала она. – Наверное, это потому, что мои Солнце и Луна воюют друг с другом, а Нептун в двенадцатом доме подталкивает меня к самоизоляции?

Она с надеждой взглянула на него.

– Ты ведь не веришь в это, – сказал Лен. – И даже если бы верила, то никакие запоры в твоей натальной карте не оправдывают того, что ты относишься к любимым людям, как к грязи.

Ей словно дали пощечину.

– Когда я относилась к тебе, как к грязи?

– Ты лгала мне, Реджи. Если бы я имел для тебя какое-то значение, ты рассказала бы мне о своей матери.

– Разумеется, ты много значишь для меня! Господи, Лен, как ты можешь говорить такое?

Стук сердца пробивался в горло, и слова «прости меня» застряли там, пока Реджи не проглотила их.

– Я больше так не могу, – безжизненным голосом сказал Лен и медленно попятился, словно его ноги стали чрезвычайно тяжелыми. Он вышел из дома и тихо закрыл за собой дверь.

Реджи чувствовала себя застывшей и онемевшей; холодный пот на теле бросал ее в дрожь. Что за чертовщина происходит?

– Лен! – позвала она. – Лен, подожди!

Двигатель его автомобиля заработал, и этот звук подтолкнул ее к действию. Она пробежала по комнате, распахнула дверь и кинулась на

улицу как раз вовремя, чтобы увидеть удаляющиеся габаритные огни его автомобиля.

– Лен! – закричала Реджи вслед, но Лен не замедлил хода. – Вот дерьмо! – снова воскликнула она и хлопнула ладонью по дверному косяку. – Дерьмо, дерьмо, дерьмо! – Реджи била снова и снова, пока рука не покраснела и не разнылась.

«Тебе нужно что-нибудь острое», – услышала Реджи тихий внутренний голос.

В доме зазвонил телефон. Она поспешила на кухню, чтобы ответить на звонок, внезапно забеспокоившись, что это может быть Лорен с новостями насчет Веры: *«Твоей матери вдруг стало хуже, а тебя не было рядом»*. Или, возможно, даже Нептун: *«Я вернул ее тебе, а ты сбежала, как бесхребетная, бессердечная девчонка»*.

– Алло? – сказала Реджи, едва не задохнувшись и придерживая телефон возле уха болезненно пульсирующей рукой.

– Реджина?

У Реджи комок подступил к горлу. Это была Лорен. Реджи затаила дыхание и стала ждать, приготовившись к худшему.

Лорен молчала.

– С мамой все в порядке? Что-то случилось?

Реджи услышала, как тетя тяжело дышит в трубку. Каким-то образом отчаяние Лорен передалось Реджи.

– Он вернулся, – наконец сказала Лорен. – Нептун. Сегодня утром он оставил еще одну руку на крыльце полицейского участка.

– Что?

Это казалось бессмысленным. Прошло двадцать пять лет.

– Тара, – прошептала Лорен. – На этот раз он забрал Тару.

20 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

До этого Реджи лишь дважды приходилось бывать в полицейском участке. В первый раз, вскоре после того, как она потеряла ухо, Лорен оставила ее на скамье в холле с книжкой-раскраской и набором сломанных или высохших фломастеров. Когда Лорен вернулась, с Реджи была Вера, немного хромавшая и с расплывшимся макияжем.

– Вот идиоты, – фыркнула Вера. – Я подам в суд на полицию за жестокое обращение. Они не имели права задерживать меня! Если они хотя бы минуту подумали своими куриными мозгами...

Лорен убийственным взглядом заставила ее замолчать.

Потом они вернулись в «Желание Моники», не обменявшись ни словом, а на следующее утро Вера ушла еще до завтрака.

Второй раз случился во время «ознакомительного визита» во втором классе средней школы, и Реджи приложила все силы, чтобы забыть об этом. Но теперь, когда она ощущала запах натирки для пола и слушала жужжание голосов в полицейских рациях, прошлое вернулось к ней, как удар под ложечку.

Она вспомнила офицера с нежным лицом, который проводил экскурсию и напоминал ей Джон-Боя Уолтона^[20]. Когда он спросил, кому хватит смелости посидеть взаперти в камере для задержанных, пока учитель отведет остальных в диспетчерскую, Реджи подняла руку, горя желанием доказать свою храбрость. Офицер запер за решеткой ее и четырех одноклассников. Там была деревянная скамья, прикрученная к стене, раковина и металлический туалет без сиденья. Внутри так сильно воняло аммиаком, что у Реджи першило в горле. Потом Джон-Бой пропал, радостно позвякивая ключами. Прошло несколько минут. Дети стали звать офицера, но он не возвращался. Реджи ужасно хотелось писать, но она не могла сидеть над сортирным сливом перед другими школьниками.

Сначала было весело. Они трясли решетку, говорили о том, как вырвутся на свободу, и поддразнивали друг друга, выдумывая преступления, совершенные плохими парнями, которых держали здесь. Но настроение постепенно изменилось, и на всех пятерых опустилось испуганное молчание. Наконец один из мальчиков произнес замогильным голосом:

– Он не вернется, да?

По телу Реджи прокатилась волна паники. Каждая мышца судорожно сжалась, и мочевого пузырь опорожнился: на передней части джинсов расплылось влажное теплое пятно.

Последовал визгливый хохот и презрительные выкрики одноклассников.

– Тебе нужно носить подгузник! – крикнула Беки Шелли, и шум наконец привлек внимание офицера. Он самодовольно улыбался, когда отпирал решетку.

– Думаете, что я забыл про вас, а? – спросил он.

Когда он увидел мокрые джинсы Реджи и лужицу на полу, то нахмурился и покачал головой.

– Бог ты мой, – пробормотал он и позвал учителя.

Когда Реджи стояла у регистрационной стойки между Тарой и Чарли, ее лицо залилось краской от старого чувства стыда. Лодыжка была перевязана эластичным бинтом, Реджи надела чистую белую блузку и коричневые летние брюки в надежде на то, что полицейские отнесутся к ней серьезнее. Реджи выпрямилась и напомнила себе, что давно не мочится в штанишки.

Визит в полицейский участок был идеей Тары. Она позвонила Чарли, потом сказала своей матери, что они собираются в центр города, пройтись по магазинам, и попросила ее подбросить их туда. Лорен куда-то запропастилась. Когда мать Тары уехала, они перешли через улицу и помогли Реджи взобраться на крыльцо полицейского участка. Снаружи стояли двое стражей порядка в мундирах, наблюдавшие за крыльцом. Левая сторона гранитных ступеней была огорожена желтой лентой как место преступления, и Реджи покосилась в ту сторону, представляя молочную картонку с рукой своей матери внутри.

Им пришлось обогнуть толпу репортеров и телеоператоров, которые стояли в приемной, деловито ожидая очередных сведений для прессы. Реджи слышала, как один из них сказал: «Им не понадобится много времени, чтобы выяснить, кому принадлежит рука. Не у многих женщин можно увидеть такие жуткие шрамы».

– Нам нужно встретиться с моим отцом, – обратился Чарли к дежурному сержанту через сдвижное окошко под табличкой «ВСЕ ПОСЕТИТЕЛИ ОСТАНОВЛИВАЮТСЯ ЗДЕСЬ».

– Он занят, сынок, – отозвался дежурный сержант. Это был полицейский с румяным лицом, маленькими глазками и странным пятном белой кожи на щеке. Это от ожога, решила Реджи. Она считала себя знатоком шрамов.

– Это важно, сержант Стокс. – Чарли понизил голос. – У нас есть информация о руке.

Стокс с подозрением взглянул на Чарли.

– Какая информация?

Чарли легко хлопнул Реджи по плечу.

– Давай, расскажи ему.

Реджи оглянулась, чтобы убедиться в отсутствии репортеров поблизости. Они по-прежнему стояли плотной массой перед входом, удерживаемые офицером, который в скором времени обещал новую пресс-

конференцию.

Реджи откашлялась.

– Я знаю, кто она такая. Шрамы в основном находятся между большим и указательным пальцами, верно? Это от собачьего укуса.

Сержант какое-то время смотрел на троих детей, потом повернулся, снял телефонную трубку и что-то буркнул в нее. Минуту спустя сбоку отворилась дверь, и вышел Стю Бэрр. Он всегда был дородным мужчиной, но Реджи заметила, что он еще набрал вес с тех пор, как она видела его в последний раз. Его темно-синий пиджак был застегнут на все пуговицы, но заметно выпирал посередине. Лицо было красным и опухшим, маленькие глаза с темными кругами под ними налились кровью. Волосы и усы начинали седеть.

– Детектив Бэрр! – крикнул один из репортеров, протолкавшийся мимо полицейского в холле и приближавшийся к ним. – Вы знаете, кому принадлежит рука?

Стю удостоил его презрительным взглядом.

– Если вы не можете оставаться на участке для прессы, я выпровожу вас из здания.

– Но рука... шрамы...

– Офицер Макмиллан, – позвал Стю. – Пожалуйста, проследите, чтобы этого джентльмена выдворили с территории участка.

Он посмотрел, как репортера выпроваживают за дверь, потом повернулся к детям.

– Привет, Чарли, – сказал он. Потом он посмотрел на Реджи и несколько раз моргнул. – Реджина? Приятно снова видеть тебя. – Его взгляд переместился на Тару, и Стю прищурился. – Ну здравствуй, Тара.

Тара протянула руку.

– Очень приятно, – бодро отрапортовала она. Он пожал ей руку с озадаченным и усталым видом. Тара покачала его руку вверх-вниз, словно распрямлялась на огромной пружине.

– Стокс сказал, у вас есть информация? – произнес он, отвернувшись от Тары.

– Последняя жертва, – вмешалась Тара. – Мы знаем, кто она такая. Шрамы на руке остались от старого собачьего укуса.

Ее голос подрагивал от возбуждения. Стю Бэрр не выказал никакой реакции и окинул Тару долгим взглядом, прежде чем заговорить снова.

– Так кто она? Кто эта женщина, укушенная собакой?

Тара подтолкнула Реджи, словно проверяя, не заснула ли она.

– Скажи ему, Редж. Расскажи ему обо всем.

Широкое лицо Бэрра с двойным подбородком повернулось к Реджи. Она набрала в грудь побольше воздуха и сказала:

– Думаю, это моя мать, Вера Дюфрен.

Стю Бэрр посмотрел на Реджи, потом огляделся по сторонам. Репортеры держались на расстоянии, но Стю не собирался рисковать. Он указал на скамью в дальнем конце холла, и Реджи опустилась рядом с ним. Это была та же скамья, на которой она сидела в возрасте пяти лет, а Лорен пришла в участок, чтобы забрать Веру.

– Почему ты так думаешь? – тихо спросил детектив.

– Шрамы находятся между большим и указательным пальцами, верно? Когда мне было пять лет, на меня напал огромный пес. Мама оторвала его от меня, и он покусал ей руку. После этого она не могла сгибать указательный палец. Эта собака... – Реджи подняла руку и прикоснулась к своему новому уху, ощупала шрамы за ним.

В глазах Стю Бэрра зажглось понимание, и они заблестели в тусклом свете ламп. Реджи подумала о том, видел ли он когда-нибудь руку ее матери. Она пыталась вспомнить время, когда родители Чарли жили вместе, и не могла этого сделать. Ей удавалось представить, как мама разговаривает с матерью Чарли во время редких встреч на днях рождения, но отца Чарли никогда не было рядом. И Вера, чтобы скрыть искаленную правую руку, обычно носила перчатки, когда выходила на улицу. Люди считали это проявлением старомодной элегантности.

Стю Бэрр достал блокнот из кармана пиджака и что-то записал там.

– Когда ты последний раз видела ее? – спросил он, держа ручку над бумагой.

– Вчера, возле кегельбана. Я собиралась встретиться с ней, но проколола шину на велосипеде, а потом вывихнула лодыжку, пока бежала, и не успела к назначенному времени. Она сказала... сказала, что хочет познакомить меня с одним типом. С мужчиной, за которого она собиралась выйти замуж.

Тара ахнула.

– Ты не рассказала нам об этом!

Реджи посмотрела на Стю Бэрра.

– Но я опоздала. Когда я дошла до края автостоянки, она садилась в светло-коричневый автомобиль. Я звала ее, но она не слышала.

– Ты видела водителя?

– Нет, я была слишком далеко. Он был в бейсбольной кепке, а левая задняя фара его автомобиля была разбита.

Стю Бэрр что-то энергично записывал в своей книжке.

– Стало быть, ты не узнала этот автомобиль?

Реджи покачала головой.

– Не. Но две недели назад она встретила в кегельбане с мужчиной и в итоге уехала вместе с ним. У него был светло-коричневый автомобиль.

– Тот же самый?

– Не могу точно сказать, но возможно.

– Конечно, это тот самый автомобиль! – взвизгнула Тара. – Как же иначе?

Реджи рассказала Стю все, что могла припомнить о человеке в кегельбане. Бэрр закрыл свою записную книжку.

– В вашем доме кто-нибудь остался? – спросил он у Реджи. – Кто-то, кто сможет позаботиться о тебе, пока мамы нет рядом?

Реджи кивнула.

– Тетя Лорен. Она живет вместе с нами.

Стю Бэрр тоже кивнул.

– Спасибо, что пришли, – сказал он и повернулся, собираясь уходить.

– Э-э-э, детектив Бэрр? – окликнула Тара. – Как вы думаете, нас можно отвезти домой? У Реджи вывихнута лодыжка. Моя мама высадила нас здесь, но она уехала на работу.

– Само собой, – сказал он. – Подождите снаружи, я пришлю машину.

Они пересекли холл, отделанный мраморной плиткой, миновали толпу репортеров и распахнули толстые стеклянные двери навстречу жаркому утру. У Реджи разболелась нога, и она сильно хромала.

Полицейский на крыльце придержал дверь для них.

– Желаю приятного дня, – сказал он. Его глаза были скрыты за зеркальными солнечными очками.

– Ты можешь верить? – пискнула Тара. – Мы поедем домой на полицейской машине! Как думаешь, можно попросить их включить сирену с мигалкой?

Чарли закатил глаза.

– Боже мой, Тара! Тебе что, семь лет?

Реджи вприпрыжку спустилась по той стороне лестницы, которая не была отгорожена желтой лентой. Чарли придерживал ее за руку.

Они плюхнулись на скамейку внизу, и Реджи крепко закусила губу, чтобы не расплакаться.

– Так сильно болит, да? – Чарли кивком указал на ее ногу.

Реджи кивнула, вытерла глаза и повернулась к лестнице, где всего лишь несколько часов назад стояла молочная картонка с рукой ее матери. Арочный вход, который они только что покинули, охраняли двое

полицейских, стоявших неподвижно, как горгульи в мундирах.

Слова «Служи и защищай», выгравированные над дверью, казались Реджи несбыточным обещанием.

20 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Когда ты последний раз видела ее? – спросила Реджи свою тетю. Они сидели за столом на кухне в «Желании Моники». Было около семи вечера. Реджи быстро собрала сумку, остановившись на кухне лишь для того, чтобы взять кофеварку и пакет молотого кофе. Реджи приехала в Брайтон-Фоллс так быстро, как смогла, помедлив лишь перед парадной дверью «Желания Моники». Здесь Реджи замерла, положив руку на дверную ручку. Ей показалось, что дом был живым, дышащим и голодным существом, которое могло проглотить ее и выплюнуть кости. Потом Реджи прикоснулась к ожерелью с песочными часами, подумала о Таре и вошла внутрь.

Теперь кофе пузырился на плите, наполняя кухню знакомым густым ароматом, неуловимо успокаивающим Реджи.

Час назад, вскоре после того как она пересекла границу штата Коннектикут, позвонил Лен и оставил голосовое сообщение. Она едва не ответила.

«Черт, Реджи, я только что узнал, что Нептун оставил очередную руку! Я у твоего дома, но он заперт. Где ты?» Его голос подрагивал от паники. Реджи понимала, что должна позвонить ему. Но в глубине души она до сих пор была возмущена тем, как бесцеремонно Лен ушел из ее дома, и теперь испытывала легкое удовлетворение при мысли о том, как он изнывает от беспокойства. Конечно, это было неправильно, но все же... Она сказала себе, что сейчас нужно заботиться о более важных вещах, чем их совместное будущее с Леном.

Последний выпуск «Брайтон Экземинар» лежал на столе между Реджи и Лорен. Заголовок гласил: «ВЕРНУЛСЯ ЛИ НЕПТУН В БРАЙТОН-ФОЛЛС?» В короткой статье были описаны обстоятельства находки на крыльце полицейского участка. Там говорилось, что полиции известно, кому принадлежит рука, но пока что они предпочитают воздержаться от комментариев. Реджи понимала, что репортерам понадобится немного времени, чтобы выяснить, кто такая Тара, и что она работает частной сиделкой у Веры Дюфрен. Тогда средства массовой информации развернутся в полную силу, а Марта Пэккетт сможет прыгнуть выше

луны^[21].

– В понедельник утром, – сказала Лорен, – она ушла забрать лекарства, выписанные для твоей матери, и сделать еще кое-какие дела. Но она так и не пришла в аптеку. Я уже много раз повторила это для полиции. – Она выглядела опустошенной и разминала сцепленные руки, словно перед схваткой. – Здесь был тот молодой детектив Леви. Он задавал так много вопросов, что у меня голова шла кругом. Потом поднялся наверх и обыскал комнату Тары. Все как раньше. Как в тот раз, когда твоя мать...

– Тара сказала, какими еще делами она собиралась заняться? – перебила Реджи.

– Нет, – ответила Лорен. – Но она сильно торопилась. Она выглядела очень напряженной; правда, у Веры выдалась тяжелая ночь, и Таре пришлось сидеть рядом с ней. Думаю, она почти не спала.

– Тяжелая ночь?

– Вообще-то ужасная ночь: она проснулась с криком и повторяла, что Нептун уже здесь, прямо в доме, и что он может войти через дверь в стене над ее кроватью. Я пришла и попыталась помочь, но от этого она еще больше обезумела. В конце концов Таре пришлось дать ей успокоительное. После этого они еще какое-то время не спали и перешептывались друг с другом. Я даже слышала, как бедная Тара поет для нее; думаю, это помогло Вере заснуть.

Реджи понуро сгорбила плечи. Ей не следовало уезжать. Может быть, если бы она осталась, Тару не похитили бы. Но почему Тара? Вероятно, ответ не такой уж сложный. Реджи вспомнила экземпляр книги «Руки Нептуна», которую Тара достала из своего рюкзака, и как она призналась в том, что Вера может дать ей путеводные нити, которые помогут раскрыть загадку личности Нептуна.

Что если ее желание осуществилось?

«Будь осторожна со своими желаниями». Лорен каждый раз повторяла эти слова, когда Реджи вслух высказывала свое нежелание сдавать тесты на проверку академических способностей или снова есть на ужин рыбу.

– Думаешь, мама могла что-то сказать ей? Дать ей подсказку, которая привела бы ее к Нептуну?

Лорен нахмурилась.

– Не будь смешной, Реджина. Тара – умная девушка. Я не верю, что она в одиночку могла пойти по следу убийцы.

Реджи кивнула и подумала: «Но ты не знаешь Тару так же хорошо, как я». Слежка за Нептуном была именно тем, что Тара захотела бы сделать.

Но то была Тара, которую Реджи знала двадцать пять лет назад. Могла ли взрослая Тара сохранить толику былой неугомонности, чтобы решиться на такое опасное дело?

Реджи встала, взяла кофеварку и налила себе чашку эспрессо. Для Лорен она заварила чай с перечной мятой.

– Ну, хорошо, – сказала Реджи. – Во-первых, единственные люди, с которыми мы будем разговаривать, – это полицейские. Никакой прессы. Во-вторых, я думаю, нам нужно оборудовать двери хорошими замками.

– Как насчет другой сиделки для твоей матери? – спросила Лорен.

– Нет, – сказала Реджи. – Мы будем ухаживать за ней сами, пока можем. Сейчас нельзя приглашать незнакомого человека, это слишком опасно.

Лорен кивнула и посмотрела на чай, который Реджи поставила перед ней. Лорен продолжала разминать и сжимать заскорузлые, сухие руки.

– Бедная Тара, – тихо сказала она.

– Пять дней, – напомнила Реджи и отпила кофе.

– Что? – Лорен взяла свою чашку и сделала осторожный глоток.

– Если это на самом деле Нептун и если он придерживается своего обычного графика, то у меня есть пять дней, чтобы найти ее.

Если Тара могла быть смелой и неугомонной, то и Реджи сможет. Она подумала о Леви, неуклюжем молодом детективе, и поняла, что полиция не сможет спасти Тару. Это ее дело. И на этот раз Реджи не была испуганным тринадцатилетним ребенком. Да, она не работала сыщиком, но хорошо разбиралась в решении проблем, умела собирать разнородные вещи и события в одно целое и находить смысл происходящего. Если она смогла спроектировать дом, получивший архитектурную премию, разве она не сможет применить эти навыки в другой области и найти способ обезвредить этого сукиного сына, прежде чем он убьет Тару?

Лорен поперхнулась чаем.

– И как ты собираешься сделать это? – спросила она, когда перестала кашлять.

– Любыми возможными способами, – ответила Реджи. Она машинально потянулась к песочным часам, висевшим на шее, и перевернула их.

Наверху зазвенел колокольчик.

– Это твоя мать, – сказала Лорен и встала. – Тара дала ей колокольчик, чтобы она могла вызывать нас, когда ей что-нибудь понадобится.

– Я пойду. – Реджи допила свой кофе и направилась к лестнице.

– Это ты? – сказала Вера, глядя на дочь.

– Да. – Реджи прищурилась, чтобы в тусклом свете лучше видеть мать. Из радиоприемника звучала старая песня Боба Сигера. В комнате пахло лекарствами и тальковой присыпкой.

– Но они сказали, что ты уехала.

Реджи улыбнулась.

– Я вернулась.

– Где мой ангел? Та, которая поет?

– Тары здесь нет, мама.

– Где она?

– Думаю, ее забрал он, – сказала Реджи.

– Он?

– Человек, который забрал тебя. Тот, кто отрезал тебе руку. Нептун.

Вера крепко зажмурилась; мышцы ее лица начали быстро сокращаться, подчеркивая выступающие кости и придавая ему вид обтянутого кожей черепа.

– Ты знаешь, кто он такой, мама? Знаешь, куда он отвез Тару?

Вера открыла глаза, улыбнулась, и Реджи ощутила проблеск надежды.

– Ты знаешь погоду в Аргентине? – спросила она.

Реджи вздохнула.

– Нет, мам, не знаю.

– Времена года там устроены наоборот. Здесь осень, там весна. Тебе нужно лишь оглядеться вокруг и понять, что здесь все наоборот.

Реджи кивнула.

– Тебе что-нибудь нужно, мама?

– Хорошо бы немножко мороженого, – сказала Вера.

– Тогда я сейчас вернусь.

Реджи спустилась на кухню, выложила на блюдечко большую ложку шоколадного мороженого и вернулась обратно. Мать крепко спала. Реджи поставила мороженое на прикроватную тумбочку рядом с планшетом, где был нарисован график приема лекарств. Мать каждые двенадцать часов принимала морфин пролонгированного действия, каждые четыре часа – обычный морфин и каждые шесть часов – хлоразепам от беспокойства. Если она перевозбуждалась, ей можно было давать лоразепам. Судя по графику, воскресным вечером она принимала максимальную дозу всех лекарств. Неудивительно, что она не могла думать связно.

Реджи вышла из комнаты матери и направилась по коридору в комнату, которую занимала Тара. Кровать была заправлена. Пустой рюкзак валялся на стуле, и Реджи осмотрела кармашки, но ничего не нашла. Она открыла ящики шкафа, где обнаружила нижнее белье, носки, футболки, свитера и джинсы. Рыться в вещах другой женщины было неприлично, но ей отчаянно хотелось найти какую-нибудь подсказку. Аккуратные стопки, разложенные Тарой, находились в беспорядке: детектив Леви тоже провел поиски, но ничего не нашел. Казалось глупостью, что повторный осмотр может дать результаты, но Реджи внушила себе, что он мог что-то пропустить, – нечто такое, что могла обнаружить лишь родственная душа, сестра по крови.

В прикроватной тумбочке находились лишь фонарик, красная ручка и наполовину полный стакан воды.

«А чего ты ожидала? – спросила себя Реджи. – Карту острова сокровищ, ведущую в логово Нептуна?»

Если бы...

Сердце болезненно сжалось. Она посмотрела на свои часы и увидела бег секунд, а между тем Тара сидела связанной в какой-то темнице, с толстой повязкой на конце отрезанной правой кисти.

У Реджи возникло ощущение, что она попала в середину одной из старых игр Тары. *«Я нахожусь в плену у серийного убийцы. У тебя есть пять дней, чтобы раскрыть загадку и найти меня»*. Экзамен, кошмар и жестокая шутка сплелись воедино.

– Я найду тебя, – обратилась Реджи к пустой кровати. Потом взяла стакан воды и отпила глоток, представляя губы Тары на том же месте вчера вечером.

Реджи подошла к книжным полкам и немного помедлила, прежде чем вытащить том «Войны и мира». Там, позади, она нашла спрятанную Тарой книжку «Руки Нептуна» с загнутыми уголками страниц.

– Ха! – воскликнула Реджи. Очевидно, юный детектив не счел нужным обыскать книжные полки.

Она провела пальцами по серебряному трезубцу, вытисненному на обложке, и нащупала выпуклые капли крови, стекавшие с него. Реджи засунула книгу под рубашку на тот случай, если столкнется в коридоре с Лорен, и направилась в свою комнату, по пути заглянув к Вере, которая по-прежнему спала.

Вернувшись в свою старую спальню и заперев дверь, Реджи положила книгу на кровать с аккуратно заправленным лоскутным одеялом. Потом раскрыла курьерскую сумку и достала свой альбом для эскизов и

карандаши. Наконец, расправив плечи, Реджи уверенным шагом направилась к шкафу, распахнула дверь и сняла с полки старую сигарную коробку, которая вскоре присоединилась к остальным вещам на ее кровати.

Дрожащими пальцами Реджи откинула крышку с ужасным ощущением, будто только что выпустила джинна из бутылки.

20 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Ты должна что-то сказать, – предложила Тара.

Реджи, Чарли и Тара сидели в гостиной. Они слышали, как на кухне Лорен что-то напевает себе под нос, чистя рыбу к позднему обеду. Они слышали журчание воды, стук ножа по разделочной доске и скребущие звуки очищаемой чешуи. Реджи представила, как Лорен ловко вскрывает брюхо рыбины и достает внутренности пальцами, покрытыми блестящими чешуйками.

Лорен отсутствовала весь день, и Реджи начала беспокоиться. Потом, примерно полчаса назад, Чарли и Тара заметили Лорен, выходящую из леса в огромных болотных сапогах и рыбацком жилете, с удочкой и несколькими форелями на кукане за плечом. Издалека она выглядела как странное чудовище, – наполовину жаба, наполовину женщина, – хлопавшее вверх по заболоченному берегу.

Теперь она чистила на кухне рыбу, не подозревая о последних новостях, о находке очередной руки, густо покрытой шрамами.

Тара расхаживала взад-вперед, не в силах успокоиться.

– Вера – ее сестра! Она должна знать.

– Я уже пыталась, – сказала Реджи, борясь с подступающей тошнотой. – Вчера вечером я рассказала ей, как мама села в светло-коричневый автомобиль. Она заявила, что больше не хочет слышать об этом ни слова.

– Рука со шрамами, Редж, – напомнила Тара и выразительно помахала собственной здоровой рукой с облупившимся синим маникюром. – Светло-коричневый автомобиль. Ты видела лицо отца Чарли, когда ты рассказала об этом? И слова твоей мамы насчет предстоящей женитьбы – что если Нептун заманивает женщин такими обещаниями? Тебе нужно обо всем рассказать Лорен. Скажи ей, что ты ходила в полицию, и теперь они проверяют твои показания.

– Я не могу, – пробормотала Реджи. – Она убьет меня!

– Почему? – спросил Чарли.

– Потому что. Они с мамой вроде как поссорились друг с другом. Кроме того, я обещала ей, что даже не буду выходить из дома. Если она узнает, что сегодня утром я ходила в полицейский участок...

– Но это же ее сестра! – взвизгнула Тара. Возможно, она надеялась, что Лорен услышит их, придет посмотреть, что стряслось, и узнает правду. – И Нептун может в любую минуту похитить ее саму. Разве тебе не кажется, что ей тоже нужно узнать?

Реджи покачала головой.

– Думаю, она только обрадуется.

Чарли ахнул.

– Что? Как ты можешь так говорить?

– Ты бы слышал, что она говорила позавчера ночью. Она выгнала мою маму из дома! Она ненавидит ее.

– Не верю, – заявил Чарли. – Конечно, Лорен немного странная, но она не такая.

– Это ты так думаешь, – сказала Реджи.

– Не понимаю. – Тара скорчила гримасу. – Твоя мама такая классная: как твоя тетя может ненавидеть ее?

– Не знаю, но так было всегда. Может быть, она завидует. У моей мамы есть внешность и талант, а что есть у Лорен? Куча дохлой форели и жуткий верстак в гараже, где она сидит целыми часами и готовит приманки, а чучела рыб смотрят на нее.

– Елки-палки! – Глаза Тары широко распахнулись, и она хлопнула себя по лбу. – А что если Нептун – вообще не мужчина? Может быть, это Лорен?!

Иногда Реджи просто не могла поверить измышлениям, рождавшимся в голове Тары. Ее пожилая тетя в рыбацком жилете – серийный убийца? Реджи проглотила истерический смешок.

– Ты с ума сошла! – обрушился на Тару Чарли. – Тетушка Реджи не может быть серийным убийцей.

– А ты подумай, Чарли. – Голос Тары зазвенел от возбуждения. – Она ревнивая, не выносит общества и классно владеет разделочным ножом. И ты видел те жуткие штуки, которые она хранит в гараже? Ну какой нормальный человек станет набивать чучела?

Чарли закатил глаза и откинулся на спинку дивана.

– Разве ты не говорила, что не могла найти ее сегодня утром? – Тара повернулась к Реджи. – Что ты ходила на берег и звала ее, но она не ответила? Если она на самом деле весь день рыбачила в бухте, как она могла не слышать тебя?

– Может быть, она ушла на пруд, – сказала Реджи. К горлу подкатил комок; Лорен не могла быть убийцей! Но разве не так говорили все родственники настоящих серийных убийц?

Зазвенел дверной звонок, и они услышали, как Лорен выключила воду и вышла из кухни в коридор.

– Лорен Дюфрен? – спросил мужской голос. Реджи встала и выглянула в коридор. Высокая фигура ее тети закрывала дверной проем, но перед Лорен стоял человек, которого Реджи сразу же узнала: Стю Бэрр. Живот завязался узлами. Реджи повернула голову, чтобы лучше слышать.

– Я – детектив Бэрр из полицейского департамента Брайтон-Фоллс.

– Да, разумеется. Я помню вас, Стюарт.

– Мы можем поговорить наедине?

Лорен вышла наружу и закрыла дверь.

– Это был отец Чарли, да? – прошептала Тара, обжигая своим дыханием здоровое ухо Реджи.

Реджи не могла ответить. Она застыла в молчании.

– Нужно выяснить, о чем они говорят, – сказала Тара и встала на цыпочки, чтобы выглянуть в окошко над парадной дверью. Лорен и детектив Бэрр стояли во дворе. – Давай выйдем с черного хода и прокрадемся вокруг дома. Мы можем спрятаться в кустах.

Тара потянула Реджи за рукав, но та не двинулась с места, поэтому подруга отпустила ее и побежала на кухню. Реджи посмотрела ей вслед, а потом медленно, как будто ее ноги налились свинцом, вернулась в гостиную и опустилась на диван рядом с Чарли.

– Что происходит? – спросил он.

– Твой отец здесь.

– Что?

– Он разговаривает на улице с Лорен. Тара отправилась на разведку и хочет подслушать их разговор. Наверное, думает, что он собирается арестовать Лорен или что-то в этом роде.

Так ли это? Или он привез новость о том, что полицейские опознали руку?

Чарли встал.

– Пожалуйста, не надо, – попросила Реджи. Она потянулась к его руке и крепко, пожалуй, слишком крепко сжала ее. – Думаю, нам нужно подождать здесь. Ты можешь это сделать? Можешь подождать со мной?

Чарли посмотрел на руку Реджи и кивнул. Возможно, он гадал, есть ли у него выбор.

– Реджи, ты должна кое-что знать. Я узнал это от отца, но он заставил

покаяться, что я никому не скажу, потому что это конфиденциальный материал... так он выразился.

Реджи кивнула и стала ждать продолжения.

– Тару поймали, когда она два дня назад вломилась в квартиру Энн Стикни.

– Что? – Реджи представила фотографию миловидной, улыбающейся студентки колледжа, эта фотография появилась на первой полосе «Хартфорд Экземинер» после того, как нашли ее тело.

– Ее соседка по комнате вернулась домой и обнаружила Тару на кухне. Думаю, она взломала замок. Когда соседка вошла на кухню, Тара просто сидела и ела кукурузные хлопья из чашки. Они не собираются выдвигать обвинения и предавать дело огласке.

– Почему она не сказала нам? – спросила Реджи.

Чарли пожал плечами.

– С какой стати? Я хочу сказать, если тебя поймали на таком, это выглядит паршиво. Тут нечем хвастаться.

Реджи открыла рот, собираясь рассказать Чарли о кукольной туфельке, украденной Тарой из дома первой жертвы, но не смогла этого сделать. Вместо этого Реджи включила телевизор и стала смотреть автомобильные гонки, которые казались бесконечными. Она положила пульт дистанционного управления на кофейный столик и заметила английскую булавку, которая лежала рядом. Перед глазами возникла картина: она берет булавку, раскрывает ее и проводит острием по коже...

Тара вернулась через десять минут. Она схватила пульт и выключила звук. За ее спиной один из автомобилей врезался в ограждение и сразу же вспыхнул.

– Это она. – Ее глаза, обведенные размазанной черной краской для век, были широко распахнуты. – Рука принадлежит твоей маме, Редж. – Губы Тары немного подрагивали, но Реджи была уверена, что она прячет торжествующую улыбку.

Все начало вращаться у Реджи перед глазами, и она прикрыла веки.

– Почему они так уверены? – тихо и серьезно спросил Чарли.

– Отпечатки пальцев, – объяснила Тара. – Наверное, ее когда-то держали под арестом, и с тех пор ее отпечатки хранятся в архиве.

– Под арестом? – произнес Чарли.

Реджи вспомнила, как они с Лорен ходили за матерью в полицейский участок. За что тогда арестовали Веру? Реджи встала и вышла в коридор.

– Редж, – окликнула ее Тара.

– Оставь ее в покое, – сказал Чарли.

Реджи вышла на улицу как раз в тот момент, когда автомобиль Стю Бэрра выехал с подъездной дорожки. С тихим стуком захлопнулась дверь гаража: Лорен уединилась в своей рыбацкой мастерской. Реджи пошла следом и остановилась перед дверью, не вполне понимая, что будет говорить. Реджи знала одно: тетя должна повторить ей все, что сказал детектив Бэрр, и объяснить, почему полицейские хранили в архиве отпечатки пальцев Веры.

«Она моя мать, – думала Реджи. – Я имею право знать об этом».

Она положила руку на дверную ручку и уже собиралась войти, когда ее остановил странный звук. Он начался как приглушенный стон и постепенно усилился до свирепого рева раненого животного. Реджи отпустила ручку, отошла в сторону и заглянула в маленькое окно. Ее тетя согнулась пополам, сжимая кулаки и испуская громкое рычание. Когда она выпрямилась, то начала смахивать все, что лежало на верстаке: маленькие крючки, перья, леска, проволока и инструменты падали на бетонный пол. Жутко деформированное чучело форели на дальней стене наблюдало за происходящим тусклыми глазами. Реджи попятилась, потом повернулась и побежала к дому на нетвердых ногах и с рвущей болью в груди.

* * *

– Копы ни хрена не сделают, – говорила Тара, когда Реджи вернулась в гостиную. – Прости, Редж, но ты знаешь, что это правда. Если мы хотим найти твою маму, нам придется делать это самостоятельно.

– Ты права, – сказала Реджи, стараясь проглотить комок в горле. – Но как мы собираемся это сделать?

Она посмотрела на английскую булавку и ощутила покалывание на коже, как будто тело просило ее взять булавку и открыть острие.

– Нам нужно обойти все известные места, где она часто бывала. Мы пойдем в театр, где она репетировала, и найдем ее друзей и знакомых. Кто-то должен был видеть ее. Кто-то должен знать того типа, за которого она собиралась выйти замуж.

– Думаешь, мой отец и другие полицейские уже не пробовали это сделать? – спросил Чарли.

– Само собой, но прикинь, кому хочется беседовать с копами? Ты – дочь Веры. Ее друзья будут говорить с тобой. Я просто уверена, что будут. – Глаза Тары ярко блестели. Она перевернула амулет в виде песочных часов, висевший у нее на шее. – Твоя мать заслуживает наших

усилий, Редж. Как и другие жертвы: Андреа, Энн, Кэндис...

Тара запустила руку в карман и что-то нащупала. Может, она по-прежнему носит с собой кукольную туфельку? Или добыла что-то новое – маленькую безделушку, подобранную в квартире Энн?

Реджи немного пугало, с какой *страстью* Тара относилась к происходящему. Но в глубине души она считала, что Тара права: полицейские никогда не поймают убийцу. Они трижды испытали свои силы, и все три раза закончились провалом. На этот раз будет по-другому. Теперь на кону стояла жизнь матери.

– Я не знаю, как называется театр, он находится в Нью-Хэйвене, но у режиссера есть прозвище – Кролик. Он живет где-то рядом. Иногда они уезжают оттуда в бары на Эйрпорт-роуд. У моей мамы в сумочке всегда полно бумажных спичек из этих мест, вроде «Взлетной полосы» или бара Рейбена.

Тара кивнула.

– Тогда мы начнем оттуда.

День второй

Отрывок из книги Марты С. Пэккетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

После опознания руки Веры Дюфрен полицейские стали допрашивать ее друзей и знакомых, как бывших, так и нынешних. Их внимание сразу же сосредоточилось на сорокашестилетнем Джеймсе Яковиче, который был одним из ее временных любовников. Он также оказался мелким торговцем наркотиками, известным под прозвищем Кролик.

Недавно Якович освободился из тюрьмы, где отбывал двухлетний срок за продажу порции кокаина офицеру из отдела полиции по борьбе с наркотиками, работавшему под прикрытием. За примерное поведение Якович освободился досрочно при условии регулярно отмечаться в полиции и участвовать в программе наркологической помощи.

Двадцать первого июня, на следующий день после того, как рука Веры была обнаружена на крыльце полицейского участка, Якович был задержан и обвинен в управлении автомобилем в состоянии опьянения или наркотической интоксикации, что, по условиям его освобождения, однозначно служило обратным билетом в тюрьму. Якович водил светло-коричневый автомобиль «шевроле-импала» с разбитой задней фарой, точно такой же, какой был описан дочерью Веры Дюфрен, которая дала свидетельские показания о дне исчезновения ее матери. Схожий автомобиль был также описан коллегами Кэндис Жаке.

Полицейские задержали Яковича на сутки и подвергли допросу. В конце концов они не смогли найти веских улик, связывавших его с преступлениями Нептуна.

«У меня есть алиби, – заявил Якович, когда я в июле пришла для беседы с ним в исправительное учреждение Вест-Хиллс. Он был высоким, худым мужчиной с водянистыми карими глазами и заметно нервничал при разговоре. – В тот вечер, когда забрали Веру, я, по судебному предписанию, находился на заседании Общества анонимных наркоманов, а после этого проводил время в обществе моего поручителя. Видите ли, я находился не в лучшем состоянии, поэтому он разрешил мне переночевать у себя на диване».

А как насчет Кэндис Жаке, Энн Стикни и Андреа Макферлин? Он имел с ними какие-либо контакты?

«Все, что мне известно об этих женщинах, я прочитал в газетах. Никогда не встречался ни с кем из них».

21 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи лежала на спине в темной и душной пещере. Ее руки и ноги были связаны. Где-то звенел звонок: сначала тихо, потом все громче и пронзительнее, как сигнал на железнодорожном переезде, предупреждающий о приближении поезда.

Реджи задержалась, потом кое-как села и открыла глаза. Часы показывали 8.00. Оторвав взгляд от светящихся цифр, она посмотрела на свою детскую спальню, потом на пятна сырости на потолке.

Интересно, о чем сейчас думает Тара?

В коридоре звонил колокольчик Веры.

Реджи лежала на одеяле, полностью одетая. Содержимое «коробки памяти» было разбросано вокруг: спичечные коробки, фотографии и деревянный лебедь, которого Джордж подарил Вере незадолго до ее исчезновения. Раскрытая книга «Руки Нептуна» валялась у Реджи на коленях. Должно быть, она задремала около четырех утра, когда глаза совсем устали, а мысли начали путаться.

В комнате было жарко и душно. Нужно было как-то открыть неподатливое окно. Потом она принесет инструменты и посмотрит, можно ли ослабить раму.

– Уже иду, мама! – крикнула Реджи. Она схватила книгу и засунула ее под матрас. Болела спина, а череп вибрировал от мелких деталей и имен людей, с которыми встречалась ее мать: Кролик, фотограф Сэл, мистер Голливуд, бары, которые она регулярно посещала, места, о которых Реджи не вспоминала долгие годы. Названия этих мест воскрешали в памяти запах несвежего пива и сигаретного дыма – бар Рейбена, «Взлетная полоса», «Серебряные крылья», – у нее были спичечные коробки и картонные подставки для бокалов из всех этих мест. Она подумала о баре, куда мать отвела ее в тот день, когда пес откусил ей ухо; о баре с вращающимися табуретами, где они познакомились с Боксером.

«Вы знаете, что я была девушкой с рекламы кольдкрема «Афродита»?»

«Хотите посмотреть фокус? Купите мне выпить, и я покажу вам».

Реджи ясно видела, как идеально ухоженная рука ее матери держит яйцо, полученное от бармена. Ее ногти были кроваво-красными на фоне

белой скорлупы.

Реджи моргнула и провела пальцами по латексным складкам своего искусственного уха. Она остановилась у двери спальни, которая была слегка приоткрыта. Разве она не заперла дверь перед тем, как заснуть? Реджи была уверена, что сделала это. Тревога исподволь вгрызалась в ее сердце, пока она стояла, положив руку на дверную ручку.

Колокольчик зазвенел еще громче и быстрее.

– Иду! – крикнула Реджи.

Она толкнула дверь и едва не врезалась в Лорен.

– Вот черт! Ты напугала меня.

– Извини, – пробормотала Лорен, которая сама выглядела испуганной. Она была одета в старую фланелевую ночную рубашку, ее седые волосы висели спутанными прядями. – Я собиралась зайти к твоей матери.

– Я сама, – сказала Реджи. – Ты лучше иди и постарайся немного поспать.

Реджи прошла по ковровой дорожке в соседнюю спальню, где мать трясла латунным колокольчиком, держа его в левой руке.

– Доброе утро, – с улыбкой сказала Реджи, протирая заспанные глаза.

– Он здесь, – дрожащим голосом проскулила мать. Ее глаза выпучились от паники, словно у мыши, попавшей в мышеловку.

– Где? – Реджи мгновенно проснулась; волосы на коже встали дыбом от прилива адреналина.

– Под кроватью.

Реджи набрала в грудь воздуха, опустилась на четвереньки и заглянула под кровать.

– Там никого нет, мама, – сказала Реджи и почувствовала, как расслабляется ее тело.

Вера рассмеялась ужасным дребезжащим смехом.

– Старина Дьявол хочет, чтобы ты так думала. – Она заерзала на постели; ее тело под одеялом казалось невероятно маленьким.

– Давай положим подушку тебе под голову, – сказала Реджи и выпрямилась. – Так тебе неудобно лежать. Дай мне колокольчик.

Реджи взяла латунный колокольчик, но из ладони ее матери выпало что-то еще. На простыню упал скомканный кусочек бумаги.

– Что это? – спросила Реджи и вытащила бумажку из влажных складок простыни.

Это был небольшой бумажный квадратик, аккуратно сложенный в четыре раза. Реджи развернула его и обнаружила вчерашнюю статью из «Хартфорд Экземинер»: «НЕПТУН ВЕРНУЛСЯ В БРАЙТОН-Фоллис?».

Края были ровно обрезаны.

– Где ты это взяла? – спросила Реджи. – Лорен дала тебе это?

Реджи взглянула на статью и увидела, что в самом низу страницы кто-то приписал синей чернильной ручкой еще одно предложение, выведенное четкими печатными буквами:

«СЛЕДУЮЩЕЙ БУДЕТ РЕДЖИНА»

Реджи придушенно вскрикнула, словно обжегшись. Вера покачала головой.

– Это сделал он.

– Ради бога, мама, кто такой «он»? О ком ты говоришь?

– Жил на свете человек, скрюченные ножки, – прошептала Вера. – И гулял он целый век по скрюченной дорожке...

Реджи вибрировала от паники, как камертон. Она слышала звук крадущихся шагов в коридоре, приближавшихся к ним. Оглядевшись в поисках оружия, она взяла лампу с прикроватной тумбочки.

– Подумала, что смогу как-то помочь, – сказала Лорен и в мешковатом махровом халате вошла в комнату. – Что, свет не работает?

– Я сейчас вернусь, – сказала Реджи и поставила лампу обратно. Проскользнув мимо Лорен по коридору, Реджи спустилась на кухню с газетной вырезкой, зажатой в руке. На столе ничего не было, и Реджи пошла к мусорному ведру рядом с бачком для пищевых отходов.

– С тобой все в порядке? – спросила Лорен. Она последовала за Реджи на кухню и теперь стояла с озадаченным видом, наблюдая за тем, как Реджи роется в почтовой рекламе, бутылках из-под сока и консервных банках из-под тунца.

– Вчерашняя газета, – сказала Реджи. – Где она?

– Не знаю. Она лежала на столе. В последний раз я ее видела у тебя в руках, ты читала.

Реджи заглянула в мусорный бачок, но он был пуст.

– Ты выносила мусор?

– Там была рыба. Я не хотела, чтобы вся кухня провоняла ею.

Реджи вышла из дома, спустилась с крыльца и едва не споткнулась об утренний выпуск «Хартфорд Экземинер», завернутый в голубой пластиковый пакет и лежавший на нижней ступеньке. Реджи торопливо прошла по дорожке к высокому зеленому мусорному баку на колесиках, стоявшему возле гаража. Она откинула крышку, и там, на кипе белых пакетов, лежала вчерашняя газета с аккуратно вырезанной передовицей.

Стало быть, либо кто-то вошел в дом, вырезал статью и дал ее Вере, либо это была Лорен. А может быть, мать сама пробралась на кухню,

вырезала статью и написала внизу грозные слова, словно некое пророчество.

Ни один из этих вариантов не мог принести облегчения.

Вот дерьмо!

Мысли Реджи по кругу вернулись к Лорен, и она обозвала себя идиоткой за то, что могла даже подумать о таком. Тем не менее двери были заперты, и Реджи знала, что она не давала матери газету. Но с какой стати Лорен делать это? Чтобы напугать Веру и заставить ее молчать? Это имело смысл лишь в том случае... если Лорен была Нептуном.

– Невозможно, – вслух сказала Реджи и бросила газету с вырезанной передовицей обратно в мусорный бак. Реджи снова посмотрела на вырезку с грозным предупреждением, выведенным синими чернилами:

«СЛЕДУЮЩЕЙ БУДЕТ РЕДЖИНА»

Реджи уже собиралась вернуться в дом и заварить кофе, когда услышала шум подъезжающего автомобиля. Это был темный седан, и, когда он остановился рядом с автомобилем Реджи, она узнала водителя. Детектив Леви.

– Доброе утро, – сказала Реджи, когда он вышел из машины. Она попыталась выглядеть бодрой и жизнерадостной, чтобы не выдать следы утреннего беспокойства. Газетную вырезку Реджи запихнула в передний карман джинсов.

– Я надеялся застать вас, – сказал детектив. – Вчера, когда я беседовал с вашей тетей, она сказала, что вы возвращаетесь домой.

Реджи кивнула.

– Чем могу быть полезна?

Он достал из кармана пиджака маленькую записную книжку и перелистал страницы.

– Насколько я понимаю, вы с Тарой Дикенсон были близкими подругами?

– В течение некоторого времени, пока мы были детьми.

– Но не сейчас?

– В прошлую субботу я увидела ее впервые за двадцать пять лет.

– Значит, вам ничего не известно о ее нынешних друзьях, членах семьи или партнере?

Реджи покачала головой и оглянулась на дом, где увидела Лорен, следившую за ними из окна кухни.

– Единственной родственницей, с которой я встречалась, была ее мать. Она говорила о своих тетушках и кузенах, но я не знала никого из них.

– Ее мать умерла два года назад, и мне не удалось найти других

родственников.

– Вы проверяли места ее работы – больницу и хоспис? Там могут что-то знать. – Боже, какая нелепость. Она что, должна заниматься его работой?

Очевидно, детектив Леви испытывал сходные чувства, поскольку с досадой посмотрел на Реджи.

– Разумеется. Эти люди уже опрошены.

– Извините, что не могу помочь вам, – сказала Реджи.

Она потрогала клочок газеты в кармане джинсов и на мгновение задумалась, стоит ли показать его детективу. Но что хорошего это может дать? Вероятно, тогда он поместит их под постоянное наблюдение, и один из полицейских будет следовать за Реджи, куда бы она ни направлялась. Каковы тогда будут ее шансы найти Тару?

– Если не возражаете, мне нужно вернуться в дом. Моя мама проснулась, и я должна вымыть и покормить ее.

– Только один вопрос, мисс Дюфрен. Насколько я понимаю, вы с Тарой были близки, когда похитили вашу мать?

Реджи кивнула и ощутила комок в горле. Если он спросит, что произошло с их дружбой, она даст ему стандартный ответ: *«Люди меняются и растут порознь, мы ходили в разные школы»*.

Детектив Леви откашлялся.

– Вы можете описать реакцию Тары на убийства Нептуна?

– Ее *реакцию*?

– Видите ли, я просмотрел старые записи и обнаружил, что Тару застигли с поличным при взломе квартиры одной из жертв, Энн Стикни. У офицеров, которые допрашивали ее, сложилось впечатление, что она была немного... э-э-э, одержима делом Нептуна.

Реджи замерла.

– Мы все были немного одержимы, детектив. Тогда городок был гораздо меньше, чем сейчас, и это было самое большое событие, которое произошло в те годы с каждым из нас.

Детектив Леви кивнул и закрыл записную книжку.

– Вы знали, что сразу же после окончания школы Тара провела некоторое время в психиатрической клинике?

– Нет, я... как я сказала, мы перестали общаться.

– По моим сведениям, ее мать обнаружила, что она пыталась отрезать себе правую руку. – Он посмотрел собеседнице в лицо, изучая ее реакцию.

Реджи закашлялась, чтобы скрыть изумленное восклицание. Татуировка с птицей на запястье у Тары – она сделала ее, чтобы скрыть шрамы!

– Прошу прощения, но мне нужно к матери, – сказала Реджи, у которой вдруг закружилась голова.

– Я скоро свяжусь с вами, – сказал детектив Леви. Он сел в свой автомобиль, завел двигатель и стал задним ходом аккуратно выезжать с дорожки.

Реджи направлялась к дому, когда услышала странный шуршащий звук где-то за спиной. Она резко обернулась, стиснув зубы и прислушиваясь изо всех сил.

Дерево. Звук доносился с дерева.

Может быть, белка, перепрыгнувшая с ветки на ветку?

Нет.

Она снова услышала это: звук какого-то предмета, скользящего по старым скрипучим доскам.

Что-то происходило в деревянном домике. Старый домик на дереве находился примерно в десяти футах от земли, и веревочная лестница слегка покачивалась, несмотря на отсутствие ветра.

Реджи прислушалась к звуку, похожему на шелест шагов.

Она повернулась к дорожке и увидела, что автомобиль детектива Леви уже исчезает из вида. Вот черт!

Затаив дыхание, она направилась к багажнику своего автомобиля, открыла его и достала самую большую отвертку из набора инструментов.

Реджи медленно прошла двадцать метров до подножия дерева, не сводя глаз с оконной рамы, за которой не угадывалось никакого движения. Ноги казались резиновыми и полыми внутри, как у куклы. Реджи стиснула в потной ладони пластиковую ручку восьмидюймовой отвертки. Сердце стучало, во рту пересохло, а когда Реджи пыталась сглотнуть, то ощущала на нёбе странный химический привкус. Веревочная лестница с подгнившими деревянными перекладинами слабо покачивалась. Сверху донесся скребущий звук, как будто что-то волокли по полу.

– Эй! – крикнула Реджи.

Ответа не последовало.

Она засунула отвертку за поясной ремень, как пиратскую abordажную саблю, и полезла вверх. Она осторожно пробовала ногой каждую перекладину и убеждалась, что может держаться за веревки на тот случай, если дерево не выдержит. Но сама веревка местами обтрепалась, и Реджи сомневалась в ее прочности.

«Глупо, глупо, глупо, – повторяла она про себя. – Что если ты упадешь и сломаешь лодыжку?»

«А что если наверху ждет Нептун с ножом в руке?»

Ее посетила абсурдная мысль: может быть, это Тара, каким-то образом сбежавшая от серийного убийцы и затаившаяся в их старом убежище? Тара, которая, по словам Леви, пыталась отрезать себе правую руку. *«Не думай об этом сейчас»*. Реджи крепче ухватила за веревку.

Она добралась до вершины и осторожно приподняла откидную дверь, беспокоясь о том, что может столкнуться нос к носу с бешеным енотом. Но увидела нечто иное.

Там, в трех футах перед Реджи, находилась пара мужских ботинок. Они двигались в ее сторону.

21 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Давай, залезай. Это куча дерьма, но она ездит.

«Мустанг» Сиды местами проржавел, но оставался сногсшибательным автомобилем. Реджи стояла спиной к «Желанию Моники», благодарная за то, что Лорен заперлась в своей комнате на другой стороне дома. Она слегла в постель после вчерашних новостей о Вере. Реджи в последний раз нервно оглянулась на дом: она знала, что ее тетя никогда бы не одобрила поездку в среднюю школу на «мустанге».

Они еще не успели выехать на улицу, как Сид вытащил из пепельницы самокрутку с марихуаной. Он безуспешно попытался зажечь ее от автомобильного прикуривателя – прикладывая, ожидая, вынимая, глядя на холодную поверхность и бормоча «твою мать!» – ничего не получалось. Наконец он наклонился к Таре и достал зажигалку «Бик» из отделения для перчаток, набитого салфетками, пакетиками кетчупа и россыпью мелких монет. Сид закурил, как следует затянулся и выпустил дым через окошко в направлении «Желания Моники».

– Твою ж мать! – повторил он, и, судя по его тону, тому могло быть множество самых разных причин. Сид еще раз затянулся и передал «косяк» Таре, которая выпустила клуб дыма и протянула окурок Чарли. Тара сделала себе шипастую прическу в панковском стиле, и Чарли сказал, что она похожа на взбесившегося дикобраза.

– Спасибо, мне и так хорошо, – проворчал Чарли.

– Давай, умник, тебе станет еще лучше, можешь мне поверить. Все великие гитаристы сидят на наркоте, разве ты не знаешь?

Он покачал головой.

– Я же сказал, мне и так хорошо.

– Ты не наступишь на меня своему папаше, а? – поинтересовался Сид.

– Конечно, нет.

Уговорить Сиду возить их на своем автомобиле, пока они будут заниматься розысками матери Реджи, было идеей Тары.

– Не люблю приносить дурные вести, но вы помните про лодыжку Реджи? – спросил вчера вечером Чарли, когда Реджи наконец согласилась приступить к поискам. – Как мы будем прочесывать бары на Эйрпорт-роуд?

– Не беспокойся, Чак, я все продумала, – сказала Тара. – Нам нужен водитель. Человек с набором из четырех колес.

Какое-то мгновение Чарли непонимающе смотрел на нее, а потом отпрянул, как будто имя промелькнуло в воздухе между ними.

– Нет! Ни хрена подобного!

– У тебя есть идея получше? – осведомилась Тара. – Брось, Чарли. Кузен Сид идеально подходит для нас. У него обалденная машина, криминальный характер, и, готова поспорить, он имеет страсть к приключениям. Плюс к тому я слышала, что у него есть фальшивое удостоверение личности. Он часто ошивается в подобных местах, и я не могу представить лучшего экскурсовода.

– Нет, – твердо сказал Чарли.

– Если ты его не попросишь, я сама это сделаю, – заявила Тара.

Чарли раздраженно вздохнул.

– Ну, давай же, Чарли. – Тара легко прижалась к нему. – Ты нам нужен, у тебя есть гены борца с преступностью.

– Иногда ты бываешь настоящей стервой, – проворчал он.

– Но это потому, что ты так любишь меня, – сказала она и поцеловала его в щеку. Чарли густо покраснел.

* * *

Тара протянула самокрутку Реджи.

– Попробуй немножко. Тебе это будет полезно: вся дурь в голове сразу уляжется.

Реджи взяла сигарету и стала осторожно попыхивать ею, пока они ехали по городу. До сих пор она никогда не курила травку и даже не пробовала обычные сигареты. Теперь Реджи сидела в теплом коконе автомобиля Сиды, открыто нарушая закон, и это давало ей ощущение свободы, как будто она выскользнула из своей кожи и стала кем-то еще. Пожалуй, Реджи испытывала сходное чувство, когда держала в руке лезвие бритвы. Но когда дым попал в легкие, Реджи закашлялась и стала

отплеиваться.

Тара закатила глаза.

– Ты полная *неофитка*, – произнесла она, и Реджи захотелось сказать, чтобы она не тратила силы попусту, рисуясь перед Сидом, который все равно не мог оценить ее богатый словарный запас.

– Скажи, Тара, а когда ты куришь травку, то лучше настраиваешься на мир духов? – насмешливо спросил Чарли.

– Может быть, умник, может быть, – ответила Тара и выпустила дым в его сторону.

– О чем это вы? – поинтересовался Сид.

– Тара умеет говорить с мертвыми. Иногда они вещают через нее.

– Без дураков? – спросил Сид и повернулся к Таре, явно заинтересованный ее умением. – Как ты это делаешь?

– Не знаю. – Она прикрыла глаза, как будто задумалась о чем-то. – Это вроде того, как иметь специальную антенну...

– Значит, теперь ты насекомое? – вмешался Чарли.

– Нет, тупица, – отрезала она. – Я имела в виду радиоантенну, очень мощную, которая может принимать дальние сигналы.

– А сейчас можешь? – спросил Сид.

Она покачала головой.

– Это так не работает. Решают духи, а не я.

Чарли рассмеялся.

– В самую точку! – выдавил он.

– Моя красотка – темная колдунья, я, как слепой, бегу-бегу-бегу к ней... – запел Сид.

Вскоре они выехали на Эйрпорт-роуд, и по обе стороны дороги потянулись амбары для сушки табака с облупившейся красной краской и целые мили белых марлевых сеток с опорами в виде шестов и проводов, сложенных наподобие средневековых шатров для затенения растений. Реджи вспомнила лопнувшую шину и растянутую лодыжку. Когда показался огромный плакат с лицом официантки, Реджи отвернулась в другую сторону и задержала дыхание, как принято у детей, когда они проезжают в школьных автобусах мимо кладбища. Как будто мертвые души витали в воздухе, словно клубы дыма, и только дожидались, чтобы кто-то живой вдохнул их.

– Лучшие оберточные листья для сигар происходят отсюда, – сказал Сид. – Но работать на этих полях... нет, пошло оно все на хрен. Я как-то устроился сюда на лето со своим корешем, Джошем. Платят сущие копейки. Сорок градусов в тени под навесом, и табачный сок, такой

липкий, что все волосы на руках вырваны с корнем. Seriously, я затрахался с этой природой. – Он потерял руку. – И каждый вечер кулачные бои – серьезно, все без дерьма. Здесь есть крутые ублюдки. Заключенные на дневных работах, пуэрториканцы с северной окраины Хартфорда, поденные рабочие из самых невезучих. Некоторые козлы приносят пушки прямо на работу.

– Ничего себе! – сказала Тара, округлив глаза.

– Вот именно, – кивнул Сид.

Чарли раздраженно хмыкнул и отвернулся, уставившись в окошко. Вскоре дорога расширилась до четырех полос, и фермы уступили место низким торговым центрам из шлакоблочных конструкций, дешевым барам и мотелям.

– Ну что? – спросил Сид. – Мы собираемся на поиски пропавших или как?

– Мы собираемся выяснить все возможное насчет матери Реджи, – сказала Тара. – Может, нужно будет выследить кого-то из ее знакомых.

Сид кивнул, потом посмотрел на Реджи в зеркало заднего вида.

– Дело дрянь, верно? Они уверены, что это рука твоей мамы?

– Ну да, уверены, – сказал Чарли. – Мой отец сам приехал к ней домой и сказал это.

– Ну, если старина Йоги говорит, что это правда, значит, это правда.

– Йоги? – спросила Тара.

– Так его зовут остальные копы... и другие парни тоже. Разве Чарли тебе не говорил?

Тара покачала головой.

– Ну так вот, – продолжал Сид. – Йоги Бэрр говорит... – Он скорчил глупую рожу и произнес голосом медведя из мультфильмов: – Я умнее ср-рр-реднего медведя!

Тара засмеялась, и Чарли метнул ей в затылок ледяной взгляд.

– Твой отец и Йоги лучшие друзья? – спросила Тара.

– Черта с два! – отозвался Сид. – Они ссорятся и спорят по любому поводу. Они с самого детства были соперниками – сражались из-за девчонок, из-за того, кто лучше играет в футбол или чей шланг длиннее, в общем, типичная братская заваруха. Они терпеть друг друга не могут, правда, Чарли?

Чарли что-то недружелюбно буркнул.

– Продукты! – объявил Сид и быстро свернул на автостоянку перед магазином «Камберленд Фарм», взвизгнув покрывками. Они с Тарой вошли внутрь. Реджи и Чарли ждали в «мустанге». Они слышали, как

наверху пролетел реактивный самолет, и видели, как его тень наверху пересекла четыре ряда движения.

– Что за козел, – сказал Чарли. – Не могу поверить, что вы курите травку вместе с ним. О чем вы только думаете?

– Тара сказала, это поможет.

– Ну и как, помогло?

Реджи пожала плечами.

– В общем-то, не уверена.

Травка не вполне замедлила ход ее мыслей, но придала им своеобразную регулярность. Одна мысль перетекала в другую, и так далее, поэтому они нанизывались, как бусины на длинную нитку. Возможно, мысли всегда были связаны подобным образом, но нужно было пыхнуть, чтобы осознать это. Реджи гадала, так ли это для остальных людей, и если да, то как переплетаются их нити и бусины при общении, цвета, формы и структуры смешиваются друг с другом, если это настоящий разговор. Ей хотелось рассказать об этом Чарли, но она не знала, с чего начать.

– У моей мамы есть теория, – сказала она. – Представь такую огромную сеть, которая соединяет всех на свете. Типа мы все связаны с серийными убийцами, и с президентами, и с теми, кто стоит за нами в очереди в бакалейной лавке.

– Похоже, твоя мама тоже курила травку, – заметил Чарли.

– Значит, ты не веришь в связи?

– Я считаю, что мы связаны с близкими и знакомыми людьми. Мы с тобой можем иметь тайную связь, но мы с президентом? Я на это не куплюсь.

– А тебе не кажется, что существует такая сеть, или тайная связь, или что угодно, по которой ты можешь передавать мысли или чувства другому человеку, не говоря ни слова?

– Господи, Реджи, и ты туда же! Еще немного, и ты будешь вызывать духов мертвых телок.

Реджи потянулась и взяла его за руку.

– Закрой глаза, – велела она. – Я посылаю тебе сообщение. – Она сосредоточилась изо всех сил, пытаясь объяснить ему все свои чувства в трех простых невысказанных словах: «Я люблю тебя». Это казалось немного банальным, но все равно очень смелым. Минуту спустя он высвободил руку.

– Ну? – спросила Реджи, исполненная неясным предвкушением. – Ты что-то разобрал?

– Да, – с серьезным видом ответил он. Реджи затаила дыхание, и он

заглянул ей глубоко в глаза. – Я понял, что ты обкурилась *на всю голову*. Теперь я в это верю.

Он отвернулся и начал возиться с дверным замком.

– Господи, ну почему они так долго? – с преувеличенным раздражением спросил Чарли. – Нам не хватает только какого-нибудь полицейского, который подойдет поближе и немного принюхается. Тогда нам точно конец.

Сид и Тара вернулись с четырьмя банками тоника «Доктор Пеппер» и коробкой пончиков с сахарной пудрой. Сид открыл коробку и взял себе одну штуку. Он повертел пончик в руке, поднес к глазу и посмотрел через дырку.

– Ты слышала об озоновой дыре? Это просто хрень собачья. Знаешь, что ее вызвало? Гребаные дезодоранты и спрей для волос. Хлорфторкарбонаты. Мы все заболеем раком, усохнем и помрем, потому что хотим быть красивыми и хорошо пахнуть. – Сид откусил кусочек пончика. – «Это конец жизни, как мы ее знаем»^[22].

Сид съел пончик в три быстрых укуса, потом схватил второй. Сахарная пудра летела, как снег, и покрывала его выцветшую черную футболку белыми пятнышками.

– Ну, Реджи, расскажи нам о твоей матери, – сказал Сид. – Например, где ты последний раз видела ее? Она оставила какие-то следы?

И Реджи, успокоенная своей теорией о бусинах на нитке и беззаботным отношением Сида к предполагаемому концу света, удивила саму себя, рассказав всю историю от начала до конца, во всяком случае, основные места. Сид внимательно слушал, поедая пончики. Он прикончил три четверти коробки до того, как Реджи закончила. Тара лишь облизывала сахарную пудру со своих, а Чарли не взял ни одного.

– В общем, не хочу обидеть дядю Йоги, но я согласен с нашей темной колдуньей: ты можешь расстаться с надеждой, что копы тебе помогут. Они так глубоко засунули головы в свои задницы, что Нептун перебьет всех девок в городе, прежде чем они поймают его. Долбаные кретины.

Чарли резко выпрямился.

– Эй! – произнес он, но Тара метнула предостерегающий взгляд в его сторону. Чарли сел и скрестил руки на груди.

Реджи потянулась к пончику и поняла, что это ее первая еда за весь день.

– У копов не хватает мозгов, чтобы справиться с чем-то, кроме повседневной рутины. Можешь мне поверить, Реджи. – Сид хлопнул ладонью по рулевому колесу. – Если хочешь выяснить, что стряслось с

твоей мамой, ты должна сделать это сама. Вы, ребята, были правы, когда позвали меня. Я тот самый парень, который вам поможет.

Реджи проглотила кусок пончика. Он был сухим и шершавым и никак не хотел проходить внутрь.

– Как ты это себе представляешь? – спросил Чарли, возившийся с дверной ручкой, словно хотел немедленно выйти и отправиться домой пешком.

– Может, я ничего не знаю про Нью-Хейвен, про ихние театры и актеров. Зато я знаю места на Эйрпорт-роуд. У меня есть связи, братишка. Я знаю ребят, которые околачиваются в этих барах.

– То есть наркодилеров? – спросил Чарли.

– Деловых партнеров, – небрежно поправил Сид. – Давайте начнем со «Взлетной полосы». Тамошний вышибала – мой приятель. Так или иначе, я обещал немножко отсыпать ему сегодня вечером.

Тара посмотрела на Чарли с торжествующей улыбкой. «Я же тебе говорила!» Тот закрыл глаза и откинул голову на красную кожаную подушку.

Реджи помнила, когда она последний раз была в баре и к чему это привело. Она машинально потрогала свое новое ухо и провела пальцами по резиновым складкам.

Сид включил задний ход и быстро поехал назад, лишь на пару дюймов промахнувшись мимо бетонного столба и рассмеявшись, когда увидел его.

– Видите? – сказал Сид. – Я фартовый парень. Держитесь меня, и все будет в ажуре.

21 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи едва не свалилась с веревочной лестницы, когда полезла за отверткой. Дверь над ее головой полностью распахнулась, и Реджи увидела мужчину, присевшего на корточки и улыбавшегося улыбкой Чеширского кота.

– Вам пособить? – вежливо спросил он и протянул руку.

– Чарли? – промямлила Реджи и протянула руку навстречу ему. Он втащил ее в деревянный домик.

– Боже мой, Реджи, я не верю, что это ты. Ты выглядишь потрясающе. Правда, потрясающе.

– Ты напугал меня до смерти! – Реджи преодолела остальную часть пути, засунув отвертку за пояс. Потом отряхнула колени и отступила, чтобы

взглянуть на Чарли с расстояния. На нем были джинсы и пилотская куртка из коричневой кожи. Он стал выше и гораздо объемистее в талии, чем раньше. Его лицо, некогда худое и угловатое, стало широким, одутловатым и щекастым, как у мастифа. Волосы поредели, вокруг припухших глаз появились морщинки. Он стал очень похож на своего отца, если не считать больших кустистых усов. Реджи сразу же подумала: «Боже, неужели я кажусь ему такой же старой и страшной?»

– Прости, пожалуйста, – сказал Чарли, глядя на большую отвертку. – Сегодня утром я узнал в новостях о Таре. Репортеры сказали, что твоя мать вернулась домой. Я решил пойти и проверить, а заодно выяснить, известно ли тебе что-нибудь насчет Тары.

Это случилось снова: вспышка старой ревности, которую всегда испытывала Реджи, когда Чарли произносил имя Тары. Глупо было испытывать подобное чувство, особенно сейчас, когда Реджи смотрела на него и не испытывала ни капли прежнего влечения. Она даже не находила его умеренно привлекательным. Было странно думать, что перед ней мальчик, по которому она тосковала долгие годы, объект ее безусловной любви и привязанности. Вся эта ситуация казалась сплошным разочарованием.

Это был подросток, за которого Реджи много раз выходила замуж в своих девичьих фантазиях, в той параллельной вселенной, где Нептун не похищал Веру и все шло своим чередом, как должно было быть, если бы этот сумасшедший маньяк ничего не испортил.

– Значит, ты решил поискать меня в *деревянном домике*?

– Нет! Конечно, нет. Я отправился к тебе домой и как раз направлялся к парадному входу, когда увидел наш старый домик. Меня так и подмывало заглянуть туда.

Реджи кивнула. Ее удивляло, что она сама до сих пор противилась этому желанию. Домик на дереве обветшал и покривился, как и «Желание Моники». Доски прогибались под ногами, а крыша протекала. Пустые рамы, где должны были стоять окна, годами пропускали снег и дождь, и дерево потихоньку гнило. В углу лежала стопка настольных игр, оставленная ими: «Монополия», «Угадайка», «Жизнь» и планшетка для спиритических сеансов. Коробки выцвели и облезли, изгрызенные мышами и белками. Рядом валялась бутылка из-под кока-колы с окурками Тары. Они как будто попали в капсулу времени.

– Почему ты не ответил, когда я позвонила? – спросила Реджи.

– Наверное, ударился в панику. Я понимал, что покажусь чокнутым, и подумал, что, если выждать время, ты просто уйдешь, а потом я смогу

спуститься и постучать в дверь, как обычный посетитель.

Реджи кивнула. Это звучало правдоподобно. Странно, но правдоподобно.

– Значит, это правда? – сказал Чарли. – Твоя мать вернулась? Она сейчас дома?

Реджи снова кивнула.

– Невероятно, – сказал он. Он немного сипел на вдохе, как будто болел астмой. Реджи предположила, что он просто не в форме и не привык сильно волноваться.

Чарли никогда не был силен в проявлении чувств.

– Что именно?

Чарли пихнул ногой отставшую половую доску.

– Не могу поверить, что домик до сих пор стоит. Это как путешествие в прошлое, да?

Да, в самом деле. Реджи едва ли не различала тени троих подростков, бестелесных призраков, наблюдавших за неумолимым течением времени в песочных часах Тары. *«У тебя есть одна минута...»*

Когда Реджи последний раз сидела здесь вместе с Чарли, ей было тринадцать лет. Это была чья-то другая жизнь: история девочки, о которой она однажды читала. Девочки, без каких-либо шансов на успех влюбленной в мальчика. Они перестали общаться вскоре после похищения матери Реджи и всего остального, что случилось в последний вечер. Даже если бы они захотели поговорить, это было запрещено.

Той осенью Лорен согласилась послать Реджи в школу Брукера и потратила большую часть семейных сбережений на четыре года дневного обучения. Но школа находилась далеко, и большинство учеников почти ничего не слышали о Нептуне или о матери Реджи. Это был рай по сравнению с той пыткой, которую Реджи пришлось бы терпеть в средней школе Брайтон-Фоллс.

Каким-то образом возвращение в домик на дереве всегда казалось неправильным, поэтому он оставался заброшенным.

Реджи подошла к спальным мешкам, прогрызенным мышами и белками, и попинала их ногами с целью убедиться, что там не угнездились семейства грызунов. Носок туфли уперся во что-то твердое. Она наклонилась, осторожно откинула изорванную ткань и подкладку и раскрыла обшарпанную акустическую гитару Чарли.

– Она до сих пор здесь! – воскликнула Реджи. – Ты так и не пришел за ней?

Чарли покачал головой.

– Это кусок дерьма по сравнению с гитарами, которые я хранил у себя дома. Кажется, я просто забыл о ней. – Он наклонился и вытащил гитару из спутанных слоев ваты. Провел рукой по корпусу, потом по грифу и широко распахнул глаза. – Будь я проклят!

– Ты до сих пор играешь? – спросила Реджи.

– Нет, давным-давно перестал. – Чарли поднес гитару к толстому животу, расположил пальцы на грифе и исполнил несколько фальшивых аккордов. Чарли покачал головой, словно до сих пор не мог поверить, и отложил инструмент в сторону. Его глаза подернулись туманной пеленой, что напомнило Реджи о том, как он раньше смотрел на Тару.

– Ну, расскажи о себе, – предложила Реджи. – Чем ты занимаешься?

– Занимаюсь недвижимостью, но это как бы случайная история. В колледже я изучал морскую биологию и какое-то время занимался исследовательской работой в Мэне, но потом меня одолела ностальгия, и я вернулся в Брайтон-Фоллс. Продавал автомобили в салоне дяди Бо, но это был полный отстой. Тогда я получил риелторский патент и обнаружил у себя талант к продаже домов. Теперь у меня свое агентство. – Чарли порылся в кармане и достал визитную карточку.

«Агентство недвижимости Бэрра. Чарльз Бэрр, сертифицированный брокер по вопросам недвижимого имущества».

– Есть семья? – спросила Реджи.

Чарли слегка поежился.

– В разводе.

– Извини.

– Не стоит, – сказал он. – Мы плохо подходили друг другу.

– А дети?

– Сын Джереми, ему шесть лет. Я навещаю его по выходным, раз в две недели. – Он пошел в другой угол, наклонился и поднял старый ржавый молоток. – У нас были такие большие планы на это место, – вздохнул Чарли, глядя на молоток.

Реджи недоуменно кивнула. Чарли положил молоток и сказал:

– Я слышал, ты стала прогрессивным архитектором.

Она снова кивнула.

– Это здорово, Реджи. А как насчет тебя: муж, дети?

Теперь настала ее очередь поежиться. Но она овладела собой и выпрямилась.

– Нет, – ответила она. – Думаю, можно сказать, что я замужем за своей работой. Хотя иногда я встречаюсь кое с кем. – Она улыбалась при этих словах, хотя ее живот завязался узлами. Вчера вечером Лен позвонил еще

раз и оставил сообщение: «Я понимаю, почему ты сейчас не хочешь разговаривать со мной, но, пожалуйста, позвони и хотя бы дай знать, что с тобой все в порядке. Я правда беспокоюсь».

Чарли выразительно посмотрел на нее, словно ожидал чего-то большего. Когда объяснений не последовало, он деликатно кашлянул.

– Значит... ты думаешь, это и впрямь он?

– Кто? – На секунду ей показалось, что он имеет в виду Лена как идеального партнера для нее.

– Нептун. Как думаешь, это он или какой-то больной подражатель? Елки-палки, ведь прошло двадцать пять лет. Слишком долго для убийцы, который залег на дно.

– Не знаю, но, так или иначе, он захватил Тару.

– Еще одна странность, верно? – сказал Чарли. – Почему Тара? Зачем она ему понадобилась?

Реджи пожала плечами.

– Может быть, она что-то знала? Лорен сказала, что моя мама была сильно взволнована предыдущим вечером, и Тара всю ночь просидела рядом с ней. Думаю, мама дала ей какую-то подсказку, которую она решила исследовать и в результате подошла слишком близко к разгадке.

– Хорошая теория, – кивнул Чарли. – В ней есть смысл, особенно с учетом ее прошлого. Помнишь, как она бредила этим Нептуном? Какой одержимой она была? Как она считала своим долгом поймать его и говорила, что у остальных нет никаких шансов? – Он часто дышал и округлял губы, словно рыба, выброшенная на берег.

Реджи кивнула.

– Твой отец еще работает в полиции?

– Нет, он вышел в отставку четыре года назад. Купил старую яхту и большую часть времени возится с ней. Она стоит на верфи в Нью-Лондоне. Между нами, я думаю, что он проводит больше времени в баре, чем на яхте. – Чарли улыбнулся. – Не то чтобы он не заслужил этого. Так ведь и должно быть на пенсии, верно? Выпиваешь со старыми друзьями, сочиняешь удивительные рыбацкие истории.

Реджи улыбнулась.

– Ты ведь знаешь, что бы сказала Тара, если бы она была вместе с нами, верно? – спросил Чарли. – Готов поспорить, она сказала бы то же самое, что и раньше: копы не поймают этого парня. Если мы хотим найти ее, нужно действовать самостоятельно.

– Знаю, – сказала Реджи и прикоснулась к рубашке над ключичной костью, потрогав через ткань ожерелье Тары. – Я как раз думала об этом.

21 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Когда Реджи пришла во «Взлетную дорожку», то поняла, что оказалась в том самом месте, куда мама привезла ее перед тем как она потеряла ухо. Она узнала красные виниловые табуреты, теперь потрескавшиеся и заклеенные скотчем, унылые кабинки с левой стороны и покосившийся бильярдный стол с подложенным под ножку телефонным справочником. Она была готова поспорить, что если приподнимет стол и посмотрит на год выпуска справочника, то убедится, что он как минимум восьмилетней давности.

«Хотите посмотреть фокус? Купите мне выпить, и я покажу вам».

У Реджи перехватило дыхание; рубцовая ткань над искусственным ухом болезненно сжалась. Глядя на полированную стойку бара, она представляла правую руку своей матери, здоровую и холеную, посыпающую солью гладкую поверхность и устанавливающую яйцо в вертикальном положении.

Реджи заморгала, отгоняя видение из прошлого, и огляделась по сторонам.

Наступил вечер пятницы, и бар был наполнен людьми, спускающими недельную зарплату. В воздухе витали запахи жирной еды, сигаретного дыма и немытых тел. Пол под ногами был липким. Реджи ощутила укол страха, смешанного с тревожным предчувствием, когда вошла в это шумное прокуренное место, и задумалась о том, как события восьмилетней давности, которые развернулись здесь, привели к ее нынешнему положению.

Из музыкального автомата доносился голос Глена Кэмпбелла, напевавшего «Хрустального ковбоя». Группа одетых в кожу бородатых байкеров играла в бильярд на покосившемся столе, и один из тех, кто ожидал своей очереди, с ухмылкой косился на вошедших. Он носил черную кожаную ермолку и ковбойские краги поверх джинсов.

У дверей стоял здоровенный парень в обтягивающем клубном пиджаке. Его широкий, покатый лоб напомнил Реджи изображение неандертальца, которое она видела в книге.

– Малолеткам вход воспрещен! – рявкнул он, когда они вошли.

– Спокойно, Терри, они со мной. – Сид выступил вперед и протянул руку. Он что-то прошептал Терри, потом сунул руку в карман и достал пачку «Мальборо». Терри взял сигареты и сунул в карман пиджака, кивнув в знак благодарности.

– Так все в порядке? – спросил Сид.

Терри неразборчиво хрюкнул и пропустил их.

Следуя за Сидом, Тара, Реджи и Чарли подошли к бару, где худой седоватый мужчина протирает за стойкой бокалы. У дальнего конца стойки сутулый коротышка, похожий на майского жука, потягивал свой коктейль. Мужчина слева от них носил синюю форму сотрудника охраны аэропорта; Реджи решила, что ему немногим больше сорока лет. Его кожа выглядела так, словно большую часть жизни он провел под открытым небом. Настоящая шкура аллигатора. Реджи посмотрела направо, где человек, одетый как работник с табачных полей, что-то по-испански шептал на ухо своей соседке и поглаживал ей шею, а она смеялась. Реджи заметила, что у нее не хватает переднего зуба и кончик языка то и дело выглядывает наружу.

Реджи наклонилась вперед и уперлась руками в красный табурет – может быть, тот самый, на котором она сидела маленькой девочкой, когда мужчина с переломанным носом пообещал дать ей доллар, если она доест свой бургер. Она представила свою нынешнюю встречу с ним и подумала о том, общался ли он с тех пор с ее матерью. Может быть, тот Боксер и был Нептуном?

«Кто-нибудь говорил вам, что вы похожи на Марлона Брандо?»

Реджи рассматривала толпу, изучала грубые мужские лица. Байкер в черной ермолке откровенно пялился на нее.

Любой из этих людей может быть Нептуном, подумала она, повернувшись к тощему бармену. *Любой из них.*

– Если хотите заказать еду, нужно сесть за столик. – Бармен едва взглянул на них, продолжая заниматься своим делом.

– Нет, сегодня мы не будем есть, – сказал Сид. – Мы тут кое-кого ищем.

Реджи была уверена, что как только они узнают, кто она такая, то похлопают ее по спине и расскажут все, что нужно знать.

– А кто не ищет? – хихикнул коротышка.

– Разве вам уже не пора спать, детки? – вздохнул бармен. – Наверное, ваши мамы уже беспокоятся, куда вы пропали.

Он бросил взгляд на дверь, где должен был стоять вышибала, но Терри разговаривал с одним из игроков в бильярд и не заметил этого.

Чарли начал мало-помалу отступать к двери.

– Скажи им, кто ты такая, – посоветовал Сид и подтолкнул Реджи. Она положила ладони на шершавую стойку с нацарапанными инициалами давно забытых любовников или завсегдатаев, умерших от цирроза.

– Я – дочь Веры Дюфрен. Вы ее знаете?

– Все знают Веру, – произнес коротышка и гаденько засмеялся.

Тощий бармен на минуту оторвался от работы и поднял голову. Его глаза были тусклыми и водянистыми, из носа текло. Реджи улыбнулась от сознания того, что имя ее матери было входным билетом. Теперь она продвинется вперед.

– Не знал, что у Веры есть ребенок, – признался бармен.

– И я тоже, – сказал коротышка.

На какое-то время воцарилось молчание. У Реджи разгорелись щеки, и она почувствовала, как жар прострелил в ее здоровое ухо, отчего оно сделалось пунцовым.

Из музыкального автомата зазвучала песня «Америка».

*Я ехал в пустыне на безымянной кобыле,
Было бы славно, если бы дожди полили...*

«Взлетная дорожка» явно отставала по части музыки. Среди треков не было песен Мадонны и дуэта «Уэм».

– Она репетировала пьесу в Нью-Хэйвене, – сказала Реджи. – Мы надеялись найти кого-то из ее театральных друзей и поговорить с ними.

Бармен прищурился, глядя на нее.

– Пьесу?

– Да, в Нью-Хэйвене, – повторила Реджи.

Тот лишь покачал головой.

– Реджи сказала, что ее мать собиралась выйти замуж, – добавил Сид. – Есть идеи, кем мог быть этот счастливчик?

– Замуж? – спросил коротышка. – Вера? – Он снова затрясся от смеха. – Ну-ну!

– Копы уже были здесь и спрашивали про нее, – проворчал бармен. – У нее неприятности?

– Возможно, – сказала Тара.

– А может быть, она просто залегла на дно, – сказал коротышка. – Вера так иногда делает.

Один из байкеров, игравших в бильярд, вдруг завопил: «Дьявол!»

Реджи обернулась, высматривая материнскую версию «старины Дьявола» с рогами, копытами и вилами, но потом поняла, что речь шла просто о неудачном ударе во время игры. Байкер в черной ермолке хлопнул своего соперника по плечу и произнес:

– Пятьдесят баксов, вынь да положь!

Реджи повернулась к бару.

– А вы пробовали поискать в ее логове? – спросил мужчина в форме охранника. На его нашивке значилось имя «Дуэйн».

– Мы только что из ее дома, – сказал Сид.

Охранник улыбнулся с видом «какие же вы глупые детки» и покачал головой, словно это его не удивило.

– Не в доме, а в ее логове. Она всегда держала комнату у Алистера. Это примерно в двух милях дальше по дороге. Место называется «У аэропорта», там сдают в наем однокомнатные квартирки.

21 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Чарли и Реджи сидели друг напротив друга за столом на кухне, и между ними поднимался пар из кофейных чашек. На столе лежал утренний выпуск «Хартфорд Экземинар» с фотографией Тары на первой полосе. В нижнем левом углу поместили старую фотографию Веры. Реджи пробежала глазами статью.

– Вот дерьмо, – сказала она. – Им все известно. Здесь сказано, что Тара работала здесь, ухаживала за моей мамой.

Чарли кивнул и потянулся за кофе.

– Меня удивляет, что им понадобилось так много времени.

Реджи раздраженно сложила газету.

Чарли принес из деревянного домика свою гитару, и теперь она лежала на одном из кухонных стульев, как молчаливый и бдительный старый друг, присоединившийся к ним за кофе.

Реджи сделала себе тройной эспрессо и американо для Чарли.

– Великолепно, – сказал он, когда сделал глоток. – По-любому лучше, чем моя растворимая бурда.

– Будь осторожен, – с лукавой улыбкой предупредила Реджи. – После того как попробуешь настоящий кофе, обратного пути уже нет.

Чарли отпил еще немного и обвел взглядом кухню.

– Не могу поверить, что твоя тетя до сих пор живет здесь. Этот дом слишком велик для одного человека. Невозможно за всем уследить.

– Ну, как видишь, она не вполне справляется со всем, что тут есть.

– Как думаешь, мне стоит оставить ей визитную карточку? Будет ли она рассматривать возможность продать этот дом и переехать в более удобное место? За фермой Миллера есть новые кооперативные дома, и там попадают действительно чудесные квартиры.

Реджи покачала головой.

– Она никогда не уедет отсюда. Она... – Реджи искала верное слово, – ...она слишком прочно связана с этим домом.

Она не могла представить свою тетю в каком-то другом месте.

Дом «Наутилус», который проектировала Реджи, был бы идеальным жильем для одного человека, который находится в движении. Лорен могла бы пересечь страну, переезжая от одного места с хорошей рыбалкой к другому. Но она никогда не пойдет на это. Она как будто стала частью своего дома: женщиной из камня и цемента, такой же холодной и непреклонной, как футовые каменные стены семейной крепости.

Как по сигналу, в кухню вошла Лорен и поставила в раковину грязную тарелку.

– Ты помнишь Чарли Бэрра? – спросила Реджи.

Лорен недоверчиво посмотрела на гостя.

– Да, конечно. Приятно снова видеть тебя, Чарльз.

– Вас тоже, мисс Дюфрен. – Чарли одарил ее лучезарной улыбкой, но выражение лица Лорен осталось неизменным.

– Как поживает твой отец? – спросила она.

– Спасибо, замечательно. Теперь, когда он вышел в отставку, то занят еще больше, чем раньше. Приобрел яхту и постоянно выходит на рыбалку.

Лорен скованно кивнула.

– А как твой дядя Бо?

Чарли уставился в пол.

– Не очень хорошо. У него рак.

– Рак? – Лорен сурово нахмурилась.

– Да, мэм. Поджелудочная железа.

– Мне очень жаль. – Выражение ее лица наконец смягчилось. – Фрэнси держится?

– Настолько хорошо, насколько возможно.

Лорен кивнула.

– Передай им мои лучшие пожелания, ладно, Чарли? – Она пустила воду в раковину и потянулась за губкой и мылом.

Вот тебе и холодность с непреклонностью. Характер Лорен явно смягчился с возрастом. Возможно, слишком многие ее сверстники становились немощными стариками, а может быть, как подозревала Реджи, тетя сочувствовала лишь умирающим людям.

– Лорен, я нашла вчерашнюю газету в мусорном баке, – сказала она. – Ты уверена, что не клала ее туда?

Лорен покачала головой.

– Я же сказала, последний раз я видела эту газету, когда ты просматривала ее. Прямо здесь, за столом. – Лорен поставила вымытую тарелку на сушильную решетку и повернулась к Реджи. – Может быть, ты сама выбросила ее в мусор и забыла об этом? – Ее голос почему-то звучал нервно.

– Может быть, – ответила Реджи и подумала: «Ничего подобного».

– Я принесла твоей матери немного овсянки, но она заснула, не доев и половины, – сказала Лорен.

Реджи кивнула.

– Можно попробовать позже. Если я тебе понадобится, мы будем наверху.

Лорен неодобрительно покосилась на нее, и Реджи снова почувствовала себя школьницей, которая пытается затащить мальчика в свою спальню. Тетя снова с подозрением посмотрела на Чарли. Потом она заметила газету, раскрыла ее, увидела заголовок и фотографии и сразу же закрыла обратно.

– Это твое? – спросила она и указала на большую отвертку, которую Реджи оставила на столе рядом с газетой. Не желая признавать, что она решила воспользоваться отверткой как оружием, Реджи взяла инструмент и сказала:

– Да. У меня в комнате застряла оконная рама, и я хотела немного ослабить ее.

Лорен кивнула.

– Пошли наверх, Чарльз, – проворковала Реджи, подражая протяжному выговору Лорен. Потешаться над собственной тетей казалось глупым и мелочным, особенно после того как она стала свидетельницей доброты Лорен. «Вырасти же наконец, дура несчастная!» – подумала она.

Чарли подхватил свою гитару, уважительно кивнул Лорен и пошел следом.

– Похоже, она не слишком рада моему визиту, – шепотом заметил он, когда они поднимались по лестнице. Его голос звучал, как тихое шипение воздуха, выходящего из проколотого воздушного шарика.

– Лорен ничему особенно не радуется, – сказала Реджи. *Если только не узнаёт, что кто-то скоро умрет; тогда она становится любезной и милосердной.*

Они остановились у двери Веры и заглянули внутрь. Она крепко спала, изогнув шею под неудобным углом; на подбородке засохли кусочки овсянки.

– Ну и ну! – Чарли со свистом втянул воздух. – Не могу поверить, что

это она.

– Какое-то безумие, правда? – спросила Реджи. – Она как будто воскресла из мертвых.

Она посмотрела на бледное, изможденное лицо матери. Вера действительно выглядела как гостя из мира мертвых, но ее визит обещал быть недолгим, и скоро она вернется туда, откуда пришла.

– Где она объявилась? – спросил Чарли.

– В больнице Уорчестера, штат Массачусетс. Последние два года до этого она периодически оставалась в приюте для бездомных. Я собиралась позвонить сотруднице социальной службы при больнице и выяснить об этом побольше. В приюте была женщина, сестра Долорес, о которой моя мама постоянно говорит. Посмотрю, можно ли будет найти ее.

– Отличный план, – сказал Чарли. – Наверное, она сможет рассказать тебе что-нибудь полезное.

Это прозвучало нескладно и напыщенно, но Реджи оценила его внимание. Приятно было иметь рядом еще одного хотя бы наполовину здравомыслящего человека.

– Пошли, – сказала она. – Я заняла свою старую комнату.

Чарли присвистнул, когда вошел внутрь.

– Все равно что оказаться в машине времени. – Он удивленно разглядывал стены, потолок и доску для объявлений. – Ничего не изменилось.

– Подожди, ты еще не видел самого интересного. – Реджи открыла дверь шкафа и показала свою старую школьную одежду, развешанную на вешалках. – Лорен не стала ничего выбрасывать. Сомневаюсь, что она вообще заходила сюда после моего отъезда.

– Боже, это свитер с подплечниками? Наверное, ты сможешь выручить неплохие деньги, если продашь это барахло на e-bay.

– Очень смешно, – сказала Реджи. – Помоги мне, ладно?

Она сунула отвертку между оконной рамой и подоконником и нажала снизу, пользуясь инструментом, как рычагом. Одновременно с этим в ее голове зазвучал голос Джорджа: *«Для каждой работы есть свой инструмент»*. Заткнись, Джордж.

Чарли подналег на окно, пока Реджи нажимала снизу. Наконец окно поддалось и открылось.

– Воздух! – радостно воскликнула Реджи и с жадностью глотнула осеннего ветра, пахнувшего сыростью и опавшей листвой.

Оставив окно приоткрытым, Реджи опустилась на кровать и начала раскладывать содержимое «коробки памяти», разбросанное на мятном

лоскутном одеяле.

– Я собрала эти вещи после исчезновения мамы. Ничего особенно полезного – спичечные коробки, которые она приносила из баров и ресторанов, короткие записки, экземпляр старой рекламы с ее участием...

– Красивая птичка, – сказал Чарли, подобравший маленького деревянного лебедя.

– Дядя Джордж вырезал ее для моей мамы. Это был подарок, сделанный прямо перед тем, как она пропала.

– А это что? – спросил Чарли, взяв вырезку с изображением Ганеши – божества со слоновьей головой.

– Ничего, – сказала Реджи. – На самом деле это глупость. Я вырезала эту картинку, когда была маленькой девочкой. Она напоминала мне об отце.

– О твоём отце?

– О том, каким я его воображала. Моя мама называла его Слоном. Это было нечто вроде семейной шутки, но для меня это было единственной ниточкой, за которую я могла ухватиться.

Реджи порылась в сигарной коробке, достала кольцо, которое положила туда вчера вечером, и показала Чарли.

– Думаю, это обручальное кольцо. Оно нашлось в потайном кармане пальто моей матери, когда я забирала ее из Уорчестера. Обрати внимание на гравировку.

Чарли поднял кольцо, чтобы лучше видеть надпись.

– Подожди. Это же...

– Тот самый день, когда рука Веры появилась на крыльце полицейского участка.

Чарли со свистом выдохнул воздух.

– Но что это значит?

Чарли внешне походил на своего отца, но явно не унаследовал логических способностей старого Йоги.

– Вероятно, именно то, что мы всегда подозревали: если мы сможем найти того парня, за которого моя мама собиралась выйти замуж, то получим убийцу.

– У тебя есть новые сведения по поводу того, кто это может быть?

– Это не новые сведения, – признала Реджи. – Скорее это новый взгляд на старые сведения.

Чарли кивнул.

– Можешь рассказать?

Реджи пошарила под матрасом и вытащила книгу «Руки Нептуна», принадлежавшую Таре.

– Смотри, Тара подчеркнула красной ручкой несколько предложений. Я нашла красную ручку в ее прикроватной тумбочке, в комнате, где Тара остановилась, так что скорее всего она сделала это недавно. Так или иначе... среди фрагментов, которые она подчеркнула, есть абзац об одном из подозреваемых по имени Джеймс Якович. Имя мне ничего не говорило, но послушай-ка это: «Их внимание сразу же сосредоточилось на сорокашестилетнем Джеймсе Яковиче, который был одним из ее временных любовников. Он также оказался мелким торговцем наркотиками, известным под прозвищем Кролик».

– Ну, хорошо, – сказал Чарли и вопросительно приподнял брови.

– Моя мама много говорила о нем. По ее словам, он был режиссером и имел многочисленные связи. Она встречалась с ним несколько лет подряд. Говорила, что он гений, но у него скверный характер и он наполовину сумасшедший.

– Ты когда-нибудь встречалась с ним?

Реджи покачала головой и вернулась к книге.

– Здесь сказано, что через два дня после того как обнаружили мамину руку, его арестовали за вождение в нетрезвом состоянии. Но знаешь, почему копы остановили его? – спросила Реджи и удивилась, что ее голос звенит от волнения.

– Почему?

– Из-за разбитой задней фары. Он водил «шевроле-импалу» с разбитой задней фарой. Я видела, как мама возле кегельбана села в точно такой же автомобиль!

– Погоди-ка... Если он имел связь с ней, отличался дурным нравом и ездил на автомобиле, по описанию совпадающим с тем, который увез Веру перед ее исчезновением, то почему копы отпустили его?

Реджи покачала головой.

– Выяснилось, что у него было отличное алиби. В ту ночь, когда пропала моя мама, он, по судебному предписанию, находился на заседании Общества анонимных наркоманов, а после этого переночевал на диване у своего поручителя. По данным полиции, этот поручитель был уважаемым членом общества, поэтому Яковича сняли с крючка. Они также не нашли никаких доказательств связи Яковича с другими жертвами убийцы.

– Господи, Реджи, а как же разбитая фара?

– Что было, то прошло. Но вчера вечером я кое-что вспомнила. Ты помнишь Кэндис Жаке, официантку?

Чарли кивнул.

– Она была второй жертвой Нептуна.

– А помнишь, я говорила, что мама однажды познакомила меня с ней? Знаешь, что Кэнди сказала в первую очередь? Она спросила маму, нет ли у нее последних новостей о Кролике.

– И что?

– А то, что, судя по всему, Кролик был их общим другом. Значит, он связан не с одной, а как минимум с двумя жертвами Нептуна!

– Думаешь, он еще здесь? – спросил Чарли.

– Есть лишь один способ выяснить это, – сказала Реджи. – Я уже проверила телефонную книгу, и он там не числится. Но я решила, что будет неплохо посетить некоторые места на Эйрпорт-роуд. Я собиралась отправиться туда и посмотреть, что можно найти.

Чарли кивнул.

– Многие из них уже закрылись, но «Взлетная полоса» до сих пор процветает. У меня назначено несколько встреч, но я могу приехать сюда к шести вечера и забрать тебя.

– Ты уверен?

– Само собой.

– Тогда в шесть часов, – сказала Реджи.

Она понимала, что они оба помнят, к чему привели поиски в барах двадцать пять лет назад. Она до сих пор ясно видела эту картину: Сид скорчился на мостовой, Тара наклонилась к нему и отдернула окровавленную руку.

Зазвонил мобильный телефон, и Реджи вздрогнула от неожиданности. Она посмотрела на экран и увидела, что звонок от Лена.

– Тебе нужно ответить? – спросил Чарли и встал. – Я могу выйти в коридор.

– Нет, – ответила Реджи. Она выключила телефон и убрала его в карман. – Я провожу тебя на улицу.

Когда они проходили мимо комнаты Веры, то увидели, что она проснулась.

– Привет, мама. Ты помнишь моего старого друга Чарли Бэрра?

Вера смотрела на Реджи, стоявшую в дверях; потом ее взгляд медленно переместился на Чарли, который стоял у нее за спиной.

Чарли протиснулся в дверь.

– Для меня большое удовольствие снова видеть вас, мисс Дюфрен, – произнес он добродушным, хорошо поставленным голосом торговца недвижимостью. Реджи увидела, как что-то изменилось в глазах Веры, словно опустилась штора, а потом в них не осталось ничего, кроме паники. Вера разинула рот и закричала.

21 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Гостиница «У аэропорта» оказалась одноэтажным рядом строительных кубиков из шлакобетона, выкрашенных розовой краской, теперь наполовину облезшей и выцветшей. Стены были запятнаны многолетними автомобильными выхлопами, пьяной мочой и бог знает чем еще. В неоновом свете уличных фонарей вокруг автостоянки здание казалось неестественно ярким.

– Уютно, – заметила Тара.

– На неделю или на час, – сказал Сид и подмигнул ей.

Чарли с надутым видом сидел сзади, рядом с Реджи.

– Думаешь, твоя мама на самом деле снимала здесь комнату? – спросила Тара, повернувшись к Реджи.

Реджи не смогла выдавить из себя хоть какой-то ответ.

– Погано, если так и есть. – Тара наклонилась вперед и закрутила прядь волос в остроконечный шип, изогнувшийся над ее левым глазом. Он был похож на рог.

Они втроем вышли из «мустанга» и направились к офису мотеля, где нажали кнопку звонка и подождали, пока в дверном проеме не возник седой пожилой мужчина, который недоверчиво уставился на них.

– Да? – Он носил коричневые брюки из полиэфирной ткани и покрытый пятнами светло-зеленый свитер. Его искусственные зубы смещались и клацали, когда он говорил. Реджи чувствовала исходящий от него слабый запах мочи.

– Я ищу свою мать, Веру Дюфрен. Она жила здесь?

Старик молчал, поочередно разглядывая каждого из них. Он играл со своими зубами, то подталкивая их вперед языком, то всасывая обратно.

– Это мои кузены, – продолжала Реджи. – Нам нужно срочно найти ее. Умер наш родственник.

Человек с искусственными зубами запустил руку под стойку, достал ключ и со стуком положил его на столик из огнеупорной пластмассы.

– Можете войти и забрать ее барахло. То, что вы не возьмете, завтра отправится на свалку. Она задолжала за две недели. Приезжала сюда и уезжала уже почитай как пять лет и никогда не забывала заплатить за неделю. На прошлой неделе позвонила: «Простите-извините, скоро приеду, заберу вещи и заплачу, как положено», – да так и не явилась. А вчера приехал сыщик и потребовал впустить его в ее комнату. Последнее, что мне нужно, – это копы, которые шныряют вокруг. Это плохо для бизнеса, знаете

ли. – Старик выставил зубы и со щелчком втянул их на место, тем самым показывая, что разговор окончен.

Реджи взяла ключ, прикрепленный к оранжевой табличке с номером 8. Табличка была покрыта чем-то вроде смазки, и Реджи сообразила, что эта липкая пакость осталась от рук старика. Она вытерла табличку о джинсы, поблагодарила владельца и направилась к выходу из офиса. Остановившись в дверях, она повернулась и задала последний вопрос:

– Знаете, моя мама собиралась выйти замуж. Вы видели этого типа?

Зубы выдвинулись вперед, когда старик рассмеялся. Реджи покраснела и уставилась в пол; ее левое ухо пылало огнем.

– Здесь перебывало много мужчин, – просипел он, пытаясь отдышаться. – Трудно сосчитать, если понимаете, что я имею в виду. И у нас целая куча постояльцев. Я не слежу за всеми, кто приходит и уходит. Даже не могу точно сказать, когда Вера была здесь в последний раз.

– Но за последние несколько недель у нее не было никого... особенного?

Старик ненадолго задумался.

– Нет. Последние несколько раз, когда я ее видел, она была одна. Несколько раз на стоянку приезжал светлый автомобиль. Это все, что я могу сказать.

Реджи кивком поблагодарила его и сказала, что занесет ключ после того как все будет сделано.

* * *

Как выяснилось, ключ вообще не понадобился: дверь осталась незапертой. Реджи на всякий случай постучала, потом затаила дыхание и толкнула дверь.

Комната № 8 лежала в руинах. Вещи и предметы обстановки не то чтобы находились в полном беспорядке – по ним как будто прошелся тайфун. Ящики были выдернуты и разбросаны по полу. Вокруг валялись разбитые флаконы из-под духов, бутылки из-под джина и бренди. Матрас тоже лежал на полу. Единственный стул в комнате был опрокинут и выпотрошен, подкладка из вспененной резины вывалилась наружу. Сначала Реджи подумала, что эта комната не могла принадлежать ее матери. Но потом ее взгляд упал на белую лайковую перчатку с пятном от никотина, валявшуюся в общей куче. Запах духов «Табу» невозможно было спутать ни с чем.

– Боже милосердный! – воскликнула Тара. Она протиснулась в комнату, прошла на середину, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. – Здесь произошло нечто ужасное, – прошептала она.

– Помолчи, Христа ради, – бросил Чарли. – Почему бы тебе не втянуть свою психическую антенну?

– Пусть делает, что умеет, – сказал Сид. – Может, она... ну, не знаю, подцепит что-нибудь полезное.

Реджи сразу же пожалела о том, что они пришли сюда. Находиться в этой комнате было все равно что смотреть на фотографию обнаженной Веры и передавать картинку друзьям для хихиканья и насмешливых замечаний.

– Думаешь, это сделали копы? – спросил Сид.

– Ни в коем случае, – сказал Чарли.

Запахи пролитого спиртного и застоявшихся духов висели в воздухе, как невидимый смог. У Реджи от этой кисло-сладкой смеси кружилась голова. Она была уверена в том, что ее стошнит, бросилась в ванную и согнулась над унитазом, но ничего не вышло. Она заметила таракана, бегущего по стенке за унитазом. Раньше она не видела ничего подобного, и это оказалось просто чудовищно. Реджи едва ли не слышала, как лапки пробегают по грязному кафельному полу и царапают его, словно крошечные когти.

– С тобой все в порядке, Редж? – позвал Чарли.

– Нормально, – отозвалась она и вытерла рот тыльной стороной ладони. – Просто отлично.

Она встала и слезящимися глазами осмотрела ванную. Зеркало медицинского шкафчика было разбито, раковина полна больших серебристых осколков. Семь лет неудач для какого-нибудь бедного ублюдка. Душевая занавеска, грубо содранная с палки, лежала в ванне с пятнами плесени. На полу были разбросаны косметические принадлежности Веры: тушь для ресниц, румяна, тюбики губной помады. Реджи взяла пудреницу, открыла ее и вдохнула сладковатый тальковый запах, потом посмотрела на свое отражение в круглом зеркальце.

– Где ты? – спросила Реджи. – Что ты здесь делала?

Нет ответа. Только отражение девочки с короткими волосами и правым ухом, которое было немного бледнее, чем левое.

Она захлопнула пудреницу, распахнула разбитую дверцу шкафчика и заглянула внутрь. На полках не осталось ничего, кроме баночки аспирина и английской булавки. Реджи взяла булавку, раскрыла ее и прикоснулась острием к большому пальцу. Тут она заметила скомканное полотенце на

краю ванны. Вглядевшись пристальнее, Реджи увидела расплывчатые красно-коричневые пятна.

Кровь.

Ее матери? Нептуна? Кого-то еще?

У Реджи заурчало в желудке. Не глядя, она воткнула кончик булавки в кожу большого пальца. Потом вытащила и снова воткнула.

– Редж? – окликнул Чарли. – Ты там что-то нашла?

– Ничего, – ответила Реджи, закрыла булавку и спрятала в карман.

Реджи вернулась в другую комнату, которая представляла собой спальню с крохотной кухонной нишей. Сид курил сигарету. Чарли открыл дверь миниатюрного холодильника и обнаружил внутри лишь два сморщенных лайма. В раковине стояли два невымытых бокала. Тарелки были убраны в буфетный шкафчик, украшенный контактной светочувствительной бумагой с пестрым узором в духе 1970-х годов. Все тарелки были разными. Реджи узнала одну, взятую из дома: цвета слоновой кости, с изящными завитками зеленого плюща по краям.

– Телефон был вырван из стены, – сказала Тара, державшая в руке оторванные провода. Она была на взводе, возбужденная как никогда, и Реджи почти ненавидела ее за это.

Реджи подошла посмотреть на телефон. Он стоял на маленькой прикроватной тумбочке рядом с полной пепельницей. Все окурки принадлежали Вере: сигареты «Винстон» со следами красной помады на фильтре. Реджи выдвинула нижний ящик и обнаружила телефонный справочник, пачку презервативов и кусочек бумаги, исписанный почерком ее матери. Она засунула презервативы обратно, прежде чем Тара увидела их, и взяла бумажку.

На ней было написано только два слова: *«Второй шанс»*. Слова были обведены кружком.

Значит, Вера надеялась на второй шанс в своей жизни. Она думала, что этот тип подарит ей такую возможность?

«Будем вести нормальную, спокойную жизнь».

Реджи смотрела на бумажку и думала о том, какой жестокой бывает надежда. Она прижала к бумаге большой палец и оставила слабый кровавый отпечаток.

– Что за чертовщина здесь приключилась? – поинтересовался Сид и раздавил свой окурочек в пепельнице Веры.

– Не знаю, – ответила Реджи и сунула бумажную полоску в карман рядом с английской булавкой. – Но это выглядит очень плохо.

Она решила не говорить им о полотенце с пятнами крови. Ради всего

святого, Тара могла взять его, обнюхать, поднести к сердцу и впасть в транс.

– Для начала я не понимаю, что она здесь делала, – сказала Тара. – У нее ведь был свой дом, верно? И всевозможные интересные знакомые из театра, у которых тоже есть свое жилье. Зачем приезжать в эту лачугу?

– Поди догадайся, – сказал Чарли, пинавший пустые бутылки, разбросанные по полу.

– Может, ей нужно было иметь место, которое бы принадлежало ей одной, понимаете? – предположила Тара. – Место, куда она могла бы приехать и собраться с мыслями.

– Фуфло, – сказал Сид и глубоко засунул руки в карманы джинсов. – Это не такое место, где собираются с мыслями, верно? Думаю, тут она встречалась с мужиками. Может, пробовала стрясти с них кое-какие деньжата.

– Что? – спросил Чарли. – Ты говоришь так, словно она...

– Моя мать – *актриса*, – выкрикнула Реджи, готовая на все, лишь бы он не произнес последнее слово. Если он не скажет его вслух, оно останется неправдой. А это не могло быть правдой.

Они стояли в молчании, не двигаясь и даже не глядя друг на друга. Потом Тара начала медленно обходить комнату с закрытыми глазами, раскинув руки в стороны. Она выглядела как ребенок, играющий в «прицепи хвост ослу»^[23].

– Вот здесь он схватил ее, – объявила Тара. – Думаю, это случилось прямо здесь. – Она изобразила пальцами беспощадный захват, замерев в центре комнаты.

Чарли фыркнул.

– Мне больше кажется, что здесь кто-то что-то искал. Разнес все вокруг, пока старался найти. И с каждой секундой становился все более буйным.

– А я по-прежнему думаю, что это были копы, – сказал Сид.

– Ничего подобного, – возразил Чарли. – Они бы отнеслись к этой комнате как к месту преступления и действовали бы очень осторожно. Возможно, кто-то устроил разгром после их ухода. Или они обнаружили комнату в таком состоянии. Мы все равно не узнаем. Я лишь уверен, что мой отец и другие копы не сделали бы ничего подобного.

– Это был он, – сказала Тара с закрытыми глазами и вытянула руки, словно пытаясь дотянуться до чего-то невидимого. – Нептун, я это знаю. Я чувствую его здесь.

Она театрально содрогнулась.

– Ладно, допустим, это Нептун явился сюда и разнес все вдребезги, – сказала Реджи. – Что он мог искать?

Тара широко распахнула глаза, заблестевшие в тусклом свете.

– Что-то такое, что связывало ее с ним. Улики. Нептун забрал ее, а потом вернулся, чтобы убедиться, что здесь нет ничего, указывающего на связь между ними. Это абсолютно разумно!

– Исходя из предположения, что это сделал Нептун, – добавил Чарли.

– Разумеется, это был он, – сказала Тара и презрительно взглянула на него. – Кто же еще? – Она повернулась к Реджи, как будто хотела задать ей тот же вопрос.

– Кто угодно, – вздохнула Реджи, вспоминая слова старика с искусственными зубами, который говорил, что здесь перебывало много мужчин. – Это мог быть кто угодно.

– Полная хренотень, одним словом, – сказал Сид. Он прищурился и обвел взглядом комнату. – Не знаю, что тут случилось, но мне блевать хочется от этого места.

– Точно. – Тара еще раз выразительно поежилась и подошла ближе к Сиду.

Реджи вдруг поняла, что не имеет права находиться в этой комнате. Кто она такая, чтобы вламываться сюда? Она не сыщик, не супергерой. Это не телевизионное шоу и не сборник комиксов. Комната пугала ее не только потому, что все вокруг было разнесено на куски; нет, это было общее ощущение: разномастные тарелки, пустой холодильник, презервативы, таракан в ванной. Тот простой факт, что дочь вообще не знала свою мать. Реджи считала ее неуязвимой Чудо-Женщиной, девушкой с рекламы кольдкрема «Афродита», королевой школьного бала, спасительницей маленьких девочек от злых собак. Но теперь занавес раздвинулся, и открылось нечто совершенно иное.

Реджи нужно было уйти, оказаться подальше от этого кисло-сладкого алкогольного запаха. Она больше не могла видеть эту жалкую разрушенную комнатушку. Реджи повернулась и молча вышла, оставив ключ в двери, потому что не могла видеть даже лицо старика с выдвигной челюстью.

* * *

– Хочешь кое-что увидеть? – спросила Тара. Она устроилась на заднем сиденье рядом с Реджи и банками пива, которые Сид купил в «Клиффсайд

Ликорс», где и глазом не повели при виде его фальшивого удостоверения личности. Чарли сидел впереди и играл роль штурмана, в то время как Сид раскурил очередной «косяк».

– Следи за дорогой, – предостерег Чарли. – Тебя заносит на встречную полосу. Похоже, ты уже изрядно устал.

– Расслабься, – сказал Сид. – Я уже говорил, что я везунчик? А этот автомобиль практически может ехать сам по себе.

Реджи была благодарна, что ни один из них больше не говорил о ее матери или о разгромленной комнате в дешевом мотеле. Тара начала болтать с Реджи сразу после отъезда, пытаясь развеселить ее – по крайней мере, так думала Реджи. По совету подруги она выпила немного пива, чтобы снять напряжение. Это прогнало мурашки на коже и воспоминание о таракане, пробежавшем по стене, о шорохе его лапок на кафеле.

Сид включил радио.

– Я люблю эту песню! – объявил он.

Это была группа «Ху» с песней «Волшебник пинбола».

– Ну? – прошептала Тара и с заговорщицким видом наклонилась к Реджи. – Хочешь посмотреть или нет?

– Ну да, – сказала Реджи и сделала еще один глоток пива.

Лицо Тары озарилось в предвкушении сюрприза. Она не могла дождаться, когда покажет это Реджи, что бы это ни было.

Тара закатала длинный, сколотый булавкой рукав своего платья и обнажила бледную кожу внутренней части предплечья. Реджи прищурилась в тусклом свете салона, чтобы разглядеть скрытое в шрамах. Странные узоры: ровные ряды маленьких белых выпуклостей рубцовой ткани в форме подковок, словно отпечатки копыт крошечного пони, поднимающиеся по синим прожилкам вен. Это не было похоже на резные линии, которые Тара оставляла на своих ногах бритвенным лезвием. Это было нечто совершенно иное.

– Эогиппус, – сказала Реджи, вспомнив маленького предка всех лошадей, о котором она узнала на уроках биологии.

– Я сделала это зажигалкой, – жарко прошептала Тара в здоровое ухо подруги.

Реджи закусила губу, изучая шрамы на мягкой и очень уязвимой коже предплечья Тары. Собственная кожа зачесалась от уже знакомого ощущения – предвкушения пореза, холодного прикосновения лезвия к плоти, прежде чем Реджи погрузит его глубже. Она подумала об английской булавке у себя в кармане и захотела открыть ее и посмотреть, насколько глубокую царапину она сможет сделать. Реджи знала, что это

заставит все остальное померкнуть и отступить на задний план, и сейчас она нуждалась в этом больше, чем когда-либо раньше. Она желала этого и ненавидела себя за это желание. Все сплелось в одно большое противоречие наряду с мыслью о том, что шрамы Тары были ужасными, и одновременной завистью к ней.

Тара улыбнулась.

– Хочешь потрогать их? Я разрешаю. – Без дальнейших объяснений она взяла руку Реджи и провела ее пальцами по шрамам на своем предплечье. Когда пальцы прикоснулись к коже, Тара резко вздохнула, словно от боли, и Реджи отдернула руку, а Тара прижала ее обратно.

– Все нормально, – прошептала она, когда кончики пальцев Реджи осторожно прошлись по бугоркам и впадинкам шрамов. – Я хочу, чтобы так было.

21 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи поймала себя на том, что проводит пальцами по шрамам вокруг искусственного уха; нервная привычка, от которой она вроде бы избавилась много лет назад.

– Мне ужасно жаль, что так случилось с моей мамой, – сказала она, когда они с Чарли шли через автостоянку к озаренной неоновым светом вывеске «Взлетной дорожки». Она извинилась уже несколько раз, но, сколько бы Чарли ни говорил, что все в порядке и не о чем беспокоиться, она помнила, как он с озадаченным и испуганным лицом попятился из комнаты Веры. Казалось, крики матери продолжались целую вечность, Вера хваталась за одеяло и безумно закатывала глаза. Она выбилась из сил и только хрипела, когда Реджи и Лорен удалось положить ей под язык таблетку ативана. После нескольких минут гипервентиляции и сдавленных рыданий Вера отошла ко сну. Проснувшись, она как будто не сохранила никаких воспоминаний об инциденте.

– Правда, это не проблема, – сказал Чарли. – После всего, что ей пришлось пережить, я уверен, что любой незнакомый человек пугает ее.

– Она ведет себя как ненормальная даже в периоды просветления.

Чарли кивнул.

– Тебе удалось связаться с сотрудницей социальной службы?

– Да, но она не очень-то помогла. Правда, дала название того приюта и телефонный номер. Я позвонила туда, и мне сказали, что сестра Долорес заведует приютом, но сегодня она не работает. Завтра она перезвонит мне.

Чарли снова кивнул.

– Сделаем это? – спросил он, с заметным трепетом разглядывая тускло освещенную дверь «Взлетной полосы».

Дверь была обита листовой сталью с несколькими вмятинами на ней, как будто кто-то пытался действовать тараном. Наверху имелся навес с красным неоновым самолетом; Реджи была уверена, что если бы она слишком долго смотрела на него, у нее бы случился припадок.

Вход в здание должен быть привлекательным; он должен предлагать ненавязчивое ощущение перехода из внешнего мира во внутренний. Ощущение перехода влияет на чувства человека, когда он оказывается внутри.

Единственный способ сделать вход во «Взлетную полосу» менее привлекательным – это опутать его колючей проволокой.

На правой стороне автостоянки собралась небольшая группа курильщиков. Одна из них, девушка с тонким визгливым голосом, то и дело повторяла: «Он так и не понял, что ему дало по мозгам! Говорю вам, он так и не понял, что ему врезало!»

– Давай сделаем это. – Реджи рывком распахнула тяжелую дверь и первой вошла внутрь.

Там мало что изменилось. По-прежнему было темно и воняло пивом и сигаретами, хотя курение в барах и ресторанах теперь считалось незаконным. Реджи посмотрела на бильярдный стол в центре помещения и была немного разочарована тем, что он оказался новым и не подпертым старыми телефонными справочниками. Табуреты с обивкой из красного винила теперь были обиты черным винилом. Внутри было полно народу, и Реджи показалось, что все оторвались от своих дел, чтобы поглазеть на нее и Чарли.

– Что-то я не испытываю теплых чувств, – прошептала Реджи, наклонившись к Чарли.

Он обхватил ее за талию. Реджи понимала, что это должно выглядеть как знак поддержки, но рука была просто тяжелой.

– Думаю, мы не похожи на регулярных посетителей, – тихо сказал он. От него сладко пахло листерином^[24] и лосьоном после бритья. Реджи заметила, что Чарли принял душ и побрился, прежде чем забрать ее, что казалось слишком самоуверенным и наводящим на разные мысли. Она легко отстранилась от него и направилась к бару.

Реджи помнила, как следовала за Сидом двадцать пять лет назад: его расхлябанную походку, Тару, семенившую рядом с ним. Помнила, как визит во «Взлетную полосу» привел их в жуткую комнатку мотеля «У

аэропорта».

Куда он приведет их на этот раз?

Несмотря на абсурдность этой мысли, Реджи подумала, что хорошо бы развернуться и выйти, пока она еще не выяснила это. Но потом она подумала о Таре, связанной в каком-то страшном подвале и накачанной морфином, с белой повязкой на обрубке правой руки.

Но вовсе не нынешняя Тара пугала Реджи. Нет, когда она закрывала глаза, видела тринадцатилетнюю Тару с блестящими темными глазами, раздраженную и самодовольную, которая говорила: «Думаю, я пропала, если все это останется вам!»

– Я пытаюсь! – вслух сказала Реджи, хотя и не хотела этого.

– А? – произнес Чарли, державшийся у нее за спиной. Музыка была достаточно громкой, и он не расслышал.

– Ничего особенного.

За стойкой бара находился потный толстяк в обществе худой, как рельса, женщины с крашеными рыжими волосами.

– Чем могу помочь? – осведомилась женщина.

– У вас есть пиво «Бек»? – спросил Чарли.

Она нахмурилась.

– Из бутылочного только «Хайнекен».

– Тогда одну бутылку, – кивнул Чарли.

– Две бутылки, – поправила Реджи, хорошо понимавшая, что здесь не стоит спрашивать винную карту.

За стойкой бара над бутылками с крепкими напитками висел широкоэкранный телевизор. Он был настроен на кабельный канал с выключенным звуком. Реджи увидела фотографии центральной части Брайтон-Фоллс, потом «Желание Моники». У нее сперло дыхание. Видеть свой дом в новостях – все равно что переместиться назад во времени. Но теперь экран заполнило лицо Тары. Это была ужасная фотография: не совсем четкая, и Тара с легким прищуром смотрела куда-то вдаль.

Кудрявая рыжая женщина принесла им две бутылки пива и подала невымытые бокалы.

– Вы знаете человека, который называет себя Кроликом? – спросил Чарли, отодвинув бокал и глотнув из зеленой бутылки. Судя по его виду, он получал удовольствие от процесса. Охота на серийного убийцу была гораздо более увлекательным занятием, чем продажа квартир и маленьких домов в фермерском стиле с переоборудованными кухнями и уютными дворами для играющих детей.

Женщина недоверчиво прищурилась.

– Вы что, копы?

Чарли рассмеялся, полез в карман и достал визитную карточку.

– Нет. Я занимаюсь недвижимостью.

Женщина взяла карточку и изучила ее.

– И что? Собираетесь продать Кролику новый дом или что-то еще?

– Или что-то еще, – с озорной улыбкой сказал Чарли. Это был совсем не тот Чарли, которого знала Реджи. В нем появилась вкрадчивая учтивость.

Реджи осторожно отхлебнула тепловатое пиво. На вкус оно было как моча старого сунса. Возможно, лучше было заказать домашнее вино из огромной бутылки с завинчивающейся крышкой.

Толстый бармен, переваливаясь, подошел к ним.

– Хватит его гнобить, Эвелин, – сказал он и посмотрел на Чарли. – Если хотите поговорить с Кроликом, вон он сидит.

Бармен кивнул, и они повернулись в указанном направлении. В отдельной кабинке сидел худой мужчина с седыми волосами и жевал бургер. Волосы падали ему на глаза, а на подбородке осталось пятно кетчупа.

– Спасибо, – сказал Чарли. Он положил на стойку бара бумажку в двадцать долларов и направился к кабинкам.

– Вот и говори об удаче, – сказала Реджи. Это было легко; *слишком* легко. Ей не нравилось, когда вещи вставали на место практически без усилий: это казалось подозрительным.

– Да, – согласился Чарли. – Пока дела идут неплохо, но, наверное, будет лучше, если разговор заведешь ты. Думаю, с этим типом у тебя получится лучше, чем у меня.

Реджи кивнула. Чарли пропустил ее вперед, а сам двинулся следом.

– Джеймс? – спросила Реджи, остановившись перед человеком в кабине. – Джеймс Якович?

Он быстро взглянул на Реджи и кивнул. Его руки, сжимавшие остатки бургера, слегка дрожали. Ногти были длинными и грязными, и он так и не вытер кетчуп с подбородка. Кожа его лица была тонкой и дряблой, белки глаз казались желтоватыми. Итак, вот он, – мифический Кролик, творческий гений, театральный режиссер, человек со связями.

– Я знаю вас? – спросил он. Его голос странно поскрипывал, как будто ему было больно говорить.

– Можно сесть? – спросила Реджи, с беспокойством разглядывая испачканную кабинку.

– Это свободная страна.

Реджи опустилась на стул. Чарли остался стоять с ее стороны кабинки, чтобы не дышать в шею Яковичу.

– Моя мать – ваша старая знакомая. Ее зовут Вера Дюфрен.

Кролик откусил еще один кусок бургера и принялся жевать, медленно и неопытно. Реджи видела, что он потерял большую часть передних зубов. Она попыталась представить его двадцать пять лет назад. Оставалось лишь гадать, был ли он привлекательным мужчиной.

– Вы слышали, что она вернулась? Она жива.

Он кивнул, дожевывая свой кусок и тяжело сглотнул.

– Кажется, я слышал что-то в этом роде.

– Вы не помните, когда видели ее в последний раз? – спросила она.

Кролик ухмыльнулся.

– Я старый человек. Думаете, я помню такие давние дела?

– Понимаете, я видела маму за день до того, как ее рука появилась на крыльце полицейского участка. Она стояла возле кегельбана. И я видела, как она села в светло-коричневый автомобиль с разбитой задней фарой. Я совершенно уверена, что это был ваш автомобиль.

Он покачал головой.

– Это был не я. Уже миллион раз рассказывал копам, и они отстали от меня.

Он вернулся к своему бургеру, не обращая внимания на Реджи.

– Кролик, – тихо и задушевно произнесла Реджи. – Моя мама все время говорила про вас. Помню, как она радовалась и даже пела каждый раз, когда готовилась к встрече с вами в Нью-Хэйвене или где-то еще. Не знаю, что там происходило между вами, но в одном я уверена: она вас любила.

Кролик отложил бургер и какое-то время молча смотрел на нее. Потом откашлялся и тихо сказал:

– В тот день я и близко не подходил к кегельбану, и у меня есть свидетели, которые могут это доказать. Вера не хотела иметь со мной ничего общего. По правде говоря, мы с ней еще до моего ареста были не в ладах.

Реджи кивнула, стараясь сохранять дружелюбный вид.

– Почему?

– У нее была подруга, милая девчушка по имени Кэнди. – Кролик вытер лицо салфеткой, но лишь размазал пятно от кетчупа. – И вот как-то вечером я хорошенько развлекся с ней. – Кролик похотливо ухмыльнулся. – Сейчас в это трудно поверить, но я умел обходиться с девушками.

Реджи кивнула и подумала, что он прав: сейчас в это было трудно

поверить.

– Вера по-настоящему разозлилась, когда узнала об этом. Черт, как будто мы были женаты или хотя бы собирались расписаться.

– Но вы видели мою маму после того, как вышли из тюрьмы, правильно? До того, как она пропала?

– Да. Когда меня выпустили, мы еще пару раз встречались, но потом она меня бросила. А ведь тогда я старался изо всех сил. Знаете, приводил в порядок дела, старался все начать заново. Но некоторые люди так и не получают второго шанса.

В голове у Реджи прозвучал тревожный звонок.

– Второй шанс, – повторила она. – Эти слова что-то значат для вас? Много лет назад моя мама написала их на обрывке бумаги.

Кролик рассмеялся.

– Так называлась старая программа социальной адаптации для людей, только что вышедших из тюрьмы. Им давали место для жилья, знакомили с какими-нибудь честными гражданами, вроде как здоровыми членами общества. Это называлось «стабильностью». Считалось, что эти великие образцы для подражания покажут вам, какой хорошей может быть ваша жизнь.

– И вы участвовали в этой программе? – спросила Реджи.

– Какое-то время. Я жил в доме с четырьмя другими парнями. Мы проводили собрания, имели какие-то программы и сдавали мочу на анализ, чтобы все убедились, что мы больше не употребляем...

– И вас познакомили с кем-то из здоровых членов общества? С образцом для подражания?

– Точно. Он спасал мою задницу, пока мог. Однажды у него самого была проблема с наркотой, но он полностью очистился. Он был моим поручителем в Обществе анонимных наркоманов. Жил в большом старом доме с надстройкой над гаражом: он пустил меня туда немного пожить, когда настали трудные времена. Я был там, когда пропала Вера, так что я не похищал ее. И у меня имелось доказательство... алиби, по-ихнему.

– Похоже, он много сделал для вас. Как его звали?

Кролик посмотрел на жалкие остатки своего бургера, как будто ответ заключался под коркой черствой булочки с вытекшим жиром.

– Он был автомобильным дилером. Знаете... в общем, он рекламировал свой бизнес с помощью парней, которые наряжались цыплятами.

Реджи посмотрела на Чарли, чьи глаза от изумления полезли на лоб.

– Бо, – сказал Кролик. – Его звали Бо Бэrr. Чертовски хороший

парень.

День третий

Отрывок из книги Марты С. Пэккетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Девятнадцатого июня Вера Дюфрен собиралась встретиться со своей тринадцатилетней дочерью Реджиной Дюфрен у кегельбана на Эйрпорт-роуд. К несчастью, девочка опоздала, потому что по пути у ее велосипеда лопнула шина. Реджина подошла к автостоянке у кегельбана как раз в то время, когда ее мать садилась в светло-коричневый седан с разбитой задней фарой. Единственное, что Реджина успела заметить, – водитель носил бейсбольную кепку.

Судя по виду, Вера не сопротивлялась и не проявляла какого-либо беспокойства.

Дик Бергстром, владелец кегельбана и давний друг Веры, сообщил, что, по словам Веры, она ожидала прибытия своего знакомого, который должен был забрать ее. В ожидании его приезда она стояла на улице и курила. Бергstromу не удалось разглядеть человека, сидевшего за рулем автомобиля. Позже в тот вечер, около 22.00, Вера появилась одна в баре «Взлетная полоса». Точно не известно, приехала ли она на своей зеленой машине «шевроле-вега», или кто-то подвез ее. На следующий день полиция обнаружила ее автомобиль на долговременной стоянке у аэропорта, но не нашла никаких свидетельств того, что Вера заходила в аэропорт или регистрировалась на рейс.

Она выпила несколько коктейлей в баре и поговорила с двумя-тремя знакомыми, которые подтвердили, что она пребывала в хорошем расположении духа. Она ушла одна около полуночи. Незадолго до выхода люди видели, как она разговаривает с усатым мужчиной в черном кожаном пиджаке и бейсбольной кепке «Янкис». Когда детектива Стюарта Бэрра спросили, представляет ли мужчина в черном кожаном пиджаке интерес для полиции, он ответил: «У нас есть основания полагать, что помимо убийцы этот человек был последним, кто видел Веру Дюфрен в живых».

22 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи проспала до полудня, преследуемая видением того, как она

разыскивает свою мать и в конце концов оказывается в мотеле «У аэропорта». Комната была разнесена в пух и прах, но на кровати лежал пакет, завернутый в коричневую бумагу. Дрожащими пальцами Реджи открыла пакет. Внутри находилась деревянная шкатулка с этикеткой, набранной аккуратными буквами: «Второй шанс». Реджи осторожно приподняла крышку и раскрыла рот, чтобы закричать, но наружу не вышло ни звука. Перед ней лежала безжизненная миниатюрная куколка Веры, приколотая к полоске пенопласта вместе с несколькими тараканами.

– Дрянь! – взвизгнула Реджи и открыла глаза. По коже бегали мурашки. Реджи испытывала сильное желание порезать себя. Может быть, взять булавку...

Нет.

Реджи выбралась из постели и побрела по коридору, а потом по лестнице в одной футболке и тренировочных штанах. Она спустится на кухню, нальет себе соку и сделает вид, будто все в порядке. Будто ее мать не пропала, а может вернуться в любой момент. Будто она обычная девочка, не имеющая тайного желания резать себя бритвой и колоть булавкой.

У Реджи по-прежнему болела лодыжка, но теперь, когда она могла переносить вес на правую ногу, походка стала почти нормальной. Когда Реджи приблизилась к кухне, услышала голос Лорен, говорившей с кем-то. Она была рада, что Лорен уже встала. Реджи начала раздумывать о том, что предпринять, если ее тетя больше не выйдет из своей комнаты.

– Просто не могу поверить, – устало говорила Лорен. – Мне все кажется, тут какая-то ошибка...

– Отпечатки пальцев совпали, Лорен. И шрамы тоже. – Это Джордж. Его голос тоже был усталым и немного дрожал. – Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Я думал, это будет похоже на все предыдущие случаи.... Она пропадает на два-три дня, потом возвращается в ритме вальса, расточает улыбки и ведет себя так, как будто ничего не было.

Реджи встала на цыпочки и подошла ближе к двери.

– Это я виновата, – жалким голосом произнесла Лорен.

– Ты не должна винить себя, – сказал Джордж тихим, утешающим тоном. – Ты ничего не могла сделать.

– Если бы мы не поссорились...

– Она бы все равно ушла, – сказал Джордж. – Ты знаешь, какой была Вера. В смысле, какая она *есть*. Я имел в виду только это.

Реджи подошла к дверному проему и встала боком, чтобы заглянуть внутрь. Лорен сгорбилась на стуле, крепко держа кружку чая. Джордж стоял рядом, прижавшись к ней и положив руку ей на плечо.

– Наверное, это было неизбежно, – сказала Лорен и с усилием выпрямилась. Она провела рукой по волосам, которые находились в полном беспорядке, что было нехарактерно для нее. Ее глаза покраснели, щеки припухли. – Случилось что-то ужасное. Думаю, я все время знала об этом, предчувствовала это. Вера находилась на пути, который мог привести ее только к гибели. Когда умер отец, какая-то ее часть дала трещину и разбилась. Думаю, тогда я и потеряла ее. Может быть, раньше...

– Это ни к чему не приведет, – сказал Джордж, и его голос сорвался, когда он отодвинул свою чашку, едва не расплескав нетронутый чай. – Думаешь, я не делал то же самое? Я снова и снова проигрывал это у себя в голове, воображал всевозможные способы, которыми мы могли бы спасти ее. Но фантазии не приводят ни к чему хорошему, Лорен. Вера сделала свой выбор. И, может быть, этот выбор привел ее к тому, что произошло. А может быть, и нет. Может быть, это чистая случайность.

Лорен заплакала, но это были не деликатные дамские всхлипывания, а мучительные и долгие рыдания. Она прижалась головой к груди Джорджа и плакала. Джордж с пепельным лицом обнимал ее, его глаза увлажнились от слез. Потом он наклонился и поцеловал ее в макушку.

– Это кажется таким нечестным, – прошептал он Лорен в ухо. – Таким... нереальным.

Странное чувство овладело Реджи. Эти двое были не просто добрыми друзьями, утешавшими друг друга, – судя по языку жестов, здесь было замешано нечто гораздо большее. Она вспомнила, как слышала голос Джорджа в ту ночь, когда Лорен выгнала ее мать из дома, и все встало на свои места: он проводил ночь с Лорен. Должно быть, после прощания с ними он вернулся обратно, подождал, пока Реджи отправится в постель, а потом прошмыгнул в дом и поднялся к Лорен. Или, может быть, они были в гараже... там, на кожаном диване. Наверное, Вера имела в виду именно это, когда сказала, что знает о том, что творится в гараже. У Реджи свело живот от гнетущего раздражения, смешанного с отвращением.

Она помнила, как выглядела Лорен, когда Джордж подарил Вере резного лебедя. Реджи помнила ее взгляд.

Может быть, Лорен ревновала сестру к Джорджу? Реджи задумалась, могло ли это быть истинной причиной ее ссоры с Верой; Лорен не понравилось, как любовник смотрит на ее сестру. Но как далеко могла пойти Лорен ради того, чтобы защитить свои отношения с Джорджем, которым якобы угрожала Вера?

В свете своих новых открытий Реджи пристально посмотрела на тетю. В голове, как сигнал тревоги, бился один-единственный вопрос: какие еще

здешние тайны остались недоступными для нее?

Лорен подняла голову, взглянула на Джорджа и сказала:

– Вчера ночью я не могла заснуть. Лежала в постели и представляла, что он мог сделать с ней...

– Я знаю, – отозвался Джордж, медленными кругами массиравший ей спину. – Не могу вынести этого ожидания, когда она лежит где-то там, связанная по рукам и ногам. Это лишь вопрос времени.

Реджи попятилась из кухни и поднялась по лестнице в носках, пропуская скрипучие ступеньки.

«Это лишь вопрос времени».

У Реджи заурчало в животе и пересохло во рту.

Джордж был прав. Самое худшее – это ожидание. Ее бесила сама мысль о том, что она должна потратить целый день, не предпринимая ничего и только сетуя на то, какой она была идиоткой, если не замечала отношений между Джорджем и Лорен. Какие еще очевидные вещи она не заметила? Какие подсказки могли привести ее к матери?

* * *

Реджи стояла в коридоре перед своей спальней. Она потянула крышку люка, ведущего на чердак, развернула деревянную лесенку и забралась наверх.

Чердак, некогда служивший для ее матери швейной комнатой, теперь превратился в некое подобие музея. Реджи включила свисающую лампочку и огляделась вокруг.

Здесь были две швейные машинки и три манекена, каждый из которых носил платье, надетое ее матерью для примерки. Безрукие и безногие, это были торсы Вериного размера, облаченные в ее одежды: загадочные оракулы, которые могли бы заговорить, если бы Реджи знала нужные слова.

Вдоль стен выстроились заброшенные рулоны ткани и коробки с обрезками. Здесь имелся рабочий стол с портновскими ножницами, линейкой, утюгом и подушечкой для иголок. Слева от стола стояло раздвижное трюмо с зеркалом в полный рост. Перед ним лежал сундук, полный старых рисунков, журналов с выкройками, фотографий из модельного портфолио Веры и ежегодных альбомов из средней школы. Реджи открыла сундук и стала разбирать эти реликвии, стараясь понять, каким человеком была ее мать до рождения дочери. Но Вера оставила мало подсказок. Там не было дневников или старых любовных писем. Ничего

скандального. Ничего такого, что могло бы подсказать Реджи, кем был ее отец. Были старые театральные афиши и программы школьных пьес, где мать играла главные роли: Венди в «Питере Пэне», Энни Оукли^[25] в «Энни, бери свое ружье». Реджи пролистала выпускной альбом Веры и нашла фотографию своей матери на вручении приза в номинации «Будущие знаменитости». Девушка по имени Линда написала: «Стремись к высшим целям, Вера!» Там были и другие фотографии Веры: в театральном клубе, где она полулежала на руках у других участников, и на сцене в роли леди Макбет. Реджи закрыла альбом и оставила его на коленях, пока убирала в сундук все остальное.

Она взгляделась в пыльные зеркала, изучая отражения трех безликих манекенов в одежде Веры. Когда Реджи прищуривалась, то казалось, что манекены движутся, протягивают к ней невидимые руки и тихо шепчут.

«Она где-то там. Ты должна спасти ее».

– Что, думаешь сшить себе бальное платье?

Пораженная, Реджи оторвала взгляд от зеркала и развернулась. Тара стояла совсем рядом с ней. Она так бесшумно прокралась по лестнице на чердак, что Реджи не подозревала о ее присутствии.

– Я просматривала мамины старые вещи.

– Как получилось, что ты не встретишься с нами в придорожном ресторане, Редж? Мы собирались поехать в кегельбан, поговорить с Диксом, осмотреться вокруг. Помнишь? Мы ждали тебя около двух часов. Сид должен был приступить к работе на поле для гольфа, а Чарли отправился косить газоны.

– Извините, но я просто не смогла. И вообще, я не вижу смысла во всем этом. – Реджи закусил губу и вспомнила слова Лорен: «Наверное, это было неизбежно... Случилось что-то ужасное».

Реджи вытянула палец и прикоснулась к зеркалу. Она сделала маленький кружок, который превратился в вихрь торнадо. *«Некоторые вещи просто сильнее, чем мы. Сила тяготения. Рука судьбы».*

Рука.

Перед мысленным взором возникла искалеченная рука Веры в молочной картонке, указывающая на дочь негнущимся пальцем.

«Ты. Твое дело – спасти меня».

В том-то и дело. Она не могла.

Она не могла, потому что была глупой, эгоистичной и больше не хотела узнавать жуткие тайны своей матери. Реджи была подлой трусихой.

– Смысл? – Тара склонила голову набок, изучая лицо Реджи в тусклом свете. – Смысл в том, что мы должны стараться, верно? Если мы прекратим

поиски, то все будет кончено.

– Все и так уже кончено, – сказала Реджи.

– Если ты нашла кучу дерьма, на которую не могла смотреть, это еще не означает, что ты можешь все бросить, – сказала Тара. – Да, твоя мать снимала эту тайную комнату, околавивалась в дешевых барах и встречалась с кучей мужчин. Ну и что? Она все равно остается твоей мамой, Редж. Ты не можешь отвернуться от нее потому, что хочешь сохранить свое долбаное представление об идеальной матери.

Реджи посмотрела в зеркало. Тара стояла рядом с ней, а манекены находились за ними – странные фантомные преследователи.

– Что это? – спросила Тара и протянула руку к альбому.

– Выпускной альбом моей мамы. В сундуке полно ее старых вещей, но там нет ничего полезного. Я думала, что, если как следует поискать, там найдется что-нибудь, хотя бы маленький намек. Какая-нибудь подсказка.

Тара перелистала страницы и нашла фотографию Веры.

– Боже, она была красавицей. – Тара заглянула в альбом, потом посмотрела на Реджи. – Знаешь, а ты похожа на нее. Глаза... и форма лица.

– Я совсем не похожа на нее, – заявила Реджи.

– Но остальное – твои нос и брови – это от кого-то еще. Возможно, от твоего отца. – Тара пролистала еще несколько страниц. – Возможно, он здесь. Какая-нибудь старая школьная любовь.

Реджи покачала головой.

– Она забеременела в Нью-Йорке.

Тара облизнула губы.

– Тогда, может быть, это кто-то из ее театральной труппы. Или парень, с которым она работала. Это мог быть знаменитый актер, Редж! Может быть, поэтому твоя мама всегда была такой скрытной? – Тара быстро листала страницы, пока не нашла театральную программу пьесы «Суровое испытание». – Эй, разве это не пьеса о ведьмах из Салема?

– Думаю, да.

– Смотри, ее ставили в хартфордском театре. – Тара наморщила нос и стала загибать пальцы, считая годы с 1970 до 1985-го. – Октябрь 1970 года, заключила она.

– И что?

– А то, что твоя мама играла роль в этой пьесе в Хартфорде, а не в Нью-Йорке! Я не специалист по беременности, но думаю, это было примерно то самое время, когда она залетела с тобой.

Лицо Тары, покрасневшее от волнения, блестело в тусклом свете лампочки.

– Не имеет значения. – Реджи взяла у Тары программку и положила ее обратно. – Я уверена, что, кем бы он ни был, он даже не знает о моем существовании. Единственный человек, кто знает, кем был мой отец, – это моя мама, а она пропала. Мы можем сколько угодно играть в полицейских и разбойников и искать улики, но от этого ничего не изменится. Мы не можем спасти ее, Тара. Никто не может. Все это глупая, бесполезная трата времени!

Реджи повесила голову и заплакала, хотя и ненавидела себя за это. Она была ребенком и трусихой, и теперь Тара знала об этом, но Реджи даже не беспокоилась.

– Эй, – прошептала Тара и положила руку на спину Реджи. – Я знаю, каково тебе сейчас.

– Чушь собачья! – прошипела Реджи. Она приподняла голову и поглядела на их отражения в зеркале. Девчонка с худым лицом, больше похожая на парня. Она забыла надеть фальшивое ухо, и с новой короткой прической отсутствие уха бросалось в глаза, отчего она выглядела уродливо перекошенной. А Тара... Тара выглядела как прекрасная актриса, только что со съемочной площадки кинофильма о вампирах.

– Иногда нам достается слишком сильно, понимаешь? – сказала Тара. – Все эти проклятые мысли, которые кружатся в голове и не дают покоя. Люди пытаются говорить со мной, но они как будто находятся под водой и понятия не имеют, о чем речь. Я слышу голоса мертвых женщин, которые шепчут мне, а потом моя мать вопит, чтобы я убралась у себя в комнате, и говорит, что если бы я не была такой тупой и ленивой, то отец никогда бы не бросил нас. – У Тары задрожал подбородок, но она села и выпрямила спину, оказавшись еще ближе. Когда она снова заговорила, ее голос был тихим и спокойным. – Иногда мне кажется, что я взорвусь, если не смогу замедлить все эти мысли и голоса, удержать их под контролем.

Реджи смотрела на себя в зеркало, хлюпая носом; слезы и сопли капали с ее лица.

– Но я узнала секрет, – с проказливой улыбкой продолжала Тара. – Я могу остановить их прямо сейчас. Мы обе можем.

Реджи уселась перед зеркалом и посмотрела, как Тара запустила руку в свою черную сумочку и достала серебристую шкатулку, где хранилось бритвенное лезвие, завернутое в ткань, словно крошечный подарок. Тара протянула шкатулку подруге и выжидающе посмотрела на нее.

Реджи взяла бритву и быстро закатала штанину тренировочных брюк. Потом она остановилась и посмотрела на Тару.

– Это так хорошо, – сказала Тара и наклонилась вперед. Она немного

дрожала, глядя на чистую кожу на икре Реджи. Тара выглядела такой поразительной, такой бледной и сияющей, словно ее собственная кожа была соткана из лунного света.

– Сделай это сама, – предложила Реджи и протянула бритву. Тара благодарно вздохнула, словно маленькая девочка, только что получившая желанный подарок на Рождество.

Она взяла бритву и поднесла лезвие к коже Реджи, драматически затягивая последний момент. Дыхание Тары участилось и стало неровным. Она медленно опустила лезвие, лаская кожу, а не прорывая ее.

– Пожалуйста, – попросила Реджи, и Тара резко вонзила бритву, заставив подругу вскрикнуть. Потом Тара издала мычащий звук и прикоснулась пальцем к раскрытому порезу, отчего Реджи болезненно поморщилась. Порез был глубоким и кровоточил сильнее, чем маленькие пробные ранки, нанесенные Реджи. Она позволила боли волной нахлынуть на себя и как будто слилась с ней.

Больше не было Нептуна, не было пропавшей матери, не было Чарли и Лорен или жуткой комнатухи в мотеле «У аэропорта».

Осталась лишь сама Реджи и Тара, чьи пальцы были липкими от ее крови; теперь обе чувствовали себя неуязвимыми.

22 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Вот черт! – воскликнула Реджи, когда лезвие канцелярского ножа впилось в кончик ее большого пальца. Кровь пролилась на кусок гипсокартона, который резала Реджи, и создала нечто вроде теста Роршаха, который сначала был похож на божью коровку, а потом, когда кровь расплзлась дальше, стал напоминать омара. На долю секунды Реджи вернулась в свое старое тело и позволила себе получить извращенное наслаждение от боли, раствориться в ней с мыслью о том, что это сделает ее более могущественной.

– Идиотка, – пробормотала Реджи и направилась к кухонной раковине, чтобы промыть порез. Посмотрев в окно над раковиной, Реджи увидела передвижную станцию с тарелкой спутниковой антенны, стоявшую в начале подъездной дорожки. Оттуда шел человек с тяжелой камерой на плече. За ним следовала женщина с безупречной прической и толстым слоем косметики на лице. Журналисты продолжали приезжать, снимать дом во всех ракурсах и стучаться в дверь, которую Реджи и Лорен никогда не открывали. Телефон разрывался от звонков, но они воспользовались

автоответчиком.

Реджи задернула занавеску и осмотрела большой палец.

Обычно она была осторожна и тщательно следила за безопасностью. К счастью, порез был неглубоким.

У нее до сих пор оставался шрам от бритвы Тары: тонкая линия на задней части икры. Другие люди замечали ее и иногда задавали вопросы (Реджи каждый раз говорила, что неудачно упала с велосипеда). Были и другие шрамы на руках и ногах – более тонкие и незаметные. Призрачные шрамы, которые она замечала лишь время от времени.

Реджи продолжала резать себя до окончания средней школы. Она делала это тайно, как некоторые другие девушки, нюхавшие кокаин или делавшие минет незнакомым мужчинам. Это было болезненное пристрастие почти наркотической силы. Потребность ощущать контроль, фокусировать свой разум, когда он выписывал безумные и бессмысленные петли. Лишь когда она уехала из дома, смогла прекратить это: в Род-Айленде она начала новую жизнь и чувствовала себя другим человеком, девушкой без прошлого.

И вот теперь она вернулась к тому, с чего начинала. Ее кожа зудела от старых, знакомых впечатлений, желание сделать порез было очень сильным. И канцелярский нож как раз лежал рядом. Было так просто взять его, провести лезвием по коже...

Реджи завернула кран и прижала к большому пальцу бумажное полотенце, когда в кармане ее джинсов завибрировал мобильный телефон. Она достала его: снова звонил Лен.

Реджи ответила на звонок.

– Привет, – сказала она.

– Реджи? О господи, я весь извелся от беспокойства! Почему ты не позвонила? Ты не получала мои сообщения?

– Извини, но тут все развивалось в безумном темпе. Я собиралась позвонить, но не...

– Ты вернулась домой, да? Обратно, в Брайтон-Фоллс?

– Да, – ответила она. Из ранки на большом пальце продолжала сочиться кровь. Реджи потянулась за новым бумажным полотенцем и зажала порез указательным пальцем. – Лен?

– Да?

– Я могу тебе кое-что рассказать? Что-то, о чем я никому не рассказывала?

– Ну конечно.

Реджи собралась с силами. Ей хотелось отступить и придумать какую-

нибудь новую ложь, но она уже зашла слишком далеко. Если она расскажет, секрет выйдет наружу и больше не будет обладать прежней властью над ней. Может быть, тогда ее кожа перестанет зудеть, и она больше не будет с тайной тоской смотреть на лезвие канцелярского ножа.

– Когда я была девочкой, резала себя бритвой. Специально.

– Понятно, – ровным, спокойным голосом отозвался он.

– Я пользовалась опасной бритвой и никогда не резала глубоко, только для боли, чтобы пошла кровь. Я начала примерно в то время, когда заварилась эта каша с Нептуном. Когда все начало разваливаться, когда вокруг были один лишь страх и насилие. Порезы давали ощущение порядка. Спокойствия.

Лен немного помолчал.

– Выглядит совершенно разумно, – сказал он. – Конечно, все это ужасно, и мне правда жаль, что тебе пришлось столько испытать, но я понимаю. Хотя должен спросить: почему ты сейчас говоришь мне об этом?

– Потому. Я не могу сказать никому другому. *В этом-то и дело.* – Реджи хотелось, чтобы Лен понял это, чтобы до него на самом деле дошло, что она имеет в виду. – Ты – единственный человек, которому мне хотелось поведать свои поганые мелкие секреты. Я была не права, когда не сказала тебе, что моя мать нашлась. Теперь я это понимаю, и мне очень, очень жаль.

– Все нормально, – сказал он.

– Нет, не нормально. Я переживаю, что сделала тебе больно. Ты – мой единственный настоящий друг, Лен. Самый близкий человек на свете. Я не собираюсь делать вид, будто знаю, как определить наши отношения, но могу обещать, что всегда буду готова жить с тобой. Я люблю тебя, Лен. Своей жалкой, мелкой любовью, но я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – сказал он.

– Не могу представить, что потеряю тебя, – сказала она и закусила губу.

– Знаю, – отозвался он. – Я тоже не могу представить себя без тебя.

Они немного помолчали.

– В новостях сказали, что Нептун вернулся и что они нашли еще одну руку.

– Он забрал мою старинную подругу Тару. Моя тетя наняла ее как сиделку для ухода за мамой. Думаю, Тара что-то обнаружила, стала копать в разных местах и подошла слишком близко.

– Боже! – произнес Лен. – Думаю, мне нужно приехать. Я могу собраться за десять минут и выйти за дверь...

– Нет, – быстро перебила Реджи, глядя на пропитанное кровью бумажное полотенце. – То есть спасибо, но... нет. Не надо. Я не смогу вынести такое столкновение между своей прошлой и нынешней жизнью. И в любом случае ты ничего не сможешь поделать. Я правда в полном порядке.

– Судя по голосу, это не совсем так. – Его голос был хрипловатым и сочувственным, и Реджи вдруг захотелось оказаться в его объятиях.

– Здесь приходится нелегко, – призналась она.

Лен что-то пробормотал, соглашаясь с ней. Потом его голос зазвучал громче:

– Ты всю жизнь убегала от этого места и от всего, что там случилось.

– Но теперь я здесь, в самой гуще событий. В некотором смысле я чувствую себя так, будто никуда не уезжала. Или так, словно я шагнула назад во времени и вернулась в детство. – Она расковыряла порез на большом пальце, который открылся и начал кровоточить.

– Как это ни мучительно, я знаю, что это полезно для тебя, – сказал Лен. – Ты встретишься со своими демонами, но в итоге станешь сильнее.

Реджи вздохнула.

– Кстати, о демонах: сегодня я собираюсь встретиться со старым сукиным сыном, которого зовут Бо Бэрр. Он ухаживал за моей мамой, когда она училась в средней школе. Раньше он был автомобильным дилером и продавал «форды». Он скользкий, как угорь, настоящий мешок с дерьмом.

– Почему ты собираешься нанести ему визит?

– Потому что он был одним из последних людей, которые видели мою маму перед ее исчезновением. Нам удалось связать его с автомобилем, на котором уехала моя мама за день до пропажи. Я видела это своими глазами. Если он что-то знает, мы выясним это.

– Мы?

– Чарли подвезет меня к нему. Бо Бэрр – это его дядя.

– Минутку, *тот самый* Чарли? Предмет неразделенной подростковой влюбленности?

Реджи снова вздохнула. Возможно, она слишком много рассказала Лену о своем прошлом.

– Это было в другой жизни. Нам было по тринадцать лет. Теперь он скучный растолстевший мужик, который начинает лысеть и торгует недвижимостью. Но он так же сильно хочет найти Тару, как и я.

– Это полная лажа, Реджи. Ты серьезно разъезжаешь по городу в поисках серийного убийцы?

– Я буду осторожна, – сказала Реджи. – Послушай, Чарли может

приехать в любую минуту. Мне нужно идти. Позвоню попозже, ладно?

– Обещаешь? – спросил он. – Потому что, если ты не позвонишь, я приеду туда.

– Обещаю, – ответила Реджи и отключилась, прежде чем он успел сказать что-либо еще.

22 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Где Лорен? – Реджи спустилась на кухню, где обнаружила Джорджа, который мыл посуду. Его одежда была мятой, глаза припухли и покраснели. Он выглядел так, словно не спал несколько дней.

– Она пошла прилечь. Твоя подруга ушла?

Реджи кивнула.

Джордж вынул затычку из раковины, и мыльная вода с журчанием устремилась в слив.

– Твоя тетя невысокого мнения о ней. Боюсь, Лорен отталкивает ее чувство стиля. Вся эта чернота, кружева и английские булавки.

Реджи пожала плечами.

– По крайней мере у Тары есть чувство стиля.

Она оставила невысказанным продолжение своих мыслей: «Не то что у Лорен с ее старым и вонючим рыбацким жилетом». Ей не хотелось ранить чувства Джорджа – он явно одобрял рыбацкий жилет, может быть, даже находил его привлекательным. Она похвалила себя за то, что вовремя остановилась. От мысли о том, что у Джорджа и Лорен есть тайная связь, Реджи начинало подташнивать.

Джордж улыбнулся.

– Вы нашли что-нибудь интересное на чердаке?

Он испытующе посмотрел на нее, и на долю секунды ей показалось, что ему все известно о бритвах и порезах. Ногу дергало от боли, и Реджи опасалась, что кровотечение возобновилось. Тара явно перестаралась. Теперь порез был накрыт марлевой подушечкой и заклеен бактерицидным пластырем, неприятно оттягивавшим зудящую кожу.

– Почти ничего, – ответила Реджи, глядя в сторону.

– Присядь-ка, – предложил Джордж и отодвинул стул от кухонного стола. Она уселась напротив него. Он долго смотрел на нее, потом поднял очки и потер лицо влажными, сморщенными от мыльной воды ладонями. Аккуратно вернув очки на место, он снова уставился на Реджи. Его глаза были большими и печальными.

– Реджи, твоя мама...

– Я знаю. Ее захватил Нептун, и полицейские нашли ее руку. Я знала еще до того, как узнала Лорен: когда услышала описание руки. Я даже ходила в полицию.

Глаза Джорджа за стеклами очков распахнулись еще сильнее.

– Вот как? Лорен знает?

Реджи покачала головой.

– Она убьет меня. Пожалуйста, не говори ей.

Джордж слабо улыбнулся.

– Значит, это будет наш секрет.

Они еще немного помолчали, шаркая ногами по полу. Реджи посмотрела вниз и увидела, что линолеум засыпан крошками.

– Реджи, – сказал Джордж. – Если тебе нужен кто-то, чтобы поговорить... о твоей маме... то есть...

– Спасибо, – сказала Реджи и встала, как будто куда-то спешила. Джордж вроде бы испытал облегчение от того, что она не собиралась немедленно воспользоваться его предложением.

– Слушай, я тут думал поехать к себе домой и поработать над шкафом для Лорен. Просто хорошо будет чем-то заняться и поработать руками, чтобы отвлечься от всего этого. Хочешь, поедем со мной? – предложил он и приподнял брови. Иногда Джордж напоминал Реджи добродушного пса, которого не могут коснуться никакие разочарования. Ей это нравилось гораздо больше, чем пронизывающий, рентгеновский взгляд, которым он недавно смотрел на нее.

Она кивнула и пошла за ним к автомобилю.

– Чудесный вечер, – сказал Джордж.

В воздухе пахло свежескошенной травой и мясом, жаренным на гриле; один из соседей устроил пикник перед домом. Аромат мяса на углях тяжелой волной нахлынул на Реджи, но почему-то вместо аппетита она почувствовала тошноту. Реджи была уверена, что за этим ароматом ощущается слабый запах ее собственной крови, сочившейся из пореза. Реджи прислонилась к автомобилю Джорджа и сделала несколько вдохов и выдохов, прежде чем сесть внутрь.

* * *

Джордж заметно продвинулся в работе над шкафом. Верх, низ и боковины были уже готовы, но лежали рядом на лоскутном одеяле,

постеленном на полу подвала, в ожидании сборки.

– Хочешь увидеть что-то классное? – спросил Джордж, блеснув глазами.

– Ну конечно.

Он протянул руку к днищу шкафа: небольшой платформе из шлифованного дуба с декоративной резной лепниной по краям. Потом он надавил снизу, и платформа открылась, словно дверца.

– Это тайное отделение, – сказал он. – Оно не входило в первоначальный план; я сам добавил его. Как думаешь, ей понравится?

Реджи улыбнулась. Это и в самом деле было классно. Тем не менее ей было трудно представить, для чего Лорен может пользоваться таким тайником, разве что для самых особенных, секретных и изысканных приманок для ловли форели?

– Потрясающе, – сказала Реджи, глядя на выдвижной ящичек. – Можно задать тебе вопрос?

– Давай.

– Ты и Лорен... вы вместе?

Джордж закрыл потайную дверцу.

– В некотором смысле, – наконец ответил он, не глядя на Реджи.

– Что это значит?

– Это значит, что мы двое взрослых людей, которым приятно проводить время друг с другом.

– Но вы же не собираетесь пожениться, правда?

Джордж издал фыркающий смешок.

– Святые небеса, нет, конечно! Думаю, нас обоих устраивает наше нынешнее положение.

– Но почему вы скрываете это от других?

– То, чем мы занимаемся, не касается никого, кроме нас самих.

– А моя мама знает?

– Не уверен.

– Значит, ты ей не говорил. Ты никогда не рассказывал ей об этом?

– Нет. Почему я должен был это делать? Я не нуждаюсь в разрешении Веры на личную жизнь.

Реджи рассмеялась.

– Знаешь, она думала, что ты постоянно приезжаешь только из-за нее. Она сама так говорила. Сказала, что ты приглашал ее на свидания, но потом добавила, что ты не принадлежишь к ее типу мужчин. Она считала, что ты мрачноватый и несчастный.

Джордж немного поморгал.

– Да, я предлагал ей провести время со мной. Но это были не свидания! Мы держались как старые друзья.

– Думаю, она смотрела на это по-другому, – сказала Реджи.

Джордж вернулся к потайному отделению шкафа, открывая и закрывая его без какой-либо надобности.

– Никогда нельзя точно знать, о чем думают другие люди, верно? – спросил он.

Это еще мягко сказано.

– Пожалуй, да, – ответила Реджи.

– Окажи мне услугу, – сказал Джордж, решивший вернуться к делу. – Возьми мерную ленту, угольник и карандаш. Мы вырежем заготовки для дверей.

Реджи подошла к верстаку с аккуратными рядами инструментов и взяла 25-футовую мерную ленту, металлический угольник и плотницкий карандаш с прямоугольным грифелем.

Джордж положил шестифутовую дубовую плашку на козлы для распилки.

– Разметь на 63 и 5/8 дюйма, – попросил он. Реджи измерила доску и сделала карандашную отметку с левой стороны, потом повторила ту же операцию для правой стороны. Потом она приложила угольник и провела ровную линию, соединявшую две отметки. Реджи хотелось, чтобы все в ее жизни было бы таким же простым и разумным. Если бы только инструменты и измерения помогли найти мать... Слова Тары эхом отдавались в ее голове: «Смысл в том, что мы должны стараться, верно? Если мы прекратим поиски, то все будет кончено».

– Хорошо, – сказал Джордж. – Хочешь попилить?

Реджи кивнула и потянулась за прозрачными защитными очками.

– Джордж, – сказала она, когда надела очки. – Моя мама что-нибудь говорила тебе о новой пьесе, в которой она играла? Название театральной студии или что-то еще?

Джордж покачал головой и помедлил с ответом.

– Есть вещи, о которых ты не знаешь. Мы с Лорен считаем, что тебе пора узнать о них. После... исчезновения твоей матери... в общем, после этого много вещей должно всплыть на поверхность. И я предпочитаю, чтобы ты услышала это от меня, а не прочитала в газете.

Джордж выпрямился и повернулся к Реджи.

– Каких вещей? – спросила она.

– Редж, твоя мать не выступала на сцене с тех пор, как забеременела тобой.

– Что? – ошеломленно пробормотала Реджи. Она уставилась на него через шероховатые пластиковые линзы защитных очков. Внезапно она почувствовала, что попала под воду и быстро тонет.

Джордж ошибался. Он не мог не ошибаться. Вера годами играла в театре, и поэтому все время была так занята.

– Но она репетировала пьесу в Нью-Хэйвене. С Кроликом...

Джордж покачал головой.

– В Нью-Хэйвене нет театра. Возможно, никакого Кролика тоже нет, а если он и существует, то работает не режиссером.

Сердце Реджи сильно стучало в груди. Ей хотелось заткнуть здоровое ухо, топнуть ногой, как малыш, который устраивает сцену, и отказаться слушать. Вместо этого она кашлянула и робко спросила:

– Но что же она делала, если не репетировала?

Джордж вернулся к верстаку, установил отрезную дисковую пилу и выровнял режущую кромку по линии, которую провела Реджи.

– Точно не знаю. Думаю, в основном пила в барах. Проводила время со своими друзьями. С *бойфрендами*. – Он желчно выплюнул последнее слово, его тон был таким же ханжеским и нетерпимым, как у Лорен.

– Ох, – только и сказала Реджи, как будто налетела на препятствие.

Она подумала о грязной раскуроченной комнатке в мотеле «У аэропорта», о тараканах и пачке презервативов. Дыхание стало мелким и учащенным. Слезы жгли глаза, и пластиковые стекла очков начали затуманиваться.

Все, что Реджи до сих пор знала о своей матери, было абсолютной ложью. Этой ложью ее пичкали год за годом, считая, что нужно защитить девочку от горькой правды.

– Начинай резать, Редж, – сказал Джордж.

Реджи включила пилу и повела режущий край вдоль линии, с мерным скрежетом вгрызаясь в дерево. Когда работа была закончена, Реджи выключила пилу и отступила в сторону. Она сняла очки и протерла глаза.

– Твоя мать замечательно выглядела на сцене, Реджи. Мне бы очень хотелось, чтобы ты увидела ее тогда. У нее был... эффект присутствия. Правда, это было волшебно. Мы с Лорен до сих пор говорим об этом. И о том, что могло бы случиться, если бы она продолжала выступать, если бы не оставила все на полпути.

«Ты имеешь в виду, если бы она не забеременела, – подумала Реджи. – Если бы не родилась я».

Она с каждой секундой чувствовала себя все хуже. Нога болезненно пульсировала, повязка на ощупь была влажной и липкой. Но где-то за

болью на поверхность начала пробиваться другая мысль. Нечто, постепенно вызревавшее в течение всего вечера и теперь требовавшее выхода.

– Мы кое-что нашли на чердаке, – сказала Реджи. – Старую театральную программу за осень 1970 года. Она играла в пьесе «Суровое испытание» в маленьком театре в Хартфорде.

Джордж установил на козлы другую дубовую плашку для разметки. Он повернулся и безучастно посмотрел на Реджи.

– По-моему, я не видел эту постановку.

– Но все говорят, что той осенью она была в Нью-Йорке, а потом вернулась в «Желание Моники». Это тоже ложь, да?

Джордж вздохнул.

– Она была в Нью-Йорке. Уехала туда сразу после окончания средней школы. Но потом, в конце следующего года, она вернулась.

– Почему? – спросила Реджи.

Джордж снова вздохнул.

– Наверное, я могу тебе рассказать, раз уж мы сегодня вытаскиваем все скелеты из шкафа. Ее попросил вернуться Бо Бэрр. Он устроил ее в маленькой квартире, обещал развестись со своей женой и жениться на Вере.

Голос Джорджа был немного сердитым, но Реджи не могла понять, на кого направлено его недовольство.

– Бо? Дядюшка Чарли?

– Он всегда был влюблен в Веру. Еще с начальной школы. Так или иначе, совместная жизнь не удалась. Довольно скоро он бросил ее и вернулся к своей жене.

– Но, если той осенью она жила с Бо, это значит...

Джордж смотрел на нее с непроницаемым выражением лица, и она не осмелилась закончить фразу.

* * *

Реджи изо всех сил крутила педали, пока ехала к центру города, где находился дилерский автосалон Бо Бэрра. Она приехала вся в поту и запыхавшаяся; забинтованный порез на ноге жгло как огнем.

– Ты еще слишком юная, чтобы покупать автомобили, а, Реджина? – Бо скептически посмотрел на Реджи, когда она вошла в салон. Он прислонился к новенькому пикапу F-150 цвета яблока в карамели,

блестевшему как новогодняя игрушка. Его костюм был пыльно-серого цвета; ткань изнашивалась и местами засалилась. Другой продавец, сидевший за столом в углу, лишь на мгновение оторвался от документов, разложенных перед ним, и вернулся к работе.

– У меня есть несколько вопросов, – сказала Реджи. Она остановилась перед Бо, глядя, как он снисходительно, почти пренебрежительно улыбается ей сверху вниз. Эта улыбка говорила, что Реджи ничего не значит для него. Она находилась так близко, что могла слышать его дыхание, видеть волоски в носу и желтое пятно на воротнике белой рубашки. К его галстуку прилипло нечто похожее на виноградное желе. Бо облизнул губы, прикоснувшись языком к пышным усам.

– Насчет осени 1970 года, когда моя мать вернулась из Нью-Йорка.

Уголки его рта слегка дернулись, и улыбка померкла.

– Пойдем в мой офис. – Бо взмахнул длинной, тяжелой рукой. Она помнила слова своей матери о том, что в средней школе он был звездой футбола. Вера упомянула об этом, когда они увидели его по телевизору в тупой рекламе с костюмами цыплят. Он собирался стать профессиональным футболистом, но перед окончанием школы сильно повредил колено.

Реджи последовала за ним через выставочный зал, в большой кабинет с длинным зеркальным окном над помещением салона. Стол Бо был завален бумагами. Там стояли фотографии в рамках: Стю Бэрр, его жена и Сид Бэрр. Был еще один снимок – Бо и Стю на яхте, державшие огромную рыбину с длинным остроконечным рылом, наверное, марлина. Они выглядели молодыми, загорелыми и счастливыми. На заднем плане виднелись молодые женщины, возможно, их жены или подруги, с которыми они встречались еще до того, как познакомились со своими женами. Взгляд Реджи переместился на памятные таблички с надписями «Автомобильный дилер года», развешанные на стенах. Письма в рамках, где благотворительные организации благодарили Бо за неоценимую помощь в сборе средств на всевозможные цели: от лечения рака до спасения реки Коннектикут от загрязнения.

Бо уселся в мягкое кресло с подлокотниками, стоявшее за столом. Реджи осталась стоять.

– Что она сказала? – спросил Бо. Его большое, мясистое лицо заметно покраснело.

– Кто?

– Твоя мать. Что бы это ни было, ты можешь быть уверена, что в этом нет ни крупицы правды.

– Она мне ничего не рассказывала.

«Если бы, – подумала Реджи. – Если бы она достаточно доверяла мне, чтобы сказать правду. Не только она, но и Джордж, и Лорен. Они относились ко мне как к фарфоровой кукле, слишком хрупкой, чтобы выдержать вес правды».

Может быть, они были правы. Может, так оно и было.

Она уже ощущала, как образуются мелкие трещинки, которые трутся друг о друга и раскрываются в том месте, где Тара провела лезвием бритвы по ее коже. Пот, затекавший в порез, обжигал, как кислота.

– Тогда кто тебе рассказал? – нахмурился Бо.

– Не имеет значения. Важно то, что я слышала.

– И что ты слышала?

– Что моя мать вернулась из Нью-Йорка осенью 1970 года, чтобы быть вместе с вами. Что вы сняли для нее квартиру, обещали развестись с вашей женой, а потом бросили мою маму. Это правда?

Его лицо из розового стало багровым.

– Тебе лучше уйти, Реджина. Ты не имеешь права приходить сюда и разговаривать со мной таким тоном.

– Но это правда?

Он с силой провел рукой по усам, словно стряхивая хлебные крошки.

– Вы – мой отец? – резко спросила Реджи. Она не могла поверить, что сказала это вслух, но это произошло, и теперь обратного пути не было. Она наклонилась вперед и уперлась руками в край стола, пытаясь найти в его лице хоть какие-то признаки семейного сходства.

Теперь лицо Бо приобрело свекольный оттенок и взмокло от пота.

– Твой отец... – Бо запнулся.

– Мне от вас ничего не нужно. Я только хочу...

Чего она хотела на самом деле? Извинения? Какого-то объяснения, которое поможет ей понять, почему все взрослые люди в ее жизни нагромождали одну сладкую ложь на другую, наподобие тошнотворного торта, который по их замыслу должен был заставить Реджи чувствовать себя счастливой и любимой, но втайне был пропитан ядом.

– Твоим отцом мог быть кто угодно! – произнес Бо, и его слова поразили Реджи, как удар стрелы в грудь.

– Но, если моя мать жила с вами...

– Твоя мать была шлюхой, Реджина. – Он выплюнул эти слова с непередаваемым гневом и отвращением. – Разве ты до сих пор не поняла этого?

Реджи смотрела на Бо с растущим комком в горле. Она отпустила край

стола и попятилась на нетвердых ногах. Боль в икре пульсировала и усиливалась с каждым ударом сердца. Реджи посмотрела вниз и увидела кровь, сочившуюся через тренировочные штаны, как несмываемое клеймо той, кем она была на самом деле: девочкой-ублюдком, которая резала себя и имела шлюху вместо матери.

– Она позволяла каждому, кто покупал ей джин, просунуть себе между ног.

Теперь уже Реджи залилась краской. У нее кружилась голова и подгибались колени. Реджи хотелось мгновенно исчезнуть, улететь облачком дыма, как это бывает с девушками на шоу иллюзионистов.

– Хочешь знать правду, юная леди? Вот тебе правда: она жила со мной, когда вернулась в первый раз, но это продолжалось недолго. Это закончилось сразу же после того, как я узнал, что ей нужно на самом деле. Что она уходит по ночам и спит с другими мужчинами. У нее это было как болезнь. Это желание, эта *потребность*, чтобы ее любили, чтобы ею восхищались, чтобы мужчины сражались за нее, как проклятые кобели! – Глаза Бо сверкали. – Вот что ее убило.

Реджи отступила еще на шаг и покачнулась.

– Она не умерла. Еще нет.

Бо прищурился, как будто она находилась очень далеко и приходилось прилагать усилия, чтобы разглядеть ее.

– Мне жаль тебя, Реджина. Правда, жаль. Потому что ты родилась от этой женщины, и ее кровь течет в твоих жилах. Не знаю, кто твой отец, но это не я. Она сама мне сказала.

– Она сказала, кто это был?

Боб издал глубокий, утробный смешок и покачал головой.

– Сомневаюсь, что она вообще знала, кто был твоим отцом. Это мог быть кто угодно. Один из этих актеров или водитель грузовика, который проезжал мимо. Я совсем не удивлюсь, если узнаю, что Вера спуталась с самым дьяволом, будь он проклят.

22 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Как она? – спросил Бо. Его нижняя губа немного дрожала. – Как твоя мать?

Реджи смотрела на старика, сидевшего перед ней. Трудно было представить, что это тот самый Бо Бэрр, который отчитал ее в автосалоне двадцать пять лет назад – массивный, дородный и краснолицый.

Чарли сказал, что у его дяди Бо недавно диагностировали рак поджелудочной железы и что ему давали не более полугода жизни. Даже если этот человек был убийцей в 1985 году, Реджи не верила, что сейчас ему хватило бы сил и энергии, чтобы начать заново.

Реджи казалось странным совпадение, что ее мать и Бо умирали от рака. Жизнь развела их в разные стороны, но теперь они оба были старыми и слабыми, настолько похожими, что у Реджи шли мурашки по коже.

– Странно, что вы спрашиваете об этом, – сказала Реджи. – Потому что в последний раз, когда мы говорили о моей матери, вы совсем не были озабочены ее благополучием.

Время не лечит все раны. Иногда они продолжают гноиться.

Бо кивнул и отвел глаза. У него потекло из носа, и он утерся грязной салфеткой.

– Вам известно, что я умираю? Мой племянник сказал вам?

Реджи скрипнула зубами. Она отказывалась жалеть его.

– Я сказал ей, дядя Бо, – вмешался Чарли. Он сидел рядом с Реджи на кожаном диване в домашнем кабинете Бо. Чарли надел джинсы и футболку с принтом «Роллинг Стоунз», которая выглядела совершенно новой, как будто он только что приобрел ее в музыкальном отделе торгового центра, когда зашел туда за струнами для гитары. Футболка была немного мала и подчеркивала его выпирающий живот. По пути к Бо Чарли сказал Реджи, что поставил новые струны на свою старую гитару и играл на ней до полуночи. Он даже показал покрасневшие мозолистые пальцы.

Фрэнси, жена Бо, которая встретила их у входа, сказала, что Бо уже ждет. Чарли договорился о встрече по телефону и сообщил Бо, что у них есть кое-какие вопросы.

Дом Бэрров был просторным одноэтажным особняком с изогнутой стеклянной стеной и лепными украшениями. Реджи помнила, каким огромным и причудливым он казался, когда они были детьми. Теперь лепнина выкрошилась, стеклянные панели покрылись сколами и помутнели. На заднем дворе был плавательный бассейн, который Реджи видела из окна кабинета: бетон растрескался, а внутри плескалась темно-зеленая склизкая вода. Слева от бассейна находился гараж с маленькой квартирой в жилой надстройке, где когда-то останавливался Кролик.

Бо шумно откашлялся и выплюнул в салфетку что-то серое и густое. У Реджи засосало под ложечкой.

– Чего вы хотите? – тихо спросил он. Его стол с большой крышкой из цветного стекла занимал треть комнаты. Он был покрыт грязными салфетками, заставлен чашками холодного чая, а в углу лежали две

туристические брошюры из Мексики.

Реджи перешла к делу.

– Мы поговорили с Кроликом. Мы знаем, что он останавливался здесь, когда пропала моя мать. Вы были его поручителем в Обществе анонимных наркоманов и работали с ним по программе «Второй шанс». И мне совершенно точно известно, что в тот вечер моя мать села в светло-коричневый автомобиль с разбитой задней фарой. За рулем были вы?

Она боролась с искушением наклониться и как следует встряхнуть старика; снова и снова хлестать его бледное, больное лицо в стиле гангстеров 1940-х годов – *«Говори, грязная крыса!»* – и в конце концов выбить из него правду. Тара пребывала где-то во тьме, ожидая, когда за ней придет Нептун.

Бо вздохнул.

– Знаете, моя жена Фрэнси заслужила медаль. Она мирилась со мной все эти годы. Заботилась обо мне и о Сидни.

Реджи скривилась, когда услышала имя Сида. Был ли хотя бы один день, когда она не вспоминала о нем?

Двадцать пять лет вины смешались с кислотой в ее желудке, заставляя ерзать на кушетке в попытках устроиться поудобнее. Реджи повернулась к Чарли: тот сидел с каменным лицом. Как он справлялся все эти годы, как жил с тем, что они наделали? Сид был его двоюродным братом. Они жили в одном городе. В отличие от Реджи, Чарли никуда не убежал. Он нашел способ жить с тем, что они сделали, встречаться с этим лицом к лицу на каждом семейном собрании.

Она вспомнила свой давний сон о том, как нашла Веру размером с жучка, приколотую булавкой в коробке вместе с коллекцией тараканов. Сейчас Реджи чувствовала себя одним из этих насекомых, пойманных и помещенных под стекло.

– Но вы знаете, что говорят люди, – продолжал Бо. – Первая любовь – самая крепкая. Может быть, это правда.

Реджи ощутила прилив крови к лицу и уставилась в пол, не желая встречаться взглядом с Чарли. Хотя она больше не испытывала никаких чувств к мужчине, который сидел рядом с ней, какая-то часть ее по-прежнему тосковала по мальчику, пахнувшему свежескошенной травой и бензином.

Реджи вспомнила крошечную кукольную туфельку, которую Тара забрала из дома Андреа Макферлин и с тех пор носила с собой. Подумала о двух маленьких дочерях Андреа, теперь взрослых женщинах. Оставалось лишь гадать, научились ли они любить по-настоящему и испытывать

ощущение надежности и покоя в этом мире.

– Я был безумно влюблен в Веру, – сказал Бо. – Просто безумно. Но что бы я ни делал, что бы ни давал ей... – В его глазах блеснула сталь, и Реджи мельком увидела того мужчину, каким он был раньше. – ...этого было недостаточно. Вера отправилась в Нью-Йорк, а я женился на Фрэнси. Мы сделали свой выбор.

– Но вы просили ее вернуться, – сказала Реджи. – Вы сказали, что разведетесь с женой. Между вами не все было кончено.

Бо смотрел на стеклянную крышку стола.

– Это должно было кончиться.

Приходилось ли Реджи когда-нибудь любить так сильно? Чарли... но это была детская влюбленность. Честно говоря, Лен был прав: у Реджи никогда не хватало смелости любить кого-то до самого конца.

– Это были вы? – обратился Чарли к своему дяде. – Вы были Нептуном?

Лицо Бо презрительно скривилось. Он кашлял и харкал еще минуту, потом достал из коробки новую салфетку.

– Нет. Я не убийца. Я был наркоманом, я изменял своей жене, черт побери, я даже жульничал с налогами, но я никогда не поднимал руку на женщину.

– Вы брали автомобиль Кролика в тот вечер? – спросила Реджи. Она подалась вперед и затаила дыхание.

Бо медленно кивнул и опустил глаза.

– Вера позвонила мне из кегельбана. Сказала, что ее подставили и ей нужна машина. Я посоветовал ей взять чертово такси, но она сказала, что у нее осталось восемнадцать центов. В конце концов, я поехал. Я не хотел, чтобы кто-то узнал меня в ее обществе, поэтому оставил свою тачку дома и взял автомобиль Кролика. Он даже не знал об этом.

– Так что случилось? – спросил Чарли. – Что она сказала? Куда вы поехали?

– Сначала мы ездили кругами. Вера много курила и сильно нервничала. Мы миновали закусочную со сквозным проездом, взяли бургеры и кофе. Я спросил насчет парня, который ее кинул, и она ответила, что все это очень серьезно и он предложил ей выйти за него замуж. По ее словам, это был настоящий джентльмен, кто-то важный и с деньгами. Она хотела знать, могу ли я представить ее замужней женщиной.

– И что вы сказали? – спросила Реджи.

Бо презрительно фыркнул.

– Сказал правду. Ей это не понравилось.

Реджи вспомнила ту ночь, когда ее мать свернулась рядом с ней в постели. *«Будем вести нормальную, спокойную жизнь. Тебе ведь это понравится, верно, милая?»*

– Что произошло потом? – спросила Реджи.

– Я высадил ее у «Взлетной полосы». Хотел пойти с ней и купить ей выпить, но она отказалась. Это был последний раз, когда я видел ее.

– В полиции так ничего и не узнали? – спросил Чарли. – Даже не догадались, что в том автомобиле был ты?

Бо улыбнулся, показав пожелтевшие зубы.

– Ты же знаешь своего отца, Чарли. Он был очень хорошим, может быть, даже великим копом. Но он был верен своей семье. Он знал, что это я забрал Веру из кегельбана и отвез ее в тот вечер во «Взлетную полосу». Черт возьми, ему понадобилось немного времени, чтобы понять это. На следующее утро он уже явился ко мне с вопросами. Но он замял дело. Он знал, что я не убийца. Точно так же, как знал, что ты никому умышленно не причинишь вреда, верно, Чарли?

Чарли смотрел в пол.

Вот так. Все эти годы Реджи гадала, знал ли Бо, что на самом деле произошло в тот вечер с Сидом. У нее голова шла кругом. Неужели Стю удержал Бо от обвинений в их адрес, скрыв тот факт, что Бо сидел за рулем пресловутого светло-коричневого автомобиля?

– Люди совершают ошибки, – сказал Бо. – Твой отец понимал это. А еще он понимал, что некоторые ошибки могут разрушить целую жизнь. И, по возможности, прилагал все силы, чтобы этого не случилось.

* * *

Они оставили Бо в его кабинете и сказали, что сами найдут выход. Бо снова начал кашлять и жестом попросил их выйти, когда Фрэнси пришла с баночкой таблеток и стаканом холодной воды. Они помедлили в прихожей, разглядывая фотографии Бо, Стю, Сидни и Чарли, которые выглядели невероятно молодыми и счастливыми, словно предстоящая жизнь была сплошным замечательным приключением.

– Ты веришь ему? – спросил Чарли, проведя рукой по редющим волосам.

– Да, верю, – ответила Реджи.

– Я тоже, – сказал он.

– Так или иначе, мы не приблизились к разгадке.

– Если она существует, – заметил Чарли. – Я хочу сказать, все это выглядит как цепь случайностей. Возможно, Нептун был не тем человеком, который хотел жениться, а просто приезжим, который в тот вечер встретился с ней в баре.

– Может быть, – с тяжким ощущением безнадежности признала Реджи. Если это случайность, у них действительно нет шансов найти путеводную нить, которая приведет к Таре до окончания срока.

Но загвоздка была в чем-то другом. Почему убийца забрал Тару? Зачем выходить из укрытия после двадцатипятилетнего перерыва и похищать другую женщину? Реджи могла предложить единственное логичное объяснение: так или иначе, Тара подошла слишком близко к разгадке.

Оставалось еще обручальное кольцо, которое сохранила Вера, с надписью *«Пока смерть не разлучит нас, 20 июня 1985 года»*. Оно до сих пор было главной уликой, связывавшей предполагаемого жениха с Нептуном.

Они прошли по коридору мимо передней гостиной, где перед большим телевизором стояло инвалидное кресло Сида. На экране шло какое-то игровое шоу, и участники вращали большое колесо рулетки.

Реджи застыла и затаила дыхание, глядя на сгорбленные плечи Сида и на длинные волосы, по-прежнему кудрявые и нечесанные, падавшие ему на шею.

– Я хочу поздороваться с ним, – тихо сказала Реджи.

– Лучше не надо. Он не узнает тебя. Он ничего не помнит.

Значит, вот как Чарли умудрялся жить со своей виной, ходить на семейные сборища и сидеть напротив Сида за столом с индейкой в День благодарения. Он внушил себе, что Сидни ничего не помнит, как будто от этого могло исчезнуть все остальное.

Реджи все равно вошла в комнату и оставила Чарли в дверном проеме: он стоял, засунув руки в карманы кожаного пиджака.

– Привет, Сид, – сказала Реджи и уселась перед инвалидным креслом на корточки. Сид открыл глаза и смерил ее мутным взглядом. Он сгорбился в кресле, удерживаемый тканым поясом, обернутым вокруг талии. Трубка катетера, выходявшая из его тренировочных штанов, тянулась к прозрачному пластиковому мешку, прикрепленному к боковине кресла. Мешок был почти наполнен темной мочой.

– Я – Реджи Дюфрен. Ты помнишь меня?

Сид дважды моргнул. На его чистую белую футболку покатались капельки слюны. Реджи положила ладонь на его руку и пожала ее. Рука была липкой и горячей.

– Если ты не помнишь, Сид, то мне очень жаль, – сказала Реджи. – Это был несчастный случай, но...

– Почему ты здесь? – спросил он. Речь стоила ему немалых усилий, и Реджи видела, как дергаются и напрягаются мышцы его лица и шеи, когда он произносил слова. Его речь была замедленной и скрипучей, как звук несмазанных дверных петель, но Реджи понимала его.

– Я только что навещала твоего отца.

– Бо-Бо. – Сид улыбнулся.

– Да, – сказала Реджи. – Твоего отца Бо. Они с моей мамой Верой были очень дружны в средней школе. В прошлой жизни, еще до того как он познакомился с твоей мамой.

Сид снова улыбнулся и повесил голову, но потом с усилием выпрямился, чтобы произнести новую фразу.

– Красивая баба, – сказал он, забрызгав слюной нижнюю губу.

– Твоя мама? Мне говорили, что она была красавицей.

Сид покачал головой.

– Не она, – медленно произнес он. – Та баба, которую украл Йоги.

* * *

Когда Реджи вошла в кухню, Лорен наливала себе чай.

– Хочешь? – спросила она и показала на вторую кружку.

– С удовольствием, – ответила Реджи. Она посмотрела, как тетя бросает в кружку пакетик «Липтона» и доликает горячую воду из чайника.

– Тебе звонила сестра Долорес. Она сказала, что уезжает с работы домой, но завтра перезвонит.

Реджи кивнула. Почему сиделка не позвонила ей на мобильный телефон? У нее были оба номера.

– Детектив Леви заезжал.

– Чего он хотел?

Лорен пожала плечами.

– Думаю, как обычно. Несколько минут он пытался поговорить с твоей матерью, но ты знаешь, как это бывает.

– О чем он ее спрашивал?

– В основном о Таре. А потом попросил сообщить ему любые сведения о Нептуне.

– Уверена, она была чрезвычайно общительна.

– По правде говоря, она спела ему песенку про торговца горячими

булками.

Реджи рассмеялась.

– Значит, Чарли Бэрр подвез тебя до дома? – спросила Лорен.

– Да, – ответила Реджи и вздрогнула, когда отпила горячего чая, который обжег ей нёбо.

– Ты часто встречаешься с ним.

– Мы старые знакомые, не более того, – сказала Реджи.

Она вспомнила футболку с принтом «Роллинг Стоунз» и свежий запах лосьона после бритья, исходивший от Чарли, когда они встретились. Неужели он надеялся превратить это в нечто большее?

Лорен кивнула и подлила молока себе в чай.

– Значит, у тебя есть мужчина, да?

– Нет, – слишком быстро ответила Реджи. – То есть да. Может быть. – Она надавила на чайный пакетик в своей чашке и повертела в пальцах этикету, прикрепленную к нитке крошечной скрепкой. Лорен улыбнулась.

– Плохо быть одной, Реджина.

Реджи кивнула. Она продолжала возиться со скрепкой и наконец раскрыла ее, но потом осознала, что делает, и убрала руку.

– Не знаю, что бы я делала без Джорджа. Он – мой спасательный трос... особенно сейчас.

Реджи сделала еще один глоток. Лорен и Джордж действительно составляли очень необычную пару, но каким-то образом идеально подходили друг другу. Оба были в каком-то смысле потерянными и неуклюжими – двое изобретательных неудачников. Джордж со своими утками, Лорен со своей рыбой. Сейчас мысль о том, что их отношения продолжались много лет, грела Реджи душу. Они никогда не помышляли о супружестве и даже жили порознь. Они изобрели свое определение романтических отношений: ужинали вместе несколько раз в неделю, Джордж возил Лорен к врачам и по магазинам, а она чинила ему одежду и заботилась о нем.

Может быть, они с Леном с годами станут жить так же? Каждый в своем отдельном пространстве, а вместе лишь тогда, когда оба испытывают потребность друг в друге?

Возможно, они с тетей были не такими уж разными.

Лорен поставила на стол свою чашку и повернулась к Реджи.

– Я рада, что ты здесь. Сама бы я не справилась со всем этим. Джордж помогает, как может, но он занят своей работой. Твое присутствие много значит для нас обоих. Джордж – мой родной человек, но ты и твоя мать... вы гораздо больше этого. Вы – кровная родня.

Лорен протянула руку, и Реджи осторожно пожала ее, ощутив ответное пожатие. Лорен кивнула.

– Спасибо.

Наверное, это были первые добрые слова, которые Реджи слышала от Лорен за долгое, очень долгое время. Но Реджи сама была виновата, разве нет? Она отгородилась от Лорен, вычеркнула ее из своей жизни и была жестока к ней с такой бездумной отрешенностью, на какую способны лишь девушки-подростки.

Внезапно Реджи почувствовала себя виноватой за мимолетные мысли о том, что Лорен может иметь какое-то отношение к Нептуну и что это она могла дать Вере вырезку с газетной статьей.

– Прости, что я так убежала на прошлой неделе, когда привезла маму домой.

Лорен кивнула.

– Я понимаю, что тебе было тяжело принять все сразу.

– И я прошу прощения за то, что после исчезновения мамы винила тебя. Ты не виновата. Просто я была в ярости и не находила себе места. Наверное, мне нужно было выплеснуть это на кого-то. Это было неправильно, что я уехала из дома и больше не возвращалась. Я просто не могла бороться с тем, что случилось. Не знала как. Это было трусливо, и теперь мне очень жаль.

Лорен наклонила голову, словно изучая носки своих туфель.

– Понимаю, – сказала она.

Они немного помолчали. Вдалеке завывала сирена.

– Сегодня я встретила с Бо Бэрром, – призналась Реджи, радуясь тому, что может сменить тему. – Мне казалось, что он мог быть Нептуном.

– С какой стати у тебя могла возникнуть такая мысль?

– Из-за того, что я однажды узнала от Джорджа. О том, как мама в первый раз вернулась из Нью-Йорка и жила с Бо. Потом я расспросила людей и узнала, что Бо был тем человеком, который забрал ее из кегельбана в последний вечер перед ее исчезновением. Он приехал к ней на чужом автомобиле.

Лорен поджала губы.

– Твоя мать и Бо... да, это старинная история. Господи, мне было так жаль его еще тогда, когда они учились в школе. Она обходилась с ним ужасно. С ними обоими. Морочила им голову и играла с ними, как с куклами.

– С кем?

– С Бо и с его младшим братом Стюартом.

– Подожди... мама встречалась со Стю? С отцом Чарли?

Лорен пожала плечами.

– Я точно не знаю, что и когда она вытворяла с каждым из них. Но в конце концов она сбежала в Нью-Йорк и оставила их обоих с разбитым сердцем.

* * *

Реджи нашла выпускной альбом своей матери на том самом месте, где Тара оставила его много лет назад: на крышке сундука на чердаке.

Реджи как будто слышала голос Тары: *«Она была красавицей. Ты похожа на нее»*.

Реджи взяла альбом и заглянула в трюмо. Манекены Веры маячили у нее за спиной, как старые, знакомые призраки. Теперь Реджи видела, что действительно похожа на мать. Глаза, скулы... Дочь была более темной версией матери – пресловутой черной овцой.

Реджи раскрыла альбом и перелистала его страница за страницей, читая примечания и автографы. Ближе к концу она нашла фотографию, которую пропустила раньше: Вера и темноволосый подросток с серьезным лицом, неловко обнимавшие друг друга. Вера склонила голову ему на плечо и выглядела довольной и умиротворенной. Рядом с фотографией была надпись, сделанная аккуратным мужским почерком:

«Не знать любви – твердить всем про любовь.

Путь истинной любви вовек не будет гладким.

Любовь – родня. Любовь – дьявол.

Нет другого злого духа, кроме любви^[26].

– Шекспир

Всегда и навеки,

Стю»

Внезапно цифры кодового замка повернулись, и все встало на свои места.

Стю.

Стюарт Бэрр, который возглавлял расследование. Который снял с крючка своего старшего брата. Человек, который мог действовать с позиции силы.

Реджи помнила, с каким ужасом отреагировала ее мать на лицо Чарли. Разве Чарли – не точная копия своего отца?

О боже. Все выглядело логично.

Реджи достала мобильный телефон и отправила в справочный центр запрос о номере телефона Бо Бэрра. Когда пришел ответ, она быстро набрала номер. Трубку взяла Фрэнси.

– Алло?

– Миссис Бэрр, это Реджи Дюфрен. Я надеялась поговорить с вашим мужем.

– Он отдыхает. Боюсь, ваш визит сильно утомил его. Он только что принял обезболивающее.

– Пожалуйста, это займет не больше одной минуты. Я не стала бы просить, если бы это не было важно.

Фрэнсис положила трубку, и Реджи услышала приглушенные голоса. Потом в трубке прорезался сонный голос Бо:

– Алло?

– Мистер Бэрр, это Реджи Дюфрен. Недавно вы кое-что сказали, и у меня возник вопрос.

– Что за вопрос? – Его язык немного заплетался.

– Вы сказали, что ваш брат пришел к вам на следующее утро после того, как вы попрощались с Верой. Вы уверены, что дело было утром?

Он хрипло закашлялся и с трудом прочистил горло.

– Да, рано утром. Думаю, сразу же после того как они нашли руку. Он с самого начала знал, что я высадил ее возле бара. Это он сказал мне, что рука принадлежит Вере.

Реджи могла представить лишь один вариант того, каким образом Стю стало известно, что его брат подвез Веру до бара «Взлетная полоса». Реджи охватил холодный озноб. Рука, державшая мобильный телефон, задрожала.

– Спасибо, мистер Бэрр. Берегите себя.

Реджи отключилась и нащупала крошечную скрепку от пакетика с чаем, которую она, сама не зная об этом, принесла с собой наверх. Она вонзила скрепку глубоко в кожу большого пальца.

День четвертый

Отрывок из книги Марты С. Пэккетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Это почти клише: после того как убийца предстает перед судом, его соседи и коллеги выражают полнейшее недоумение и говорят о том, «каким хорошим парнем он был». Он каждый день ходил на работу. Регулярно подстригал газон. Всегда выглядел дружелюбным. Он легко маскировался и вписывался в любую обстановку, поэтому все считали его абсолютно нормальным.

Я совершенно уверена, что точно так же говорили бы и о Нептуне.

Он – никто, и он же – любой из нас. Человек, мимо которого вы проходите на улице и сразу забываете о нем. Вероятно, у него есть дом, и он живет один. Он умный человек. Он терпелив и методичен. Вероятно, он хорош собой и даже обаятелен – нет никаких признаков того, что хотя бы одна женщина пыталась вырваться, когда он похищал их. Они шли за убийцей добровольно и доверяли ему до самого конца.

23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи остановилась перед домом Стю Бэрра и увидела пикап, стоявший на подъездной дорожке. Реджи сначала хотела позвонить, но потом решила, что неожиданный визит может оказаться более плодотворным.

Она лишь надеялась, что Стю не приготовил для нее никаких сюрпризов, таких как коврик, пропитанный эфиром, и хирургическая пила.

«Прекрати», – подумала Реджи.

Зазвонил ее телефон. Это снова был Лен. Она ответила в надежде на то, что его голос успокоит ее дрожь и придаст силы и мужества для того, чтобы постучать в дверь Стю.

– Ты так и не позвонила, – сказал Лен.

– Извини, – быстро ответила Реджи. – События развиваются слишком бурно. Думаю, я знаю, кто такой Нептун.

– Боже! Кто?

– Отец Чарли, Стю Бэрр. – Она посмотрела через улицу на аккуратный

небольшой дом в фермерском стиле и заметила внутри какое-то движение. – Он был главным следователем по делу Нептуна, а теперь выяснилось, что он встречался с моей мамой еще в средней школе. Кажется, он так и не смог отделаться от нежных чувств к ней. Думаю...

– Ты обратилась в полицию, Редж?

– Еще нет. У меня нет твердых доказательств. А поскольку он сам был полицейским, это немного осложняет дело.

– Послушай, – сказал Лен. – Я уже собираюсь к тебе.

– Что? Нет, я могу...

– Никаких возражений. Я буду на месте примерно через три часа, в зависимости от пробок. Ничего не предпринимай до моего приезда, ладно? Оставайся дома и запри все двери. Когда я приеду, мы решим, что делать дальше. Ты согласна?

– Хорошо, – отозвалась Реджи. Она подумала, что следовало бы рассердиться, но на самом деле она испытала облегчение.

– Ничего не предпринимай, Редж, – повторил он.

Она дала отбой, сосчитала до десяти, открыла дверцу автомобиля и перешла улицу. За коттеджем хорошо ухаживали: подъездная дорожка недавно была переложена, а дом выкрасили в бежевый цвет. Кусты были аккуратно подстрижены, опавшие листья собраны в кучки. Стю Бэрр не ленился после выхода на пенсию. Справа от входной двери находилась деревянная табличка с номером дома – 21. Реджи помнила, что ключ прятали в потайной нише за табличкой. Немного помедлив, Реджи нажала кнопку звонка и услышала за дверью собачий лай. Мелькнула мысль, что, возможно, будет лучше повернуться и убежать.

Но потом дверь медленно открылась, и Стю Бэрр посмотрел на Реджи. Ее поразило, как сильно он был похож на немного постаревшего Чарли. Фактически Стю можно было принять за старшего брата Чарли, а не за отца. Бульдожьих складки на щеках и валики жира на поясе бесследно исчезли. Стю был одет в футболку и спортивные шорты, обнажавшие рельефные мышцы. Седые волосы были коротко подстрижены, усы исчезли.

Правой рукой он удерживал за толстый кожаный ошейник большую немецкую овчарку. Пес продолжал лаять и рычать, тыкаясь носом в тонкую дверь-ширму.

– Чем могу помочь? – спросил Стю.

– Мистер Бэрр, я – Реджина Дюфрен. Дочь Веры.

Какое-то время он смотрел на нее через раздвижную ширму.

– Силы небесные, да, – произнес он. – Я слышал, что она вернулась

домой. Заходите, пожалуйста.

Он откинул задвижку и отступил в сторону, жестом предлагая войти. Собака продолжала рваться вперед, и Реджи помедлила.

– Не беспокойтесь, он вас не тронет.

Реджи неохотно раскрыла дверь-ширму и вошла в дом, держась спиной к стене и не сводя глаз с противника. Ее тело стало жестким и холодным. Пес продолжал рычать и скалить зубы. Реджи испытала странное покалывание в рубцовой ткани вокруг искусственного уха.

Она все еще ненавидела собак. Это был единственный страх, который она так и не смогла преодолеть.

– Аполлон! – твердо сказал Стю. – Иди на место.

Пес перестал лаять, опустил уши в знак согласия и потрусил в угол гостиной. Он походил вокруг клетчатой фланелевой подстилки, а потом лег и свернулся в удивительно маленький клубок.

– Умный пес, – сказала Реджи и выпустила воздух из легких, с запозданием осознав, что все это время удерживала дыхание. Она с ног до головы покрылась холодным потом.

– Он был полицейским псом, но немного состарился, так что ему разрешили выйти в отставку вместе со мной.

– Отлично, – сказала Реджи.

– Да, мы с ним отличная компания. Могу я предложить вам кофе? Я только что заварил целый кофейник.

– С удовольствием, – сказала Реджи. Она последовала за Стю на кухню и посмотрела, как он наливает кофе.

– Со сливками и сахаром?

– Нет, спасибо. Я предпочитаю черный.

– Давайте пройдем в гостиную, там будет удобнее.

Реджи взяла чашку кофе у Бэрра и прошла за ним в гостиную, где выбрала стул, стоявший подальше от Аполлона. Пес наострил уши и уставился на гостью.

– Он вас беспокоит? – спросил Стю. – Я могу запереть его.

– Нет, все в порядке. Просто я не уверена, что понравилась ему.

Стю улыбнулся.

– Собаки чуют страх.

Реджи отпила глоток слабо заваренного горького кофе и поставила чашку на стол.

– Чарли сказал, что вы купили яхту и ремонтируете ее?

– Да, на побережье. Она довольно раздолбанная, но я приведу ее в хорошую форму. Собственно, я сегодня собирался съездить туда и кое-что

покрасить.

Реджи кивнула, взяла чашку и отпила еще глоток. Стю смотрел на нее фирменным взглядом полицейского, для которого отставка была лишь формальностью. Точно так же Стю смотрел на Реджи двадцать пять лет назад, когда она пришла в полицейский участок и объяснила, что отрезанная рука со шрамами, по ее мнению, принадлежит Вере. Глаза Стю были суровыми и бдительными; они вбирали все до мелочей, но лицо оставалось бесстрастным.

– Так чем я могу помочь вам, Реджина? Полагаю, вы приехали сюда не для расспросов о моей яхте?

Реджи поставила чашку на стол и выпрямилась.

– Нет. Вы совершенно правы.

– Значит, речь идет о вашей матери?

Реджи кивнула. Стю выжидающе посмотрел на нее и спросил:

– Она что-нибудь вспомнила? Что-то важное?

Она покачала головой.

– Пока трудно сказать.

Стю отхлебнул кофе.

– Я кое-что нашла, когда разбирала вещи матери. Ее выпускной альбом из средней школы. Там была ваша с ней фотография и строки из Шекспира, написанные вами.

Стю плотно сжал зубы, но промолчал.

– Но она также увлекалась вашим братом Бо, верно?

– Это древняя история, – со вздохом сказал он.

Реджи улыбнулась.

– Но история повторяется, правда? Моя мать вернулась и какое-то время жила вместе с Бо.

– У нас с Верой все было кончено еще до того, как она вернулась из Нью-Йорка. Между нами больше не было никаких отношений.

– Значит, вы не встречались с ней перед ее исчезновением?

– Это не ваше дело, но ответ отрицательный.

– Но вы были в баре в тот вечер, не так ли? Во «Взлетной полосе»? Вы видели, как Вера вышла из автомобиля Бо, или же она сказала вам, что он подвез ее.

Стю смерил ее долгим, жестким взглядом, но потом его лицо расплылось в улыбке. Его зубы были настолько белыми и ровными, что Реджи подумала о чудесах протезирования.

– Боюсь, вы упустили свое призвание, Реджина. Вы можете быть архитектором мирового уровня, но вы стали бы чертовски хорошим

сыщиком.

Значит, Стю все эти годы следил за ее успехами? Реджи подумала о загадочных телефонных звонках, которые она регулярно принимала после отъезда из дома, значит, на другом конце линии находился Стю Бэрр, дышавший в ее здоровое ухо?

Реджи посмотрела на пса, который продолжал лежать, но его уши и глаза свидетельствовали о нераздельном внимании, как и у хозяина. Она сидела рядом с дверью и не сомневалась, что может успеть туда быстрее, чем Стю, который находился в нескольких футах от нее, по другую сторону кофейного столика. Но Реджи сомневалась, что сможет обогнать пса. Она прикоснулась к мобильному телефону, лежавшему в кармане, и подумала, сможет ли набрать 911, не глядя на клавиатуру.

– Я был там в тот вечер. Это я был человеком в бейсболке «Янкис», которого видели разговаривающим с Верой.

– Почему вы не сказали об этом?

– Потому что мой визит был частью следственных действий, связанных с убийствами Нептуна.

Реджи вопросительно посмотрела на Стю. Ей не хотелось, чтобы он до конца разобрался в ее подозрениях.

– Почему Вера? Вы знали, что она станет следующей?

Он покачал головой.

– Нет. Я собирался поговорить с ней наедине, потому что она была подозреваемой.

– Подозреваемой? По какому делу?

Стю откашлялся и смерил ее долгим, серьезным взглядом.

– Я был вполне уверен, что ваша мать и была убийцей, выдававшим себя за Нептуна.

Реджи откинулась на спинку стула.

– Не может быть, чтобы вы говорили всерьез.

– Работа сыщика заключается в сборе наводящих сведений. В определении связей. В случае Нептуна все нити вели к вашей матери. Она имела общий мотив для всех трех жертв.

Реджи вспомнила слова матери о нитях и связях и о том, что все люди связаны друг с другом, понимают они это или нет.

– Но она знала только Кэнди, а остальных – нет!

– Верно. Здесь начинается настоящая детективная работа. Кэндис Жаке встречалась с Джеймсом Яковичем. В сущности, Якович бросил Веру ради Кэндис. Адреа Макферлин встречалась с мужчиной по имени Сол Росси. Это имя вам что-то говорит?

– Моя мать встречалась с типом по имени Сол. Она называла его фотографом.

Стю покачал головой.

– Сол Росси был менеджером таксомоторной компании при аэропорте. Он недолго встречался с вашей матерью. Когда он порвал с ней, стал встречаться с Андреа Макферлин. Они познакомились через брачное агентство.

– А как насчет той девушки, которая училась на кинорежиссера? – спросила Реджи.

– Здесь все еще интереснее. Энн Стикни снимала документальный фильм про сушку табака и людей, которые работали на полях. Одним из них был Уэйн Эббот.

– Никогда не слышала о нем.

– Ваша мать некоторое время встречалась с ним. Он был гораздо моложе нее. Темноволосый, очень привлекательный. Он водил минивэн «фольксваген» и рассказывал всем о своих эпизодических ролях в кино. Кстати, это полная чушь.

– Мистер Голливуд, – пробормотала Реджи себе под нос.

– Молодой Уэйн решил, что Анна будет для него более выгодной партией, поэтому он расстался с бедной Верой. Он решил, что документальный фильм Энн приблизит к реальности его вымышленный типаж кинозвезды. Но у него ничего не вышло.

У Реджи голова шла кругом.

– Значит, эти три женщины...

– ...увели мужчин у Веры.

– Но это бессмысленно! – воскликнула Реджи. – Ведь она сама стала следующей жертвой.

Стю улыбнулся.

– Умный ход, не правда ли? Как еще лучше замести следы? Изобразить себя в роли последней жертвы, чье тело так и не нашли.

Реджи подалась вперед, опасно балансируя на краю стула.

– Что? Вы хотите сказать, что она отрезала себе руку? Это же безумие!

Стю пожал плечами.

– Моя теория не нашла понимания у большинства моих коллег, и, разумеется, у меня не хватало улик для ее продвижения. Но тогда она казалась разумной.

– А как теперь? Это моя мать похитила Тару и по старой памяти отсекала ей руку? Просто встала со смертного одра ради последнего захода с хирургической пилой?

– Это вряд ли, – признал Стю. – По-моему, это дело рук имитатора. Или, может быть, у Веры был сообщник. Кто-то, посвященный в ее секреты. Или, возможно, это был какой-то случайный псих, отвлекшийся от столярных работ из-за новостей о том, что последняя жертва Нептуна еще жива. Твои догадки ничем не хуже моих. Боюсь, теперь я скорее умею возиться с яхтами, чем заниматься полицейскими расследованиями, – добавил он и дернул уголком рта.

Голова Реджи начала пухнуть, когда в нее хлынул поток новой информации, закружившийся в мозгу наподобие логарифмической спирали. Но там, в самом центре, находилась одна вещь, в которой она была уверена и за которую цеплялась, как за каменный выступ в разгар шторма. Стю Бэрр ошибался.

* * *

Час спустя Реджи сидела в своем автомобиле на другой стороне улицы, в некотором отдалении от дома Стю и ждала, когда он уйдет. Она надеялась, что он не солгал, когда сказал ей, что сегодня собирается заняться покраской яхты. Пакет с покупками после быстрой поездки в продуктовый магазин лежал на сиденье рядом с Реджи. У нее не было уверенности, что Стю по-прежнему хранит ключ в тайнике за табличкой с номером дома и что она будет делать, если не найдет ключа (может быть, разобьет заднее окно?), но ей нужно было попасть в этот дом. Реджи точно не знала, что надеется найти. Тару, лежащую в подвале, связанную и с кляпом во рту? Едва ли. Нет, если Стю был Нептуном и похитил Тару, то он спрятал ее более тщательно.

Несмотря на лучшие намерения, теория Стю точила Реджи изнутри и пробивалась в мозг, словно некий червь-паразит. Оказавшись на месте, она прочно обосновалась там. Реджи была абсолютно уверена, что Стю ошибается. Вера просто не могла быть убийцей.

Но что, если...

Реджи отогнала эту мысль и вернулась к наблюдению за домом. Теперь занавески были закрыты.

Она посмотрела на свой мобильный телефон, валявшийся на соседнем сиденье, взяла его и набрала номер «Желания Моники».

– Алло? – Голос Лорен звучал немного встревоженно.

– Это я, – сказала Реджи. – Ты помнишь, мамы не было дома каждый раз, когда исчезала одна из предыдущих жертв Нептуна?

Она слышала в трубке дыхание своей тети, но ничего больше. Наконец Лорен спросила:

– Реджина, к чему это ты?

– Наверное, ни к чему. – Реджи покусала нижнюю губу, чувствуя себя идиоткой. На другой стороне улицы появился Стю Бэрр со спортивной сумкой в руке. Реджи сползла как можно ниже на своем сиденье. – Мне нужно идти, – сказала она Лорен.

Стю сел в свой автомобиль и уехал. Реджи подождала добрых десять минут на тот случай, если он что-то забыл и решит вернуться. Потом она закинула на плечо курьерскую сумку, взяла пластиковый пакет с продуктами и направилась к парадной двери. Реджи повернула табличку: ключ лежал на том самом месте, куда его клали двадцать пять лет назад.

Удача!

Реджи вернула табличку на место и отперла дверь. Перед тем как открыть створку, Реджи сунула руку в пакет и развернула один из двух говяжьих стейков на кости, купленных специально для этой цели. Потом она осторожно приоткрыла дверь.

– Аполлон! – позвала Реджи. – Где ты, мальчик?

Холодный пот бусинками выступил у нее между лопатками. Рубцовая ткань вокруг уха невыносимо зудела. Когда Реджи услышала звук когтей, лапающих по полу, то представила трехглавое чудище, стража подземного мира, который приближался к ней.

Аполлон (к счастью, у него оказалась всего лишь одна голова) трусцой выбежал в прихожую и предупреждающе зарычал. Реджи пошире распахнула дверь и бросила стейк на дорожку.

– Давай, хороший мальчик, это для тебя!

Пес нервно облизнулся.

– Давай же, – повторила Реджи и указала на дорожку.

Наконец желание отведать мяса возобладало над охранным рефлексом, и он потрусил на дорожку, постепенно набирая ход. Реджи проскользнула в дом и заперла за собой дверь. Второй стейк Реджи оставила у двери, чтобы воспользоваться им для побега.

Стю прибрался на кухне, вымыл чашки и кофейник. Там пахло отбеливателем. Слишком чисто... подозрительно чисто.

Реджи прошла в гостиную, где увидела ряды книжных полок со старыми энциклопедиями, спортивными справочниками по охоте и рыбалке, книгами о постройке яхт и учебниками по морской биологии, должно быть, принадлежавшими Чарли. Взгляд упал на старую фотографию Стю со своими боевыми друзьями во Вьетнаме: все в

мундирах и поднимают оловянные кружки, на заднем плане – машина «Скорой помощи».

– Святые угодники, – пробормотала Реджи, когда очередной фрагмент головоломки встал на свое место. Она забыла, что в армии Стю служил медиком и получил соответствующую подготовку – вот откуда его умение накладывать кровоостанавливающие жгуты и давящие повязки. И разве во Вьетнаме иногда не приходилось проводить ампутации прямо на поле боя, чтобы спасти солдат? Реджи была уверена, что читала об этом в книгах о гражданской войне, а с тех пор хирургия продвинулась далеко вперед.

Реджи торопливо прошла по коридору в спальню Стю. Там стояли двуспальная кровать, аккуратно заправленная и накрытая темным покрывалом, деревянный сундук, комод и встроенный шкаф. В сундуке лежали чистые простыни и наволочки. В комод Реджи обнаружила обычный набор: носки и трусы – в верхнем ящике, футболки – во втором ящике и несколько пар джинсов внизу. Когда она шарил в ящике с джинсами, то нащупала что-то холодное и металлическое. Еще до того, как вытащить предмет из тайника, она поняла, что это такое: какой-то пистолет. Реджи почти ничего не знала об оружии и не могла определить марку. Она засунула пистолет туда, где нашла его, между двумя нижними джинсами.

Ничего особенного, сказала она себе. Многие люди держат у себя дома огнестрельное оружие, особенно бывшие полицейские. Тем не менее это заставило ее поежиться. Но пистолет не был уликой: Нептун ни в кого не стрелял. Ей нужно было найти хирургические инструменты, бинты и повязки, пилу с мелкими зубьями для резки костей.

Реджи напомнила себе, что нужно торопиться. Кто знает, сколько пройдет времени, прежде чем Аполлон перестанет грызть кость и начнет лаять, оповещая соседей о том, что в доме находится посторонний? Она проверила встроенный шкаф и нашла выглаженные рубашки и штаны, висевшие на вешалках. Пошарив рукой по верхней полке, Реджи обнаружила лишь несколько шариков от моли.

Старая спальня Чарли находилась по другую сторону коридора. Сейчас она была пуста, не считая двуспальной кровати и пустого комода. В комнате не было безделушек или рисунков на стенах. Она казалась заброшенной.

Реджи направилась по коридору в рабочий кабинет Стю, щелкая каблуками по дубовому полу. Когда Чарли жил здесь, Стю держал свой кабинет закрытым. Теперь она с радостью обнаружила, что он больше не трудится это делать. Старый засов до сих пор был прикручен перед дверью, но висячий замок отсутствовал.

От того, что Реджи увидела, когда вошла в комнату, у нее мгновенно перехватило дыхание, как будто она вдруг оказалась в вакуумной камере.

В комнате царил хаос. Стены, пол и письменный стол были покрыты записками, фотографиями, полицейскими отчетами и газетными вырезками, связанными с делом Нептуна.

– Вот сукин сын, – пробормотала она.

Это было все равно что вернуться назад во времени.

К стене были приколоты полицейские фотографии каждой отрезанной руки в молочной картонке и всех трех жертв в том виде, как они были найдены: Энн Стикни на городской лужайке, Кэндис Жаке у пьедестала монумента «Знание» перед библиотекой, Андреа Макферлин у фонтана в парке Короля Филиппа. Все женщины были обнажены и лежали в неестественных, скорченных позах, с большими белыми повязками, прикрывавшими то место, где находились их правые кисти.

Реджи почувствовала, как желудочная кислота подступает к горлу, обжигая гортань. Она сильно сглотнула, пытаясь загнать ее обратно. Одно дело – читать о найденных телах, слышать их обсуждение в новостях и представлять, как они могут выглядеть. Но видеть их на самом деле и замечать мелкие подробности, такие как шрам от кесарева сечения на животе Андреа Макферлин с многочисленными следами растяжек; ухо Кэндис Жаке, разорванное в борьбе с Нептуном, который ухватился за ее сережку; мертвенный, неровный свет, от которого тело Энн Стикни казалось почти голубым, – все это оживляло убийства совершенно новым и тошнотворным способом. Это были реальные женщины, а не имена в выпусках новостей. Да, Реджи знала это и раньше, но до сих пор не понимала по-настоящему.

И там, на последней фотографии справа, была рука ее матери в молочной картонке; кожа была похожа на пластик, как будто руку вылепили из модельной глины в какой-нибудь голливудской мастерской по созданию спецэффектов. Даже сейчас негнувшийся палец указывал на Реджи.

Ее ноги превратились в желе, и она ухватилась за край письменного стола Стю, а потом опустилась в мягкое офисное кресло. Сделав несколько вдохов и выдохов, она включила компьютер, но он был защищен паролем. Она попробовала «Нептун», «Аполлон», «Йоги» и «Чарли», но на этом идеи закончились, и ей пришлось выключить аппарат.

Стол был завален документами и архивными папками; они были разбросаны по крышке, а некоторые упали на пол. На многих папках стояли имена жертв и подозреваемых, написанные на ярлыках: *Энн Стикни, Андреа Макферлин, Кэндис Жаке, Джеймс Якович, Сол Росси,*

Уэйн Эббот. Наверху лежала папка с надписью *Вера Дюфрен*. К ней была прикреплена записка на клейкой бумаге. Реджи взяла папку и прочитала записку.

18/10/10

Детектив Бэрр,

сомневаюсь, что вы меня помните, но меня зовут Тара Дикенсон, и мы встречались много лет назад. Я – старая подруга Чарли. Сейчас я работаю сиделкой, и недавно меня пригласили ухаживать за Верой Дюфрен. Вчера вечером Вера кое-что сказала, и у меня есть надежда, что вы поможете мне разобраться в этом. Номер моего мобильного телефона 318-15-22. Пожалуйста, позвоните, как только получите это сообщение. Если это возможно, мне хотелось бы встретиться сегодня.

– *Тара*

– Значит, вот как ты добрался до нее, – сказала Реджи. Он просто позвонил по указанному номеру, назначил встречу и захватил Тару. Это была улика, которую искала Реджи. Теперь она может обратиться в полицию. Но нужно соблюдать осторожность. Все копы были друзьями Стю. Может быть, обратиться в полицию штата или даже позвонить в ФБР?

Реджи посмотрела на часы. Оставалось меньше двух часов до приезда Лена. Он отправится с ней. С его помощью она сумеет сделать это.

Реджи раскрыла папку с именем своей матери. Внутри были фотографии в профиль и анфас и рапорт об аресте, произведенном 3 декабря 1976 года. Обвинения включали управление автомобилем в нетрезвом виде и нападение на офицера полиции. Согласно рапорту, когда ее остановили, она набросилась на офицера с ключами от автомобиля и разодрала ему щеку. Полицейскому наложили три шва. Веру приговорили к шести месяцам общественных работ. Был и второй рапорт со снимками, датированный 25 апреля 1981 года. Согласно этому рапорту, Веру арестовали после того, как она за сто долларов согласилась заняться сексом с полицейским, который работал под прикрытием. Реджи посмотрела на растрепанную одежду своей матери, на смазанную тушь для ресниц вокруг глаз, делавшую Веру похожей на загнанного енота. Почему она это сделала? Для чего ей так были нужны эти сто долларов?

Голову Реджи как будто зажали в тисках и постепенно сдавливали ей виски.

Пролистав полицейскую подшивку, Реджи нашла записи, сделанные Стю Бэрром после допроса Веры 15 июня 1985 года.

Мисс Дюфрен признает, что она была знакома с последней жертвой, Кэндис Жаке. Когда ей задали вопрос о характере их отношений, мисс Дюфрен заявила: мисс Жаке «была моей подругой в разных барах. Мы давно знакомы». Мисс Дюфрен отрицает какую-либо враждебность по отношению к мисс Жаке, несмотря на тот факт, что Джеймс Якович (Кролик) бросил ее ради связи с мисс Жаке. «Пусть забирает его», – заявила мисс Дюфрен.

Стю спросил ее, где она была, когда исчезла Кэндис, и она не смогла припомнить. Она отрицала знакомство с Андреа Макферлин, но призналась, что имела связь с Солом Росси, с которым Андреа встречалась перед смертью.

Реджи перескочила через несколько абзацев, когда увидела свое имя.

У мисс Дюфрен имеется единственный ребенок, Реджина Дюфрен в возрасте 13 лет. Реджина живет в семейном поместье «Желание Моники» вместе с Лорен Дюфрен, старшей сестрой Веры, которая является главным опекуном ребенка. Когда мисс Дюфрен спросили, кто был отцом Реджины, она рассмеялась и пробормотала нечто невразумительное, а потом процитировала детский стишок:

*Джорджи-Порджи, холодный нос,
Девочек целует, доводит их до слез,
Когда мальчики выходят играть,
Джорджи-Порджи пора убегать.*

Примечание: во время беседы мисс Дюфрен явно находилась под влиянием алкоголя, что, по моему мнению, повлияло на некоторые ее ответы.

23 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Убийца приходит сюда, – сказала Тара, как только они вошли в бар Рейбена.

Реджи как во сне шла за Сидом, Реджи и Тарой. Она не желала идти,

ей хотелось остаться в своей комнате и спрятаться под бабушкиным лоскутным одеялом, но Тара уговорила ее.

– Это последний вечер, Редж. – Ее голос в телефонной трубке был окрашен нотками отчаяния. – Наш последний шанс найти твою мать. Если мы не спасем ее... – Тара не закончила, позволив Реджи сделать собственные мрачные выводы.

– Итак, вот наш план, – продолжала Тара. – Ты поднимаешь свою задницу с постели и одеваешься. Мы заберем тебя через полчаса и поедем в бар Рейбена.

Реджи ничего не сказала о своем разговоре с Джорджем и визите к Бо Бэрру, но события минувшего дня болезненно пульсировали у нее в голове, как боль в ноге от пореза Тары.

– Откуда ты знаешь, что Нептун приходит сюда? – спросил Чарли.

– От *них* – от Андреа, Кэнди и Энн. Они говорят, что мы на верном пути. Их голоса стали сильными и громкими. Теперь они с нами.

Тара облизнула губы. Она выглядела еще бледнее, чем обычно; девочка, сделанная из бумаги.

– Кончай заливать, – сказал Чарли.

– Остынь, братишка, – сказал Сид и положил руку ему на плечо. – Пусть наша темная колдунья занимается своим делом.

Чарли стряхнул руку Сиды и оглянулся на дверь, словно размышлял о побеге. В его глазах сверкала ярость. Потом он снова посмотрел на Тару и как будто успокоился.

Бар Рейбена был вдвое меньше «Взлетной полосы». Как объяснил Сид, главным преимуществом бара была не обстановка, а еда. Здесь не было бильярдного стола, музыкальных автоматов и неоновой рекламы пива. Стены были обшиты дешевой древесно-стружечной плиткой и оклеены фотографиями, газетными вырезками и открытками. У стойки бара стояли потертые табуреты, а столики были обставлены разномастными стульями. В углу у коридора стоял игровой автомат «Пакман». Из кухни доносилась жизнерадостная музыка вместе с чудесными ароматами пряностей. На грифельной доске за стойкой бара были перечислены напитки и простое меню: гумбо, джамбалайя, красные бобы с рисом и бургер по-каджунски^[27]. Внизу кто-то приписал мелкими буквами: *Предсказание судьбы за 5 долларов. Спрашивайте у бара.*

– Как твоя нога? – спросила Тара.

Реджи пожала плечами.

– Я порезала себе руку, перед тем как Сид забрал меня, – прошептала Тара. – Потом покажу.

Сид кивнул бармену, высокому смуглому мужчине со светлыми глазами, и направился к угловому столику. Тара села рядом с ним. На ней было черное обтягивающее трико с длинными рукавами и джинсы, в которых было больше дырок, чем ткани. Чарли надел футболку с надписью «Липкие пальчики» и джинсовую куртку.

Реджи осмотрела помещение. Люди еще не подтянулись к обеду. За столиком рядом с дверью сидела молодая пара: мужчина и женщина о чем-то разговаривали приглушенными голосами. Еще два человека сидели в противоположном конце бара: пожилая женщина в сиреневом пальто, с маленьким пуделем на коленях, и коренастый лысый мужчина в черном виниловом костюме с наброшенным на плечи длинным виниловым плащом. Реджи видела, что мужчина сильно потеет: его лицо покраснелось, лысая макушка влажно блестела. Он барабанил пальцами по стойке бара, и на каждом пальце имелось минимум одно кольцо.

– Мистеру Винулу приходится несладко, – прошептал Чарли.

Тара закатила глаза.

– У каждого свои недостатки, – сказала она и достала из потрепанной сумочки пачку сигарет. Сид дал Таре прикурить. Он чисто вымылся, побрился, уложил прическу с муссом для волос и надел черные джинсы и футболку с черным блейзером.

Бармен подошел к их столику.

– Что будем заказывать, ребята? – поинтересовался он.

Реджи не могла определить его акцент – мелодичный, с непривычным ритмом. Его гладкая кожа имела светло-кофейный оттенок, а поразительные светло-голубые глаза напоминали аквамарин. Бармен носил на шее кожаный ремешок, на котором болталось нечто вроде сухой куриной лапки. Реджи не могла отвести глаз от этой лапки с загнутыми чешуйчатыми пальцами.

– Пиво «Бад» и бургер по-каджунски, с кровью, – сказал Сид.

– А для дамы? – спросил он, кивнув в сторону Тары.

Тара улыбнулась и облизнула губы.

– Коктейль «Лонг-Айленд» и чай со льдом, пожалуйста.

Бармен рассмеялся.

– Думаете, я поверю, что вам двадцать один год?

– Я выгляжу моложе своих лет, – сказала Тара.

Бармен посмотрел на нее, потом на остальных.

– Как насчет кувшина содовой?

– Мне кока-колу, пожалуйста, – сказал Чарли. – И бургер по-каджунски.

– Я закажу гумбо, – буркнула Тара, откинувшись на спинку стула и играя с прядью волос.

– Хороший выбор, мисс. – Бармен улыбнулся. – Это наше фирменное блюдо. А для вас, мисс? – Он посмотрел на Реджи.

– На самом деле я не... – начала она.

– Она тоже будет кушать гумбо, – перебила Тара.

Бармен повернулся и через двойную стеклянную дверь направился на кухню. Реджи вернулась к наблюдению за баром, словно ждала, что пожилая женщина или мистер Винил сделают что-то необычное, чего нельзя упустить из виду. Обменяются тайными взглядами, несколькими фразами, может быть, поцелуются. Никогда не знаешь, что может случиться.

– Так что ты думаешь? – с легким придыханием спросил Чарли. – Это был Рейбен? Следует ли нам расспросить его о Вере?

Вера. Вера из Нью-Йорка. Будущая звезда, девушка с рекламы кольдкрема «Афродита».

Шлюха по имени Вера.

– Я совершенно уверен, что это Рейбен, – сказал Сид. – Думаю, здесь и в основном готовит его мать. Она выросла в Луизиане, где-то на байю^[28] или еще где. Говорят, она занимается вуду – всякие там куколки, дохлые цыплята и прочее дерьмо. Видели куриную лапку у него на шее? Жуткая хрень, да?

– Как я уже говорила, у каждого свои недостатки, – сказала Тара. – Хочешь сигарету, Реджи?

Реджи покачала головой. Сид достал сигарету из пачки и закурил.

– Ты куришь, как кинозвезда, – обратился он к Таре.

– Спасибо, дорогой. – Она выпустила дым ему в лицо, потянулась к зажигалке и стала щелкать колесиком, высекая искры.

– Чем ты вчера занималась, Редж? – спросил Чарли.

«Я позволила Таре разрезать мне ногу бритвой. Потом пошла к твоему дяде и спросила, не приходится ли он мне отцом. Я узнала, что моя мать была шлюхой».

– Ничем, – ответила Реджи и сползла пониже на стуле, желая оказаться где угодно, только не здесь.

Что если Бо солгал? Сказал все эти жуткие вещи лишь для того, чтобы скрыть правду, что он на самом деле ее отец? От этой мысли ее подташнивало. Она посмотрела на Чарли, в которого была влюблена с пятого класса. Неужели он может оказаться ее кузеном?

Кровь застучала у Реджи в висках.

– Ты как, нормально? – спросила Тара и под столом потерла лодыжку Реджи носком своей туфли.

– Отлично, – ответила Реджи и тяжело сглотнула.

Бармен вернулся с напитками. Сид задал ему вопрос, и бармен подтвердил, что его зовут Рейбен и он владеет этим заведением с 1976 года.

– Очень рада знакомству, Рейбен. – Тара с наигранной скромностью протянула ему руку. Высокий мужчина ответил легким пожатием. – Мне интересно, сможете ли вы помочь нам? Видите ли, моя подруга Реджи – дочь Веры Дюфрен. Мы слышали, что Вера проводит здесь много времени.

– Не могу сказать, что знаю ее, – отозвался Рейбен. На его лице появилось непроницаемое выражение.

– В самом деле? – спросила Тара.

– Не думаю, что знаю кого-то с таким именем, – сказал Рейбен.

– Рост примерно пять футов и пять дюймов, платиновая блондинка, носит много косметики, – четко доложил Чарли, подражая своему отцу. – Она актриса и бывшая модель.

«Вы знаете, что я была девушкой с рекламы кольдкрема «Афродита»?»

«Хотите посмотреть фокус? Купите мне выпить, и я покажу вам».

Рейбен покачал головой.

– Понятия не имею. Ваша еда будет готова очень скоро.

Вернувшись за стойку бара, он заново наполнил бокал мистера Винила и сказал ему что-то такое, отчего тот развернулся на табурете и посмотрел на их столик. Его глаза были слишком маленькими для широкого, плоского лица, влажная кожа блестела под лампами над стойкой.

Реджи настороженно повернулась к Чарли и прошептала:

– Мне здесь не нравится. Я хочу домой.

Тот кивнул.

– Понимаю, мне тоже не нравится. Но лучше останемся и поедим, ладно?

Он придвинулся ближе и положил руку ей на плечо. От этого по ее телу растеклось блаженное тепло, но потом она поняла, что он так поступил лишь потому, что Тара прильнула к Сиду.

– Сплошная дрянь, – пробормотала Реджи, имея в виду все сразу: исчезновение матери, свои сегодняшние открытия, фальшивое поведение Чарли, обнявшего ее в жалкой попытке пробудить ревность Тары, и тот факт, что она разрешила Таре порезать себя бритвой.

– Добро пожаловать в реальный мир, малышка, – протянула Тара, игравшая с песочными часами на своем ожерелье.

– Не знаю, зачем мы вообще пришли сюда, – сказал Чарли. – Только впустую тратим время. Этот Рейбен даже не знает Веру.

– Господи, да он явно врет, – возразила Тара.

– Это тебе тоже мертвые женщины сказали? – оцетинился Чарли.

– Нет, – ответила Тара. – Я просто вижу это.

– Я согласен с Тарой, – поддакнул Сид.

– Ну, конечно, – с горечью сказал Чарли.

– Мне нужно в туалет, – сказала Реджи и встала. Ее колени казались резиновыми, порез на ноге ужасно болел.

– Хочешь, пойду с тобой? – предложила Тара.

Боже, Реджи что, шесть лет? Неужели она выглядит такой жалкой в глазах друзей?

– Нет, спасибо. Все в порядке.

– Уверена? – спросила Тара. Правой рукой она приоткрыла свою сумочку, чтобы Реджи могла увидеть серебристую коробочку с бритвенным лезвием внутри.

Тара выводила ситуацию на новый уровень, предлагая заняться их тайной забавой в общественном месте и показывая замаскированную бритву перед мальчиками, которые не обращали на это внимания. Кожа Реджи нестерпимо зачесалась, пока она смотрела на бритву. Реджи чувствовала, как общий секрет тихо пульсирует между ними и свербит, как зубная боль. Это обостряло ощущения, но каким-то образом умаляло тайну, которая становилась похожей на сочное, блестящее яблоко с пятнышком гнили, незаметным для посторонних.

– Нет, спасибо, – повторила Реджи и отвернулась от разочарованного лица Тары.

По пути мимо бара Реджи через стеклянные двери заглянула в кухню. Она увидела Рейбена, стоявшего за разделочным столом и выкладывавшего ошипанных цыплят. Рейбен поймал ее взгляд, улыбнулся долгой, медленной улыбкой, а потом поднял огромный мясницкий нож и опустил его, одним быстрым ударом мастерски разрезав птицу пополам вдоль грудины.

23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Где Джордж? – спросила Реджи у Лорен. Она нашла свою тетю в ванной наверху, споласкивающей судно Веры. Реджи встала в дверях с курьерской сумкой, переброшенной через плечо. Внутри лежали папка с

полицейским досье Веры и записка Тары, адресованная Стю Бэрру.

По пути домой все обрело новый смысл: неустанное внимание Джорджа, который покупал ей подарки и помогал оплачивать учебу. Мать всегда говорила, что они с Джорджем когда-то состояли в близких отношениях. Может быть, Лорен ничего не знала?

– Думаю, сегодня он работает у себя дома. Он что-то говорил о поездке на склад в Брэттлборо, но я точно не знаю, будет ли это завтра или сегодня вечером.

– Лорен, можно провести несколько минут наедине с мамой?

Она скептически посмотрела на Реджи.

– Разумеется. Но я только что дала ей ативан, и она может быть сонной.

Реджи обнаружила свою мать закутанной в простыни и одеяла; ее лицо было бледным как мел. Реджи подумала о том, что недавно слышала от Стю, и попыталась представить Веру в качестве убийцы. Ей захотелось истерически рассмеяться.

– Эй, – сказала Реджи, осторожно устроившись на краю кровати и прикоснувшись к плечу матери.

– «Эй» – для лошадей, – откликнулась Вера.

Реджи улыбнулась.

– Лошади едят овес, а девочки – овсянку, – продолжила она.

– А ягнятки щиплют травку, – закончила Вера.

– Мама?

Вера приоткрыла глаза и посмотрела на нее.

– Что ты можешь рассказать мне про Стю Бэрра?

Вера улыбнулась и запела:

– Если в лес пойдешь сегодня, ждет тебя сюрприз.

Если в лес пойдешь сегодня, лучше притворись.

Будет там полно медведей,

потому что мишка Тедди

собирает всех соседей на пикни-иик!

Реджи наклонилась и прошептала в ухо матери:

– Стю Бэрр – это Нептун?

Вера рассмеялась.

– Ты можешь сказать мне, мама?

Вера закрыла глаза; казалось, она вот-вот заснет.

– У меня есть еще один стишок, – сказала Реджи и погладила мать по щеке, которая на ощупь была сухой и пергаментной. – «Джорджи-Порджи, холодный нос»...

Вера открыла глаза, но ничего не сказала.

– «Девочек целует»... – продолжила Реджи.

– «Доводит их до слез», – сказала мать.

– Я помню, мама. Все, что ты говорила о Джордже. О том, как он любил тебя, но не мог получить. Я помню, что ты говорила про Джорджа и его уток, как ты постоянно дразнила его и говорила, что, когда взрослый мужчина тратит свободное время на изготовление дурацких деревянных уток, это выглядит неестественно.

Вера улыбнулась. Ее губы были сухими и потрескавшимися.

– Однажды ты спросила его: «Почему ты ни разу не смастерил утку для меня, Джордж?» Поэтому через несколько дней он вручил тебе коробку. Ты открыла ее и достала чудесного лебедя, вырезанного из дерева. Ты сказала ему: «Это не похоже на тех уток, которых я видела». А он сказал: «Да, это гадкий утенок. Всю свою жизнь он сравнивает себя с другими, считает себя отверженным, а потом вырастает и понимает, что на самом деле он – прекрасный лебедь».

У Реджи навернулись слезы на глаза, пока она рассказывала эту историю и вспоминала, как Джордж смотрел на мать, когда она держала резного лебедя так осторожно, словно он был сделан из стекла. Маленький деревянный лебедь, которого Реджи убрала в свою «коробку памяти» и хранила там долгие годы после того, как все объявили ее мать погибшей.

– Джордж – мой отец, да?

Вера смотрела на простыни, как будто ответ мог находиться где-то там.

– Пожалуйста, мама, – взмолилась Реджи.

– Мне холодно, – сказала Вера.

– Я дам тебе еще одно одеяло. – Реджи встала и пошла к шкафу.

– Если здесь холодно, то в Аргентине жарко, – сказала Вера.

– Ну, я не думаю, что мы скоро отправимся туда, – сказала Реджи и набросила еще одно одеяло поверх остальных.

– О, это не так далеко, – пробормотала Вера и закрыла глаза. – Там живет Ева Перрон. И там выращивают самые замечательные груши.

– Чудесно, – сказала Реджи. Она подоткнула края одеяла и посмотрела, как ее мать отходит ко сну.

* * *

Реджи тихо вышла из комнаты и направилась по коридору в свою

спальню. Она взяла из шкафа «коробку памяти» и достала деревянного лебедя. Подарок Джорджа для Веры. Она провела пальцами по изящным резным перьям, по гладкому изгибу длинной шеи. Лебедь был вырезан из мягкого дерева, скорее всего из сосны. Реджи осторожно убрала лебедя в курьерскую сумку. Оставалось лишь надеяться, что документов, которые лежали внутри, будет достаточно для спасения Тары. Наступил последний день, и время быстро истекало. Реджи уже в сотый раз посмотрела на часы: оставался еще час до приезда Лена. Следует ли ей подождать и отправиться в участок вместе с ним? Она достала телефон и набрала номер Лена, но аппарат автоматически переключился на голосовую почту.

– Это я, – сказала Реджи. – Просто хотела узнать расчетное время прибытия. Позвони мне, как доедешь до города, и я продиктую тебе, как и куда ехать.

Лен мог находиться где угодно, но ей была дорога каждая секунда. Чем скорее она передаст сведения в полицию, тем выше будут шансы найти Тару живой. А если они не поверят ей и даже откажутся слушать, то она позвонит Чарли и выяснит, где Стю держит свою яхту. Они с Леном поедут на побережье, найдут Стю и будут следить за ним, пока он не приведет их к Таре. Это был не самый замечательный план, но все же лучше, чем ничего.

Реджи убрала телефон в сумку и ощутила на шее дуновение холодного ветра через щель в окне, которое осталось приоткрытым. Реджи закрыла его. Ее отвертка все еще лежала на подоконнике. Реджи положила ее в сумку, чтобы убрать в коробку с инструментами, когда вернется к своему автомобилю.

– Все в порядке? – спросила Лорен, когда Реджи спустилась вниз и прошла на кухню.

– Все хорошо. Мама спит.

– Пожалуй, я приготовлю ланч для нас, – сказала Лорен.

– Спасибо, но на меня не рассчитывай, – отозвалась Реджи. – Мне нужно бежать и сделать еще несколько дел.

– Неужели у тебя не найдется времени перекусить?

Реджи покачала головой.

– Может быть, позже, когда вернусь.

Зазвонил телефон. Лорен ответила на звонок, потом сказала: «Минутку, пожалуйста» и передала трубку Реджи.

– Алло?

– Мисс Дюфрен, это сестра Долорес из приюта «Наш дом» в Уорчестере. Мне сказали, что вы пытались связаться со мной. – Голос был низким и спокойным, с легким пришепыванием.

– Да, – сказала Реджи. – Большое спасибо, что перезвонили.

– Как себя чувствует ваша мать? – спросила сестра Долорес.

– Пока все в порядке. Настолько в порядке, насколько можно было ожидать. После приезда домой она довольно часто говорила про вас. Судя по всему, у нее сложилось очень высокое мнение о вас, и я благодарна за это. За то, что вы были рядом, когда нас не было.

– М-м-м, – понимающе протянула сестра Долорес. – Я молилась за нее. Вы ей скажете, хорошо?

– Обязательно. Сестра, я надеялась, что вы сможете немного больше рассказать о моей матери.

– Например?

– Например, как она оказалась у вас? Говорила ли она что-нибудь о своем прошлом?

Сестра Долорес помолчала несколько секунд.

– Мисс Дюфрен, – наконец сказала она. – Я руковожу приютом, рассчитанным на сотню коек. Занимаюсь этим уже более двадцати лет. Я научилась не совать нос в чужие дела. Люди, которым мы помогаем, прожили не самую счастливую жизнь. Если они хотят, чтобы я узнала, какие обстоятельства привели их в «Наш дом», то рассказывают мне... в свое время.

– Моя мать то приходила к вам, то уходила, и так продолжалось в течение двух лет, верно? И, судя по всему, вас она считала лучшим человеком на свете. Она должна была что-то сказать.

– Конечно, она говорила массу всяких вещей. Например, что ее зовут Ивонна и что она была актрисой.

– Она никогда не рассказывала о том, как потеряла руку? О Нептуне?

– Ничего. То же самое я сказала детективу, который приехал сюда: она почти ничего не говорила о том, откуда пришла к нам. Могло показаться, будто она упала с ясного неба.

– Детектив из Брайтон-Фоллс? – спросила Реджи. – Молодой человек по имени Эдвард Леви?

– Нет, нет. Это был пожилой мужчина, очень приятный. Боюсь, я совсем не смогла помочь ему, но он не расстроился, хотя потратил целый день на поездку к нам. Его звали детектив Бэрр. Полагаю, вам известно это имя?

– Да, – выдавила Реджи. У нее внезапно пересохло в горле.

– Чрезвычайно приятный джентльмен. Жаль, что я не смогла рассказать ему побольше.

23 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Чарли поджидал Реджи в коридоре перед женским туалетом, разглядывая открытки и фотокарточки на стенах.

«Привет из Рино. Газуй по шоссе № 66! Привет от кафе «Дорожная добыча».

Реджи едва не столкнулась с ним.

– Что такое? – спросила она.

– Я надеялся, что ты поговоришь с Тарой. Скажи ей, чтобы она сбавила обороты... с Сидом.

Реджи заглянула Чарли за спину, где Сид и Тара коротали время за столиком. Она практически уселась к нему на колени и целовала его. Она лизала его рот, словно дружелюбная собачка. Реджи снова затошнило, но она не могла оторвать взгляда от них.

– Почему я должна это делать?

Сид начал хватать Тару за грудь, а она отталкивала его руку, а потом что-то сказала, и он засмеялся. Они вернулись к поцелуям.

– Потому что. – Чарли был в ярости и отчаянии. – Он ей не пара, и ты это знаешь.

– Может быть, она хочет именно этого, – сказала Реджи. – Считает себя крутой и хочет выглядеть крутой.

– Но Таре на самом деле это не нравится, – проскулил Чарли. – На самом деле она совершенно нормальная. Вся эта крутизна и психические фокусы... она просто играет.

Реджи все это надоело до тошноты. Все, что люди знали (или думали, что знают) о других людях. Может быть, каждый имел тайную жизнь, а не только Вера? Реджи внезапно возненавидела происходящее вокруг. Ей хотелось, чтобы люди стали такими же прозрачными, как аквариумы, без всякой мути, без дезориентации. Без лжи и притворства. Никаких тайных комнат или вранья о проклятых театральных постановках, которых даже не существует.

Но больше всего, прямо сейчас, Реджи раздражало то обстоятельство, что весь мир как будто вращался вокруг Тары, с ее прихотями и предсказаниями, не говоря уже о том, что ее собственная мать находилась в плену у какого-то убийцы и психопата.

– Знаешь, Тара режет себя бритвой, – сказала Реджи ядовитым тоном, которого даже не ожидала от себя.

– А?

– И жжет себя зажигалкой. У нее на руках и ногах полно шрамов. Она гораздо более психованная, чем ты думаешь.

«И я тоже», – добавила она про себя.

Чарли ошалело уставился на нее, и она продолжила:

– Можешь поверить, Чарли, ты ей безразличен. И ты ни черта не сможешь с этим поделать.

Его глаза сверкнули.

– Ты этого не знаешь! – отрезал он. Он двинулся прочь, но она поймала его за руку.

– Чарли, – тихо и умоляюще пробормотала Реджи. – Извини.

Чарли посмотрел на нее и открыл рот, собираясь что-то сказать, но затем передумал. Он презрительно стряхнул ее руку, набрал в грудь побольше воздуха и широкими шагами направился к столу.

Вот скотство. Теперь еще и это. Может быть, это свойство Реджи унаследовала от матери: уникальную способность отталкивать людей, которые для тебя дороже остальных?

* * *

Реджи возила ложкой в своем супе, почти не вникая в нелепый разговор между Тарой и Сидом. Ей хотелось лишь одного: поскорее убраться отсюда, прийти домой, положить подушку на голову и остаться в таком положении на несколько дней. Реджи не собиралась вставать завтра утром, поскольку знала, что произойдет, когда она это сделает: она включит новости и узнает, что обнаружено тело ее матери. Копы, репортеры и горожане соберутся вокруг обнаженного тела Веры, будут качать головами и щелкать языками.

«Плохо, очень плохо. Настоящий позор. Такая красивая женщина».

Решение Реджи, как и всегда, было чисто оборонительным – запереться в своей комнате, закутаться в одеяло и проделать старый детский фокус под названием: «Если я тебя не вижу, то и ты меня не видишь».

– Я не сказал «всю сосиску», а лишь «часть сосиски», – говорил Сид. – Это, понимаешь, совсем другое дело.

Чарли разъяренно посмотрел на своего двоюродного брата.

Тара залилась смехом.

– Думаю, это как-то слабо связано с завтраком.

– Не совсем, – сказал Сид. – Мы же говорим о польской колбасе.

– Фу! – фыркнула Тара. – Я ненавижу полукопченую колбасу.

Сид наклонился, что-то прошептал ей в ухо, и Тара снова фыркнула.

– Только без кислой капусты! – хохотнула она.

Господи. Неужели эти люди ничего не понимают? Мать Реджи сидит в какой-то пыточной камере вместе с серийным убийцей и, возможно, ест последнее в своей жизни блюдо из лобстера. Реджи помешала суп, обнаружила там креветку и с отвращением отложила ложку.

Реджи слышала голос своей матери: *«Все дело в связях. Есть большая сеть, которая связывает нас всех – тебя, меня, президента и того парня, который изготовил проклятую атомную бомбу. Разве ты ее не чувствуешь?»*

– Эй! – раздался у Реджи над ухом раздраженный голос Чарли. – Кто-нибудь есть дома?

– А что? – пробормотала она.

– Я спросил, готова ли ты убраться отсюда, – сказал он.

– Определенно готова. – Она отодвинула свою тарелку.

– А мне не кажется, что она уже хочет уходить, – сказала Тара и взяла Реджи за руку. – Правда, Реджи?

Чарли злобно уставился на Тару.

– Почему тебе обязательно нужно быть специалисткой во всем? – спросил он. – Теперь ты долбаная специалистка по желаниям Реджи?

– Никогда не называла себя специалисткой, – парировала Тара. – Просто я думала...

– Может быть, тебе пора держать свои идиотские мысли при себе? Потому что я, например, давно устал постоянно слушать их.

– Расслабься, чувак, – сказал Сид.

– Ни хрена не «расслабься»! – вызверился Чарли. Он перешел на крик, и некоторые обедающие уже смотрели на них. – Ты уже так расслабился, что почти не видишь дорогу перед собой. И ты болван, если думаешь, что получил славный кусок задницы, ведь ты и понятия не имеешь, насколько она чокнутая!

– С меня хватит, – сказал Сид и встал.

– Почему бы тебе не показать нам свои руки, Тара? – спросил Чарли. Он тоже встал и угрожающе наклонился над ней, тяжело дыша.

Тара недоверчиво посмотрела на него. Потом она повернулась и пронзила Реджи огненным взглядом темных глаз. Послание было ясным: *«Ты предала меня»*.

Реджи затаила дыхание в ожидании того, что Тара оплатит ей той же монетой и откроет всю правду про нее. *«Раз уж речь зашла об этом, то*

почему бы не взглянуть на ноги Реджи?» Но Тара лишь молчала и сверкала глазами. Это было хуже, чем разгласить чужой секрет. Сердце Реджи как будто окатили ледяной водой.

Чарли потянулся к рукаву Тары, и она отпрянула. Сид перехватил запястье Чарли и крепко сжал. Он сшиб бокал со стола, и тот разбился.

– Какие-то проблемы, ребята? – спросил Рейбен. Он подошел очень быстро и теперь стоял прямо за Сидом.

– Нет, – сказал Сид. Он отпустил руку Чарли и уселся обратно. – Никаких проблем, правда, кузен?

– Рад слышать. – Рейбен кивнул. – Почему бы вам не закончить обед и не поехать домой?

Он еще недолго смотрел на них, потом повернулся и ушел за стойку бара.

– Давайте убираться отсюда, – сказал Сид и бросил деньги и счет, оставленный на столе.

Никто не двинулся с места. Тара гневно смотрела на Реджи. Чарли гневно смотрел на Тару. А Реджи смотрела на осколки стекла и тающие кубики льда на полу.

– Пошли, пока они не вышибли отсюда наши задницы, – сказал Сид. Реджи встала, и Тара с Чарли последовали за ней.

* * *

Фонари на автостоянке были выключены. Ребята немного постояли, пока глаза приспособлялись к темноте, и направились к автомобилю Сида.

– В общем, я не думаю, что скоро смогу засветиться здесь, – сказал Сид.

– Это ты виноват! – рявкнула Тара на Чарли. – Если бы не закатил там мерзкую сцену...

– Ну да, вини меня во всем, – сказал Чарли. – Ты режешь и пилишь себя, вламываешься в квартиры мертвых женщин, а теперь еще и превращаешься в законченную шлюху. Ты не медиум, Тара. Ты настоящая психопатка!

Сид рванулся вперед, ухватил Чарли за ворот футболки и развернул лицом к себе.

– Достаточно, Чарли.

Чарли толкнул Сида обеими руками в грудь, отчего Сид попятился и

повалился спиной на асфальт.

– Господи! – воскликнул Сид и начал подниматься. Чарли набросился на него, и они оба принялись кататься по автостоянке. Сид пытался стряхнуть Чарли и уклониться от его пинков и ударов.

Тара ринулась вперед и ухватила Чарли за воротник.

– Слезь с него! – завопила она.

Чарли качнулся назад; Тара потеряла равновесие и тоже упала на асфальт.

– Придурок! – взвизгнула она.

Реджи помогла ей встать, но Тара быстро стряхнула ее руки.

– Какого хера ты сделала? – спросила она. – Что ты ему сказала?

– Прости, – пробормотала Реджи.

Тара яростно тряхнула головой.

– Ты все испортила! – яростно прошипела она.

Сид и Чарли кое-как встали, цепляясь друг за друга. Чарли был меньше Сиды, но его движения казались более выверенными и целенаправленными, чем у противника, который двигался, как медлительное долговязое пугало.

Чарли схватил Сиды за горло, и тот тщетно пытался разжать его пальцы. Тара прыгнула и впилась ногтями в руки Чарли.

– Отпусти его! – Она стояла возле Сиды.

Реджи оцепенела. Она знала, что ей нужно что-то предпринять, но не понимала, что именно. Сид издавал жуткие квохчущие звуки. Реджи подошла к Чарли и увидела на его руках кровоточащие царапины, оставшиеся от ногтей Тары.

– Пожалуйста, Чарли, – сказала она. – Ты не такой.

Чарли недоуменно посмотрел на свои руки, сомкнутые на горле Сиды, как будто они ему не принадлежали, и отпустил его. Сид захрипел, пытаясь глотнуть воздуха и хватаясь руками за помятое горло.

Реджи наклонилась к Чарли и прикоснулась к его кровоточащей руке.

– Это я виновата, – сказала Реджи. – Мне не следовало говорить такие вещи о Таре. Я просто взбесилась. Я ревновала, и... – Она запнулась и поняла, что если сейчас не скажет эти слова, то не скажет никогда.

«Я люблю тебя».

Она мысленно выкрикнула эти слова, но когда она открыла рот, то наружу вырвалось лишь убогое: «Мне очень жаль».

– Отстань от меня! – выкрикнул Чарли и оттолкнул ее. – Отстаньте, все вы! Просто оставьте меня в покое!

Они застыли, глядя друг на друга широко распахнутыми глазами.

– Пошли все вон отсюда! – заорал Чарли. Он снова рванулся вперед и обеими руками толкнул Сиды. Тот зацепился за отставленную ногу Тары и опрокинулся назад, болтая ногами. Его голова с тошнотворным треском ударилась о мостовую.

Какую-то секунду никто не двигался. Время остановилось. Реджи как будто оказалась где-то далеко и рассматривала сцену, запечатленную на фотографии. Там был Чарли с вытянутыми руками, словно чудовище Франкенштейна. Тара стояла боком, твердо упираясь ногой, через которую перелетел Сид, и взгляд Реджи был устремлен на Чарли в тщетной попытке повернуть время назад.

– Сид? – позвала Тара. – О господи, Сид! – Она опустилась на четвереньки и заглянула ему в лицо.

Чарли нервно переминался с ноги на ногу.

– С ним все в порядке, – сказал он.

Тара подняла голову.

– Нет! Ни хрена не в порядке! Он ударился затылком. Здесь много крови.

Реджи присела на корточки и осмотрела Сиды, скорчившегося в тусклом свете на мостовой. Его глаза были открыты, и темная лужица крови собиралась вокруг головы. Реджи поднесла руку к его рту и ноздрям.

– Ребята, кажется, он вообще не дышит. Думаю, ему совсем плохо. – Ее голос звучал визгливо и пронзительно.

Все это сотворила она. Ее любовь к Чарли, ее ревность. Если бы Реджи не рассказала ему о Таре, то они с Сидом не стали бы драться. И Сид бы не лежал перед ними на асфальте.

Пятнышко гнили глубоко внутри нее начало расползаться в стороны.

– Он умер! – простонала Тара, глядя на Чарли. – Он ни хрена не дышит, и убил его ты!

– Заткнись, мать твою! – завопил Чарли. Он качался из стороны в сторону. – Я думал... вот дерьмо! Это был несчастный случай! – Он лягнул Сиды и крикнул: – Вставай!

– Нам нужна помощь, – сказала Реджи. Она выпрямилась и медленно попятилась к двери бара Рейбена.

– Нет! – Тара прыгнула из сидячего положения, крепко схватила ее за руку и потянула назад. – Уже слишком поздно. Нам нужно убираться отсюда. Прямо сейчас.

Фары автомобиля, свернувшего на стоянку, осветили ужасную сцену: Реджи смотрела на лицо Сиды, бледное и окаменевшее, с лужицей крови, собравшейся вокруг его головы, как темное гало. Автомобиль постоял

несколько секунд с работающим двигателем и ярким светом, направленным ей в лицо. Реджи не видела, кто сидел внутри.

– Беги! – взвизгнула Тара и потащила Реджи за собой. Они побежали вместе с Чарли. Реджи обернулась через плечо и увидела, как автомобиль сдал назад, развернулся и выехал с автостоянки, скрипнув покрышками.

Это был светло-коричневый седан, и внутри не было никого, кроме водителя.

23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Реджи, – сказал Джордж, когда встретил ее у двери. – Все в порядке?

– Можно войти? – спросила Реджи.

– Разумеется. – Он отступил в сторону, и она вошла в дом.

– Проходи в мой кабинет, – сказал Джордж и направился дальше по коридору.

Джордж уселся за тяжелым деревянным столом, а Реджи устроилась на мягком стуле напротив него. После хаоса, царившего в кабинете Стю Бэрра, кабинет Джорджа выглядел почти как монашеская келья. Деревянные половицы были чистыми и блестящими, книги аккуратными рядами выстроились на нескольких полках, встроенных в стену. Лампа с зеленым абажуром освещала стол, который был пустым, если не считать нескольких накладных, с которыми работал Джордж. Ощущение порядка успокаивало Реджи и заставляло верить, что все еще может повернуться к лучшему.

– С твоей мамой все в порядке? – спросил Джордж. Он снял очки и положил их на крышку стола. Даже его очки были совершенно чистыми, с аккуратными стальными ободками.

– У нее все хорошо. С учетом ее состояния, сам понимаешь.

Он удовлетворенно кивнул.

– Жаль, что в последнее время от меня не было особого толку. Я с головой ушел в работу. Мы потеряли одного из крупных поставщиков и столкнулись с определенными препятствиями в сооружении нового склада в Брэтлборо.

– Все нормально, мы справляемся. Послушай, Джордж, я хочу попросить об одной услуге.

– Давай.

– Я надеялась, что ты съездишь вместе со мной в полицейский участок.

– В участок?

– Думаю, я знаю, кто такой Нептун. У меня есть доказательства, но боюсь, они мне не поверят. Особенно этот молодой сыщик, Эдвард Леви. Мне нужна любая помощь, какую я могу получить. Мой друг Лен едет сюда из Вермонта, но я не хочу больше ждать.

Глаза Джорджа казались огромными.

– Ты знаешь, кто такой Нептун?

Реджи кивнула.

– Что тебе известно о Стю Бэрре?

– Об этом детективе?

– Он ухаживал за моей мамой в школе... и потом, – сказала она.

– Да, я помню, – сказал Джордж. – Она встречалась и с его братом Бо. Насколько я помню, там все немного запуталось.

– Я думаю, что Стю Бэрр может быть Нептуном, – сказала Реджи.

– Что? – Он подался вперед и наклонился к Реджи так близко, как это было возможно через стол.

Она запустила руку в свою курьерскую сумку и достала полицейское досье Веры и записку от Тары, адресованную Стю.

– Он был мужчиной в бейсболке «Янкис», который разговаривал с ней в баре в тот вечер. По его словам, он допрашивал ее и предполагал, что она сама может оказаться Нептуном.

Джордж покачал головой.

– Это нелепо.

– Что если Стю был тем самым человеком, который обещал жениться на ней? Что если он заманивал этих женщин любыми извращенными способами, какие только можно придумать?

Джордж откинулся назад и прикрыл лицо руками.

– Бог ты мой, – сказал он. – Только представьте! Он находился в идеальном положении, чтобы совершить эти преступления и выйти сухим из воды. Он возглавлял расследование! Никто не понимал, как можно оставлять руки на крыльце полицейского участка и не попасться с поличным. Но все видели, как Стю Бэрр заходит туда и выходит обратно.

Реджи кивнула.

– Мне нужно обратиться в полицию и показать им записку от Тары. Но я беспокоилась, ведь все копы хорошо знают Стю. Они будут горой стоять за него, может быть, даже откажутся рассматривать улики.

– Я поеду с тобой, – сказал Джордж. – Понадобится немало убеждения, но сегодня последний день, Редж. Если он действует по той же схеме, то сегодня ночью он убьет ее, а утром выставит напоказ ее тело.

Реджи закрыла глаза и попыталась отогнать образ Тары, – обнаженной, лежащей на каком-нибудь поле, покрытом утренней росой, с перевязанным обрубок запястья.

– Я знаю. Спасибо, что согласился поехать со мной. Что бы ни случилось, вместе нам будет легче.

– Это не проблема. – Джордж встал.

– Подожди, – сказала Реджи. – Перед уходом я хотела задать еще один вопрос.

– Хорошо. – Джордж опустился в кресло. Он выглядел немного встревоженным.

«Просто спроси», – сказала себе Реджи. Лучше покончить с этим. Точно знать, что было на самом деле.

– Вы с моей матерью когда-то были вместе, правда? До того, как ты увлекся Лорен.

– Реджи, – вздохнул он. – Мы уже обсуждали все это, правда? И я сказал тебе...

– Ты сказал то, что счел нужным. В детстве и ранней юности ты изо всех сил старался защитить меня от правды. Вы с Лорен создали целый вымышленный мир, скрывая, кем была моя мать и куда она отправлялась, когда ее не было дома. Думаю, ты и теперь кое-что скрываешь от меня.

– Например?

– Ты мой отец, Джордж?

Он резко отвернулся, словно получил пощечину. Секунду спустя он овладел собой и повернулся к Реджи, но только смотрел на нее.

– Пожалуйста, Джордж. Не надо больше тайн.

Он устало кивнул.

– Она никогда не хотела, чтобы ты знала об этом. Твоя мать говорила, что я могу сколько угодно принимать участие в твоей жизни как друг семьи, но не должен говорить тебе правду. Полагаю, она думала, что для тебя будет лучше представлять разных людей, которые годились бы тебе в отцы, чем столкнуться с потрясением, получив отца в моем лице.

Реджи закусила губу, вспоминая то, что Вера говорила о Джордже: она называла его неудачником и насмехалась над его утками.

– Лорен знает?

– Нет... Ну, может быть. Думаю, она догадывается, но она никогда не спрашивала. Ей известно о моем романе с твоей матерью, вот такие дела. – Он посмотрел на свои ботинки.

Запутанный клубок тайн, в котором они все существовали до сих пор, стал настоящим шоком для Реджи. Оставалось лишь гадать, что делать

дальше. Ей казалось, будто она попала в бездарный телефильм из тех, какие показывают в дневное время: дочь узнает, что человек, который был значимой фигурой в ее жизни, на самом деле является ее отцом. Реджи едва ли не слышала слащавую музыку, подводящую к кульминационному моменту. Здесь она должна была сказать нечто трогательное, исполненное глубокого смысла, нечто такое, что должно закончиться слезливыми объятиями.

Ее разум отключился; все вращалось слишком быстро, и было невозможно ухватиться за любую мысль или идею, чтобы произнести ее вслух.

Джордж нерешительно улыбнулся и встал.

– Нам лучше поторопиться. Я только возьму пальто и выключу свет. Буду через минуту.

Назад, в реальный мир.

Реджи откинулась на спинку стула. Скоро все закончится. Осталось лишь убедить полицейских, чтобы они проверили Стю и обыскали его яхту. Может быть, именно там он и держит Тару.

Реджи убрала в сумку полицейское досье Веры и записку Тары. На самом дне лежал лебедь Джорджа.

Джордж. Ее отец. К этому еще надо будет привыкнуть, но в глубине души Реджи знала, что это правда. Она чувствовала это как часть его личности внутри себя – логичную, практическую часть. Реджи понимала генетическое происхождение своей любви к порядку, к планам и чертежам, к умению видеть красоту и огромные возможности в обычном куске дерева.

Реджи достала из сумки деревянную утку и провела пальцами по резным перьям.

«Это гадкий утенок. Всю свою жизнь он сравнивает себя с другими, считает себя отверженным, а потом вырастает и понимает, что на самом деле он – прекрасный лебедь».

Это была не только история ее матери, но и ее собственная история, не так ли?

Реджи повернула птицу в руке, разглядывая искусно вырезанные перекрестные желобки на перьях. Она представила Джорджа, склонившегося над верстаком с резцом в руке и кропотливо выводившего каждую деталь.

Но там, в центре лебединой груди, прямо над несуществующим деревянным сердцем, находилось нечто чужеродное.

Не перья и не инициалы, оставленные мастером.

Нет. Там, скрытое в узорных линиях, находилось тайное послание. Предупреждение. Признание.

Крошечный резной трезубец.

– Вот дерьмо! – сдавленно прошептала Реджи. Мощный прилив адреналина хлестнул по ее нервам, как сотня чашек эспresso, все чувства обострились до предела.

Дрожащими пальцами Реджи провела по трезубцу. Мысли взрывались у нее в голове, но одна четкая и ясная команда заглушала все остальное.

«Беги! Немедленно убирайся отсюда!»

– Ты готова?

Реджи вздрогнула. Джордж стоял прямо за ней, в дверном проеме, с улыбкой на лице. Его взгляд остановился на лебедь, которого Реджи держала в руке, и улыбка изменилась, хотя почти незаметно.

– Само собой! – чересчур бодрым тоном отозвалась Реджи. Проклятие, нужно контролировать свои чувства. – Помнишь его? – спросила она и протянула лебедя, не желая навлекать подозрения. – По-моему, однажды ты подарил его маме. Недавно я нашла его в своем шкафу в «Желании Моники». Он очень красивый.

Она постаралась сказать это как можно ровнее и положила лебедя в свою сумку. Джордж кивнул, внимательно глядя на Реджи.

– Поедем в моем автомобиле, – спокойно сказал он.

– Я могу ехать за тобой, – предложила Реджи, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

Джордж вынул из кармана ключи и открыл переднюю дверь.

– Ну, нет, – сказал он. – Я настаиваю.

Часть III

Отрывок из книги Марты С. Пэккетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

«Думаю, что до этих убийств мы во многих отношениях жили в эпоху невинности, – говорит преподобный Хиггинс из Первой конгрегационалистской церкви Брайтон-Фоллс. – Мы считали, что здесь не может случиться ничего дурного. Нептун что-то отнял у нас, помимо жизни этих несчастных женщин. Он отнял наше ощущение безопасности и показал нам истинный лик зла. Трудно представить, как можно вернуться к прежнему порядку вещей. Я не думаю, что Брайтон-Фоллс или кто-либо из его жителей остался таким же, как раньше».

23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Джордж насвистывал, обеими руками плотно обхватив рулевое колесо. Реджи изучала его руки – маленькие, даже изящные, с аккуратно подстриженными ногтями. Они выглядели гладкими, почти безволосыми, и Реджи была уверена, что они мягкие на ощупь. Она всегда представляла руки Нептуна более крупными и грубыми. Это же были руки художника или хирурга, и то обстоятельство, что они выглядели совершенно безобидными, глубоко беспокоило ее.

Она до сих пор не могла оправиться от потрясения. Джордж, помогавший ей учить алгебру и учивший кататься на велосипеде; кроткий маленький Джордж с лицом Дядюшки Мыши – он был Нептуном. Это казалось совершенно невозможным.

Реджи заставила себя повторять слова снова и снова, чтобы они дошли до ее сознания:

«Джордж – мой отец».

«Джордж – это Нептун».

«Нептун – мой отец».

Она мысленно вернулась к своей астрологической карте, к крошечному голубому трезубцу в двенадцатом доме, кусочку Нептуна, запрятанному глубоко внутри нее, который навевал кошмары и художественные видения. Теперь она понимала, что это было нечто большее, гораздо большее: половина ее ДНК, строительных кирпичиков ее личности, исходила от него.

Она изучала профиль Джорджа, подмечая черты фамильного сходства. Правда ли, что у нее такой же лоб, как у него, и его подбородок?

Возможно ли, что, помимо любви к порядку и планированию, в ее клеточном материале заложена скрытая тяга к убийству, которая до сих пор не находила возможности для проявления?

Реджи ехала на пассажирском сиденье, поставив сумку на полу между ног. Судорожно сжались мышцы живота, и Реджи сделала глубокий вдох, обдумывая свой план. Когда они приедут в полицейский участок, она выполнит вместе с Джорджем все формальные процедуры и расскажет полицейским о Стю Бэрре. Потом она найдет возможность остаться с одним из них наедине, покажет ему лебедя и скажет, что Джордж на самом деле является Нептуном. Она будет под надежной защитой всего

полицейского департамента Брайтон-Фоллс. И они получают своего убийцу, только и всего. Они задержат его и будут допрашивать, пока он не признается и не расскажет им, где спрятал Тару. Это сработает. Должно сработать.

Ей нужно лишь убедиться в том, что любые подозрения, которые могли возникнуть у него, когда он увидел ее с лебедем в руке, отступили на задний план. Она облизнула губы и втайне пожелала, чтобы ей досталась хотя бы частица актерского мастерства матери.

– Не могу поверить, что это с самого начала был Стю Бэrr, – сказала Реджи. – И только подумать, он пытался убедить меня, что моя мать была Нептуном!

Она покосилась на Джорджа. Такого выражения лица, как у него, она еще никогда не видела: едва заметная улыбка и решительный, безрадостный взгляд. Реджи поняла, что он знает.

Не оставалось сомнений: Джордж видел, что она заметила трезубец. И теперь она находилась в большой, большой беде.

– Твоя мать – необыкновенная женщина, – задумчиво сказал Джордж.

– М-да. – Реджи кивнула. Ее ладони вспотели, стук сердца отдавался в горле.

Она панически огляделась по сторонам. Джордж повернул в другую сторону. Они направлялись вовсе не в центр города. Джордж повел автомобиль долгим кружным путем, ведущим к Эйрпорт-роуд.

– Разве мы не должны были повернуть налево? – Она старалась говорить спокойно и деловито. *«Глупенький Джордж, ты пропустил поворот».*

– Мне сначала нужно кое-что сделать. – Джордж ухмыльнулся, по-волчьи оскалив зубы. – Ты не возражаешь, правда?

Реджи с трудом сглотнула.

– Вообще-то я надеялась, что мы сразу же поедem в участок. Я думала, что чем скорее они увидят записку от Тары, тем раньше выйдут на след Стю. Так будет больше шансов спасти Тару.

– Это не займет много времени, – пообещал Джордж.

– Мой друг Лен очень скоро будет в городе, – сказала она, хватаясь за последнюю соломинку. – Он захочет знать, где я.

– М-м-м, – безразлично отозвался Джордж, глядя на дорогу перед собой.

Несколько минут они ехали в молчании. Реджи рассматривала возможность открыть дверь и выпрыгнуть на ходу, но все светофоры были зелеными, и Джордж держал высокую скорость. Последнее, чего хотела

Реджи, – это раскроить себе череп или оказаться раздавленной под колесами проезжающего грузовика. Ей не хватало воздуха, и она нажала кнопку, чтобы опустить окошко, но ничего не произошло. Джордж заблокировал окна. Значит, двери тоже заблокированы? Проклятье!

– Тебе жарко, Реджи?

– Да, немного душно.

– Я включу кондиционер.

Они миновали старые амбары для хранения собранного табака. Теперь лишь немногие выращивали табак. Один амбар переоборудовали для торговли рождественскими елками, в другом продавали хризантемы. Но большинство амбаров были заброшены и стояли пустыми, с покосившимися стенами и обрывками защитных сеток, хлопавших по столбам, как призрачные флаги.

Джордж включил кондиционер в режиме холодного обдува, и покрытая потом кожа Реджи пошла мурашками. Она немного наклонилась вперед, представляя мобильный телефон в своей сумке и гадая, сможет ли незаметно нащупать его. Реджи наклонилась еще ниже и сделала вид, что чешет воображаемую царапину на ноге.

– Все в порядке, Реджи? – спросил Джордж, глядя на Реджи.

– Все хорошо, – ответила она и выпрямилась.

Она глядела через ветровое стекло прямо перед собой, но периферийным зрением наблюдала за Джорджем. Он не был крупным мужчиной, фактически он был таким же высоким, как Реджи. Он горбил плечи, и над брюками выпирал небольшой животик. Она сомневалась, что Джорджу удастся одолеть ее с помощью одной лишь грубой силы, а в салоне вроде бы не было никакого оружия. В схватке один на один у Реджи были хорошие шансы.

– Я сказал, что твоя мать – необыкновенная женщина, – произнес Джордж, когда выехал на линию обгона, чтобы оставить позади рейсовый автобус из аэропорта. – Подумай об этом: обо всем, что ей пришлось пережить, о жизнях, которые она изменила.

Она снова наклонилась почесать ногу, и ее рука скользнула по сумке. Джордж свирепо взглянул на Реджи, и она выпрямилась.

– И знаешь, что самое поразительное? Что всегда сбивало меня с толку? – Джордж говорил все громче и быстрее. Маленькая жилка у него на лбу раздулась и пульсировала.

Реджи покачала головой.

– Нет, – призналась она. – Что?

– То, что она не имела ни малейшего понятия, какой властью обладает

над другими людьми. Уникальной способностью разрушать и уничтожать.

– Не вполне понимаю, что ты имеешь в виду.

Снова голодная звериная ухмылка.

– О, я думаю, ты понимаешь.

Они повернули на Эйрпорт-роуд и проехали кафе «Серебряная ложка», где когда-то работала покойная Кэндис Жаке. Реджи смотрела на здание в стиле ар-деко и видела отражение белого автофургона Джорджа на серебристом витринном стекле.

– Посмотри, что она сотворила с тобой, – сказал Джордж.

Реджи поморщилась.

– Она старалась, как могла.

– Собака была бы для тебя лучшей матерью, чем Вера, – сказал он. Жилка на его виске набухла еще сильнее, лоб покрылся потом. Он говорил быстро, выплевывая слова одно за другим. – Она забросила тебя и каждый день пила со своими хахалями. Всегда была готова потрахаться за несколько бесплатных рюмок и дешевый обед.

– Я не думаю...

– А потом, – перебил Джордж, – потом они всегда бросали ее. Они видели ее насквозь и понимали, что могут найти себе что-нибудь получше.

Они миновали бар Рейбена, перед которым стояла большая вывеска с надписью «ПРОДАЕТСЯ». Реджи вспомнила, как Сид валялся на мостовой в луже крови, и услышала голос Тары: «Беги!» Они подъехали к желтому светофору, и Реджи начала возиться с замком так незаметно, как только могла. Ее сердце дрогнуло, когда она услышала тихий щелчок, но тут Джордж ускорился и проехал на желтый свет. Они миновали аэропорт и углубились в ничейную территорию, застроенную складами, заброшенными фабриками и мотелями с почасовой оплатой. Мотель «У аэропорта» находился слева от них, по-прежнему выкрашенный в ядовиторозовый цвет.

– Выбор, – сказал Джордж. – Жизнь всегда подталкивает нас к этому, не так ли? К тому или иному выбору. Каждый из нас в ответе за свою судьбу, Реджи, сознаем мы это или нет.

– Согласна, – сказала Реджи, лихорадочно оглядываясь вокруг по мере того, как жилые постройки все больше отдалялись от них. Они переехали железнодорожные пути. Вокруг тянулись пустые участки, заросшие жестким кустарником и сухой травой.

– Ты можешь считать, что Вера была жертвой, но правда в том, что она пришла к своему теперешнему состоянию благодаря решениям, которые она принимала. Один неверный выбор за другим. Хотя было так легко

остановиться и повернуть в другую сторону. Вести достойную жизнь. Именно это я ей и предлагал, а она снова и снова отвергала меня. Насмеялась надо мной.

Он скривился и облизнул губы. Фургон замедлил ход, когда они подъехали к повороту дороги. Реджи рванула дверную ручку, взмолившись о том, чтобы замок сработал. Дверь распахнулась, и Реджи прыгнула, ударилась о мостовую и покатилась, как мешок картошки, тормозя плечами и бедрами. Она слышала визг тормозов, но не стала оглядываться, а поднялась и сразу бросилась бежать. Если она успеет нырнуть в заросли кустов, у нее будет шанс. Она умела быстро бегать и привыкла к длинным дистанциям. Джордж был как минимум на двадцать лет старше нее. Если она сможет с самого начала установить достаточно большое расстояние между ними, все будет в порядке.

Она полетела на землю лицом вниз, прежде чем успела осознать, как близко он находился. Секунду-другую она лежала, оглушенная, а потом почувствовала, как вес Джорджа, придавившего ее сверху, немного сместился. Она резко выгнулась в попытке стряхнуть его, но он держался крепко. Реджи недооценила его силу. Он рывком перевернул ее на спину. Реджи лягнула его в пах, но промахнулась.

– Так не должно было случиться, – сказал он, приподнял ее за плечи, а потом изо всех сил бросил на землю. Небо за ним потемнело, весь мир потускнел, превращаясь в узкий тоннель, и Реджи видела лишь лицо Джорджа в дальнем конце, ухмыляющееся, словно зловещая луна. Потом исчезло и оно.

24 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи крутила педали своего старенького «Пежо», проезжая по городу. Солнце только всходило, окрашивая небо над аэропортом красным марсианским сиянием. Реджи казалось, будто она находится на другой планете. На дорогах почти не было автомобилей, лишь редкие автофургоны, развозившие по городу свежий хлеб, молоко и бензин. Встречались и отдельные ранние пташки, которые торопились успеть на работу в Хартфорд, пока движение не станет слишком плотным. В некоторых домах горел свет, и Реджи видела движение за окнами без занавесок: женщина готовит завтрак, мужчина в семейных трусах включает телевизор. Работающие разбрызгиватели на газонах превращали траву в сверкающее зеленое море. Уличные фонари до сих пор горели, и, когда Реджи достигла центра города, это было немного похоже на фильм про зомби, где главный герой становится одним из последних выживших. Магазины были пусты, темные окна похожи на закрытые глаза. Создавалось ощущение, что город затаил дыхание и чего-то ждет.

Реджи снова посмотрела на розовые и красные оттенки рассвета, разливавшегося над горизонтом, и вспомнила кровь Сида на мостовой вчера вечером. Она плотно зажмурилась на несколько секунд и отогнала от себя это видение.

Она кружила по центральной части города, проверяя каждую травянистую лужайку и каждую витрину. По пути Реджи миновала полицейскую машину и поняла, что копы делают то же самое. Она все быстрее крутила педали. Ей не хотелось, чтобы какой-нибудь полицейский в мундире, совершенно незнакомый человек с пистолетом и рацией на поясе, оказался тем, кто найдет Веру. Реджи должна быть первой: она снимет куртку и накроет обнаженное тело матери, прежде чем нагрянут толпы зевак и экспертов, которые будут делать снимки, копать под ногтями у Веры и рыться в ее волосах в поисках малейших улик. Главным образом, Реджи хотела сказать «прости», она должна была это сделать. Она подвела свою мать. Если бы она была умнее, уделяла больше внимания мелочам и была лучшей дочерью, то, наверное, смогла бы вовремя найти ее.

Теперь она не только будет дочерью жертвы серийного убийцы, но и сама станет убийцей. По меньшей мере, сообщницей. Если бы она так

сильно не напортачила вчера вечером и взяла под контроль свои эгоистичные чувства, то, может быть, события приняли бы другой оборот.

Не обнаружив никаких признаков своей матери в центре города, Реджи пересекла Мэйн-стрит и направилась в сторону Эйрпорт-роуд. Пока она ехала, в голове проносились видения прошлого вечера. Сид, с треском ударившийся головой о мостовую, Тара, приказывающая им бежать. Желудок болезненно сжался, когда Реджи вспомнила, как они бежали все втроем, молча и сосредоточенно, а потом повернули в разные стороны, и Тара крикнула: «Запомни: этого никогда не было».

«Запомни».

Да, это был несчастный случай, но им нельзя было убегать. Реджи знала об этом. Она понимала это с самого начала, но была слишком испуганной и потрясенной, чтобы противостоять Таре. Теперь они, возможно, числятся в розыске за убийство.

Реджи проехала мимо табачных амбаров, где мужчины только начинали выходить на работу. Один из них свистнул, когда она проезжала мимо, но это не было восхищенным посвистом, каким обычно провожают хорошеньких девушек; скорее это напоминало призыв для собаки. Реджи смотрела на дорогу перед собой и не оглядывалась назад.

Она миновала плакат с огромным лицом Кэндис Жаке. «ВЫ МЕНЯ ВИДЕЛИ?» Боже, почему никто не снимет его?

Скоро наступит очередь ее матери. Реджи представила фотографию Веры в завтрашней газете и надпись: «ВЕРА ДЮФРЕН, ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕРТВА НЕПТУНА». И что они скажут о ней? Конечно, репортерам не понадобится много времени, чтобы докопаться до истины. Они найдут убогую комнатку в мотеле «У аэропорта». Узнают о неудачной актерской карьере. Составят список баров и мужчин, с которыми она встречалась. Найдется ли место хотя бы для упоминания о дочери? Реджи сосредоточилась, представляя завтрашнюю передовицу и пытаясь прочитать воображаемую статью, чтобы узнать, где было обнаружено тело Веры. Глупость, конечно. Как будто можно вот так просто заглянуть в будущее. Если бы Тара была здесь, она могла бы сделать вид, будто умеет это делать. Но притворство – это нечто совершенно иное... и Реджи – не Тара.

Двухполосная дорога расширилась до четырех полос, и Реджи проехала мимо «Серебряной ложки», где уже стояло полтора десятка автомобилей и подъезжали новые. Здесь движение было оживленнее: такси и рейсовые автобусы до аэропорта, путешественники, торопившиеся успеть на свой рейс. В воздухе пахло дизельными выхлопами и жареной

едой. Над головой пролетел самолет, направлявшийся в какой-то далекий пункт назначения: Сан-Франсиско, Пуэрто-Рико, Рим.

Реджи пыталась представить людей в самолете, пролетавшем наверху, и какой вид открывается оттуда. Могут ли они видеть ее, одинокую девочку, проезжающую на велосипеде по асфальтовым джунглям, мимо рифленых металлических ангаров, розового придорожного мотеля и бара под названием «Взлетная полоса»? Реджи осматривала каждую автостоянку, каждую аллею и боковую дорогу. Она ехала и ехала: лодыжки болели от напряжения, пот промочил футболку и охлаждал кожу в раннем утреннем воздухе.

Когда Реджи доехала до бара Рейбена, то почти ожидала увидеть желтую полицейскую ленту, огораживающую место преступления и массу полицейских, пытающихся реконструировать, что произошло с Сидом. Но стоянка была пустой, а его тело исчезло. Реджи захотелось съехать с дороги и посмотреть на то место, где оно лежало. Осталось ли там пятно крови?

Но Реджи не решилась повернуть туда. Полицейские могли вести наблюдение на тот случай, если убийца по какой-то причине решит вернуться на место преступления. Все в баре Рейбена видели ее, Чарли и Тару вместе с Сидом. Полиция найдет их, это лишь вопрос времени. И что потом? Их арестуют, отвезут в центр для несовершеннолетних преступников или отправят в настоящую тюрьму? Реджи было наплевать. На самом деле это не имело значения. Они это заслужили. Отчасти она даже хотела этого: оказаться взаперти, в изоляции от остального мира.

Реджи проехала мимо аэропорта, туда, где здания попадались все реже, а четыре полосы снова превратились в две. Она миновала грунтовую дорогу, ведущую к одному из складов Джорджа. Сбоку выезжал фургон с надписью «Продукты Монахана», осуществлявший раннюю утреннюю доставку. Внезапно испугавшись, что Джордж может застигнуть ее здесь, Реджи развернула велосипед. Может быть, стоит попробовать аэропорт, поехать вокруг гаражей и автостоянок?

За спиной раздался механический щебечущий звук, и Реджи оглянулась через плечо. Это был полицейский автомобиль с включенным проблесковым маячком. Ей сделали знак съехать на обочину. Реджи остановила велосипед и увидела, как из машины выходит Стю Бэрр.

– Я искал тебя, Реджина, – сказал он.

23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Мы обе мертвы, Дюфрен, – сказала Тара. Ее лицо распухло, губы слиплись от крови. Голова клонилась на грудь, как будто была слишком тяжелой для мышц шеи. Тара едва могла приоткрыть глаза.

– С тобой все в порядке? – спросила Реджи. Тупой вопрос. Она очнулась несколько секунд назад. Нептун стоял над ней, пыхтя, как паровоз, и его голос звучал укоризненно:

«Так не должно было случиться».

Джордж снял с ее глаз повязку и ушел, но Реджи чувствовала, что это ненадолго. Нужно было действовать быстро.

Бетон под ее спиной был холодным и зернистым, царапая кожу там, где задралась рубашка. Ее руки были закинута над головой, локти на уровне ушей, запястья примотаны к трубе клейкой лентой. Труба была надежно прикреплена к гофрированной металлической стене. Реджи могла коснуться стены, когда протягивала пальцы назад. Подняв голову, она увидела, что Джордж использовал половину мотка, чтобы обмотать ее лодыжки.

Инструменты для ампутации на подносе, который он оставил, переливались и сияли в тусклом свете: единственные блестящие предметы в помещении. Поднос лежал на полу примерно в пяти футах справа, как будто искушая дотянуться до инструментов.

– У меня все отлично, бл..., – ответила Тара и сплюнула кровью. Она сидела прямо у железной трубы на другой стороне здания, примерно в двадцати футах от Реджи. Ее туловище было обернуто в несколько слоев серебристой изоляции, прикрепленной к трубе. Руки оставались свободными, но в пределах досягаемости ничего не было. Конец ее правой руки утопал в сплошной массе белых бинтов.

– Болит? – спросила Реджи, глядя на то место, где раньше находилась правая кисть Тары.

– Можно сказать и так. – Тара скривилась. – Сукин сын с прошлого вечера не давал мне морфина.

Взгляд Реджи вернулся к хирургической пиле и скальпелю, к кучке бинтов.

«Не смотри на них, – сказала она себе. – Не паникуй, просто думай».

Голова Реджи взорвалась огненной вспышкой боли, когда она

попыталась оглядеться по сторонам в заброшенном складе. Саднили ободранные локти и правое бедро. Щека как будто была порвана, и кровь запеклась толстой коркой.

Реджи опустила глаза и увидела, что песочные часы, прикрепленные к ожерелью, болтаются поверх рубашки. Стекло треснуло, розовый песок сыпался наружу.

«У тебя есть одна минута на то, чтобы вызволить нас отсюда. Если ты этого не сделаешь, мы обе умрем».

– Где мы? – спросила Реджи, стараясь успокоить бешеный стук сердца.

– В аду, – мрачно ответила Тара.

Реджи вытянула ноющую шею и увидела изогнутые металлические стены, образующие полукруглую арку наверху, как будто они находились внутри огромной консервной банки, разрезанной вдоль. Здание имело примерно 40 футов в длину и 20 футов в поперечнике. Окон не было, лишь большая деревянная сдвижная дверь в дальнем конце и огромный вентилятор над ней.

– Это сборный ангар, – сказала Реджи, испытывая странное облегчение. По крайней мере, это было здание, а не пещера безумного колдуна. Так получилось, что Реджи много знала о таких конструкциях. Она училась в архитектурном колледже Род-Айленда, в том штате, где были изобретены полукруглые металлические ангара. И она досконально ознакомилась с их устройством, когда занималась дизайнерской модификацией такого ангара для пожилых супругов из Беннингтона.

– Эта конструкция получила название в честь Куонсет-Пойнт на Род-Айленде, – сказала Реджи, машинально переключившись на голос, которым она пользовалась для лекций в университете. – Они были сконструированы инженерами ВМФ в начале Второй мировой войны. Им нужно было иметь укрытие – легкое, недорогое, мобильное и пригодное для быстрой сборки с помощью ручных инструментов.

Реджи посмотрела на гофрированные металлические стены и поддерживавшие их стальные арки. Металл потемнел и местами проржавел. Это здание долго простояло на одном месте.

– Твои богатые знания впечатляют, да только от них нет никакого толку, – сказала Тара.

Но Тара ошибалась. Для Реджи это имело большой смысл. Умение разделять вещи на категории, называть их, систематизировать и выделять структурные элементы переводило восприятие, – по крайней мере, сейчас, – из царства кошмаров в реальный и осязаемый мир.

Реджи помнила статью в «Бостон Глоб», превозносившую ее работу

над жилым ангаром в Беннингтоне. Там была фотография владельцев за столом на кухне: свет струился через окно, выходившее на юг, шкафчики были выкрашены в жизнерадостный лимонный цвет с ярко-синими акцентами. «Дюфрен – настоящая волшебница, – сказали они репортеру. – Она делает невозможное возможным».

Ангар, в котором Реджи находилась сейчас, вовсе не был светлым и жизнерадостным. Несколько тусклых лампочек на потолке были вделаны в древние цоколи. Сверху и сбоку от сдвижной двери в щели проникал солнечный свет, и ветер неспешно вращал вентилятор наверху, отбрасывавший движущиеся тени на грязный, потрескавшийся пол. Рядом с Тарой стоял старый деревянный стол. За ним виднелись какие-то сломанные механизмы – ржавые автомобильные оси, передняя часть грузового подъемника, система шкивов и блоков.

В разных местах валялись кучи грузовых поддонов и рассохшихся деревянных ящиков. Реджи поняла, что это ящики из-под овощей и фруктов. На ближайшем к ней стояла надпись: «ПРОДУКТ АРГЕНТИНЫ». На ящике имелась цветная этикетка с изображением темноволосой женщины, которая с соблазнительным видом держала большую, сочную грушу. Реджи посмотрела на другой ящик с изображением улыбающихся красных виноградин, которые вроде бы пели хором. Слова песни висели над ними в окружении музыкальных нот: «В АРГЕНТИНЕ ВСЕГДА ПРЕКРАСНАЯ ПОГОДА».

Реджи бросило в холодную дрожь.

Джордж привез ее мать в это самое место. Возможно, и других женщин.

Она вспомнила лица, которые видела лишь несколько часов назад на стене в доме Стю Бэрра: Андреа Макферлин, Кэндис Жаке, Энн Стикни. Все они провели последние дни своей жизни здесь, в этом грязном, холодном месте, где воняло машинным маслом и гнилыми фруктами, забытыми и испорченными вещами. Все жертвы лежали на спине под сводчатым арочным потолком, связанные и беспомощные в этой извращенной Церкви Нептуна.

Реджи подняла голову и посмотрела на Тару.

– Ты была в сознании, когда он принес тебя? Ты помнишь что-нибудь об окрестностях этого ангара?

– Нет. Но мы, должно быть, на какой-то проклятой пустоши. Сначала я кричала и кричала, но никто не пришел.

Реджи прислушалась и услышала звуки садящихся и взлетающих самолетов где-то позади себя. Она посмотрела на часы: 14.15. Солнце

находилось прямо за вращающимся вентилятором. По ее догадке, они находились примерно в двух милях от аэропорта. У Джорджа имелись старые склады в самом конце Эйрпорт-роуд. Должно быть, это один из них.

– Как долго я была в отключке? – спросила Реджи.

– Недолго, пятнадцать или двадцать минут. Я услышала шум автомобиля снаружи. Пару минут спустя он принес тебя. А сколько я здесь пробыла? – поинтересовалась Тара. – Я утратила счет времени.

Реджи хотела было солгать, но не смогла.

– Сегодня четвертый день, – сказала она.

Тара свесила голову на грудь и закрыла глаза.

– Теперь уже недолго, – произнесла она спокойным, деловитым тоном.

– Как ты узнала, что это Джордж? – спросила Реджи.

– Я была не вполне уверена, – сказала Тара. – Однажды вечером Вера совершенно вышла из себя. Это было сразу же после его посещения. Она снова и снова повторяла, что она не вернется обратно, что он не сможет заставить ее. Мы полночи не спали, и я не разобрала половину того, что она сказала, но услышала достаточно, чтобы задуматься о связи между Джорджем и Нептуном. Во всяком случае, он держал ее где-то, прежде чем она оказалась в приюте для бездомных. Я отправилась к отцу Чарли, но его не было дома.

– Почему к нему? Он же на пенсии.

– Я решила, что никто не знает всю подноготную этого дела лучше, чем Стю Бэрр. Думала, он знает, что нужно делать. Но... Джордж опередил меня. – Она секунду помолчала. – Наверное, это Лорен рассказала ему, как сильно расстроилась Вера и что я всю ночь просидела в ее комнате. Не знаю... Он как-то догадался, что я *догадалась*, возможно, с помощью гребаной психической силы серийного убийцы. Он выследил меня, набросился исподтишка и едва не задушил до смерти. Тогда я думала, что умерла, но потом очнулась здесь. Он рассказывал мне всякие вещи. Он сумасшедший, Реджи. Он безумен, как летучая мышь из ада. Из того, что они с Верой рассказали мне, выяснилось вот что. Он годами держал твою мать в какой-то маленькой арендованной комнате в Уорчестере, неподалеку от одного из его складов в том районе. Представлял ее как свою больную жену. Угрожал, что если она когда-нибудь сбежит, то он придет за тобой.

– О господи! – прошептала Реджи.

– Да. Он покупал ей еду, сигареты, выпивку. Ее не запирали, но она была слишком запугана, чтобы уйти. Он приносил ей мобильный телефон, набирал твой номер и давал послушать твой голос, когда ты отвечала. Так она могла понять, что он держит слово и что с тобой пока все в порядке.

Еще это была угроза: он показывал ей, что знает, где тебя найти.

– Это была она, – сказала Реджи, вспоминая все телефонные звонки за долгие годы и странное напряженное дыхание на другом конце линии, как будто человек, который ей звонил, вот-вот собирался что-то сказать.

– Но в конце концов она сбежала? – спросила Реджи.

Тара сипло засмеялась.

– Он отпустил ее. Думаю, ему просто надоело держать ее в тайном убежище все эти годы. И, разумеется, она больше не была королевой красоты, она была больной и обезумевшей – словом, настоящей обузой. Лорен все больше нуждалась в его обществе и начала задавать вопросы о его поездках. Он сам высадил твою мать возле приюта для бездомных и заставил поклясться, что если она скажет хоть слово про него, или хотя бы кто она такая, то он придет за тобой.

Мысль о том, до каких пределов дошла мать ради того, чтобы защитить ее, ошеломила Реджи. Она не представляла, что любовь может быть такой глубокой. Вера пожертвовала собственной жизнью и рассудком, лишь бы спасти свою дочь.

Зазвонил мобильный телефон. Реджи повернулась и увидела, что ее кожаная курьерская сумка была брошена на пол в дальнем конце здания, возле сдвижной двери. Туда было не добраться.

Реджи проверила прочность клейкой ленты, связывавшей ее запястья на другом конце железной трубы. Разорвать ее не было никакой возможности. Требовалось что-то острое. Взгляд вернулся к инструментам, разложенным на металлическом подносе примерно в пяти футах от нее: скальпели, пила, пропановая горелка, металлический совок, зажимы, жгуты и бандажи. Оставить их на виду было вызывающим шагом с его стороны. Джордж сделал это ради того, чтобы напугать Реджи, создать прелюдию к тому, что ее ожидало. Но он допустил одну роковую ошибку. Если существовала какая-то область, в которой Реджи не было равных, то это геометрия, пространственные связи, визуализация радиуса круга. Реджи видела закономерности, невидимые для других людей: линии, плоскости и траектории. Она знала, что поднос с инструментами не находится вне зоны досягаемости.

Телефон перестал звонить.

Реджи начала шаркать ногами против часовой стрелки, отталкиваясь ими и приподнимая ягодицы, поворачивая связанные руки вокруг трубы. Ее тело гудело от боли. Реджи пыталась поднять голову, чтобы наблюдать за своим продвижением, но не могла этого сделать. Медленно и осторожно она продвигалась вперед.

Реджи думала о кривых и спиралях, об орбитах планет. О том, как Лен говорил ей, что Нептун находится в ее двенадцатом доме; это делало ее великим архитектором, но также могло привести на грань безумия.

Она думала о словах своей матери, что все в мире соединено невидимыми нитями, что все мы связаны друг с другом такими способами, о которых не можем даже и помыслить.

Сейчас Реджи чувствовала эти нити, связывавшие ее с матерью, с Тарой и с другими женщинами, убитыми Нептуном; с женщинами, которые смотрели на этот потолок в последние мгновения своей жизни на земле.

Движение было медленным, извилистым и судорожным, как у жука, наколотого на булавку, но в конце концов Реджи установила контакт. Ее правая нога коснулась подноса с инструментами, издавшего долгожданный металлический лязг.

– Что ты задумала, Дюфрен? – Тара снова подняла голову и смотрела на Реджи, приоткрыв один глаз. Другой совершенно заплыл.

– Делаю невозможное возможным.

– А?

– Если я смогу передвинуть поднос и послать пилу, нож или скальпель туда, куда я смогу дотянуться руками, то я разрежу ленту и освобожусь.

Тара издала шипящий звук, отдаленно похожий на смех.

– Какая ирония!

– Ты о чем? – спросила Реджи, позволив себе на секунду расслабиться.

– Мысль о том, чтобы спастись с помощью лезвия.

Реджи осторожно шевелила ногой, стараясь придвинуть к себе поднос с инструментами, дребезжавшими на бетонном полу. Она извивалась и содрогалась. Когда поднос оказался достаточно близко, она перекатилась на правый бок, и раненое бедро пронзило болью от прикосновения к жесткому бетонному полу. Она подтянула колени к груди, чтобы огородить предметы, лежавшие на подносе, и стала вращаться, как сломанная стрелка часов. Тик-так, тик-так. Она сделала почти пол-оборота и находилась в положении на 11 часов, настолько далеко, насколько это было возможно, чтобы не врезаться в стену.

Справа от нее в поле зрения появился еще один ящик из-под фруктов с надписью: «El Diablo Oranges, San Paolo, Brasil». Красный дьявол улыбался и указывал вилами в ее сторону.

«Старина Дьявол».

Реджи знала, что у нее есть только одна попытка. Она изучила траекторию, представила невидимую линию между пилой и скальпелем на подносе и своими связанными руками. Наконец Реджи набрала в грудь

воздуха, и, вложив всю силу своего тела, лягнула поднос коленями, выбив оттуда инструменты. Скальпель полетел идеально, скользнув по бетону и ударившись о металлическую стену. Реджи не могла повернуться и посмотреть на него, лишь молилась о том, что сможет дотянуться. Пила тоже приблизилась – Реджи могла видеть ее, изо всех сил изогнув шею, – но казалась вне досягаемости. Реджи подтянулась к стене и начала шарить за трубой. Кончики пальцев скользнули по краю пилы, но Реджи не смогла придвинуть ее еще ближе.

– Мать твою! – прошипела она и попыталась растянуть пальцы, представляя, что ее тело стало более эластичным. Это не помогло. Она оставила попытки и стала лихорадочно шарить вдоль стены прямо за спиной. Куда, к черту, подевался скальпель?

Кончики ее пальцев танцевали по полу. Наконец Реджи нащупала его: узкий цилиндр из холодного металла, зажатый между полом и стеной. Реджи перебрала пальцами и взялась за скальпель, но обнаружила, что это не тот конец, когда ощутила режущую боль от лезвия.

Вот так. Ей снова было тринадцать лет, и она сидела на чердаке вместе с Тарой, которая держала в руке бритву, влажную от крови. Реджи помнила удовольствие, смешанное с чувством вины, и невероятное облегчение, когда Тара провела острым лезвием по ее коже: момент экзальтации, когда в мире не осталось ничего, кроме нее и ее боли. Нет ничего – ни матери в плену у серийного убийцы, ни тайной любви к Чарли. Вообще ничего. Только боль и глубокое проникновение в свою сущность, в место безупречного спокойствия.

Реджи снова провела пальцами по краю скальпеля и ощутила холодный поцелуй лезвия, опустошавший ее разум, очищавший его от всего остального. Какое облегчение!

– Как там у тебя? – спросила Тара.

– Сейчас освобожу нас, – пообещала Реджи.

Она сделала глубокий вдох и липкими от крови пальцами дотянулась до ручки скальпеля. Еще немного поерзав, она смогла установить лезвие под нужным углом, чтобы разрезать ленту. Это был кропотливый процесс, даже с очень острым инструментом: неуклюжие проколы и пилящие движения вверх-вниз. В конце концов Реджи разрежала ленту и освободила руки.

Телефон зазвонил снова.

Реджи села, поползла по полу, отталкиваясь руками, и ответила на звонок.

– Реджи, – сказал Лен. – Я на месте, рядом с твоей тетей. Куда ты

пропала? Мы уже собираемся звонить в полицию.

– Слушай внимательно. Ты должен позвонить в службу 911. Скажи им, что нас с Тарой держат в старом сборном ангаре примерно в двух милях к западу от аэропорта. Ангар принадлежит фирме «Продукты Монахана». Джордж Монахан – это Нептун.

– О боже, Реджи! – произнес Лен.

– Поторопись, – сказала Тара. В ее взгляде сквозило отчаяние. – Кажется, я слышу автомобиль.

Реджи замерла и прислушалась. Да, слабое жужжание автомобильного двигателя, которое постепенно становилось громче.

– Мне пора, – сказала она.

– Я люблю тебя, Реджи, – сказал Лен.

– Я тоже люблю тебя. И мне очень жаль, Лен. Мне жаль, что я все время боялась и отталкивала тебя.

– Не время для нежностей, Редж, – перебила Тара. – Он почти здесь!

– Реджи, я... – начал Лен.

– Позвони в полицию. Скажи, чтобы поспешили изо всех сил. – Реджи повесила трубку, когда услышала хруст покрышек на гравийной дороге.

– У тебя там есть нож или что-нибудь такое? – спросила Тара.

Реджи пошарила в сумке, отодвинув деревянного лебедя и альбом с набросками спирального дома. Она взяла перьевую ручку, решив, что это лучше, чем ничего, но потом увидела на самом дне большую отвертку.

– Поспеши, – выдохнула Тара. – Он здесь.

Реджи покатила отвертку по полу.

– Это все, что у меня есть.

Тара потянулась к отвертке и спрятала ее в черном мотоциклетном ботинке. Снаружи хлопнула дверь автомобиля. Звук шагов приближался к двери.

Реджи поспешила обратно, схватила инструменты и бинты, бросила их на поднос и оттолкнула, как ей показалось, на прежнее место.

Послышался металлический лязг, Джордж отпирал дверь и убирал задвижку.

Реджи схватила скальпель, засунула его в рукав и легла на спину, вытянув руки над головой вокруг трубы и скрепив разрезанные концы клейкой ленты.

Дверь открылась, и свет хлынул внутрь, но в центре маячила огромная, длинная тень Нептуна.

– Соскучились, дамы? – громко спросил он, и эхо его голоса отразилось от стен пустого ангара, как удар грома.

24 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Я заглянул к тебе домой, и твоя тетя сказала, что ты уехала кататься на велосипеде.

Реджи сжимала руль велосипеда, выставленного как преграда между ней и Стю Бэрром. Он был одет в синюю спортивную куртку из полистирола, которая была слишком узкой в плечах и не застегивалась на все пуговицы. Реджи видела пистолет в кобуре, пристегнутой к его левому бедру.

– Ее уже нашли? – спросила Реджи. – Мою маму?

Стю покачал головой.

– Еще нет.

Реджи кивнула, глядя на педали и цепь своего велосипеда, на зубчатые шестеренки и передний механизм переключения передач.

– Значит, вот что ты здесь делаешь? – спросил Стю. – Ищешь свою маму?

Реджи робко пожала плечами.

– Я хотела первой найти ее, – сказала она, наконец оторвавшись от созерцания велосипеда и посмотрев ему в глаза. – Мне казалось, что она хотела бы этого.

Стю кивнул и смерил ее долгим, очень долгим взглядом.

Если он приехал не для того, чтобы рассказать о ее матери, то для того, чтобы арестовать ее за убийство Сиды. Реджи ждала, думая о том, наденет ли Стю на нее наручники или позволит добровольно сесть в автомобиль. Она пыталась представить лицо Лорен, когда та включит новости и услышит: «Вчера ваша племянница со своими друзьями убила подростка». Она почти жалела Лорен, которой теперь придется жить в одиночестве в большом каменном доме, где только призраки могут составить ей компанию.

– Реджи, – наконец сказал Стю. – Я знаю, что случилось вчера вечером на автостоянке перед баром Рейбена.

– Ох, – только и сказала Реджи.

– Сегодня утром Чарли не выдержал и рассказал обо всем.

Стю погладил усы и какое-то время смотрел на нее, словно размышляя, что делать дальше.

– Вы собираетесь арестовать меня? – спросила Реджи.

Он шумно выдохнул.

– Ну, нет. Не собираюсь.

– Мы не должны были так оставлять его, – сказала Реджи, борясь с подступающими слезами. – Он лежал там, совсем мертвый. Это был несчастный случай, но мы не должны были убегать оттуда. Мне так жаль... Это я виновата, что поссорила их. Если бы я не сказала Чарли...

– Он не умер, Реджина, – перебил Стю.

Она подняла голову и вытерла глаза; в сердце встрепенулась надежда.

– Хотите сказать, с ним все в порядке?

Стю сурово посмотрел на нее. Его лицо в последнее время заметно постарело, под глазами висели темные мешки.

– Нет, – сказал он. – Он получил тяжелую травму головы. Врачи ничего не могут поделать.

– Значит, он умрет?

– Я так не думаю, но, с большой вероятностью, он больше не сможет ходить. Или говорить. Он никогда не будет прежним, Реджи. Ты это понимаешь?

Реджи часто задыхалась. Ей то казалось, что она вот-вот взлетит, то на нее накатывала гнетущая тяжесть.

– Это хуже, чем смерть, – пробормотала Реджи.

Стю не ответил. Некоторое время они молча глядели друг на друга. Она представила Сида на больничной койке, подключенного к капельнице и кислородному баллону, с огромной белой повязкой на голове, наподобие чалмы. Курильщик марихуаны, отправившийся в трансцендентальное путешествие, из которого никогда не вернется.

И в этом была виновата она, Реджи.

– Вот что я скажу. – Стю понизил голос и наклонился к ней. Его дыхание участилось; от него пахло застарелым потом, кофе и сигаретами. Реджи была уверена, что он не спал всю ночь и, наверное, не менял вчерашнюю одежду. – Никаких уголовных обвинений не будет. Полицейское расследование установит, что он находился на автостоянке один, когда споткнулся и неудачно упал.

– Но это же неправда! – Копы не должны были так поступать. Они ведь хорошие парни. Считается, что они раскрывают правду, а не распространяют ложь.

Стю кивнул.

– Разве недостаточно, что одна жизнь уже разрушена? – спросил он.

– Но мы все были там! – возразила Реджи. – Если бы мы не бросили его, если бы сразу же помогли ему...

Стю выставил ладони в запретительном жесте.

– Что сделано, то сделано. – Его голос был твердым и властным. – Теперь вот что мне нужно от тебя. Слушай внимательно, Реджи, потому что это важно.

Она бессильно кивнула.

– Я хочу, чтобы вы, ребята, держались подальше от Сиды. И друг от друга.

– Но Чарли...

– Никаких «но». Мой сын будет жить обычной жизнью. Осенью он собирается поступить на подготовительные курсы. Он будет лезть из кожи вон, чтобы получать хорошие оценки, может, будет немного играть в футбол. Потом он поступит в хороший колледж. Я не позволю вот так испортить ему жизнь.

Последние слова Стю произнес с нажимом и расстановкой, как будто хотел, чтобы они четко врезались в память.

– Лучше всего, если вы сейчас немного отдохнете друг от друга, – продолжал он. – А с учетом того, что случилось с твоей матерью, думаю, тебе нужно некоторое время посидеть дома. Тетя Лорен нуждается в тебе.

– Она знает, что произошло с Сидом? Вы ей рассказали?

Стю покачал головой.

– Повторяю, тут нечего рассказывать. Сидни споткнулся и упал. Он был на автостоянке один. Он выпил несколько банок пива и покурил травки. Потом он зацепился за выступ на мостовой, потерял равновесие и упал на спину. Несчастный случай может произойти с каждым из нас. Ты понимаешь?

Реджи кивнула, но, по правде говоря, она ничего не понимала.

Неужели можно вот так просто перекроить прошлое? Реджи подумала о лжи, которую она годами слышала от своей матери, и о том, с каким энтузиазмом была готова поверить этим выдумкам, хотя теперь правда казалась совершенно очевидной. Разве не следовало что-то заподозрить, ведь мать ни разу не приглашала ее на постановки своих пьес и никогда не знакомила Реджи со своими эксцентричными друзьями из театра? Может быть, все это сводилось к одному: люди верят в то, во что они хотят поверить.

– И ты какое-то время не собираешься звонить Чарли или Таре, правильно? Никаких визитов и встреч, никаких телефонных звонков.

– Хорошо, – промямлила она.

– Вот и молодец, – сказал Стю. – Хочешь, подброшу тебя до дома?

– Все нормально, я сама доеду.

Она села на свой велосипед и тронулась с места.

– Реджи, – позвал Стю. Она притормозила и оглянулась на него. – Тела других жертв Нептуна были обнаружены ранним утром.

– Да, я знаю.

– Я хочу сказать... Может быть, это добрый знак, что тело твоей матери до сих пор не нашли. Возможно, на этот раз все будет по-другому.

В тот момент Реджи возненавидела его. Это казалось самой жестокой вещью на свете – выдумать надежду там, где никакой надежды не оставалось.

– Может быть, – сказала Реджи и поехала домой.

23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Реджи повернула голову и увидела, что Нептун несет две продуктовые сумки к маленькому деревянному столу рядом с Тарой. Насвистывая, он достал из одной сумки белую скатерть и накрыл стол. Потом выложил на скатерть тарелку, ложку, вилку, нож и поставил хрустальный бокал для вина. Джордж двигался неторопливо и методично: разгладил салфетку, выверил расстояние между тарелкой и бокалом, протер вилку, пока она не засияла. В качестве финального штриха он добавил два серебряных подсвечника с красными свечами, которые зажег спичками, вынутыми из кармана. Джордж совершенно не обращал внимания на Реджи и Тару.

Когда стол был идеально сервирован, он достал из сумки большой пластиковый контейнер и открыл его. От распространившегося запаха желудок Реджи сделал сальто-мортале, и она постаралась дышать ртом. Она – как человек, который видит ужасную аварию, но не может отвести взгляд, – завороченно смотрела, как Нептун медленно снимает крышку контейнера с отварным лобстером и гарниром. Он осторожно выложил содержимое на тарелку: красный лобстер, исходящий паром, и маленькие белые картофелины.

– Уже почти пора, любимая, – обратился Джордж к Таре. Она свесила голову на грудь и закрыла глаза. Потом он взглянул на Реджи и какое-то время изучал ее лицо. У нее не было времени аккуратно разложить инструменты и надлежащим образом прикрыть запястья. Заметил ли он это?

Нет. Он лишь улыбнулся и вернулся к лобстеру. Он вскрыл панцирь, разрезав по центру и обнажив мясо. Потом сбрызнул лобстера растопленным маслом из бутылочки. Покончив с этим, Джордж облизал пальцы, убрал емкости и отступил в сторону, чтобы полюбоваться своей работой.

– Безупречно, – сказал он и посмотрел на Тару. – Ты согласна, дорогая? Она не подняла головы. Он обошел вокруг стола, присел перед Тарой на корточки, приподнял ей подбородок и пальцем раздвинул веки, заставив смотреть.

– Лобстеры – невероятные существа, – сообщил он. – Они умеют заново отращивать конечности, потерянные в бою.

Глаза Тары были пустыми и безжизненными, словно кукольные, но

Реджи была уверена, что где-то в глубине зрачков промелькнула искорка ужаса.

– Они регулярно линяют, выращивают новый панцирь и съедают старый. – При этих словах Тара едва заметно дернулась. – В первый сезон они линяют пять-шесть раз, а в зрелом возрасте – один или два раза в год.

Нептун достал из кармана перочинный нож.

– Лобстер, – продолжал он, – это эксперт по превращениям.

Тара посмотрела прямо на Реджи и закатила глаза.

Джордж принялся аккуратно резать ленту, прикреплявшую Тару к трубе.

– Вставай, – приказал он.

– Боюсь, я не очень люблю лобстеров, – отозвалась Тара.

– Двигайся, сучка! – угрожающе произнес он, схватив ее за руки и рывком поставив на ноги. Она шаталась и раскачивалась. Он мелкими шажками подвел ее к столу и усадил на стул. Потом достал моток серебристой изолянтной ленты и примотал ее лодыжки к ножкам стула.

– Сегодня ты пообедаешь как настоящая леди, – сказал Джордж. – Сегодня ты получишь искупление.

– Спасибо, но, серьезно, я не получаю удовольствия от лобстеров, – сказала Тара. Ее голос лишь слегка дрожал.

Он отвесил ей звонкую пощечину, звук от которой эхом прокатился по ангару. У Тары из носа пошла кровь.

– Ешь. – Джордж наклонился и прошипел ей в ухо: – Начинай есть, не то я выпотрошу твою маленькую подружку Реджину *прямо сейчас*.

Тара взяла вилку, подцепила кусочек белого мяса, поднесла вилку ко рту и начала жевать. Масло стекало у нее по подбородку. Тара жевала довольно долго. Когда она наконец глотнула, то едва не подавилась.

– Хорошая девочка, – сказал Нептун. Теперь он был просто Нептуном, а не Джорджем, которого Реджи знала всю свою жизнь, не Джорджем, который был ее отцом. – Наслаждайся обедом, а я пока что поухаживаю за нашей новой гостьей.

Он медленно пошел к Реджи, улыбаясь и смакуя каждую секунду своего действия. Он глубоко засунул руки в карманы и не сводил глаз с ее лица. Искал ли он какие-то следы собственных черт? Испытывал ли он хотя бы малейшее сожаление от того, что собирается отрезать руку собственной дочери?

– Могу я задать вопрос? – сказала Реджи.

Нептун кивнул. Теперь он стоял рядом и по-прежнему глядел на нее. Она понимала, что в любую минуту он может обратить внимание на поднос

с инструментами и заметить пропажу скальпеля. Сейчас этот скальпель, засунутый в рукав, холодил ей запястье. Нужно было лишь заставить Нептуна подойти еще ближе и застигнуть его врасплох.

– Она говорила, что выйдет замуж за тебя? Ты был тем самым кандидатом, о котором она всем рассказывала?

Он отвернулся, и его лицо исказила презрительная гримаса.

– Нет. Да, я предлагал ей это. Первый раз сразу же после того, как она сказала мне о своей беременности. Я отвел ее на обед в ее любимый ресторан, «Стейкхаус Гарри» на побережье. Мы заказали лобстера, и я попросил официанта принести бутылку шампанского. – Его взгляд был печальным и блуждал где-то далеко. – Я опустился на одно колено и протянул ей кольцо. И знаешь, что она сделала? – Нептун смерил Реджи яростным взглядом, сменившим недавнюю грусть. – Она рассмеялась! Честное слово, рассмеялась.

Реджи покачала головой. Она вспомнила, как посмеялась над пьяной идеей Лена о том, что им пора бы жить вместе. Какова мать, такова и дочь.

– Мне очень жаль, – сказала она, внезапно осознав смысл описанной сцены и ее последствия.

Нептун отвернулся от нее и смотрел, как Тара послушно запихивает в рот кусочки лобстера. По ее щекам струились слезы, но она не издавала ни звука.

– Но я не сдавался. Я много лет предлагал ей свою руку, снова и снова. Даже когда я был с Лорен, то говорил Вере, что мое предложение остается в силе. Я мог подарить ей хорошую жизнь, прекрасный дом. Быть настоящим отцом для тебя. Заботиться о вас обеих. Но она каждый раз отказывала.

– Но потом она сказала «да» кому-то другому? – предположила Реджи. Она постаралась вложить в эти слова некоторое презрение, как будто находилась на его стороне. Но она действительно понимала боль и страдания, через которые из-за ее матери пришлось пройти Джорджу.

Он повернулся к ней лицом, больше похожий на любовника с разбитым сердцем, чем на жестокого убийцу.

– Я так и не узнал, кто это был, – сказал он. – Но она была чрезвычайно взволнована. Она действительно собиралась покончить с прошлым. Постараться обрести ту нормальную, волшебную жизнь, которая всегда обходила ее стороной. Я пытался объяснить ей. Никто не мог любить ее так, как я. Я умолял ее передумать и выбрать меня вместо него.

– Это было несправедливо, – сказала Реджи. – То, что она выбрала его, а не тебя. Ты был с ней все эти годы. Ты так много сделал для нее.

Уголки его рта дернулись, затем опустились.

– Жизнь несправедлива, Реджи. Я давным-давно усвоил это. Ты тоже, не так ли?

Реджи понимала его, несмотря на чудовищную извращенность общей картины. Джордж всю свою жизнь любил Веру, прилагал все силы, чтобы завоевать ее, и год за годом терпел ее отказы. Он видел, как любимая женщина прожигает свою жизнь, пьянствует и выбирает себе в любовники одного неудачника за другим. А когда она попадала в беду, Джордж всегда был готов помочь ей. А потом, когда она наконец решила выйти замуж и завязать с прошлым, она выбрала кого-то другого. Это казалось невероятно жестоким. Что-то в Джордже надломилось, когда он узнал об этом. Ему захотелось кого-то наказать, обрушить свое возмездие на одного человека. Но он не мог заставить себя причинить вред ей... до поры до времени.

– Те, другие женщины – Кэндис, Андреа, Энн, – все они встречались с мужчинами, которые бросили маму.

– Шлюхи, – сказал он. – Поганые шлюхи. Они заслужили то, что получили. – Жилка на его виске снова раздулась и начала пульсировать.

Джордж опустился на колени и погладил волосы Реджи.

– Мне хотелось уберечь тебя от этого. Если бы только она согласилась, если бы она передумала, все бы обернулось по-другому.

Он был так близко, что она чуяла его дыхание – оно было кисловатым, с примесью ментола.

– Но почему бы просто не убить их? Зачем отрезать руки?

– Это тоже было несправедливо, верно? Прекрасная рука твоей матери была погублена, изуродована шрамами, а эти другие бабы, эти шлюхи, сохранили идеальные руки. Поэтому я забрал их ради Веры.

Нептун потянулся к пиле и любовно погладил ручку кончиками пальцев.

– Тебе известно, что в человеческой кисти есть 27 костей: 14 фаланг, 5 пястных костей и 8 запястных? – спросил он. – Великолепное инженерное решение.

Он посмотрел на правую руку Реджи. Она ждала затаив дыхание. Он взял ее руку и изогнул так, чтобы посмотреть на ладонь.

– Рука – это карта. Цыгане, греки, китайцы, египтяне, евреи – все они знали это. Они высоко чтили руки, пользовались ими для диагностики и лечения. Левая рука – это рука, с которой ты родилась. Правая рука – это рука, которую ты создала для себя. Удали правую руку, и ты сотрешь память о том, как дурно жили эти женщины, и пошлешь их в следующий мир только с изначальной, чистой рукой.

Его глаза блестели за стеклами очков в тонкой проволочной оправе.

– Я помог им преобразиться. – Его голос был твердым, но успокаивающим. – Помог им превзойти себя.

У Реджи помутилась в голове, когда на нее нахлынула волна тошноты. Если он будет говорить и дальше, если она сможет заманить его поближе, у нее появится шанс.

– Но зачем держать их в живых еще пять дней?

Он отпустил ее руку и повесил голову.

– Что бы ты обо мне ни думала, Реджи, я не убийца. Я не получаю удовольствия от этого. – Он сверкнул глазами, словно провоцируя Реджи на возражение. – Для меня это нелегко. С каждой из них я ждал и надеялся. Я давал Вере шанс спасти их. Если бы она пришла и согласилась выйти за меня, то я бы отпустил их.

– Но она так и не пришла, – сказала Реджи.

– Я был для нее всего лишь паяцем, – отозвался он, сверкая глазами. – Эти женщины умерли по ее вине.

– Понимаю, – сказала Реджи, удерживая его взгляд, когда она потянулась к скальпелю в левом рукаве и прикоснулась к нему кончиками пальцев правой руки. – Она была виновата во всем. Но все-таки когда ты забрал ее, то не стал убивать. Ты много лет сохранял ей жизнь. Ты угрожал прийти за мной, если она бросит тебя.

– У каждого из нас своя судьба, Реджи. Твоя мать была обречена быть со мной.

– Но ты отпустил ее.

Нептун напрягся.

– Теперь мне ясно, что это было ошибкой. Я решил, что ее разум улетел слишком далеко. Вся эта выпивка. Честно говоря, меня удивляло, что она вообще помнила, кем она была когда-то. И я полагал, что угрозы прийти за тобой будет достаточно, чтобы она молчала обо всем, что еще помнила.

– Ты правда собирался прийти за мной? Выследить и убить меня?

Он улыбнулся и пожал плечами, как застенчивый мальчишка.

– Говорю же, я не убийца.

– Но ведь сейчас ты собираешься убить меня. – Ее пальцы сомкнулись на ручке скальпеля.

Ближе. Реджи было нужно, чтобы Нептун подошел ближе.

Он поцокал языком.

– Боюсь, ты сама виновата. Если бы ты не нашла этого проклятого лебедя и не увидела тонкий намек, который я оставил для Веры, то самое

предупреждение, которое я ей оставил ради осознания своей силы, своей способности прекратить убийства...

Реджи понизила голос почти до шепота и закрыла глаза.

– Есть еще одна вещь, которую я не понимаю.

– Какая? – спросил Нептун.

Реджи что-то неразборчиво пробормотала, и Джордж подался вперед, так что его лицо оказалось в нескольких дюймах от его лица.

Она сделала выпад, описав рукой идеальную дугу, и взрезала его шею скальпелем, ощутила удар и встречное давление, которое пошло на спад, когда она протолкнула лезвие так далеко, как только смогла.

24 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Мне не положено говорить с тобой, – сказала Реджи в телефонную трубку.

– Знаю, – сказала Тара. – Йоги поведал мне о договоре молчания. Только еще разок, ладно? Встретимся в деревянном домике через полчаса.

– Не знаю. Я...

– До встречи, Редж, – прощепетала Тара и повесила трубку, прежде чем Реджи успела ответить.

Реджи встала с постели и спустилась вниз. Ноги казались свинцовыми. Реджи провела кончиками пальцев по холодной, влажной каменной стене.

Лорен и Джордж были на кухне: они пили чай и ждали новостей. Но до сих пор никто не сказал ни слова о последней жертве Нептуна. Время близилось к пяти часам вечера, а тело Веры так и не нашли.

Джордж принес кастрюлю индюшачьего бульона, который сейчас закипал на плите, наполняя кухню ароматами Дня благодарения, отчего у Реджи потекли слюнки. Она ненавидела себя за это. Как она может думать о еде, когда ее мать мертва, а Сид лежит в больнице с пробитым черепом? Как она сможет есть суп из индейки, когда сама во всем виновата?

Реджи выскользнула за дверь и прошла через двор к деревянному домику. Она взобралась по качающейся веревочной лестнице, села в уголке и стала ждать. Посмотрев на «Желание Моники», Реджи увидела внизу окно своей спальни. Она видела очертания доски для объявлений со своими рисунками, свою постель с лоскутным одеялом и край шкафа. Когда Реджи прищурилась, ей показалось, что она видит тень, скользящую по комнате, – призрачную версию себя. Той Реджи, которой она была раньше. Ей невероятно хотелось вернуться в прошлое и предупредить ту девочку о том, что будет дальше: убийства, утрата матери, несчастный случай с Сидом. *«Мир не такой, как ты думаешь»*, – сказала она себе.

– Эй, – позвала Тара, откинув дверь нижнего люка. Она забралась внутрь, подползла к Реджи и села рядом с ней. – Хочешь сигарету? – Тара протянула пачку.

– Нет.

– А как насчет этого? – спросила Тара, показав серебристую коробочку с бритвой внутри.

Реджи покачала головой, подтянула колени к груди и крепко обняла их.

Частица ее души жаждала этого: придумать себе наказание, почувствовать что-то иное, кроме темного груза вины.

– Ты и Чарли звонила? – спросила Реджи.

Тара ковырнула дырку в своих джинсах.

– Звонила весь день, он не берет трубку. Уверена, он дома, но не хочет отвечать.

– Если Стю узнает...

Тара кивнула.

– Он не узнает. И я больше не буду пытаться разговаривать с Чарли. Может быть, это вообще к лучшему. – Она вытряхнула сигарету из пачки.

– Так ты хотела встретиться со мной по какой-то причине? – спросила Реджи. Если Тара хочет смешать ее с грязью и напомнить, что все случилось по ее вине, лучше сразу же покончить с этим. Реджи собралась с духом, насколько это было возможно в ее состоянии, и стала ждать.

Тара закурила сигарету.

– Просто я хотела сказать, что мне очень жаль.

– Почему? Это же я все испортила и рассказала Чарли о бритве. Даже не знаю, почему я это сделала. Думаю, я...

Тара покачала головой.

– Мне на это наплевать! Ну, вообще-то, не совсем, но это не важно. Особенно по сравнению с тем, что я сделала с Сидом.

– Мы все там были, Тара. А то, что случилось с Сидом... это был несчастный случай.

– Но это я сказала, что нам нужно бежать. Если бы мы остались...

– А я разболтала твой главный секрет только потому, что ревновала. Это я довела Чарли до того, что он взбесился. Если бы я держала рот на замке, они бы и не подумали драться друг с другом, и Сид бы не...

– А знаешь, почему я велела бежать? – перебила Тара. – Потому что, когда я стояла там, глядела на Сиду и не сомневалась, что он умер, я думала лишь о том, что нужно защитить вас. Что вы с Чарли не должны вот так попасть копам в руки. Но я знала, что вы оба слишком добренькие, чтобы убежать. Поэтому я заставила вас.

Реджи покачала головой.

– Ты же не тащила нас на веревке, Тара. Мы сами последовали за тобой.

Тара выдохнула облачко дыма и посмотрела, как оно поднимается к недоделанному потолку.

– У меня всегда был выбор, Тара. Резать себя бритвой, ходить по барам, бросить на мостовой Сиду. Ты не заставляла меня делать все это.

Они немного помолчали, слушая пение сверчков, а потом и гулкий рокот вертолета, пролетевшего наверху, словно громадное насекомое. Тара бросила окурочек в банку из-под кока-колы.

– По-прежнему никаких вестей о твоей маме?

– Ничего. В каком-то смысле так даже хуже. Я все время думаю о том, как ее тело лежит где-то и скоро все о ней забудут.

Тара кивнула.

– А потом я думаю: что если она не умерла? Но это уже полный бред. Тешить себя надеждой... это просто глупо. Мне почти хочется, чтобы они наконец нашли ее тело. Чтобы с этим было покончено, понимаешь?

– Ты знаешь старую поговорку, – сказала Тара. – «Будь осторожна в своих желаниях».

– Знаю, но...

– А знаешь, что я пожелала, когда легла спать вчера ночью? – спросила Тара. – Чтобы Сид не умер. Я разыграла маленькую сцену: представила, как мы вернулись на автостоянку, а он сидит там, ждет и ухмыляется с таким видом, будто думает: «Здорово я одурачил вас!» А сегодня старина Йоги приходит и говорит мне, что это правда и Сид не умер. Потом он говорит, что все равно дело дрянь, что у него повреждение мозга, и знаешь, какая глупость сразу же пришла мне в голову? Что я натворила это своим желанием, чтобы он остался жив.

– Так не бывает, – сказала Реджи. – Я хочу сказать, желания не имеют такой силы.

– Откуда ты знаешь? – спросила Тара, напряженно глядя на Реджи. В ее глазах сквозило что-то, похожее на отчаяние.

– *Оттуда*. Мы не можем изменять вещи своими желаниями, Тара. Мы изменяем их, когда что-то делаем. Важны наши поступки, а не наши мысли.

Тара цинично улыбнулась и достала из-под рубашки песочные часы.

– Наш мир погибнет через одну минуту. Скажи мне одну истинную вещь, пока мы не умерли. Тогда я тоже скажу.

– Я не в настроении для игр.

– Это последний раз, Реджи. Самый последний. Постарайся, ладно?

Реджи посмотрела, как сыплется розовый песок.

– Какая-то часть меня всегда ненавидела тебя, – сказала она, глядя в пол.

– Почему? – спросила Тара без тени удивления или гнева.

– Потому что тебя любит Чарли. Потому что, когда я вижу, как он смотрит на тебя, знаю, что он никогда так же не посмотрит на меня.

Потому что я – это всего лишь я. А ты... ты похожа на солнце, и все вращается вокруг тебя и желает стать еще чуточку ближе.

Тара обхватила пальцами песочные часы и сильно рванула их, разорвав цепочку. Она протянула сломанное ожерелье Реджи, которая растерянно смотрела на него, не понимая, что делать дальше. Тогда Тара взяла ее за руку, разжала пальцы и положила песочные часы ей на ладонь.

– Какая-то часть меня всегда любила тебя, – сказала Тара. – Звучит иронично и бестолково, да? Чарли любит меня, ты любишь его. Ты ненавидишь меня за то, что я такая, а я всегда хотела быть похожей на тебя. Нормальной девушкой, которая рисует потрясающие картинки, у которой есть мать-красавица, похожая на кинозвезду, и которая живет в классном доме, похожем на замок. – Тара встала и пошла к люку. – Досадно, правда? Никто из нас не получает то, что хочет.

Она стояла, готовая откинуть крышку люка.

– Могу я кое-что спросить? – сказала Реджи.

Тара пожала плечами.

– Теперь песочные часы у тебя. Ты диктуешь правила.

– Это было по-настоящему? Когда голоса рассказывали тебе разные вещи? Ты действительно слышала голоса мертвых женщин?

Тара сунула палец в прореху на рукаве своей рубашки. Она казалась такой... такой несчастной и потерянной. Девочка, вырезанная из бумаги и скрепленная английскими булавками и скрепками.

– Я думала, что да, – сказала она. – Но теперь я думаю, что, наверное, это была я. Может быть, все они – это я.

Она откинула крышку люка и скользнула вниз, а Реджи осталась с маленькими песочными часами в руке и задумчиво переворачивала их, снова и снова наблюдая за тем, как уходит время.

23 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Сука, – булькнул он, зажимая рукой глубокую рану на шее. Кровь толчками вытекала у него между пальцев. Правой рукой он потянулся в подносу с инструментами и схватил нечто похожее на ножовку, явно предназначенную для отрезания рук. Нептун нанес удар от плеча, неглубоко вонзив зубья в шею Реджи. Она закричала и стала изворачиваться, отчего полотно ножовки еще сильнее вгрызлось в кожу. Реджи обеими руками ухватила за металлическую раму пилы и толкнула вверх, прочь от себя, пока зубья не вошли слишком глубоко. Он оторвал левую руку от своей шеи, залитой алой кровью, и попытался завладеть ножовкой, но его руки были скользкими, и Реджи вырвала инструмент. Она отшвырнула ножовку, лязгнувшую на бетонном полу, но не смогла проследить, куда она упала.

Нептун снова пошел на Реджи, на этот раз с голыми руками, и схватил ее за горло. Его пальцы были липкими и теплыми. Его сила поразила ее; ей показалось, что он раздавил ей трахею. Кровь на его руках смешалась с кровью, сочившейся у Реджи из шеи. Половина ДНК совпадала: отец и дочь.

Тогда она почувствовала его внутри себя; не спокойного, рационального человека, которого она знала всю жизнь и к которому обращалась со всеми своими бедами, а мрачного убийцу по прозвищу Нептун. Реджи была дочерью Нептуна, и в тот момент она тоже была способна на убийство.

Она пыталась ослабить хватку, хватаясь за его пальцы и запястья, но ничего не помогало. Она взбрыкнула и ударила коленями в попытке стряхнуть его с себя или хотя бы отвлечь. Кровь из его шеи текла ей на грудь, пропитывая шелковую блузку.

– Ты такая же, как твоя мать, – прохрипел он.

Реджи хотела ответить, сказать что-нибудь остроумное в качестве последнего слова, но без воздуха в сдавленной гортани это оказалось невозможно. Впервые за долгие годы ей захотелось стать такой же, как ее мать. Реджи хотела стать человеком, который любит кого-то с такой силой, что пойдет на все, лишь бы защитить его.

Она подумала о своей матери, все эти годы запертой в маленькой квартире, игравшей роль верной и счастливой жены, курившей сигарету за

сигаретой, опрокидывающей стопки джина и не имеющей ничего, кроме воспоминаний и телевизора, который составлял ей компанию большую часть времени.

У Реджи кружилась голова, и все начало становиться серым и расплывчатым, как в тот раз, когда Тара душила ее. Сила утекала из ее конечностей.

Сейчас Реджи ясно видела перед собой лицо Тары и слышала ее слова: «Я – Нептун. Почему я делаю то, что делаю?»

Потом Реджи почувствовала, что поднимается вверх и оставляет свое тело. Она посмотрела вниз и увидела себя на полу: глаза панически выпучены, рот искажен гримасой боли и страха, а Нептун душит ее своими изящными руками. Но Реджи видела не только себя, а всех женщин, которых он убил. Их лица менялись, как слайды в диапроекторе – официантка Кэнди, Андреа Макферлин, Энн Стикни, – и на лице каждой из них застыло выражение ужаса.

Тогда Реджи поняла, почему он это делал. Из-за выражения их лиц в эти последние моменты, из-за ощущения власти над ними, которое он испытывал, когда их лица бледнели и увядали в его руках. В конце концов, на несколько коротких минут он получил Веру в свое полное распоряжение и отомстил за все моменты, когда она отвергала его и смеялась ему в лицо.

Когда серость начала сменяться наползающей чернотой, а сцена внизу стала более абстрактной и безличной по мере того, как чувства уплывали в неизвестную даль, Реджи внезапно вернулась в свое тело и увидела Тару, стоявшую над ней. Не Тару из своего детства, а ее взрослую версию, избитую и всклокоченную, с подбородком в крови. Она стояла за Нептуном и держала что-то в левой руке, – что-то узкое, с острым металлическим наконечником. Тара замахнулась и воткнула этот предмет в спину Нептуна, сдавленно крикнув от затраченных усилий.

Реджи услышала у себя в голове голос Джорджа, не Джорджа-Нептуна, а того Джорджа, который учил ее чертить планы и чинить велосипед: «Для каждой работы есть свой инструмент».

Нептун отпустил Реджи, и воздух устремился в ее истерзанное горло. Джордж изогнулся и попытался встать, но отшатнулся назад, ослабев от потери крови. Реджи неровными глотками впитывала кислород; разум и силы возвращались к ней с каждым следующим вдохом. Нептун стоял на коленях. Одной рукой он зажимал кровоточащую шею, а другой бесцельно шарил по спине, не в силах дотянуться до отвертки, торчавшей у него между лопатками, словно ключ от сломанной заводной игрушки. Тара отступила в сторону и следила за ним сузившимися глазами. Она оскалила

зубы, как будто была готова вонзить клыки ему в горло, если это будет необходимо. Реджи с трудом приняла сидячее положение и заглянула ему в глаза. Она увидела там не ужас, а изумленное недоверие. Потом его тело рухнуло вперед.

Все было кончено.

Потом

1 ноября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Разве тебе не нужно вернуться к работе? – спросила Тара. Они находились в комнате Веры в «Желании Моники», и свет раннего вечернего солнца наполнял деревянные половицы ровным сиянием.

Лен сидел рядом с Реджи и держал ее за руку. Казалось, он не хотел оставлять ее ни на минуту после того, как на прошлой неделе ее выписали из больницы. В былые дни это приводило Реджи в ярость, но теперь она находила это приятным. Она незаметно сжала его руку.

Вера только что заснула после бестолковой карточной игры, которая наполовину состояла из рамми и наполовину – из «безумных восьмерок» с элементами покера. Тара то и дело говорила, что это похоже на начало плохого анекдота: «Парочка садится играть в карты с двумя однорукими женщинами...» Вере и Таре приходилось держать свои карты открытыми в надежде, что никто не будет подглядывать.

– Я прекрасно могу работать и здесь, – сказала Реджи, собирая карты. – А пока я здесь, заодно сделаю кое-какой ремонт.

Лен тоже поселился в «Желании Моники». Он совершенно очаровал Лорен и посвятил себя уборке, готовке и выполнению мелких домашних дел. На дом он смотрел с благоговением и говорил, что это все равно что жить внутри огромной скульптуры.

– Да, чуть не забыл, – сказал Лен. – Парень из отдела стройматериалов в торговом центре дал мне имена кровельщиков, которые кладут черепицу. Но я все же думаю, что будет веселее сделать это самим. – Он лукаво улыбнулся.

– А я думаю, что с меня на какое-то время хватит приключений, – сказала Реджи, съежившись при мысли о том, как они с Леном ползают по крутой коньковой крыше. – Давай оставим высотные дела специалистам.

Реджи машинально протянула руку к горлу, как делала по сто раз в день после побега со склада, ощупывая синяки и порезы, которые ныли и зудели, пока она выздоравливала.

В ночных кошмарах Реджи снова оказывалась на холодном бетонном полу и чувствовала руки Нептуна, сомкнутые у нее на горле. Она просыпалась с криком, вся дрожа; тогда Лен включал свет, обнимал ее и говорил: «Все в порядке. Я здесь, тебе ничто не угрожает». Она оглядывалась вокруг, видела мощные каменные стены дедовского замка,

ощущала теплый вес бабушкиного лоскутного одеяла и понимала, что он прав. Она была в безопасности. Она была дома.

– Дом порядочно обветшал, – сказала Тара. – Не будет ли лучше просто снести его?

Тара была одета в джинсы и трикотажную рубашку; белые бинты прикрывали то место, где находилась ее правая кисть. Тара уже начала говорить об искусственной руке и записалась на прием для примерки и подгонки. Впрочем, она не просто хотела получить новую руку. Тара говорила, что хочет универсальную руку: покрытую блестками для ночных увеселительных прогулок, с обязательной татуировкой и стихотворением, написанным на ладони.

– Снести? – возмутилась Реджи. – Ни за что! В него было вложено слишком много трудов. Это место – дар любви. Должно быть, мой дед тысячу раз хотел все бросить, но не сделал этого, потому что обещал своей жене настоящий замок.

Тара улыбнулась знакомой дразнящей улыбкой.

– Романтично.

– Идея-то романтичная, – сказала Реджи. – Но строительство, пожалуй, было сущим адом. Привезти такое количество каменных блоков и сложить стены вручную.

– Это поразительное достижение, – согласилась Тара. – И славное наследство для детей.

– Это произведение искусства, – добавил Лен.

– Знаешь, у меня появились кое-какие мысли, – сказала Реджи. – Моя профессиональная специализация была сосредоточена на сбалансированном дизайне, а что может быть более сбалансированным, чем люди, которые остаются там, где они есть? Они просто благоустраивают дома, которые уже имеют: делают их более зелеными, пользуются природной энергией. Думаю, я смогу заниматься некоторыми проектами по этой концепции, оставаясь здесь, в «Желании Моники». Вчера вечером я засиделась допоздна и зарисовала кое-какие идеи: новая крыша с системой дождеуловителей и солнечными водонагревателями. Окна нужно будет переместить и добавить еще несколько с южной стороны. Может быть, сделать теплые полы. Пожалуй, я могу реконструировать чердак и обустроить там свое рабочее место, пока живу здесь. Добавлю мансардные окна и световые люки.

– Амбициозный план, – заявила Тара.

– Да, я такая, – с улыбкой сказала Реджи.

– А как насчет того проекта, над которым ты работала, – маленького

дома-улитки? – спросила Тара.

– Наutilus пока что стоит на задней конфорке, – ответила Реджи.

Теперь она была не так уверена в своей идее о том, что людям полезно вести кочевой образ жизни и перетаскивать свои дома с одного места на другое. Возможно, Лен был прав с самого начала: дом должен быть прочным и устойчивым местом, где можно пустить корни, где стены хранят воспоминания, а члены вашей семьи собираются вокруг вас.

– Я хочу вложить все силы в «Желание Моники». Даже думаю о том, что стоит проводить семинары по реконструкции пригородных домов.

– Здорово, что ты хочешь задержаться здесь. Для твоей матери это будет большим подспорьем. И для Лорен это много значит, пусть даже она не говорит об этом.

Реджи кивнула. Лорен мало что сказала о Джордже, и Реджи не стала настаивать: ее тетя никогда не была человеком, привыкшим вслух выражать свои чувства. Реджи также решила не рассказывать Лорен о том, что Джордж был ее отцом, или о подробностях его психоза, которые ей удалось раскрыть. Человек может вынести не больше отведенного ему предела возможностей. Самым важным было то, что все они находились в безопасности. Что-то большое и темное осталось позади. Они до конца своих дней могли пытаться найти в прошлом какой-то смысл и вставить на место упущенные фрагменты. Но сейчас им предстояло заняться более насущными делами, вроде карточных игр и шоколадного пудинга для Веры.

Врачи не знали, сколько осталось жить Вере – недели, в лучшем случае месяцы. Но сколько бы времени у них ни осталось, Реджи была исполнена решимости потратить его с пользой.

Реджи встала и подошла к кухонному шкафу, чтобы убрать карты. Там, наверху, рядом с коробкой лекарств стояла картинка со старой рекламы кольдкрема «Афродита», вставленная в рамку. Ее мать, молодая и сияющая, подобно бессмертной богине, улыбалась им, а ее безупречная правая рука держала баночку с кремом. *«Относись к себе как к богине».*

Реджи повернулась и увидела, что настоящая Вера открыла глаза и озадаченно смотрит на нее.

– Это ты? – удивленно сказала она, как будто Реджи весь день не играла с ней в карты.

– Да, мама, это я. – Реджи подошла к ней и села на краю постели, улыбаясь матери.

– Ты здесь, – сказала Вера.

Реджи взяла ее руку и нежно сжала в ладонях.

– Где же еще я могу быть?

notes

Примечания

«Кархарт» – компания по производству одежды для работы и отдыха на природе.

Вера Джейн Мэнсфилд (1933–1967) – американская киноактриса, один из секс-символов 1950-х годов.

Разновидность игры в бильярд.

«Кингсмен» – американская гаражная рок-группа, существующая с 1959 года до сих пор. Оказала значительное влияние на рок-музыку США 1960-х годов. Композиция «Луи-Луи», кавер-версия на песню Ричарда Баггза, считается классической.

День президента (или День Вашингтона) официально отмечается в США в третий понедельник февраля.

«Смурфики» (The Smurfs) – семейный комедийный мультфильм Раджа Госнелла.

Мистер Картофельная Голова – американская игрушка, пластиковая картофелина, к которой крепятся разные аксессуары. В стандартный комплект входят глаза, уши, руки, кепка, усы и язык.

Энни Леннокс (р. 1954) – шотландская певица, лауреат множества музыкальных премий, кавалер ордена Британской империи.

Пазузу – демон, заставляющий телами людей в фильме «Экзорцист».

Банановый сплит – разрезанный вдоль банан с мороженым и орехами.

Западный омлет – порционный омлет с луком, ветчиной и зеленым перцем, обычно подаваемый на куске хлеба.

В данном случае полусферический абажур с росписью по стеклу.

RISD – Род-Айлендская школа дизайна.

Нэнси Дрю – девушка-детектив, популярный литературный персонаж, созданный Эдвардом Стратмайром в 1930 г. Тираж книг с ее участием превышает 80 млн. Ее образ использовался в кинофильмах, сериалах и компьютерных играх.

Джексон Браун (р. 1948) – популярный певец, гитарист, композитор.

«Невидимый папаша» (1998 г.) – американская фантастическая комедия.

Маникотти – широкие трубчатые макаронные изделия, иногда рифленые.

Рамми – карточная игра, напоминающая бридж.

Чартерный дуб – старинный белый дуб, который рос в Хартфорде, штат Коннектикут, с XII или XIII века до 1856 года. По преданию, в дупле этого дуба была спрятана от английского генерал-губернатора королевская хартия о свободе Коннектикута 1662 года. Дуб считается одним из символов независимости США.

Джон-Бой Уолтон – молодой журналист, центральный персонаж сериала CBS «Уолтоны», где повествуется о событиях 1929–1946 гг.

Аллюзия на детский стишок: «Послушайте сказочку, вы, шалуны, / Корова подпрыгнула выше луны».

Перефразированные слова песни знаменитой группы REM.

«Прицепи хвост ослу» – детская игра, где ребенок с завязанными глазами должен правильно приложить хвост к изображению осла.

Листерин – жидкость для полоскания рта.

Энни Оукли (1860–1926) – американская женщина-стрелок, которая прославилась своей меткостью.

Комбинированная цитата: первая строка взята из пьесы «Два веронца», вторая из «Сна в летнюю ночь», а третья и четвертая из «Бесплодных усилий любви».

Гумбо – суп из стручков бамии, джамбалайя – пряный рис с курицей и морепродуктами, бургер по-каджунски – с острым перцем, свиной и подливкой (блюда креольской кухни).

Байю – заболоченный рукав реки (по отношению к Миссисипи).